РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. А. РОВИНСКІЙ

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

ПЕЧАТАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Н. П. СОБКО

I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Р. Голике

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ, СПАССКАЯ УЛ., Д. 17.
1900.

Русскія Народныя Картинки.

I.

I.

Народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ. Начало этого способа гравированія въ Европѣ; дешевыя картинки для народа: апокалипсисы, библіи для бѣдныхъ, космографіи. Начало гравированія на деревѣ въ Россіи въ 1564 г.; первыя летучія картинки: «темница святыхъ осужденныхъ» 1629 г. и преподобная Акилина; цѣлыя гравированныя изданія: библія и картинки изъ Печерскаго патерика монаха Ильи (1646—61 г.г.), библія и апокалипсисъ іерея Прокопія (1646—62), апокалипсисъ Кореня 1696 г.; картинки большаго размѣра. **Гравированіе на мѣди**—въ Европѣ и у насъ. Граверы-серебряники: Трухменскій, Андреевъ и Л. Бунинъ. Иконописецъ Симонъ Ушаковъ (1663 г.). Букварь Каріона Истомина. Кіевскіе граверы. Гравюра при Петрѣ I. Голландскіе мастера: Адріанъ Шхонебекъ и Петръ Пикаръ; ученики ихъ: Алексѣй и Иванъ Зубовы, Матвѣевъ, Мякишевъ, Любецкій, Ростовцевъ; библіотекарь Василій Кипріяновъ. Уничтоженіе Петербургской типографіи; русскіе граверы обращаются къ производству народныхъ картинокъ, ради хлѣба. Мартынъ Нехорошевскій, Скобелкинъ, Тихоміровъ и Пастуховъ, работавшіе въ половинѣ XVIII вѣка; мастеръ Чуваевъ. Ахметьевская фабрика народныхъ картинокъ; фабрики Логинова и другихъ мелкихъ торговцевъ; фабрика Голышева. Картинки, печатавшіяся въ Почаевѣ, Кіевѣ и Соловецкомъ монастырѣ.

Народныя картинки наши производились двумя способами: или рѣзались обронно на липовыхъ и оловянныхъ доскахъ, для печатанія съ простаго типографскаго станка, или же гравировались на мѣдныхъ доскахъ вглубь, посредствомъ грабштихеля (рѣзца) и крѣпкой водки.

Печатаніе картинокъ деревянными досками было извѣстно въ Европѣ съ давняго времени: есть ученые, которые возводятъ попытки этого гравированія къ XII вѣку; старѣйшая же гравюра на деревѣ, изображающая св. Христофора, несущаго младенца Спасителя черезъ рѣку, помѣчена 1423 годомъ (1).

Въ первые вѣка своего существованія, гравюра оставалась на степени простаго ремесла: все вниманіе граверовъ было обращено не на художественное исполненіе картинокъ, а на ихъ содержаніе; гравюра служила прежде всего общественнымъ нуждамъ и потребностямъ. Слѣдя за религіозными требованіями народа, она доставляла ему дешевыя изображенія почитаемыхъ имъ святыхъ: цѣлыя изданія Апокалипсиса (шесть изданій, отъ 48 до 50 листовъ въ каждомъ) и Библіи (Кельнская 1470 г. и такъ назыв. «для бѣдныхъ», 1475 г.), разныя легенды о крестѣ, страшномъ судѣ, антихристѣ, лицевыя изобра-

1. Св. Христофоръ, старинная картинка 1423-го года.

женія молитвъ, страстей Спасителя и Апостоловъ. Отзываясь на нравственныя по-

требности народа, и преимущественно неученыхъ людей, гравированіе выполняло: пляски смерти, десять заповѣдей для неученыхъ людей, зеркало человѣческаго спасенія, ars moriendi... Для удовлетворенія житейскимъ потребностямъ народа, гравированіе на деревѣ производило—дешевыя игральныя карты, дешевыя сатирическія сочиненія, каковы: книга о восьми плутовствахъ, басня о больномъ львѣ, жалоба противъ смерти, тяжба человѣка со смертію. Наконецъ, для удовлетворенія научнымъ потребностямъ народа, гравированіе сдѣлало для него: разные виды городовъ, описаніе столицы католическаго міра Рима, хиромантію и первую космографію Птоломея. Словомъ, гравюра на деревѣ старалась замѣнить для народа, и въ особенности для бѣдныхъ (Biblia pauperum) и неученыхъ,—тѣ манускрипты и миніатюры, которые, по своей дороговизнѣ, были доступны для однихъ богатыхъ, и дѣлали изъ науки и знанія—достояніе немногихъ избранныхъ.

Въ концѣ XV-го вѣка гравюра на деревѣ переходитъ мало-по-малу въ область художества. Рисунки на деревянныхъ доскахъ дѣлаются знаменитыми живописцами того времени — Дюреромъ, Гольбейномъ и др.; прежніе же граверы-ремесленники употребляются только для самаго процесса гравированія, т. е. для вырѣзки сдѣланныхъ на доскахъ рисунковъ.

Въ Россіи гравированіе на деревѣ появилось въ одно время съ книгопечатаніемъ—во второй половинѣ XVI-го вѣка, т. е. въ то время, когда оно уже находилось въ Европѣ на высокой степени своего развитія; но здѣсь гравированіе явилось въ видѣ чисто-прикладнаго искусства, и получило совершенно другой ходъ, чѣмъ на Западѣ.

На Западѣ оно началось, какъ уже было сказано, въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ разными изображеніями духовнаго содержанія и, вслѣдъ за тѣмъ, въ видѣ цѣлыхъ книгъ, отпечатанныхъ деревянными досками и назначенныхъ преимущественно для народнаго употребленія. Въ Россіи первая гравюра на деревѣ, изображающая Евангелиста Луку, появилась въ видѣ приложенія къ первой, напечатанной по

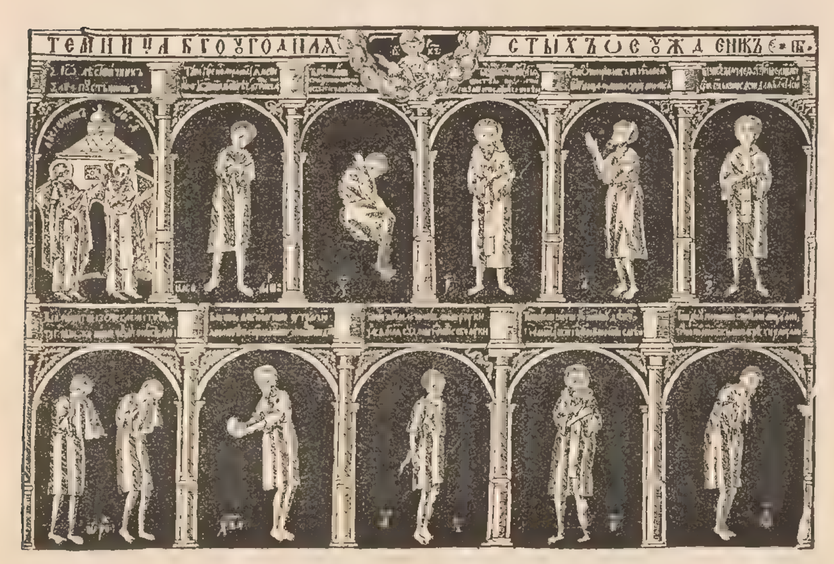
царскому повелѣнію въ Москвѣ, книгѣ Апостолъ 1564 года (2); за ней слѣдо-

2. Евангелистъ Лука, изъ первопечатнаго Московскаго Апостола 1564 года.

вали тѣ же изображенія Евангелиста Луки при изданіяхъ Апостола, сдѣланныхъ въ Львовѣ (3) и въ Вильнѣ (4); Отдѣльные же гравированные листки появляются гораздо позже—во второй четверти XVII-го столѣтія, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ; здѣсь прилагаются изъ числа ихъ: «Темница святыхъ осужденныхъ»—большая гравюра въ листъ, въ ширину, вырѣзанная на оловянной доскѣ и помѣченная 1629 годомъ (5), «Преподобная Акилина» такой же работы, помѣченная 1627 годомъ (6),—обѣ Кіевскаго мастерства; небольшія картинки 1626 года: «Смерть на блѣдномъ конѣ» (7) и «Странствованія св. Антонія» (8), назначенныя для вклеиванья въ книги; Антиминсъ, вырѣзанный на оловянной доскѣ казначеемъ Московскаго Знаменскаго монастыря іеромонахомъ Іосифомъ, въ 1678 году (9). Наконецъ, за этими картинками слѣдуютъ цѣлыя книги, гравированныя на деревѣ, какъ «Апокалипсисъ» іерея Про-

3. Евангелистъ Лука изъ Львовскаго Апостола 1574 года.

4. Евангелистъ Лука изъ Виленскаго Апостола 1591 года.



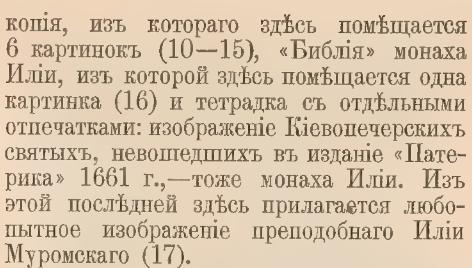
5. «Темница святыхъ осужденныхъ», отдѣльная гравюра Кіевской работы 1629 года

6. Св. Акилина, Кіевской работы 1627 года.

7. Смерть на блѣдномъ конѣ, той-же раб. 1626 г.

9. Антиминсъ Московской работы 1678 г. на оловянной доскѣ.

8. Препод. Антоній и Павелъ Фивейскій, Сатиры и Инокентавръ, раб. Л. М. 1626 года.



копія, изъ котораго здѣсь помѣщается 6 картинокъ (10—15), «Библія» монаха Иліи, изъ которой здѣсь помѣщается одна картинка (16) и тетрадка съ отдѣльными отпечатками: изображеніе Кіевопечерскихъ святыхъ, невошедшихъ въ изданіе «Патерика» 1661 г.,—тоже монаха Иліи. Изъ этой послѣдней здѣсь прилагается любопытное изображеніе преподобнаго Иліи Муромскаго (17).

Но всѣ вышепоименованныя картинки гравированы такъ называемымъ книжнымъ манеромъ, т. е. тѣми самыми пріемами, которые употреблялись граверами при исполненіи картинокъ для книгъ *). За тѣмъ къ наиболѣе раннимъ, чисто народнымъ картинкамъ, какъ по большому формату своему, такъ и по топорной работѣ, весьма схожей съ старыми народными

19—13. Четыре картинки изъ „Апокалипсиса“, іерея Прокопія 1644—62 гг.

*) По свидѣтельству Кильбургера (1674 года), въ типографіяхъ Московской и Кіевской, кромѣ церковныхъ книгъ, печаталось много образовъ и эстамповъ на деревѣ (Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ... въ 1674 году, Спб. 1820, стр. 183); однакоже, въ дѣлахъ Московской типографіи о печатаніи какихъ-либо отдѣльныхъ картинокъ, кромѣ антиминсовъ, до начала прошедшаго вѣка не упоминается, и вообще до насъ дошло самое незначительное число гравюръ на деревѣ, которыя можно съ нѣкоторою вѣроятностію отнести къ концу XVII вѣка (20—21).

14—15. Пятая картинка изъ „Апокалипсиса“ и „Отче нашъ“, iерея Прокопiя 1646—1662 гг.

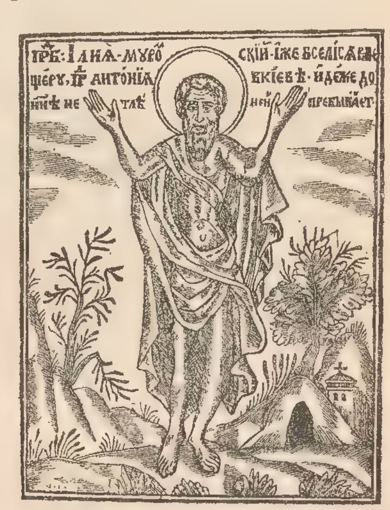
картинками, гравированными на деревѣ въ XVIII вѣкѣ, должны быть отнесены лицевыя изображенiя изъ Библiи и Апокалипсиса, рѣзанныя въ 1696 году граверомъ Коренемъ по рисункамъ мастера Григорiя (18—19). Съ этого времени, въ продолженiе всего XVIII вѣка, тянется непрерывный рядъ народныхъ картинокъ на деревѣ, такой же топорной работы.

Да и въ картинкахъ, прилагавшихся къ церковнымъ книгамъ того времени, гравированiе на деревѣ, въ художественномъ отношенiи, не представляло значительной разницы отъ народныхъ картинокъ. Для примѣра прилагаются здѣсь: „Успенiе“ изъ Кiевскаго Анѳологiона 1619 г. (22), заглавный листъ книги „Мечъ духовный“, Черниговъ 1666 г. (23) и Варлаамъ и Іосифъ Царевичъ“ изъ Клинцовскаго изданiя ихъ Житiя XVIII в. (24). Въ болѣе позднее время народныя картинки рѣдко гравировались на деревѣ,

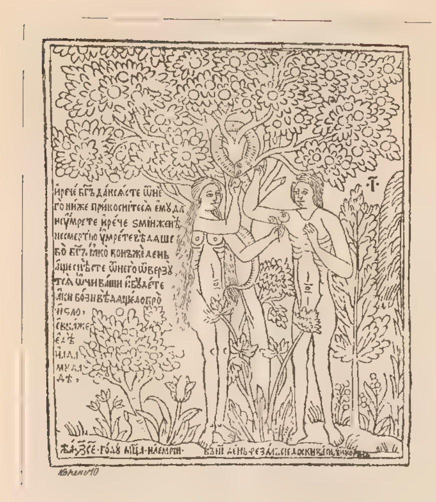
16. Обращенiе Павла, изъ „Библiи“ монаха Илiи, 1645—49 г.

такъ какъ при длинныхъ текстахъ, которые требовались тогдашними покупателями, несравненно удобнѣе было производить ихъ на мѣдныхъ доскахъ, при посредствѣ рѣзца и крѣпкой водки.

Гравированiе на мѣди, въ противуположность гравированiю на деревѣ, съ самаго начала своего сдѣлалось достоянiемъ художества, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка оно стало, и въ Германiи, и въ Италiи, и въ Нидерландахъ, на высокую степень совершенства, такъ какъ въ то время не



17. Препод. Илья Муромскiй, гравюра Ильи для Печерскаго Патерика 1661 г.



18. Картинка изъ Библіи, работы Кореня 1696 г.

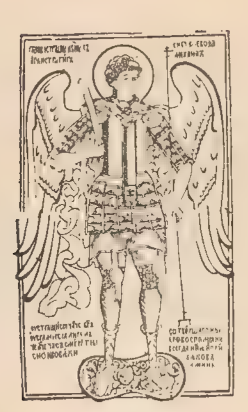
19. Изъ Апокалипсиса, работы Кореня 1696 г.

только граверы по ремеслу, но и почти всѣ знаменитые живописцы занимались гравированіемъ на мѣди, — одни крѣпкой водкой, а другіе и рѣзцемъ. Первый памятникъ этого искусства у насъ—доска для красиваго заглавнаго листа къ «Ученію о ратномъ строѣ» сдѣлана по царскому заказу въ Голландіи, въ 1647 году (25); нѣсколько лѣтъ спустя появляются образцы и русскаго художества по этой части.

Первыми русскими граверами были знаменщики или рисовальщики Серебряной Палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной Палаты въ Москвѣ. Эти знамен-

20. Ярославскіе святые: князья Ѳеодоръ, Давидъ и Константинъ. Образчикъ народныхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ въ концѣ XVII вѣка.

22. Успеніе изъ Кіевскаго „Анѳологіона" 1619 г.



21. Михаилъ Архангелъ. народная картинка конца XVII в

23. Заглавный листъ изъ книги „Мечь духовный“, Черниговъ 1666 г.

24. Варлаамъ Пустынникъ и Іосифъ Царевичъ, Клинцовная гравюра XVIII в.

25. Заглавный листъ изъ книги о ратномъ строѣ (М. 1647 г.), гравир. въ Голландіи съ рис. иконописца Благушина.

25. Св. Троица, образчикъ работы Царскаго иконописца Симона Ушакова 1666 г.

щики дѣлали рисунки для травъ (украшеній), фигуръ и подписей, которыя вырѣзывались на всѣхъ предметахъ тогдашняго царскаго обихода; нѣкоторые изъ нихъ и сами были граверами. Въ то время для управленія работами, а равно и для обученія русскихъ учениковъ разнымъ искусствамъ,—въ томъ числѣ, вѣроятно, и граверному, — постоянно вызывались къ намъ иностранные мастера. Въ числѣ первыхъ русскихъ, Московскихъ, граверовъ встрѣчаются имена: Аѳанасія Трухменскаго и ученика его Василія Андреева, работавшихъ въ тонкой манерѣ Садлеровъ; знаменщика Серебряной Палаты Леонтія Бунина и, наконецъ, знаменитаго царскаго изографа, живописца-гравера Симона Ушакова, награвировавшаго собственноручно двѣ доски крѣпкой водкой. Плодовитый граверъ Леонтій Бунинъ, кромѣ множества отдѣльныхъ листковъ, награвировалъ цѣлыя книги: „Букварь“ Каріона Истомина и Сѵнодикъ.

Изъ числа ихъ произведеній прилагается здѣсь шесть картинокъ, которыя

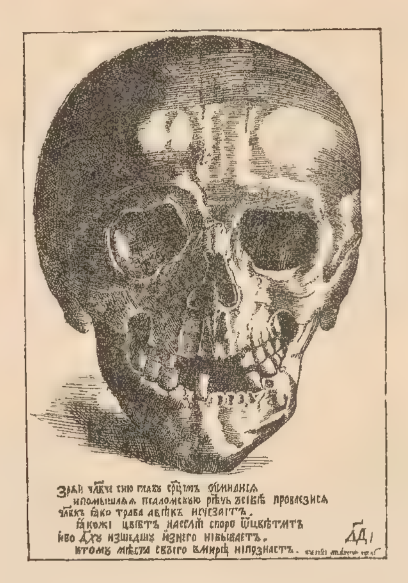
могутъ быть отнесены къ народнымъ (25—30).

Изъ числа Черниговскихъ и Кіевскихъ граверовъ въ наше описаніе попали: Леонтій Тарасевичъ, извѣстный по гравированнымъ имъ портретамъ Царевны Софьи, съ Царскимъ титуломъ, и Федора Шакловитаго, надѣлавшимъ столько шуму въ Петровское время (см. „Русскіе граверы“, стр. 27), Инокентій Щирскій, и плохіе мастера: Галаховскій, Стржлбицкій, Самуйловичъ и двое Гошемскихъ. Здѣсь приложены, для образца, работы Тарасевича и А. Гошемскаго, четыре картинки (32—34).

При вступленіи на престолъ Петра Великаго гравированіе на мѣди находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ: хорошій граверъ Аѳанасій Трухменскій состарѣлся, ученикъ его Василій Андреевъ гравировалъ въ небольшихъ размѣрахъ, да съ 1690 года имени его мы вовсе и не встрѣчаемъ.

Между тѣмъ Петръ I былъ страстный любитель праздниковъ и тріумфовъ всякаго рода: выигрывалась ли баталія,—онъ дѣлалъ торжественные въѣзды, выбивалъ

26. Св. Великомученикъ Георгій, работы гравера-серебряника Аѳанасія Трухменскаго.



28. Заглавный листъ къ Сѵнодику; образчикъ работы гравера-серебряника В. Андреева.

29. Картинка изъ «букваря» Каріона Истомина, работы Л. Бунина 1692 г.

30. Плачъ грѣшника, изъ Сѵнодика 1702 г. Образчикъ работы гравера-серебряника Л. Бунина.

31. Преподобный Несторъ, картинка изъ Патерика печерскаго. работы Л. Тарасевича. 1702 г.

27. Притча о человѣкѣ, не хотѣвшемъ ходить въ церковь, раб. А. Трухменскаго.

медали; заключался ли миръ, — имъ спускались фейерверки и строились тріумфальныя ворота; въ мирное время онъ придумывалъ освѣщенія крѣпостей и шутовскія свадьбы, и т. д. Очень естественно, что Петру хотѣлось, чтобы и въ Европѣ знали о его славныхъ подвигахъ, а также и о его забавахъ. Для этого ему необходимы были граверы *). Вотъ почему Петръ, еще во время перваго путешествія своего за-границу, пригласилъ въ Россію находившихся въ то время въ Амстердамѣ граверовъ Адріана Шхонебека и Петра Пикара.

*) Онъ самъ писалъ объ этомъ Сенату въ указѣ объ учрежденіи Университета и Академіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «безъ живописца и градировальнаго мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и градированы быть». (Полное Собраніе Законовъ, VII. № 4443).

Шхонебекъ зналъ много языковъ, былъ довольно образованный, но очень хвастливый человѣкъ; въ просьбѣ, полданной имъ въ Амстердамѣ русскому послу Головину (въ декабрѣ 1697 года), онъ описываетъ познанія свои въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „азъ отъ юности своея обученіе имѣлъ ознаменительному художеству и рѣзанію на мѣди научитися, и въ томъ до того пришелъ, что мнѣ все, что азъ вижу или въ мысль беру, безъ образца назнаменовать и на мѣди рѣзать возможно; азъ искусенъ болши, нежели другой кто рѣзатель на мѣди когда былъ“, и т. д.— все въ томъ же тонѣ. Описавъ такими красками свою „доброту“, Шхонебекъ соглашался ѣхать въ Москву „грыдоровать для Царя гисторіи, персоны, ланшафты, городы, строенія, земныя и морскія карты, знаменить улицы, крѣпости и домы, печа-

32. Ѳедоръ Шакловитый въ образѣ Великомученика Ѳеодора Стратилата, работы Л. Тарасевича.

33. Апостолы Петръ и Павелъ съ Почаевской обителью въ рукахъ, раб. А. Гошемскаго.

тать указы, сочинять рисунки для огнестрѣльныхъ потѣхъ, огородныхъ рядовъ, украшенія кораблей, каретъ и саней, и что еще къ назнаменительному художеству принадлежитъ и къ украшенію надлежитъ и иные дѣла, которые по власти случая приключиться могутъ". За все за это Шхонебекъ просилъ, по примѣру только что умершаго въ Стокгольмѣ его товарища, пожаловать его жалованьемъ, 1000 эфимками въ годъ, и по обѣщанію „нарочитымъ домомъ, въ которомъ бы съ женою своею возмогъ жить, купно съ хлѣбомъ и иными прибытками", выговаривая при этомъ, чтобы ему въ свободное время отъ царскихъ дѣлъ „книги печатать и доски гравировать на себя, и къ прибыли своей продавать". Въ заключеніе Шхонебекъ просилъ дать ему „частная титла, которая ни во что не станетъ, сирѣчь библіотекаріусъ и надворный рѣзчикъ Его Царскаго Величества".

13 мая 1698 г. Шхонебекъ принятъ на царскую службу, а 10 октября явился въ Оружейную Палату съ указомъ боярина Головина, по которому велѣно давать ему въ годъ жалованья по 600 эфимковъ, да хлѣба по 20 четвертей, да постоялый дворъ, и отдать ему для обученія трехъ или четырехъ учениковъ.

Вслѣдствіе чего отданы ему въ 1699 г.: Петръ Бунинъ, иконописецъ, состоявшій у печатанія гербовой бумаги, и Алексѣй Зубовъ; а въ 1701 году — иконописецъ Василій Ильинъ Томиловъ.

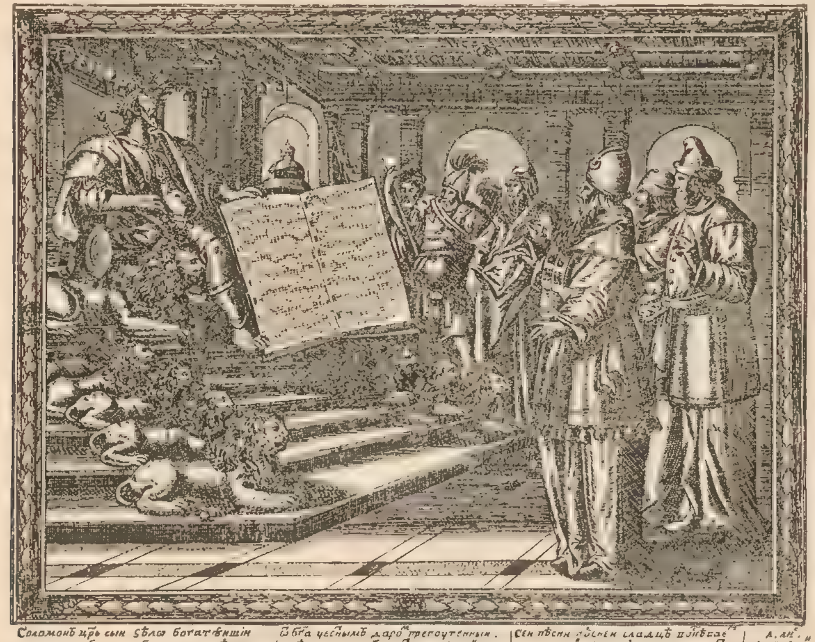
34. Іоаннъ Креститель, грав. Ѳ. Стржлбицкаго.

Другой голландскій граверъ Петръ Пикаръ работалъ въ Россіи уже съ 1697 г; Штелинъ увѣряетъ, что Петръ Великій обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ и ѣздилъ съ нимъ въ однихъ саняхъ во время прогулокъ. До 1708 года Пикаръ находился въ вѣдѣніи Оружейной Палаты въ Москвѣ, въ которой въ то же время состоялъ „первымъ въ мѣди изографомъ" Адріанъ Шхонебекъ. Съ 1708 г. Пикару велѣно быть, съ учениками его Томилонымъ и Ив. Зубовымъ (прежде учениками Шхонебека), „грыдорованнаго дѣла мастеромъ" на печатномъ дворѣ въ Московской

типографіи. При немъ же состоялъ и бывшій ученикъ Шхонебека—Петръ Бунинъ. Здѣсь Пикаръ заваленъ былъ графированіемъ мелочныхъ чертежей къ разнымъ книгамъ. Въ 1714 году Пикаръ высланъ во вновь учрежденную типографію въ Петербургъ, гдѣ при немъ работали: Алексѣй Зубовъ (называвшійся тоже мастеромъ) и А. Ростовцевъ, съ которыми Пикаръ награвировалъ въ 1718 г. книги: Кунсты садовъ на 26 листахъ и Кунсты корабельные на 10 листахъ; а также менѣе извѣстные ученики: Мякишевъ, Матвѣевъ и Любецкій. Въ 1727 году Петербургская типографія закрыта, Пикаръ отъ должности мастера грыдорованнаго дѣла уволенъ и кончилъ жизнь въ крайней бѣдности, около 1732 года.

Оба эти мастера были плохіе рисовальщики и плохіе граверы; Шхонебекъ учился своему мастерству у голландца Ромейна до Хогхе (Romyn de Hooghe) и вполнѣ усвоилъ его манерность въ сочиненіи; Пикаръ подражалъ Шхонебеку и изготовлялъ свои гравюры съ чрезвычайною неряшливостью. При такихъ учителяхъ недалеко ушли и русскіе ученики ихъ. Изъ учениковъ Шхонебека заслуженную извѣстность пріобрѣли одни братья Зубовы.

Алексѣй Зубовъ, котораго Шхонебекъ брался съ самаго начала выучить въ три года всему, что́ самъ зналъ, сдѣлался въ скоромъ времени замѣчательнымъ (относительно) граверомъ, помогалъ Шхонебеку во всѣхъ его работахъ, и самъ награвировалъ множество большихъ листовъ, въ которыхъ, въ техническомъ отношеніи, почти сравнялся съ своимъ учителемъ. Лучшія изъ его произведеній—это: огромный видъ Петербурга, гравированный имъ въ 1727 г. на восьми доскахъ, въ пару огромному виду Москвы, награвированному около 1714 года Петромъ Пикаромъ. Видъ этотъ гравированъ съ большою силою и



35. Образчикъ работы А. Зубова, картинка изъ Соломоновыхъ «Пѣсни пѣсней», скопированная изъ «Библіи» Пискатора.

36. Терновская митрополія, работы А. Зубова.

свободою; вода, воздухъ и строенія выполнены въ немъ весьма удовлетворительно, но въ русункѣ фигуръ А. Зубовъ далеко ниже Шхонебека и даже самого Пикара (35, 36).

Другой Зубовъ, Иванъ, начавшій свое обученіе тоже въ мастерской Шхонебека и продолжавшій оное подъ надзоромъ Пикара, награвировалъ множество довольно хорошихъ досокъ: портретовъ, видовъ и тезисовъ,—въ томъ числѣ чрезвычайно рѣдкіе листы: видъ села Измайлова (37) и портреты Петра I и Екатерины I, съ К. Моора. Остальные граверы, состоявшіе при Пикарѣ: Матвѣевъ, Мякишевъ и Любецкій, не произвели ничего замѣчательнаго. Монограммы ихъ находятся на отвратительно вырѣзанныхъ картинкахъ къ «Овидіевымъ Превращеніямъ», изданнымъ въ Петербургѣ въ 1722 году. Именъ Томилова и П. Бунина на гравюрахъ начала XVIII вѣка мы не встрѣчаемъ

37. Село Измайлово, работы И. Зубова.

38. Образчикъ работы ученика Шхонебекова—В. Томилова, копія съ иностранной гравюры.

вовсе (ср. 38). Несравненно замѣчательнѣе сихъ послѣднихъ, по огромному числу выполненныхъ имъ чертежей и картъ, былъ—Алексѣй Ростовцевъ, учившійся гравировкѣ въ Москвѣ, у библіотекаря Василія Кипріанова, и гравировавшій, вмѣстѣ съ нимъ, доски стѣнного Брюсова календаря. Ростовцевъ въ 1726 г. прекрасно скопировалъ двѣ баталіи съ гравюръ Лармесена и участвовалъ почти во всѣхъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ надзоромъ Пикара.

Кромѣ того, при Пикарѣ гравировали: въ бытность его въ Москвѣ—Михайло Карновскій, а въ бытность его въ Петербургской типографіи—Григорій Павловичъ Тепчегорскій. Оба они извѣстны гравированіемъ богословскихъ тезисовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Карновскій гравировалъ довольно бойко, подражая Шхонебеку; Тепчегорскій держался ближе манеры Пикара; имъ выгравированы: Святцы (12 листовъ) и житіе Алексѣя человѣка Божія—послѣднее по работѣ имѣетъ большое сходство съ вещами Пикара. Въ одно время съ ними работалъ Иванъ Стекловскій, бывшій живописецъ ландшафтнаго дѣла при Оружейной Палатѣ. Его листы рисованы и гравированы довольно плохо, непривычнымъ и нечистымъ рѣзцомъ (39).

Съ уничтоженіемъ Петербургской типографіи въ 1727 году и съ прекращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ казенныхъ работъ и казеннаго содержанія, лучшіе тогдашніе граверы, старикъ Пикаръ и Алексѣй Зубовъ, были уволены. Въ томъ же году уволенъ изъ Московской типографіи и Иванъ Зубовъ, съ тѣмъ, что, если въ немъ и въ другихъ граверахъ будетъ надобность, то нанимать ихъ временно, а не держать на постоянномъ жалованьи (Пекарскій, Наука и Литература при Петрѣ В., II. 652). Съ тѣхъ поръ Зубовы, не имѣя возможности производить за свой счетъ, безъ вѣрной надежды на сбытъ, большія и цѣнныя доски, принялись работать для дневного пропитанія. Въ 1732 году Алексѣй Зубовъ работаетъ уже въ Москвѣ, и копируетъ картинки изъ Голландской Библіи 1674 года, изъ которой онъ копировалъ уже 1-й листъ, Сошествіе Св. Духа, принесенный имъ еще въ 1701

39. Спасъ Вседержитель, образчикъ работы живописца-гравера XVII в. Ив. Стеклова.

году въ Оружейную Палату, въ доказательство успѣховъ своихъ въ гравированіи у Шхонебека. Послѣднія произведенія его (1732—41 г.), а равно и Ивана Зубова, — ниже всякой посредственности («Русскіе граверы», 29—35).

Собственно изъ трудовъ Пикара и Шхонебека въ число народныхъ картинокъ попало немного, и то случайно, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ выгравированныхъ ими досокъ попали на фабрики, издававшія лубочныя картинки. За то произведенія учениковъ ихъ, въ особенности двухъ Зубовыхъ, составляютъ въ этихъ картинкахъ цѣлый особый отдѣлъ плохихъ копій съ голландскихъ образцовъ и преимущественно изъ привезенной Шхонебекомъ во многихъ экземплярахъ «Библіи» Пискатора (Фишера). Такимъ образомъ, первыя народныя картинки на мѣди вышли изъ рукъ типографскихъ учениковъ, и печатались съ тѣхъ же типографскихъ станковъ, которые перешли въ ихъ собственность послѣ упраздненія типографіи *); при чемъ самый переходъ типографскихъ учениковъ отъ большихъ досокъ, гравированныхъ по заказу правительства, къ мелкимъ доскамъ, съ изображеніями народныхъ картинокъ, не представляется особенно рѣзкимъ: и тамъ, и тутъ, происходитъ копировка съ иностранныхъ образцовъ; и тамъ, и тутъ,—плохой рисунокъ и грязное, неряшливое травленіе крѣпкой водкой.

41. Батракъ у нѣмца, образецъ работы гравера В. Чуваева.

40. Зерцало грѣшника, какъ образецъ работы Нехорошевскаго.

Достойными подражателями типографскихъ учениковъ являются граверы второй половины XVIII вѣка: Мартинъ Не-

*) Первыя произведенія граверовъ-серебряниковъ печатались въ Оружейной Палатѣ. Въ концѣ XVII в. фряжскій станъ, для печатанія гравюръ на мѣди, заведенъ былъ на царскомъ дворѣ при Верхней, т. е. Придворной, типографіи. Въ 1677 г. органистъ Гутовскій сдѣлалъ деревянные станки, печатать фряжскіе листы, къ государю въ хоромы, гдѣ уже въ 1680 году рѣзчикъ Аѳанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя на мѣдныхъ доскахъ «всякіе фряжскіе рѣзи» (Забѣлинъ, «Бытъ царей», 169). Изъ числа граверовъ-серебряниковъ, у мастера Леонтія Бунина былъ свой печатный станъ, на которомъ, по всей вѣроятности, производилось печатаніе его Страстей и Сѵнодика. Произведенія мастеровъ времени Петра 1-го печатались въ казенной типографіи у библіотекаря Кипріянова, который и самъ гравировалъ доски, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Никитинымъ, и издавалъ ихъ въ свѣтъ за свой счетъ. Въ дѣлахъ Московскаго Печатнаго двора фигурный цилиндрическій станокъ упоминается въ первый разъ въ 1708 году (Румянцевъ, въ моей книгѣ: „Русскіе граверы“, стр. 378).

хорошевскій, представляющій одинъ—цѣлую фабрику граверовъ, и менѣе плодовитые граверы: Пастуховъ, Скобелкинъ, Тихоміровъ; наконецъ, Чуваевъ—граверъ, работавшій преимущественно для Ахметьевской фабрики. Всѣ эти граверы сильно травили свои доски крѣпкой водкой, не изъ художественной цѣли конечно, но съ тѣмъ, чтобы получить съ нихъ какъ можно больше отпечатковъ. Позднѣе доски для народныхъ картинокъ рѣзались прямо грабштихелемъ и очень глубоко, для долговѣчности въ печати.

Во второй половинѣ XVIII вѣка доски для народныхъ картинокъ по большей части рѣзали серебряники, жившіе въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, а печатали съ нихъ—на фигурныхъ станкахъ въ Москвѣ, у Спаса во Спасской, на большой фигурной фабрикѣ купца Ахметьева, которая славилась своими произведеніями болѣе 50-ти лѣтъ. На этой фабрикѣ, кромѣ новыхъ картинокъ, печаталось много старыхъ досокъ, въ томъ числѣ: четыре доски изъ шестилистового Брюсова календаря, глобусы и другія доски Петровскаго времени, а равнымъ образомъ и доски Зубовыхъ и Нехорошевскаго; печатаніе производилось у Ахметьева на 20-ти станкахъ *). Кромѣ Ахметьевской фабрики, печатавшей съ мѣдныхъ досокъ, въ Москвѣ существовала съ XVIII вѣка еще другая фабрика, спеціально печатавшая народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ,—имя владѣльца этой фабрики неизвѣстно.

Въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ перешло въ руки мелкихъ фабричныхъ торговцевъ, имѣвшихъ свои типографіи: въ Москвѣ, напр., славился печатаніемъ простонародныхъ изданій и картинокъ купецъ Ив. Логиновъ, наслѣдникъ Ахметьева. Строились печатни даже въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губерніи: такъ, въ деревнѣ Богдановкѣ, Ковровскаго уѣзда, завелъ свою металлографію офеня Игнатій Акимовъ-Сорокинъ, а въ селѣ Мстерѣ—извѣстный своими археологическими трудами и дешевизною народныхъ картинокъ И. А. Голышевъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи *).

Монастыри: Кіевскій, Печерскій, Почаевскій и Соловецкій, печатали находившіяся у нихъ доски въ своихъ типографіяхъ. Въ настоящее время, во всѣхъ этихъ мѣстахъ, съ мѣдныхъ досокъ—отпечатковъ не дѣлается, такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ для этого дѣла нѣтъ ни граверного станка, ни знающаго, какъ дѣлать такіе отпечатки, мастера. Затѣмъ виды монастырей и образа угодниковъ дѣлаются и печатаются по заказу монастырей въ Москвѣ и Петербургѣ, литографическимъ способомъ.

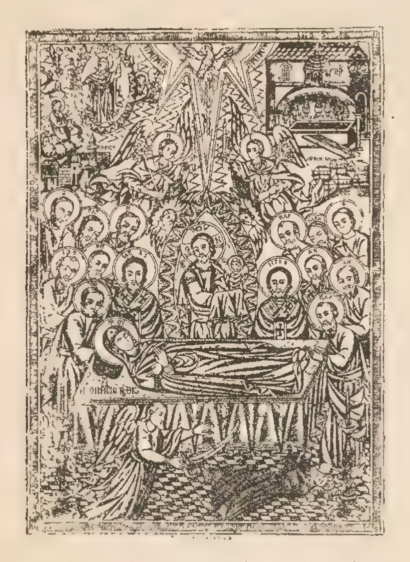
*) Замѣчу здѣсь, что печатаніе картинокъ цѣлыми тетрадками (сказокъ и пр.) всегда производилось въ первую голову, т. е. картинка отпечатывалась только на одной, правой, сторонѣ листа, лѣвая же, или задняя, сторона его оставалась чистою.

*) И. А. Голышевъ, трудолюбивый изслѣдователь русской старины, извѣстенъ археологическими статьями своими о древностяхъ, въ томъ числѣ и о лубочныхъ картинкахъ; онъ жилъ въ слободѣ Мстерахъ, гдѣ съ 1858 года имѣлъ свою литографію, въ которой печаталъ до 530.000 народныхъ картинокъ въ годъ, цѣною отъ 55 копѣекъ до 5 руб. за сто; раскрашиваніемъ (цвѣченіемъ) ихъ занимались болѣе 200 женщинъ.

II.

Откуда наши граверы заимствовали переводы (сочиненія) для своихъ картинокъ. Церковныя иконы и стѣнопись; церковныя паперти. Голландская «Библія» Пискатора. Картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, передѣланныя на русскіе нравы.—**Народныя картинки, гравированныя черной манерой:** фабрика Михайлы Артемьева; граверы Штенглинъ, Тихановъ, Дружининъ и Лебедевъ.—**Пошибъ или стиль рисунка и сочиненія въ народныхъ картинкахъ:** сперва фряжскій—у граверовъ-серебряниковъ, потомъ голландскій—живописный и, наконецъ, иконный—въ нынѣшнемъ вѣкѣ.—**Раскраска старинныхъ народныхъ картинокъ была весьма тщательная:** «Библія» Кореня, Штеллиновскія картинки. Новѣйшая раскраска по-носамъ, по описанію Голышева. Раскраска карикатуръ 1812 года.—**Замѣтки о народныхъ картинкахъ на Западѣ и у народовъ восточныхъ: въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ.**

Рисунки или переводы для своихъ картинокъ наши мастера заимствовали изъ разныхъ источниковъ: духовные листы иконнаго разряда, замѣнявшіе образа (изображенія Спасителя, разныхъ явленій Богородицы, святыхъ съ житіями, праздниковъ и святцевъ),—копировались съ миніатюръ при книгахъ или же прямо съ церковныхъ иконъ (42); по части лицевыхъ легендъ и притчей богатый матеріалъ для народной картинки—представляли церковныя паперти, по стѣнамъ которыхъ расписывались разныя исторіи и апокрифическія повѣсти. Съ паперти Симонова монастыря, напр., перешла въ наши картинки—исторія о нѣкоемъ немилостивомъ человѣкѣ, любителѣ міра сего, въ которой представлено, какъ онъ умеръ и какъ сатана приказалъ чертямъ парить его въ банѣ огненными вѣниками за то̀, что онъ любилъ при жизни «часто въ банѣ мыться»; ему же черти трубятъ въ уши—«въ трубы огненныя» за то̀, что онъ «любилъ въ мірѣ различныя игры и потѣхи», и т. д. Оттуда же заимствованы: видѣніе нѣкоего святаго,—какъ, изъ



42. Успеніе Богородицы, Аѳонской работы XVIII в., помѣщается здѣсь для сравненія съ картинками русской работы.

43. Казнь лихоимца, сочиненіе заимствовано съ церковной паперти въ Симоновомъ монастырѣ.

тридцати тысячъ умершихъ, только двѣ души въ рай вошли, три на мытарствахъ удержаны, остальныя же всѣ въ адъ отправлены, и видѣніе нѣкоего монаха о казни лихоимцамъ, гдѣ главный лихоимецъ (должно быть, Іуда) лежитъ внизу, а изъ чрева его выросло древо, на которомъ развѣшены за ноги мужескій и женскій полъ «въ пламени непрестанно горящемъ» (43). Съ паперти Чудова монастыря взята картинка, изображающая архангела Михаила и молящагося ему человѣка *). Множество картинокъ заимствовано со стѣнописи: Успенскаго собора въ Москвѣ, собора въ городѣ Суздалѣ, и другихъ соборовъ и церквей, а также съ разныхъ металлическихъ клеймъ или дробницъ, набитыхъ на древнихъ ризахъ или вдѣланныхъ въ иконные оклады (45—56), и, наконецъ, съ мѣдныхъ гравированныхъ досокъ, изготовлявшихся для наколачиванія ихъ на церковныя двери.

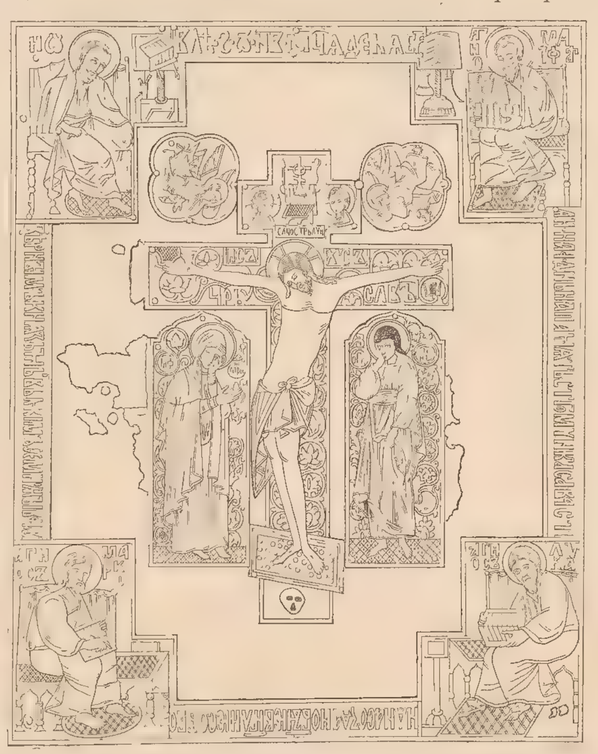
44. Монашеская чистота, сочиненіе гравюры заимствовано съ церковной паперти Соловецкаго монаст. или обратно.

*) На паперти Соловецкаго монастырскаго собора изображены: похожденія св. Ѳеодоры по мытарствамъ и монашеская чистота, гдѣ представленъ монахъ, распятый на крестѣ; губы его замкнуты большимъ висячимъ замкомъ; по сторонамъ соблазняютъ его—міръ, въ видѣ всадника, и два чертенка, изъ которыхъ одинъ тормошитъ его крючкомъ, а другой пускаетъ въ него стрѣлу; впрочемъ, это послѣднее изображеніе монашеской чистоты—новѣйшаго производства, и наша картинка, по всей вѣроятности, служила для него оригиналомъ (44).

45—54. Десять серебрян. дробницъ, съ гравиров. изображеніями святыхъ, наколоч. на окладѣ Евангелія 1393 г. (въ Троице-Сергіевской лаврѣ).

Изображенія двѣнадцати Сивиллъ заимствованы, напр., со входныхъ дверей Велико-Устюжскаго монастырскаго собора; онѣ (57—65) награвированы тамъ на мѣдныхъ дощечкахъ, которыя наколочены на деревянныхъ дверяхъ. Подобныя изображенія Сивиллъ можно видѣть въ Москвѣ въ церкви Словущаго Воскресенія и въ соборахъ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ, въ Суздальскомъ соборѣ и въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Изъ рукописныхъ славянскихъ книгъ народная картинка заимствовала немного.



55. Распятіе и Евангелисты съ оклада Евангелія 1343 г. (въ Троице-Сергіевской лаврѣ).

Появленіе большой Библіи Пискатора въ половинѣ XVII вѣка составляетъ эпоху въ нашемъ гравированіи на деревѣ. Изъ нея (или ея прототипа) заимствовали: Кіевскій монахъ Илья — картинки для своей Библіи, іерей Прокопій — картинки своего Апокалипсиса и лицеваго «Отче нашъ» (1646—1662), а мастеръ Григорій — рисунки для Апокалипсиса, вырѣзаннаго Коренемъ (1696). Изъ этихъ граверовъ Прокопій копировалъ картинки почти въ ту же мѣру, какъ у Пискатора; Илья — уменьшалъ ихъ вчетверо, а Григорій вчетверо уве-

Корень 20.

Корень 18.

Корень 16.

Корень 4.

N 810.

I-IV. ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ ИЗЪ БИБЛІИ, РАБОТЫ МАСТЕРА КОРЕНЯ.

56. Съ серебр. панагіи, раб. мастера Арипа 1463 г.

личивалъ, при чемъ придавалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ, одѣвалъ ихъ въ польскіе кафтаны и дѣлалъ въ сочиненіи Пискатора столько измѣненій, что трудъ его можно назвать почти оригинальнымъ. Подъ наблюденіемъ этого же Григорія выгравирована, въ первой половинѣ XVIII вѣка, маленькая Библія, тоже съ нѣмецкаго оригинала, съ виршами подъ каждой картинкой, въ которыхъ зачастую попадаются польскія выраженія; вирши эти сочинены тѣмъ же Григоріемъ, который былъ въ одно и то же время гридеромъ, куперштыхаторомъ, знаменщикомъ (рисовальщикомъ), маляромъ (живописцемъ) и стихотворцемъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія ввезено было въ Россію множество экземпляровъ вто-

рого изданія той же Библіи Пискатора (1674) вызваннымъ тогда въ Москву Амстердамскимъ граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ. Шхонебекъ заставлялъ копировать изъ нея своихъ учениковъ: Зубовыхъ, Бунина и Томилова,—не уменьшая и не измѣняя переводовъ, а точь въ точь и въ ту же мѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этой же Библіи заимствовали сюжеты, для своихъ духовныхъ картинъ, во все продолженіе XVIII вѣка, и наши иконописцы и живописцы *).

Народныя картинки брали свои переводы и съ живописныхъ картинъ, украшавшихъ царскія палаты. Чрезвычайно замѣчательна въ этомъ отношеніи огромная картина «Солнце съ зодіаками», заимствованная съ плафона царской столовой деревяннаго Коломенскаго дворца. Наши народныя картинки, изображающія Александра Македонскаго и Пора царя Персидскаго, а также и «чистота душевная» (66),—заимствованы, по всей вѣроятности, изъ того же источника.

Въ XVIII вѣкѣ переводы народныхъ картинокъ забавнаго содержанія копировались, въ большинствѣ случаевъ, прямо съ иностранныхъ образ-

57—65. Девять изъ числа 12-ти Сивиллъ, работы М. Нехорошевскаго.

*) Въ 1676 году такая Библія была куплена для Оружейной Палаты у живописца Ивана Безмина за пять рублей; въ Троицкой лаврѣ до сихъ поръ расписываются стѣны по экземпляру этой Библіи, принадлежавшему патріарху Адріану. Употреблялись для копированія и другія лицевыя книги: въ 1679 году, напримѣръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныя притчи царей Давида и Соломона изъ Библіи и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Салтановъ училъ по такой Библіи своихъ учениковъ. Какъ на образецъ живописи этого рода можно указать на картину, изображающую мученія Апостоловъ и находящуюся на папертн Чудова монастыря (Забѣлинъ, Бытъ царей, 143).

66. Чистота, яко дѣвица преукрашена.

68. Картинка изъ «комедіи о блудномъ сынѣ», копія съ голландской гравюры (?).

67. Притча житія человѣческаго—картинка, прямо переведенная съ иностраннаго образца, какъ это сказано въ ея текстѣ.

цовъ, изъ которыхъ многіе скалькированы въ русскія картинки безъ всякихъ измѣненій (67). Изъ числа Вѣнскихъ изданій попали къ намъ, напримѣръ: цѣлое описаніе Іерусалима, рука св. Анны, судъ Іудеевъ надъ Христомъ и образъ Нерукотвореннаго Спаса. Изъ Голландіи получили мы: Тессингово «Зерцало», огромное количество разныхъ копій изъ Библіи Пискатора и нѣсколько календарей (ср. 68). Изъ Франціи попали въ народныя картинки: знаменитый «Гаргантуа» Рабле, передѣланный въ русскаго славнаго объѣдалу и веселаго подпивалу (68—69) *); молочница (71), денежный дья-

*) Старинная картинка „Гаргантуа" была, въ концѣ прошедшаго столѣтія, передѣлана въ карикатуру на Лудовика XVI, славившагося своимъ обжорствомъ; замѣчательно, что русская картинка скопирована прямо и въ ту же мѣру съ древняго Гаргантуа (о чемъ уже было сдѣлано предположеніе В. В. Стасовымъ), а не съ позднѣйшей картины на Лудовика XVI.

590 А.

V. СОЛНЦЕ СЪ ЗОДІАКАМИ, НАПИСАННОЕ НА ПЛАФОНѢ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА.

1650.

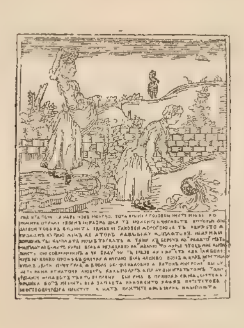
VI–XI. ПЯТЬ СИВИЛЛЪ ИЗЪ ЧИСЛА 12-ТИ, РАБОТЫ НЕХОРОШЕВСКАГО.

69. Оригиналъ французской карикатуры Гаргантуа, Рабле.

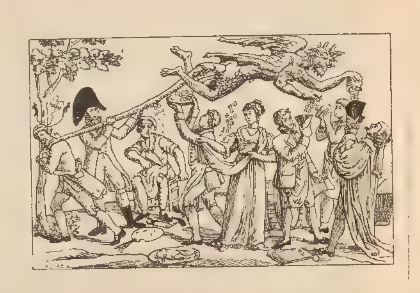
70. Славный объѣдало—картинка, скопированная съ французскаго Гаргантуа.

волъ (72, 73) и дивная птица, прилетавшая въ 1776 году въ Парижъ. Отъ Нѣмцевъ перешли къ намъ: рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ (74, 75), точилыцикъ носовъ (76; 77), воръ пришелъ на дворъ (78), и мн. др.

Въ нашихъ картинкахъ встрѣчаются и такіе случаи, что скопированъ иностранный оригиналъ, напримѣръ: «Пастухъ и пастушка (79)», «Лиза и Коленъ» (80) или извѣстная французская картина «Bon homme misère», а русскій текстъ придѣланъ со-



71. Молочницы,—народная картинка, заимствованная съ французскаго оригинала.



72. Денежный дьяволъ, французская народная картинка изъ Champfleury, l'Imagerie populaire, P. 1869, 208. Позднѣйшій переводъ этого сюжета.

73. Денежный дьяволъ, скопированъ съ французской гравюры 1776 года, какъ сказано въ самомъ текстѣ.

74 и 75. Рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ; оригинальныя нѣмецкія доски, на которыхъ нѣмецкія подписи счищены и замѣнены русскими.

76. Точильщикъ носовъ, русская народная картинка, и 77. Нѣмецкій оригиналъ ея, прототипомъ которому послужила англійская карикатура, изображающая пресвитеріанскаго епископа, обрѣзывающаго носъ Карлу II.

вершенно другого содержанія и нисколько не относящійся къ изображенію (81, 82).

Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, граверъ Чуваевъ скопировалъ, довольно удачно, множество картинокъ съ французскихъ оригиналовъ (въ числѣ ихъ многія весьма скоромнаго содержанія), при чемъ всѣ онѣ снабжены виршами, тоже передѣланными на русскіе нравы.

Что же касается до пошиба или характера рисунка народныхъ картинокъ, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ шесть отдѣловъ, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Къ первому отдѣлу относятся гравюры на деревѣ Кіевскихъ мастеровъ — монаха Ильи, Прокопія и другихъ, болѣе раннихъ,—которые, хотя и заимствовали свои сочиненія съ иностранныхъ образцовъ, но въ то же время придавали имъ своеобразный иконный характеръ *); ими же произведены первыя летучія картинки: темница святыхъ осужденикъ (см. №№ 5, 6) и препод. Акилина. Ко второму отдѣлу принадлежатъ: Библія съ Апокалипсисомъ Кореня, 1698 года, рѣзко отличающіеся по рисунку и грубой работѣ, а также по большому размѣру картинокъ,—отъ всего, что было издано до того времени (см. №№ 18, 19); къ этимъ работамъ Кореня должно быть присоединено и большинство картинокъ, гравированныхъ на деревѣ въ XVIII вѣкѣ, такимъ же грубымъ и топорнымъ способомъ, и совершенно сходныхъ, по рисунку и по манерѣ располагать тѣни,—съ работами Кореня. Многія изъ этихъ послѣднихъ картинокъ весьма оригинальны и сдѣланы по рисункамъ доморощенныхъ мастеровъ; есть изъ

*) Подъ иконнымъ стилемъ я разумѣю здѣсь иконное письмо, называвшееся въ XVII вѣкѣ греческимъ, съ длинными фигурами и бумажными драпировками,—въ отличіе отъ фряжскаго, подходившаго подъ живопись.

нихъ и такія, которыя представляютъ даже нѣкоторое художественное достоинство: такъ, напримѣръ, въ картинкѣ «баба яга дерется съ крокодиломъ» (см. ниже)—въ фигурахъ видно много движенія и юмора, и рисунокъ для нея несомнѣнно сдѣланъ хорошимъ иконописцемъ. Къ третьему отдѣлу я отношу небольшое число картинокъ, тоже гравированныхъ на деревѣ и скалькированныхъ съ большихъ французскихъ гравюръ (съ картинъ Буше и Ланкре); работа этихъ картинокъ отличается большею умѣлостью, рисунокъ изобилуетъ закругленными очертаніями, которыя въ

78. «Отдай пѣтуха!» Русская народная картинка съ нѣмецкаго образца.

79. Пастухъ и пастушка, съ оригинала Буше.

80. Французская картинка «Лиза и Коленъ», передѣланная въ русскія народныя картинки, съ неподходящею къ сюжету подписью.

81. Картинка «Каналія сойди съ древа», передѣланная изъ французскаго «bonhomme misère».

картинкахъ предыдущаго разряда почти не встрѣчаются. Къ четвертому разряду принадлежатъ работы на мѣди граверовъ-серебрениковъ Московской Оружейной Палаты, которыя по своей художественности выходятъ изъ ряда прочихъ народныхъ картинокъ (см. выше №№ 26 и слѣд.). Пятый отдѣлъ составляютъ фабричныя и неряшливыя работы Матвѣева, Зубовыхъ, Любецкаго, Ростовцева, Никитина и др. учениковъ голландскихъ граверовъ Шхонебека и Пикара *); къ этому же отдѣлу

82. Французскій «bonhomme misère», послужившій образцомъ нашей картинкѣ (Champfleury, Imagerie populaire).

83.

должны быть отнесены и работы ихъ продолжателей— плодовитыхъ граверовъ: Пастухова, Тихомірова, родоначальника ихъ Мартина Нехорошевскаго, и, наконецъ,

84.

85.

Три картинки мастера Чуваева: 83. «Хитрый лакомка», 84. «Безстыдный въ трактиръ зашелъ», 85. «Добрый молодецъ купи съ меня чепецъ», 85 bis. «Семь бабъ про штаны дерутся»,—всѣ съ иностран. оригиналовъ.

*) Гридеръ Тепчегорскій составляетъ какъ бы переходъ отъ граверовъ-серебряниковъ къ Шхонебековскимъ ученикамъ.

85 bis.

мастера Ахметьевской фабрики Николая Чуваева, копировавшаго соблазнительныя французскія картинки (83—85). Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ попало въ руки мастеровъ, придерживавшихся старой вѣры; эти господа передѣлали всѣ переводы прежнихъ картинокъ наново и въ чисто иконномъ стилѣ (ср. 86), въ томъ числѣ даже листы самые забавные и скоромные. Передѣланныя такимъ образомъ картинки представляютъ шестой и послѣднiй разрядъ.

Существуетъ 75 картинокъ, гравированныхъ черной манерой, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, на подмосковной фабрикѣ Михаила Артемьева *). На этой фабрикѣ работами заправлялъ академическій граверъ Иванъ Штенглинъ (ученикъ Аугсбургскаго гравера Боденеера), вызванный въ Петербургскую Академію Наукъ

*) Кромѣ работъ Артемьевской фабрики, для полноты описанія, должны быть включены въ этотъ же отдѣлъ еще два листка, гравированные черной манерой въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Распятіе—гравюра Аверкія Козачковскаго, работавшаго въ Кіевѣ въ 1726—1737 годахъ, и Плачущая Богоматерь—листокъ, по всей вѣроятности, его же работы; въ такомъ видѣ эти гравюры составляютъ какъ бы прибавочный 7-й отдѣлъ въ числѣ народныхъ картинокъ, хотя въ тѣсномъ значеніи этого слова ихъ нельзя назвать народными, точно также, какъ и произведенія граверовъ-серебряниковъ. Гравюра черной манерой, какъ извѣстно, занесена къ намъ еще въ концѣ XVII вѣка, голландскимъ граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ, который славился своими работами по этой части еще до пріѣзда въ Россію и обучилъ своему мастерству живописца Адольскаго и гравера Алексѣя Зубова (Русскіе граверы, стр. 47).

въ 1741 году; граверъ этотъ не сошелся съ тогдашнимъ директоромъ Академіи Шумахеромъ, оставилъ Академію и, около 1750 года, переселился въ Москву, гдѣ и принужденъ былъ работать изъ-за куска хлѣба на Артемьевской фабрикѣ. Картинки, дѣланныя имъ и подъ его руководствомъ мастерами: Тихоновымъ, Дружининымъ и Лебедевымъ, копированы по большей части съ иностранныхъ оригиналовъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень порядочнаго мастерства и представляютъ въ общей массѣ народныхъ картинокъ такой же особенный отдѣлъ, какъ и художественныя произведенія граверовъ-серебряниковъ.

Произведенія граверовъ-серебряниковъ выпускались въ народъ безъ раскраски, черными; въ такомъ же видѣ выпускались гравюры и подносные листы мастеровъ Шхонебековой школы, а также календари и буквари. Затѣмъ всѣ прочіе листы выпускались въ народъ не иначе, какъ раскрашенными; исключеніе изъ этихъ общихъ правилъ составляютъ рѣдкіе экземпляры, которые были куплены любителями прямо съ фабрикъ, а также громадное и замѣчательное собраніе народныхъ картинокъ А. В. Олсуфьева, которыя, по его заказу, были отпечатаны на фабрикахъ, на особой (лучшей противъ лубочной) бумагѣ, и доставлены ему въ чистыхъ, не раскрашенныхъ экземплярахъ. Что касается до раскраски народныхъ картинокъ, то надобно замѣтить, что встарину она производилась съ большимъ стараніемъ и не представляетъ ничего общаго съ нынѣшней раскраской по носамъ. Лицевая Библія и Апокалипсисъ Кореня (1698 г.) иллюминованы съ большою тщательностію; краски употреблены здѣсь тѣ же, что и шестьдесятъ лѣтъ спустя, при раскрашиваніи Штелиновскихъ картинокъ (1766 г.): вохра, сандалъ, празелень, сурикъ и сажа; но здѣсь изъ красокъ этихъ составлены многочисленные тоны: по рамкамъ раздѣланы кистью узоры, облака синеватаго колера обведены по краямъ тою же краскою потемнѣе, крылья ангеловъ, сіяніе около Бога и около солнца раздѣланы по вохрѣ

86. Сотворенiе свѣта и жизнь первыхъ человѣкъ—въ 20 картинкахъ.

сурикомъ,—словомъ, на раскраску Библiи Кореня положено несравненно болѣе труда и художества, чѣмъ на Штелиновскiя картинки, въ которыхъ тѣ же краски, съ прибавленiемъ мѣдянки, наложены сплошными яркими и густыми колерами, безъ всякихъ оттѣнковъ. Позднѣйшiй способъ раскраски XIX вѣка, чисто фабричнаго производства, настолько же ниже Штелиновскихъ картинокъ, насколько эти послѣднiя ниже картинокъ Кореня. Вотъ какъ описывалъ это производство извѣстный археологъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель народныхъ картинокъ, И. А. Голышевъ: «послѣ отпечатанiя, картинки просушиваются и отдаются въ цвѣтку, раскраску или иллюминовку; подъ Москвою, въ 12 верстахъ, цѣлое село Никольское и окрестныя деревни, въ числѣ около 1000 душъ самоучекъ, занимаются раскрашиванiемъ простовика, или лубочныхъ картинъ. До сего времени раскраска эта очень немногослож-

на, она употребляетъ всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную; въ малиновый цвѣтъ употребляется сандалъ, вареный въ водѣ съ примѣсью малаго количества квасцовъ; въ зеленый — ярь мѣдянка, которая употребляется для окраски крышъ, разведенная на водѣ съ медомъ; въ желтый—крукомея, вареная съ молокомъ; въ красный—сурикъ, разведенный на яичномъ желткѣ съ квасомъ; изъ этихъ 4 красокъ состоитъ вся иллюминовка простовика; гдѣ перешло за контуръ рисунка, гдѣ не дошло, или краска легла на лицо,—не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такія картинки раскрашивались скоро и притомъ щетинными кистями. Въ 1840 годахъ раскраска картинокъ въ большомъ количествѣ развилась въ селѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, и сдѣлалась господствующею промышленностію бѣдныхъ дѣвицъ и женщинъ, съ малолѣтняго возраста,—теперь болѣе 300 чел. занимаются этой работой; нѣкоторыя изъ женщинъ занимаются раскраскою не только въ мѣстѣ своего жительства на разныхъ оптовыхъ картинноторговцевъ, но и въ Москвѣ» (Голышевъ, «Лубочн. карт.», стр. 14). Относительно раскраски карикатуръ 1812 года слѣдуетъ замѣтить, что, изъ числа ихъ, плохія картинки, которыя издавались разными лубочными мастерами, раскрашены обыкновенными плохими красками, на манеръ простонародныхъ картинокъ того времени; въ раскраскѣ же картинокъ, издававшихся Ив. Теребеневымъ и нѣкоторыми другими художниками, встрѣчается большая разница: однѣ изъ нихъ раскрашены хорошими красками и съ большою тщательностію—онѣ назначались для богатыхъ покупателей и продавались по 1-му и по 2 руб. за листъ. Въ моемъ собраніи есть полная коллекція Теребеневскихъ карикатуръ такой раскраски, а въ собраніи П. А. Ефремова есть такая же азбука 1812 года, за раскраску которой въ настоящее время мастеръ не возьметъ менѣе 5 рублей. Затѣмъ картинки, назначавшіяся для менѣе зажиточныхъ классовъ, раскрашивались проще и болѣе дешевыми красками; на этотъ послѣдній манеръ раскрашены карикатуры 1812 года, помѣщенныя въ моемъ атласѣ народныхъ картинокъ.

По формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ,—ближе всего подходятъ къ старриннымъ нѣмецкимъ картинкамъ (изданія Ганса Сакса и др.); по мастерству и по раскраскѣ, онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ индѣйскими народными картинками, изображающими разныхъ боговъ, и продающимися до настоящаго времени въ Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи, а также со старинными картинками на деревѣ, китайскими и японскими *).

*) Въ 1874 году я купилъ коллекцію такихъ картинокъ (листового размѣра) въ Калькуттѣ и Бомбеѣ. Въ Танджорѣ и Трихинаполи я нашелъ такія же картинки, но гораздо бо́льшаго формата и литографированныя въ однихъ контурахъ, для раскраски, а не рѣзанныя на деревѣ; въ Китаѣ и Японіи я не могъ отыскать новыхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ, кромѣ тѣхъ, которыя печатались для чайныхъ ящиковъ. Затѣмъ въ Калькуттѣ, такъ же какъ и на Явѣ и въ Китаѣ (въ Кантонѣ), въ настоящее время въ большомъ ходу изображенія боговъ, сдѣланныя отъ руки, чрезвычайно яркими красками, съ золотомъ и серебромъ; цѣна такихъ картинокъ листового размѣра: въ Калькуттѣ— по 6 руб. за сотню листовъ, въ Китаѣ же большія картины цѣнятся отъ 1 до 3-хъ руб. за штуку. Въ Бенаресѣ англичане печатаютъ красками обои, на которыхъ изображены всѣ Индійскіе боги; бѣдный человѣкъ можетъ купить себѣ кусокъ этихъ обоевъ аршина въ полтора длиною и получить за бездѣлицу цѣлую коллекцію боговъ для своего обихода. Въ Японіи новѣйшія народныя картинки печатаются красками, однѣ посредствомъ хромолитографіи, а другія посредствомъ деревянныхъ дощечекъ, замѣняющихъ хромолитографическіе камни (какъ въ старинныхъ итальянскихъ гравюрахъ на деревѣ въ два тона),—это лучшія народныя картинки въ цѣломъ мірѣ.

III.

Продажа народныхъ картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ Овощномъ ряду и въ другихъ мѣстахъ; офени; цѣна картинокъ.—**Назначенiе и употребленiе ихъ**: картинки, вклеиваемыя въ рукописи вмѣсто рисунковъ; бумажные образа и святцы въ церквахъ; картинки, какъ украшенiе во дворцахъ и у бояръ и въ простыхъ избахъ.—**Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ и цензура ихъ**: запретительный указъ патрiарха Iоакима 1674 г.; запрещенiе Синода (1766 г.) продавать картинки духовнаго содержанiя, гравированныя на деревѣ; учрежденiе Изуграфской Палаты при Петрѣ I; представленiе картинокъ на разрѣшенiе архiереевъ; секвестрованiе «неапробованныхъ» чудесъ св. Димитрiя Ростовскаго въ 1760 году; полицейская цензура для народныхъ картинокъ въ концѣ прошедшаго столѣтiя; назначенiе особаго цензора при Управѣ Благочинiя въ 1790 году; учрежденiе духовныхъ цензоровъ въ 1799 году; Шишковскiй цензурный уставъ 1826 года. Народныя картинки продолжаютъ выходить безъ просмотра цензуры. Бутурлинъ и 1311 статья Уложенiя о наказанiяхъ. Истребленiе старыхъ мѣдныхъ досокъ въ Москвѣ по приказу гр. Закревскаго въ 1851 году и окончательное уничтоженiе оригинальнаго народнаго буффа.—**Цензура царскихъ портретовъ** при Петрѣ I; указъ Суперъ-Интенданту Зарудневу 1721 года. Безобразные портреты императрицы Елисаветы Петровны и вел. кн. Петра Θеодоровича; указы, вышедшiе по этому случаю въ 1742 и 1745 годахъ. Позднѣйшiя распоряженiя.

Продажа лубочныхъ картинокъ въ Москвѣ производилась въ городѣ въ Овощномъ ряду, откуда онѣ покупались неоднократно и для царскаго обихода, главное же—у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ подъ чистымъ небомъ, гдѣ глашатаи выкрикивали объявленiя, а въ извѣстные дни производились

87. Видъ Спасскихъ воротъ, заимствованный изъ путешествiя Олеарiя XVII в.; о казняхъ, изображенныхъ на картинкѣ, подробно говорится въ главѣ XIV-й.

88. Изъ Венец. Меніи.

казни и правежи, и гдѣ съ утра до ночи толкался всякій людъ, кто съ товарами, кто съ вѣстями *). Продавались онѣ кромѣ того у воротъ Новгородскаго подворья, что̀ въ Барашевской слободѣ, въ двухъ проломахъ—у Никольской улицы и у церкви Гребневской Божіей Матери—и (по удостовѣренію Снегирева) у Троицы на Листахъ.

Продажа картинокъ гуртомъ производилась на самыхъ фабрикахъ; здѣсь закупали ихъ Владимірскіе офени тысячами, и затѣмъ развозили и разносили ихъ въ лубочныхъ коробахъ, по всей Россіи. Впослѣдствіи Московскіе заводчики стали привозить свой товаръ сами на знаменитыя ярмарки въ село Холуй, которыхъ тамъ въ году бываетъ пять (однѣхъ гуртовыхъ). Въ 1840-хъ годахъ картинки листового размѣра, раскрашенныя, продавались: въ розницу по 1—1½ копѣйки за штуку,

*) Тутъ же стояли и попы безъ мѣстъ, нанимавшіеся служить обѣдню; они расхаживали съ калачемъ въ рукѣ, торговались съ нанимателями и для большаго убѣжденія ихъ выкрикивали свое: „смотри закушу", т. е. давай, что̀ прошу, не то отвѣдаю калача и тогда обѣдни служить будетъ некому. Очень мѣткое четверостишіе сказалъ о Спасскихъ воротахъ нашъ извѣстный славянофилъ Хомяковъ:

Какъ у Спасскихъ у воротъ
Виденъ русскій нашъ народъ:
Гдѣ онъ молится и вѣритъ
Тутъ . . . .

Грязь кругомъ была непролазная. Каждый входившій черезъ ворота (на царскій дворъ, въ Кремль) снималъ, однако, шапку и крестился на помѣщенный надъ воротами образъ Смоленскаго Спаса.

сотнями по 1 рублю; двухлистовыя противъ того вдвое, и т. д.; гуртомъ за тысячу и болѣе—цѣны понижались еще на 25 и 50 со ста; въ новѣйшее время, съ приспособленіемъ къ этому дѣлу литографіи, картинки стали еще дешевле.

Относительно назначенія народныхъ летучихъ картинокъ въ древнемъ обиходѣ замѣчу, что картинки эти обращены были прежде всего на удовлетвореніе любознательности читавшаго люда. Хотя печать и замѣнила рукопись, но такъ какъ въ первое время печатались однѣ духовныя книги, а въ обществѣ все болѣе и болѣе развивалась охота къ чтенію сочиненій свѣтскихъ, то сочиненія эти, оставаясь по-прежнему въ рукописи, переписывались несчетное число разъ въ видѣ сборниковъ, при чемъ въ рукописи съ рисунками, вмѣсто копированія сихъ послѣднихъ, стали вклеивать нарочно изготовленныя на этотъ случай летучія гравюры (88—98)**). Кромѣ того, печатныя картинки долгое время замѣняли собою дорого стоющіе живописные образа, даже и въ церквахъ, такъ что и въ XVII вѣкѣ во многихъ храмахъ, вмѣсто такихъ образовъ, были образа бумажные, а печатные святцы находятся въ

89. Изъ Скоринской Библіи 1519 г.

**) Такими гравюрами наполнены, между прочимъ, рукопись Буслаева „Звѣзда пресвѣтлая", его же рукопись съ разными явленіями Богородицы, лицевыя Страсти Господни и житія святыхъ; большинство старинныхъ мелкихъ гравюръ только потому и сохранились до нашего времени, что были вклеены въ переплетенныя рукописи.

90. Изъ Кіев. Акаѳиста, 1614 г.

91. Смерть Ананія и Сапфиры, изъ «Бесѣдъ І. Златоустаго», К. 1614 г., раб. Т. П. (Тимоѳ. Петровича).

каждой почти церкви и до настоящаго времени.

Гравюры на мѣди и на деревѣ въ XVII вѣкѣ носили названіе фряжскихъ листовъ или потѣшныхъ нѣмецкихъ ли-

92. Изъ Кіев. Акаѳиста, 1674 г. (раб. мастера J. G.).

стовъ ***). Ими украшались постельныя палаты, въ которыхъ не вѣшали картинъ; малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ. Такъ,

93. Притча о блудницѣ, изъ кн. «Вѣнецъ Христовъ», К. 1688, раб. маст. Іоанна.

***) Эти листы были извѣстны у насъ несомнѣнно и ранѣе: еще въ 1565 году Венеціанскій посолъ Барберини предлагалъ въ Москвѣ тетрадь рисунковъ съ арабесками, листьями и тому подобнымъ (Забѣлинъ, Бытъ царей, 169); Англійскій же посолъ Коллинсъ, бывшій въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, видѣлъ въ Москвѣ голландскія карикатуры, въ которыхъ Англія была изображена въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами, а вокругъ множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами (Снегиревъ, Лубочн. карт., 10).

91. Изъ «Цвѣтной Тріоди», Л. 1664 г.

95. Изъ «Цвѣтной Тріоди», Л. 1664 г.

96. Изъ «Бесѣдъ Іоанна Златоустаго», М. 1664 г. (раб. мастера А. Р.).

98. Св. Варвара, гравир. мастеръ Софроній (XVIII в.).

97. Изъ «Бесѣдъ Іоанна Златоустаго», М. 1664 г. (раб. мастеровъ И. З.—А. Р.)

напримѣръ, въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 году, висѣло пятьдесятъ рамокъ съ листами фряжскими (Забѣлинъ, Бытъ царей, 169). Въ хоромахъ царевны Софьи Алексѣевны, въ 1686 году, висѣли на стѣнахъ, въ рамкахъ: образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, нѣмецкой печати на бумагѣ,—ризы и поля наклеены байберекомъ *); образъ Распятія—въ подножіи наклеенъ градъ Іерусалимъ; образъ Богородицы Ченстоховской—печатанъ на желтой тафтѣ (Забѣлинъ, Бытъ царей, 170). Такими же листами были увѣшаны стѣны въ палатахъ царевича Петра Алексѣевича; по нимъ наставникъ царевича Зотовъ **) преподавалъ ему первоначальныя свѣдѣнія о наукахъ. Немалое число фряжскихъ листовъ находилось и въ домахъ частныхъ лицъ: изъ описей XVII вѣка извѣстно, что въ домовой казнѣ патріарха Никона находилось 270 листовъ фряжскихъ и въ числѣ ихъ—два большіе листа съ изображеніемъ Космографіи (Временникъ Истор. Общ., XV. 114); въ описи имущества кн. В. В. Голицына упоминаются 12 персонъ нѣмецкихъ печатныхъ и четырнадцать листовъ землемѣрныхъ; а въ домѣ Артамона Матвѣева найдены гравюры: одна личина нѣмецкая, портретъ голландскаго князя Вилима, садовые чертежи, чертежъ Свейской и Датской земель, да три чертежа печатныхъ — Московской, Польской и Азіатской (Забѣлинъ, Бытъ царей, 171). Кромѣ царскихъ палатъ и боярскихъ хоромъ, летучія картинки составляли необходимую принадлежность почти каждой деревенской избы ***).

Картинки духовнаго содержанія наклеивались преимущественно въ избахъ по стѣнамъ, вслѣдъ за образами, и дополняли, въ нѣкоторой степени, обиходный крестьянскій иконостасъ. Для этой потребности онѣ издавна заготовлялись въ монастыряхъ и на фабрикахъ; онѣ и до сихъ поръ разносятся офенями по селамъ и деревнямъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ преимущественно расходятся изображенія тѣхъ святыхъ, которые «избавляютъ отъ разныхъ бѣдъ и болѣзней» (см. ниже, въ главѣ IV-й).

Въ XVIII вѣкѣ гравированныя картинки употреблялись еще въ видѣ поздравительныхъ листовъ, которые граверы подносили своимъ патронамъ въ дни ихъ тезоименитства *), снабжая при этомъ картинку приличными къ данному случаю виршами (99),—точно такъ, какъ простые

99. «Рожденіе тятеньки», поздравительная картинка.

смертные, въ извѣстные дни, дарили другъ друга чашками, ложками и яйцами съ выписанными на нихъ вензелями, эмблемами и надписями**); парни дарили дѣвокъ леденцами съ билетиками, а тѣ отдаривали ихъ печатными пряниками съ разными пожеланіями (100—102).

Многіе изъ этихъ подносныхъ листовъ гравированы довольно художественно и

*) Въ собраніи автора было нѣсколько картинокъ, въ которыхъ костюмы, зданія и другія околичности выклеены разными матеріями.

**) Впослѣдствіи „Князь папа и Презбургскій патріархъ Заяузья и всего Кукуя“.

***) Картинки эти горѣли вмѣстѣ съ избою, уничтожались при перестройкахъ и пропадали отъ сырости и гнили, такъ что, несмотря на громадное число экземпляровъ, въ которомъ онѣ выходили, почти каждый старинный листъ лубочнаго производства составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный, дошедшій до нашего времени, экземпляръ извѣстнаго изданія картинки, и только благодаря нѣсколькимъ любителямъ, обратившимъ вниманіе на эту отрасль народнаго обихода, мы имѣемъ богатыя и полныя собранія народныхъ картинокъ, по которымъ можемъ судить о прежнемъ производствѣ ихъ въ Россіи.

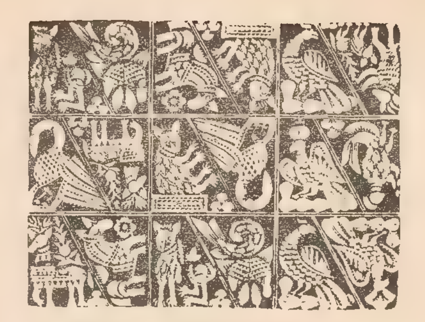
*) Изъ числа народныхъ картинокъ къ этому разряду относится Тессингово Зерцало, назначенное, какъ видно изъ находящейся на немъ надписи, для подарка прекрасному полу.

**) Ложки для подарковъ и до сихъ поръ въ ходу въ Сибирскомъ обиходѣ, съ такими, напримѣръ, надписями: „Сядишь за миня не зевай, ложку языкомъ до суха обтирай“, или: „налемъши вминя густо не будетъ въ брюхе пусто“, или еще: „паефши изменя до сыта помой и меня до чиста“. Надписи на печатныхъ пряникахъ можно прочесть въ превосходномъ изданіи по этой части—Голышева.

включены въ число народныхъ картинокъ потому только, что доски, на которыхъ они были награвированы, попали впослѣдствіи на Ахметьевскую и другія лубочныя фабрики, гдѣ посвятительныя подписи были затерты и затѣмъ отпечатки съ досокъ въ

этомъ измѣненномъ видѣ (а иногда и съ оставленіемъ прежнихъ подписей) пускались въ продажу на ряду съ лубочными картинками.

Обычай подносить поздравительныя картинки идетъ изъ Кіева, гдѣ архидіаконъ (а потомъ игуменъ) Иларіонъ Мигура, уже съ 1705 года, посвящалъ листы свои, въ дни ангела и въ дни новаго года,— гетману Мазепѣ, генеральному судьѣ Василію Кочубею, генеральному писарю Симеону Скаргѣ, генеральному есаулу Ломиковскому, архимандриту Жураховскому и отцу Корниловичу. Около того же времени граверъ Тепчегорскій поднесъ царевичу Алексѣю Петровичу свою большую гравюру съ изображеніемъ Алексѣя человѣка Божія, гдѣ, между прочимъ, были представлены: кн. Меньшиковъ, Лефортъ и другіе царедворцы (103).



100, 101 и 102. Старинные печатные пряники, назначенные для подарковъ.

Поздравительные листы подносились не только граверами, но и отъ имени цѣлыхъ учрежденій. Такимъ образомъ, гетману Мазепѣ была поднесена большая аллегориче-

103. Подносная картинка царевичу Алексѣю Петровичу отъ гравера Тепчегорскаго.

ская гравюра, работы Галаховскаго, «отъ Кіевской Духовной Академіи»; въ 1717 году Петру I-му поднесенъ портретный листъ служителями Санктъ-Петербургской типографіи; а въ 1725 году Екатеринѣ I-й поднесенъ ея собственный портретъ, работы А. Зубова, съ подписью: «сіе приносится отъ Сѵнода». Въ первой половинѣ XVIII вѣка граверы Карновскій и Зубовы подносили поздравительные листы своей гравировки, съ виршами,—какъ знаменитымъ особамъ, такъ и ихъ управителямъ, при чемъ однѣ и тѣ же вирши перепечатывались иногда подъ разными картинками. Послѣдній извѣстный поздравительный листъ относится къ 1741-му году (104).

104. Добрый пастырь.
Поздравительная картинка, поднесенная А. Зубовымъ епископу Тверскому Митрофану Слотвинскому, въ 1741 году.

Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ велся издавна, какъ со стороны духовнаго, такъ и со стороны свѣтскаго начальства; особенное же вниманіе сего послѣдняго обращали на себя портреты царской фамиліи.

Цензура за ними была учреждена съ 1723 года; въ томъ году было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны Государя и Государыни писались искусными мастерами, и затѣмъ продаваемые въ Москвѣ, по разнымъ мѣстамъ, безобразные царскіе портреты—отбирать и отсылать въ Синодъ. По смерти Заруднева объ этомъ указѣ позабыли; но осенью 1742 года императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, во время прогулки, были представлены два портрета—ея и в. кн. Петра Ѳеодоровича—необыкновенно безобразной гравировки; тутъ вспомнили указъ 1723 года: безобразные портреты предписано отобрать и сдать въ Сенатъ, Магистрату указано было — выбрать для наблюденія за этимъ дѣломъ на будущее время искуснаго мастера, вмѣсто умершаго Заруднева, а впредь до выбора—наблюденіе это поручить живописцу Вешнякову. Не ранѣе какъ черезъ три года послѣ этого переполоха изданъ портретъ Елизаветы, гравированный мастеромъ Ив. Соколовымъ съ оригинала Каравака, при Высочайшемъ указѣ, чтобы прочіе мастера «дѣлали и писали портреты Ея Величества на подобіе онаго Высочайше апробованнаго», который, впрочемъ, вышелъ немногимъ лучше прежней лубочной персоны. Восемьдесятъ лѣтъ спустя (въ 1826 году) цензура уже требовала, чтобы портреты Особъ Августѣйшей Фамиліи «имѣли художественное достоинство, приличествующее изображенію Особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство». Это желательное сходство и художественное достоинство относились, впрочемъ, къ однимъ доморощеннымъ произведеніямъ; заграничныя же произведенія этого разряда дозволено было пропускать, хотя бы они и не имѣли «совершеннаго сходства и изящества въ отдѣлкѣ» (указъ 1856 года).

Для народныхъ картинокъ до Петра I-го цензуры, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, не существовало. Мастера серебряники и монастырскіе граверы рѣзали свои доски, печатали ихъ и продавали въ народъ оттиски,—никого не спрашиваясь. Ввозились массами и произведенія иностранныхъ фабрикацій.

Со стороны духовнаго начальства въ первый разъ обращено вниманіе на этотъ промыселъ патріархомъ Іоакимомъ, который нашелъ неприличнымъ, что «всякіе невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и Святыхъ; другіе же поку-

паютъ такіе печатные листы, дѣланные Лютерами и Кальвинами, на подобіе лицъ своея стороны». Находя, что все это нарушаетъ чистоту народной нравственности и ведетъ къ небреженію иконъ, писанныхъ на доскахъ, патріархъ указалъ (около 1674 года)—печатаніе и продажу таких листовъ воспретить, подъ страхомъ жестокаго наказанія, самые же листы отобрать и истребить. Указъ этотъ не имѣлъ, однакоже, надлежащаго дѣйствія, и въ 1721 году Синоду пришлось подтвердить прежнее запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ—листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненные людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства; листы эти приказано обобрать и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, «запретивъ впредь таковые, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія». Для разсмотрѣнія такихъ изданій учреждена Петромъ І-мъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить (Снегиревъ, Лубочныя картинки, 25); но грозный указъ его былъ вскорѣ забытъ, и въ Москвѣ попрежнему самовольно печатались и продавались изображенія Спаса и святыхъ, такъ что указомъ 18-го октября 1744 года пришлось снова запретить рѣзать такія изображенія и приказано, чтобы всѣ рисунки были представляемы предварительно на апробацію епархіальныхъ архіереевъ и чтобы послѣ апробаціи, до выпуска въ свѣтъ изданія, первый оттискъ съ доски былъ представляемъ снова архіерею на утвержденіе («Странникъ» 1876, 177) *). Такимъ образомъ, до изданія цензурнаго устава всѣ картинки духовнаго содержанія разрѣшались въ печать, по порученію Синода, мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ.

105. Портретъ императрицы Елизаветы Петровны, работы Конона Тимофеева, который запрещено продавать въ виду его безобразія.

Именнымъ указомъ 13 января 1783 года (Полн.

*) Указомъ 1760 года запрещено продавать изображенія новоявленнаго святителя Димитрія Ростовскаго, печатанныя своевольно деревянными досками, съ его чудесами, которыя св. Синодомъ еще не апробованы; въ силу указовъ 1744 и 1745 годовъ, всѣ оттиски этихъ изображеній и самыя доски у продавцовъ отобраны, причемъ объявлено, что ежели кто впредь пожелаетъ что подобное печатать, то не иначе какъ съ апробаціей св. Синода.

Собранія Законовъ 15.654) дозволено въ городахъ и станицахъ заводить типографіи и печатать книги, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ «ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать». Это правило примѣнялось всецѣло и къ народнымъ картинкамъ; въ моемъ собраніи находится цѣлая книга съ картинками, печатавшимися на Ахметьевской фабрикѣ, вся скрѣпленная по листамъ полицеймейстеромъ Московской Управы Благочинія,—послѣдняя помѣта его сдѣлана около 1770 года. Именнымъ указомъ 15 мая 1790 года (Полн. Собр. Зак., 16.868) назначенъ особый цензоръ для разсмотрѣнія книгъ при Управѣ Благочинія, съ тѣмъ, однакоже, чтобы Управа отвѣчала за все сама. Привозимыя изъ-за границы картинки проходили черезъ ту же цензуру; но 18-го апрѣля 1800 года (Полн. Собр. Зак., 19.387) нежданно вышелъ указъ, въ которомъ было объявлено, что «... такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ Государство Наше, равномѣрно и музыку» *). Впрочемъ, такое огульное запрещеніе было вскорѣ уничтожено (31 марта 1801 г.). Около того же времени (указомъ 1799 года) учреждены духовные цензоры при Московскомъ Донскомъ монастырѣ и при Лаврахъ: Александро-Невской въ Петербургѣ и Печерской въ Кіевѣ, къ которымъ стали обращаться за пропускомъ картинокъ духовнаго содержанія.

Затѣмъ началось дѣйствіе знаменитаго Шишковскаго цензурнаго устава 1826 года, которымъ дозволялось печатаніе однѣхъ «нравственныхъ и полезныхъ или по крайней мѣрѣ безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если они только не касаются личности». На введеніе этого устава потребовался громадный, по тогдашнему времени, расходъ въ 84.800 рублей. «Сколь ни значительна», замѣчаетъ сочинитель устава, «сама по себѣ таковая издержка, но какъ она послужитъ въ огражденіе вѣры отцевъ нашихъ, преданности къ Престолу, любви къ отечеству и чистоты нравовъ народныхъ,—сего священнаго наслѣдія предковъ нашихъ, то я... не колеблюсь... и прочее». — Вслѣдъ затѣмъ утвержденъ и уставъ духовной цензуры (22 апрѣля 1828 года). Несмотря на то, что Шишковскій уставъ говорилъ положительно, что прописи, рисунки, чертежи, картины, портреты.... подлежатъ вѣдѣнію цензуры (§ 2-ой),—народныя картинки свѣтскаго содержанія незамѣтно выключили себя изъ этого вѣдѣнія, и стали попрежнему распродаваться въ народѣ безъ участія новой цензуры, и только, въ 1839 году, вслѣдствіе частныхъ цензурныхъ распоряженій, были вытребованы въ комитеты и процензурованы всѣ народныя изданія сказокъ, а также портреты особъ Императорской Фамиліи и разныхъ героевъ, начиная съ героевъ 1812 года.

Въ 1850 году предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для провѣрки: «нѣтъ ли чего вреднаго въ сочиненіяхъ, пропущенныхъ цензурными комитетами», дѣйст. тайн. совѣтникомъ Бутурлинымъ, былъ поднятъ вопросъ о лубочныхъ картинкахъ и произведеніяхъ печати, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Вопросъ этотъ разсматривался разными вѣдомствами, которыя пришли къ тому убѣжденію, что новаго по этому предмету издавать ничего не слѣдуетъ, а просто надо-де предписать, чтобы впредь приготовляемыя къ изданію народныя картинки представлялись въ цензуру на общемъ основаніи; что же касается до старыхъ картинокъ, издававшихся безъ цензуры, то обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны 1311 статьей

*) Цѣль запрещенія музыкальныхъ произведеній объясняется слѣдующимъ опредѣленіемъ, составленнымъ въ Главномъ Управленіи Цензуры, пятьдесятъ лѣтъ спустя (15 марта 1851 г.): „имѣя въ виду опасеніе, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу.... и т. д.“. Въ моемъ собраніи есть достойный замѣчанія куншт по этой части: простой, линованный, безсловесный транспарантъ того времени, съ помѣтою цензора: „печатать позволяется“.

Уложенія о наказаніяхъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ разсказываетъ И. И. Голышевъ, Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго; въ исполненіе этого приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали въ ломъ, въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ, прекратило свое существованіе наше безцензурное народное балагурство (Голышевъ, О лубочн. картин., 16).

Во многихъ мѣстахъ, однакоже, старинныя мѣдныя доски были представлены въ цензуру, пропущены ею и печатаніе съ нихъ продолжалось даже до настоящаго времени у гг. Морозова, Голышева и другихъ издателей, при чемъ картинки печатались не съ оригинальныхъ досокъ, а съ переводовъ на камень.

Наши картинки 6-го отдѣла, рѣзанныя на мѣди въ нынѣшнемъ столѣтіи, ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ плохихъ картинокъ французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ. Въ настоящее время, въ Европѣ, простонародныхъ картинокъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ: картинки для народа дѣлаютъ хорошіе мастера (въ Германіи они дѣлали ихъ и въ древнее время), и отличаются онѣ отъ барскихъ художественныхъ произведеній только упрощеніемъ способа ихъ выдѣлки, печатаніемъ на бумагѣ невысокаго разбора и крайней дешевизной своей, которая, несмотря на ихъ художественное достоинство, дѣлаетъ ихъ общедоступными. Только въ католическихъ земляхъ (Франціи и Италіи) еще можно найти на рынкахъ и ярмаркахъ отвратительно плохія картинки духовнаго содержанія, которыми снабжается до сихъ поръ ихъ религіозное простонародье.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нашимъ народнымъ картинкамъ-простовикамъ предстоитъ та же участь. Въ настоящее время большая половина ихъ уже получила художественную окраску. Несмотря на ихъ сравнительно высокую цѣну, эти новыя картины бойко требуются въ народѣ и сбытъ прежняго дешеваго простовика ограничивается все болѣе и болѣе; простовикъ этотъ идетъ уже въ одни самые заглушные углы нашего многомилліоннаго населенія въ которыхъ еще несовсѣмъ понятны художественные пріемы и литературные тексты новыхъ картинокъ, и въ которыхъ покуда предпочитаются еще доморощенныя измышленія собственныхъ полубезграмотныхъ грамотѣевъ.

Надо ожидать, что это кровное народное дѣло перейдетъ въ недалекомъ будущемъ въ руки даровитыхъ нашихъ художниковъ, которые отзовутся на требованія и нужды простого человѣка и создадутъ для него, рядомъ съ народной литературой, истинно народную, но художественную русскую картину.

Кромѣ литературнаго и художественнаго интереса, наши старыя народныя картинки представляютъ еще значительный историческій матеріалъ для изученія народнаго обихода. Изъ нихъ мы узнаемъ, чему и какъ учился русскій человѣкъ недавняго времени и что̀ читалъ; какое мѣсто занимала въ домѣ его женщина, чему онъ вѣрилъ и гдѣ молился; какъ веселился и пировалъ.

Въ слѣдующихъ главахъ заключаются замѣтки о содержаніи и текстѣ народныхъ картинокъ. Замѣтки эти раздѣлены по предметамъ: гл. IѴ, притчи о женщинѣ и женскихъ злобахъ,—женитьба; Ѵ, ученье и учебныя пособія; ѴI, календари и альманахи; ѴII, книги и листки для легкаго чтенія; ѴIII, легенды; IX, народныя увеселенія; X, театральныя представленія,—музыка и пляска; XI, шутовство и сатиры; XII, карикатуры 1812 года; XIII, народное богомолье — и, наконецъ, XIѴ, картинки, дѣланныя для народнаго назиданія, по заказу Правительства.

IV.

Женщина по взглядамъ Пчелы и духовныхъ бесѣдъ. Женскія злобы. Виргилій и Аристотель. Запава Путятична и Апраксѣевна. Пьяная баба всякому жена. Картинки, представляющія любовное волокитство за женщинами и ихъ невѣрность. Повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Дамскія персоны легкаго поведенія: Херсоня, пастушки, продажныя нѣмки; помѣха въ любви. **Женитьба.** Разговоръ дѣвицы съ похотливымъ старикомъ. Женихъ и сваха. Разсужденіе о женитьбѣ и о невѣстахъ. Роспись приданому. Невѣста въ банѣ. Доброе и худое домоправительство. Мужъ жену бьетъ, зачѣмъ негодная дома не живетъ. Разженитьбы нѣтъ.

Картинки, изображающія любовное волокитство, женскую хитрость и злобу, невѣрность и увертки женщины въ любовныхъ дѣлахъ, составляютъ въ ряду народныхъ картинокъ—особый, довольно крупный отдѣлъ. Содержаніе ихъ заимствовано изъ двухъ совершенно несходныхъ источниковъ: духовнаго—изъ книги Пчелы и словъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, и свѣтскаго—изъ повѣстей и забавныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ почти всегда изъ западной литературы.

Картинки перваго рода составлены по взглядамъ духовныхъ отцовъ, сочинителей Пчелы. Надобно отдать справедливость, отцы эти преслѣдовали женщину съ особеннымъ упорствомъ и относились къ ней съ какою-то аскетическою злобою: во всемъ и вездѣ она виновата. Если, напримѣръ, старецъ или мнихъ увидитъ дѣвицу, то непремѣнно бѣсъ вложитъ въ него «злый помыселъ», при чемъ мнихъ всегда всю вину и собственное свое «окаянство» сваливаетъ на жену—«орудіе дьявола», и, въ видѣ особеннаго подвига, предаетъ смерти жертву своего сластолюбія *). «Что такое злая жена?»—спрашиваетъ самъ себя авторъ Пчелы,—и самъ себѣ отвѣчаетъ: «око дьявола, торгъ адовъ, подобна есть перечесу, всюду болитъ и всюду свербитъ; воевода неправедный, стрѣла сатанина, уязвляетъ сердца юныхъ и старыхъ въ несытное блужденіе». Въ бесѣдѣ отца съ сыномъ, передѣланной изъ той же Пчелы, описывается, напримѣръ, какъ кокетка XVII вѣка отправляется «устрѣлять» человѣческія сердца. Сперва она «прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандаліи обуваетъ, и вѣжды свои ощиплетъ, и духами учинитъ, и лице и выю вапами повапитъ (покраситъ), и черности въ очесѣхъ себѣ украситъ *); когда идетъ, — ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ, а зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкой отверзаетъ и всѣ составы къ прелести ухищряетъ, и многія души огнепальными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ зловоннымъ видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ». Не лучше того описывается жена льстивая, которая обманываетъ мужа своими ласками, а только мужъ за дверь,—она принимается за молодыхъ любовниковъ, «въ оконце часто призираетъ, скачетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою киваетъ». Поученія Пчелы заканчиваются наборомъ всякой брани противъ женщины: она-то и ехидна, и скорпія, и левъ, и медвѣдь **), и аспидъ, и василискъ, и похоть несытая, и не-

*) Въ церкви Саввы освященнаго, въ Москвѣ, подобный эпизодъ написанъ на сѣверной двери.

*) Это нынѣшнее велюте.

**) Въ одной рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, противъ этихъ названій рукою одного озлобленнаго супруга отмѣчено: «подобное оной заповѣди, моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ»; а противъ слова «скорпія»—такая же отмѣтка: «и сія подобна во всемъ».

правдамъ кузнецъ, и грѣхамъ пастухъ и вапыкательница *), — и, въ заключенiе «б... словiя гостинница». Въ той же бесѣдѣ разсказываются и разныя исторiи по этой части: «Нѣкоему умре жена зла; онъ же по многихъ днехъ нача дѣти своя продавати; люди же его кленяху, онъ же рече имъ: боюся, егда како въ матерь будутъ, аще возростутъ, то они меня продадутъ».—Другая исторiя: «Нѣкто плачася по женѣ и глаголя: не сего ради плачу, зане умре ми жена; но сего плачу, аще будетъ и другая ей подобная». — Третья исторiя: Нѣкоего звали на дворъ посмотрѣть на представленiе съ обезьянами, «а онъ отвѣтилъ: нейду, братъ, дома имамъ обезьяну жену злообразну».

Въ одномъ словѣ Iоанна Златоуста, «о злыхъ женахъ», ехидство женскаго пола доказывается разными примѣрами изъ Священнаго Писанiя и древней исторiи: въ Ветхомъ Завѣтѣ — «жены ради, Адамъ былъ изгнанъ изъ рая; царей Давида и Соломона жены погубили; Ной праведный отъ жены напоенъ виннымъ квасомъ; жена хотѣла погубить Iосифа; китъ Iону во чревѣ сохрани, Далила же мужа своего Самсона, остригши, иноплеменникомъ предаде»; въ Новомъ Завѣтѣ—Иродiада усѣкла Iоанна Крестителя, а Евдокiя заточила Iоанна Златоуста въ Армены.

Въ среднiе вѣка подобныя обвиненiя женщины были въ общемъ ходу, какъ у писателей, такъ и у художниковъ. Въ французскомъ монастырѣ въ Перигё, напримѣръ, на одной изъ колонокъ внутренней галлереи художникъ представилъ, рядомъ съ грѣхопаденiемъ первыхъ человѣкъ, извѣстныя любовныя продѣлки съ поэтомъ Виргилiемъ и мудрецомъ Аристотелемъ. Виргилiй влюбился безъ памяти въ одну принцессу,—она назначила ему свиданiе; но красавица жила въ высокой башнѣ, добраться до нея надобно было воздушнымъ путемъ въ корзинкѣ; корзинка была спущена изъ верхняго окна на веревкѣ, Виргилiй усѣлся въ нее, былъ поднятъ до половины и, по приказанiю красавицы, оставленъ въ такомъ положенiи между небомъ и землей, на общее посмѣянiе. Мудрецъ Аристотель попался еще хуже: пожаловался онъ однажды царю Филиппу, что сынъ его Александръ, вмѣсто науки, занимается волокитствомъ за фрейлиною Филидою; любовныя похожденiя были, конечно, прiостановлены, но Филида задумала, какъ бы отомстить разлучнику. Разъ какъ-то утромъ пошла она за водой; идетъ мимо окна Аристотеля, да и подняла юбочку повыше колѣна,—залюбовался сѣдой лиходѣй красавицей; Филида бросила ему горсть цвѣтовъ, да нѣсколько любовныхъ взглядовъ,—потерялъ голову Аристотель, побѣжалъ вслѣдъ за соблазнительницей и началъ уговаривать ее на любовь, предлагая деньги, алмазы, все, чего только пожелаетъ. Чтобы помучить сѣдого умника, Филида заставила его стать на карачки, сѣла на него верхомъ и погнала на четвереолькахъ по садовымъ дорожкамъ, къ немалому удовольствiю зрителей, сбѣжавшихся посмотрѣть на такое потѣшное зрѣлище. Этотъ забавный эпизодъ съ Аристотелемъ представленъ и на одной изъ нашихъ народныхъ картинокъ, въ передѣлкѣ на русскiе нравы Петровскаго времени; онъ озаглавленъ такъ: «Нѣмка ѣдитъ на старикѣ, на старомъ д.....е, на большой бородѣ, посулила ему скляницу вина, да курганъ пива, да съ ногъ его сшибла», при чемъ нѣмка представлена въ чухонскомъ платьѣ, съ чалмой на головѣ; она сидитъ верхомъ на борода-

*) Т. е. покрывающая себя красками.

106. «Нѣмка ѣдетъ на старикѣ».

томъ старикѣ, который плетется, опираясь на клюку, а сзади посыпаетъ опекишами; въ рукахъ у нѣмки штофъ съ виномъ и кувшинъ съ пивомъ (106).

Конечно, проповѣдное озлобленіе Пчелы и Бесѣдъ противъ женщины не имѣло никакого значенія въ народномъ быту: народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ — гораздо проще и трезвѣе. По его глупому разуму: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, — значитъ и слѣдуетъ ему бабу достать, да дѣтишекъ завести, чтобы кормить кому подъ старость было, и не умерщвленіемъ плоти заниматься, а просто работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ, — значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да ктому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе у составителя Пчелы — не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ злобный отшельникъ далеко не прочь залучить въ свою келію «повапленаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Что касается до женскаго ехидства и увертокъ, то нельзя сказать, чтобы и встарину женскій полъ отличался особенною нравственностью,—на любовныя продѣлки его, однакоже, народъ смотрѣлъ не глазами Пчелы, а почти такъ же снисходительно, какъ и на продѣлки мужской братіи. Всѣ знаютъ, напримѣръ, что Чурило Пленковичъ ходитъ по ночамъ къ прекрасной Катеринѣ, женѣ стараго Бермяты,—знаютъ, «да только посмѣиваются» (Русск. Народн. Карт., изд. І-е, IV. 97). А какова знаменитая Апраксѣевна, которую Алеша Поповичъ въ сердцахъ «чуть не назвалъ сукой волочайкой»? — Татарскій рыцарь, «идолище», безъ зазору при всѣхъ у ней въ пазухѣ руки грѣетъ. Раззадорившись на молодого Касьяна, она подсылаетъ Алешу Поповича звать его къ себѣ «на долгіе вечера посидѣть» и, когда Касьянъ, какъ новый Іосифъ, отъ такой чести отказывается,—ненасытная княгиня приказываетъ подложить ему въ сумку серебряную чарку и обвиняетъ его въ воровствѣ; затѣмъ, сама отъ неудовлетворенной похоти заболѣваетъ проказою и, когда Касьянъ излѣчиваетъ ее отъ недуга, она «безъ стыда и безъ сорому», будто ни въ чемъ не бывало, выходитъ къ князю и къ гостямъ на поклонъ, при чемъ терпѣливый Владиміръ даже никакого ей наставленія на этотъ конецъ не дѣлаетъ. На Чурилу Пленковича похотливая Апраксѣевна зарится еще безстыднѣе*). Былины эти сложились, конечно, не ранѣе XVII вѣка, когда, по словамъ Олеарія, между женскимъ поломъ развилось сильное пьянство и разгулъ: пили и боярскія жены, и купчихи, и мѣщанки, всѣ напивались до пьяна, а «баба пьяна, — говоритъ пословица, — вся чужа», т. е. всякому жена. Въ этомъ отношеніи просвѣщеніе двигалось у насъ впередъ гигантскими шагами. Съ легкой руки Петра, женщина выведена была разомъ изъ всякой опеки: асамблеи, постоянныя попойки и своеобразные придворные обычаи привели дѣло къ тому, что въ XVIII столѣтіи пословицу о пьяныхъ женахъ можно было примѣнить безъ особой натяжки и къ большинству трезвыхъ женщинъ. Въ народныхъ картинкахъ того времени представлены въ лицахъ любовныя продѣлки персонъ всѣхъ сословій и состояній и при разныхъ условіяхъ. Впереди идутъ обиходныя любезничанья, по большей части промежъ барской дворни: душа Танюшка, — проситъ (лакей) Ванюшка, — люби меня, будь во вѣкъ моя, ну и Таня «рученьку дала, Ваню милымъ назвала» (107); «Яковъ кучеръ кухарку обнимаетъ, а она его отъ себя пихаетъ, — пожалуй, поди прочь, я вѣдь не кобылья дочь» (108); «отдай мнѣ ведра», — кричитъ дворнику судомойка (109); «черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ», — шепчетъ франтъ барышнѣ, — «тебя не убудетъ, а мнѣ радости прибудетъ» (110). Другой франтъ неотступно пристаетъ къ блинщицѣ, которая показалась ему «очень миленька за тѣмъ, что сзади ужъ больно крутенька»; блинная печка стоитъ на трехъ ножкахъ, вверху сидитъ преумори-

*) Въ то время и дѣвицы были не труслпвѣе замужнихъ: пришла, напримѣръ, княжеская племянница Запава Путятична къ Соловью Будиміровичу въ палаты,—сама за него свататься; тотчасъ Соловей ее за бѣлыя ручки, да и на перины пуховыя: «чего-де ты, Запава, испужалася? мы-де оба на возрастѣ».— «А и я, отвѣчаетъ Запава, дѣвица на выданьѣ, пришла сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвпли (см. «Русск. Нар. Карт.», IV. 88. 89).

тельный котъ съ растопыренными ушами, дымъ валитъ коромысломъ; въ текстѣ картинки подробно объяснено, чего доби-

108. Яковъ кучеръ съ кухаркой. 107. Танюшка и Валюшка.

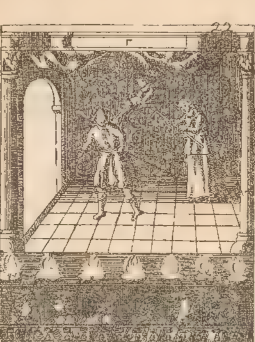
109. Отдай мнѣ ведра.

вается этотъ франтъ отъ блинщицы. На другой картинкѣ приказчикъ угощаетъ сосѣдку яблоками, которая, соглашаясь ихъ кушать, замѣчаетъ своему ферлакуру: «вижу всѣ ваши догадки и давно о томъ мушу (смѣкаю), что хочешь повалить меня подъ грушу».

110. Черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ.

На ряду съ этими картинками, представляющими обиходныя, случайныя любовныя приключенія и приставанія, встрѣчаются приключенія и такихъ госпожъ, которыя любовь обратили въ ремесло. Еще Олеарій замѣтилъ, что по гостиному двору взадъ и впередъ шныряли съ разными печеньями и овощами женщины, которыя вмѣстѣ съ печеньями предлагали и секретный сырой товаръ. Въ «Комедіи о блудномъ сынѣ» находимъ двѣ картинки, изъ которыхъ въ одной, подлѣ кровати блуднаго, — стоитъ наемная блудница (111), а въ другой представленъ цѣлый домъ прелюбодѣицъ: одна блудница гонится за блуднымъ съ кочергою, а другая выливаетъ на него горшокъ съ уливой (112). При большемъ знакомствѣ съ Европою, и съ наплывомъ къ намъ нѣмокъ, полекъ и француженокъ, — торговля этимъ товаромъ сдѣлалась еще открытѣе, и смѣлыя авантюристки часто заднимъ крыльцомъ добирались до высшихъ почестей. На одной картинкѣ представлены по этой части: солдатъ приглашаетъ франтиху, (113), панъ Трыкъ (полна пазуха лыкъ, — три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковы-

111. Блудный сынъ съ наемной прелюбодѣйкой.



112. Прелюбодѣицы прогоняютъ блуднаго сына.

113. Солдатъ приглашаетъ франтиху.

ряетъ) и дамская персона Херсоня, которая «по ночамъ неусыпаетъ»; на другихъ—молодыя нѣмки кормятъ стариковъ кашей и сосками; еще на одной—нѣмка ѣдетъ верхомъ на старомъ старикѣ (объ этой картинкѣ говорено выше). Далѣе, на одной картинкѣ представлены охотникъ и пастушка во французскихъ костюмахъ (114), послѣдняя говоритъ:

«Я съ малыхъ лѣтъ привычки сей держуся
Безъ денегъ ни съ какимъ красавцемъ не люблюся,
А для прибытка я со всѣми не дика,
За деньги я любить готова хоть быка»;

114. Охотникъ и пастушка.

тѣ же самыя вирши помѣщены и на другой картинкѣ (№ 115), на которой провинціальный франтъ изъ Шуи (гдѣ онъ носилъ козлиную шубу), съ высокимъ тупеемъ, любезничаетъ съ продажной франтихой. Наконецъ, еще на одной картинкѣ

115. Франтъ изъ Шуи и продажная франтиха.

съ французскаго образца, представлена цѣлая компанія франтовъ, пирующихъ въ

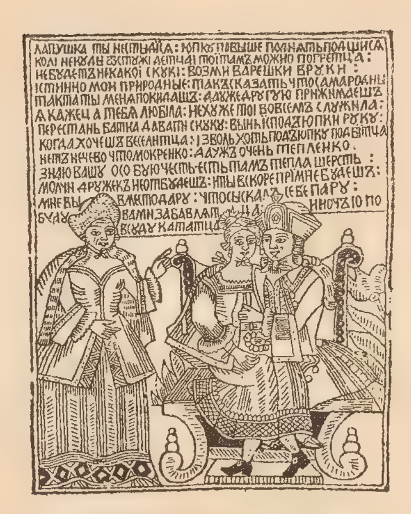
116. Компанія пирующихъ любовниковъ.

обществѣ кокотокъ, притомъ съ преглупыми виршами, въ стилѣ второй половины XVIII вѣка (116). Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе доморощенныя измышленія, какъ, напр.: «хоть и старенекъ, да съ деньгами миленекъ»,—говоритъ красавица, усадивъ на свои колѣни сѣдого старика; «а ты»,—замѣчаетъ она молодому человѣку,—«хоть и въ хорошемъ кафтанѣ, да ничего нѣтъ въ карманѣ, что̀ и сидѣть тебѣ болѣ, отойди, когда голи». На дру-

117. Хоть и старенекъ, да съ деньгами миленекъ.

гой картинкѣ сѣдой пострѣлъ проситъ красавицу полюбить его—«хоть изъ милости»; «не дури старый песъ», — грозитъ ему прелестница. Такого же рода картинки: двѣ молодки на одного молодца (118); eралашъ съ молодицей; любовное предложеніе, и еще двѣ картинки, скопированныя съ французскихъ образцовъ: горюетъ дѣвушка (№ 156) и помѣха въ любви. Послѣдняя очень забавна: она представляетъ господина, которому любопытный прохожій помѣшалъ въ любовной забавѣ «съ нѣкоей госпожей».

Что касается до картинокъ, въ которыхъ описаны увертки и любовныя приключенія замужнихъ женщинъ, то почти всѣ онѣ заимствованы или скопированы съ иностранныхъ образцовъ. Разговоръ мужа съ женою, которая наивно отвѣчаетъ



118. Двѣ молодки на одного молодца.

119. Невѣрная жена.

ему: «что я люблю другихъ,—вѣдь ты не убываешь»; невѣрная жена, которая «перемѣнки пожелала, волокита къ ней присталъ» (119); еще жена, которой мужъ «другихъ любить не возбраняетъ,—онъ отъ того доходъ великій получаетъ», и, наконецъ, женская разсѣянность, всѣ скопированы съ французскихъ гравюръ въ ту же мѣру. Принужденное терпѣніе нѣкоего терпѣливаго отца, которому жена родитъ ребятъ безъ его вѣдома,—скопировано въ ту же

мѣру съ нѣмецкой картинки, а рейтаръ рогоносецъ на пѣтухѣ и рейтарша, жена его, на курицѣ (№№ 74 и 75)—печатаны прямо съ нѣмецкихъ досокъ, при чемъ русскія надписи сдѣланы вмѣсто соскобленныхъ нѣмецкихъ. Остальныя картинки заимствованы изъ книжной литературы XVIII вѣка, а именно: повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ— переведена съ сокращеніями изъ Декамерона Боккачіо; о женатомъ волокитѣ—перепечатана изъ сочиненій Аблесимова. Съ западныхъ оригиналовъ заимствованы: повѣсть о шутѣ и трактирщицѣ и лукавая жена, «которая замужемъ двадцать недѣль была и въ то время ребенка родила; мужъ пришелъ отъ того въ великое сумлѣніе», но жена нашлась въ отвѣтѣ: «вѣдь я, мужъ, двадцать недѣль за тобою, да двадцать недѣль, какъ ты живешь со мною, и того будетъ сорокъ!» простакъ такъ и не спохватился, а еще себя обвинилъ въ недогадкѣ; наконецъ, повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ (120), которая, очевидно, переведена съ французскаго языка, такъ какъ и самое дѣйствіе происходитъ во Франціи. Эта послѣдняя повѣсть заключаетъ въ себѣ подражаніе весьма древнимъ разсказамъ о женскихъ уверткахъ. У стараго богатаго купца была молодая жена; понравился ей сильно хозяйскій прикащикъ, — вотъ и спрашиваетъ она его разъ, что онъ такое пишетъ. Прикащику въ то время было недосужно, да и не предполагалъ онъ за ней любовнаго дѣла, потому и отвѣтилъ грубо: «пишу, сударыня, о бабьихъ уверткахъ». «Хорошо же, покажу я тебѣ бабьи увертки»,—подумала купчиха. Черезъ нѣсколько времени, когда уѣхалъ ея мужъ, приказала она позвать прикащика къ себѣ въ спальню. Тары-бары,—смотритъ, мужъ на дворъ; только успѣла спрятать прикащика за картину,—мужъ входитъ въ комнату. «Попадешь ли ты въ эту картину, старый?»—спрашиваетъ его жена; «отчего не попасть». Беретъ старикъ ружье,—цѣлится; прикащикъ со страху за картиной обмираетъ; раздается выстрѣлъ,—купецъ промахнулся: жена отшибла у него ружье въ сторону. «А каковы, прикащикъ, кажутся тебѣ бабьи увертки?»—спрашиваетъ его купчиха, когда мужъ ушелъ изъ спальни. Затѣмъ, изобрѣтаются двѣ новыя увертки: купчиха, чтобы мужъ не засталъ прикащика у нея въ спальнѣ, — въ первый разъ запираетъ прикащика въ шкапъ, а въ другой ведетъ его съ собою париться въ баню; оба раза она смѣло выручаетъ прикащика изъ бѣды своими увертками, и, наконецъ, объявляетъ ему, что теперь можетъ онъ любиться съ нею безъ опаски, и что отъ мужа она можетъ всячески отговориться. Впослѣдствіи, старикъ померъ; купчиха вышла за прикащика, который «сколько ни обращался, а какъ присмотрѣлъ, — увертокъ боялся, мнилъ: аще и его не будетъ любить, не можно ее ни въ чемъ уловить».

Пришедши въ совершенныя лѣта, добрый молодецъ (я говорю о городскомъ сословіи, ибо наши картинки преимущественно до него относятся) задумываетъ завести свой уголъ, — свою жену, надъ которой бы можно свой ндравъ показать; свою семью, въ которой одному хозяиномъ быть. Начинаетъ онъ разсуждать о женитьбѣ. Встарину дѣвокъ выдавали на Руси, не спрашивая на это ихъ согласія. «Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, яко въ Московскомъ государствѣ», — говоритъ Котошихинъ: «здѣсь нѣтъ обычая видѣться жениху съ невѣстой и уговариваться съ нею самому». Конечно, это велось больше въ боярскомъ и зажиточномъ классѣ, гдѣ дѣвицъ держали до свадьбы взаперти, да и потомъ съ женщинами обращались по-восточному. Цари тоже разсматривали своихъ невѣстъ до свадьбы. Для Ивана Грознаго было собрано, напр., 2000 дѣвицъ: по свидѣтельству Гейденштейна, царь долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, пріятностяхъ и умѣ, и выбралъ изъ числа ихъ—24 дѣвицы, а затѣмъ всего 12. Тишайшему царю Алексѣю было представлено только 200 невѣстъ.

Въ нижнемъ и среднемъ классахъ народа дѣвушка всегда могла видѣться съ парнемъ—и на работѣ, и во время гулянья, и очень коротко познакомиться съ нимъ до свадьбы и безъ свадьбы. Но и здѣсь свадьба всего чаще игралась безъ согласія молодыхъ, по одному произволу родителей. Уже въ 1675 году архіепископъ Муром-

120. Повѣсть забавная о купцовой женѣ и о прикащикѣ, въ 8 картинкахъ.

скій и Рязанскій обращалъ вниманіе своей паствы на это зло, и указывалъ, чтобы ранѣе 15-ти лѣтъ жениха и 12-ти лѣтъ невѣсту не вѣнчать, и чтобъ при этомъ было обоихъ изволеніе не нужное (согласіе не вынужденное) на сожительство (Пискаревъ, Древн. Грам., СПб. 1854, 131). Указомъ Петра I повелѣвалось жениху и невѣстѣ прежде вѣнца нѣсколько разъ видѣться, и безъ согласія ихъ на бракъ не вѣнчать. Распоряженія эти имѣли свое дѣйствіе: по крайней мѣрѣ, до насъ дошли пѣсни—и на выборъ невѣстою жениха, и на согласіе невѣсты на замужество. Въ «Памятникахъ старинной русской литературы» графа Кушелева (II. 453) встрѣчаемъ очень куріозный разсказъ о томъ, какъ молодая дѣвица давала отвѣтъ старому мужу, хотѣвшему взять ее замужъ, — разсказъ, который прямо наводитъ на мысль, что дѣвицы наши не всегда безропотно выходили замужъ, за кого прикажутъ родители. Сватается къ молодой дѣвицѣ мужъ — «весьма старъ, но еще костью храбръ и плотію встанливъ»; обѣщаетъ онъ ей всякія блага, но ничто не дѣйствуетъ. «Не хочу идти за тебя стараго смерда, понурую свинью»,—говоритъ дѣвица,—«если же ты возьмешь меня неволей, и скоро уды твои ослабнутъ, и волосъ пожелтѣетъ, и плотскому моему естеству не утѣха будеши. Тогда азъ дѣвица отъ распаленія вниду въ преступленіе съ младымъ отрокомъ, и ему будетъ во всемъ почетъ, и любовь, и обиліе: здобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да мягкія перины; а тебѣ, кислой проскващѣ, спать на голыхъ доскахъ, подъ соломенной рогожей, съ собаками, пить тебѣ болотную воду, ѣсть тебѣ черствый хлѣбъ». Такъ и не вышла молодица за стараго, а вышла за молодца хорошаго; а старина бѣгалъ, бѣгалъ со своимъ сватовствомъ, да и удавился. «Молодой дѣвицѣ честь и слава», — прибавлено въ концѣ разсказа, «а старому мужу—каравай сала!»

Съ согласія ли, безъ согласія ли молодыхъ, играется свадьба, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней являлась сваха, безсовѣстная привираха. Она расписывала передъ женихомъ красоту невѣсты, присутствовала при рукобитіи, справляла переговоры о приданомъ, и заправляла свадебными приготовленіями. На одной изъ нашихъ картинокъ (121) представленъ разговоръ по этой части молодого жениха со свахою,—оба они въ шутовскихъ костюмахъ. сваха предлагаетъ жениху раз-

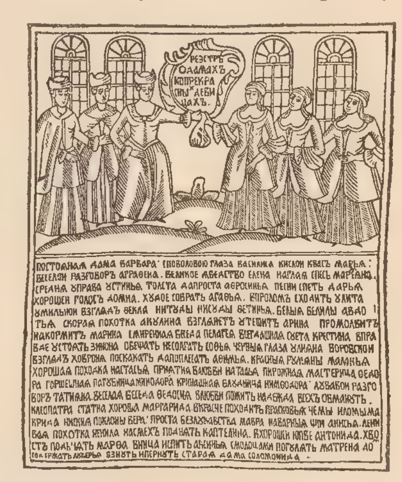
121. Женихъ и сваха въ шутовскихъ костюмахъ.

ныхъ невѣстъ — богатую, разумную, красивую; «хочу имѣть покой», — говоритъ женихъ; «такъ не бери никакой»,—кончаетъ сваха. На другой картинкѣ (122)

122. Женихъ и сваха.

приведенъ смѣхотворный разговоръ глупаго жениха съ дурою свахою: «Уже пришли мои совершенныя лѣта», —говоритъ женихъ,—«хочется мнѣ жениться и съ любезной повеселиться, а я, какъ видишь, чѣмъ не молодецъ, и носъ у себя имѣю съ немалый огурецъ, копѣечка водится у меня, такъ надѣюсь, что и въ кокошничкѣ полюбитъ меня. Изрѣдка напиваюсь, щегольски наряжаюсь; трость, штаны и шляпа—дана не малая плата, а объ чулкахъ и башмакахъ—что ужъ калякать; постарайся поскорѣе свадебку сляпать, а то еще вчерашняго числа гулялъ по улицѣ, и усмотрѣлъ, что пѣтухъ топталъ курицу». На эти просьбы сваха отвѣчаетъ ему: «надѣйся на меня—будешь доволенъ, я имѣю приворотный корень; видя твою дурацкую рожу, приведу съ рогами тебѣ козу». За этимъ разговоромъ слѣдуетъ разсужденіе самого жениха о женитьбѣ и невѣстахъ, очень напоминающее разсужденія Панюржа у Рабле. На какой изъ нихъ жениться,—разговариваетъ онъ самъ съ собою: богатую взять,—будутъ попрекать; убогую взять, — нечѣмъ содержать; умную взять,—не дастъ слова сказать; хорошую взять, — много будутъ люди знать; худую взять,—стыдно въ люди показать; старую взять,—часто съ нею хлопотать. Изъ крестьянства взять,—отъ компаніи отстать; изъ холопства взять, — станутъ пересмѣхать; солдатку взять, — много станутъ люди знать; съ фабричной,—дома не собрать; изъ посадскихъ взять,—много надобно вина содержать; церковнаго чину взять,—кутейникомъ станутъ звать; изъ дворянства взять,—много убору содержать; иноземку взять,—не умѣетъ крестьянскихъ работъ работать. Въ концѣ приложено наставленіе разсуждающему: «аще кто хочетъ по нраву выбирать, то вѣкъ ему женатому не бывать; надобно спроситься у добрыхъ людей, какъ будутъ выбирать, и что́ разсуждать, и намъ о томъ пожаловать сказать».

Въ другой картинкѣ: «реэстръ о дамахъ и прекрасныхъ дѣвицахъ»—предлагаются жениху имена невѣстъ съ краткимъ обозначеніемъ однихъ личныхъ ихъ качествъ: толста да проста Афросинья; ни туда ни сюда Ѳитинья; взглянетъ—утѣшитъ Арина; промолвитъ—накормитъ Марина; красныя румяны Маланья; бѣлыя бѣлилы Авдотья; пріятна въ любви Наталья; хвостъ поднять—Марья; винца испить Аѳимья; съ молодцами погулять Матрена, и т. д. Наконецъ женихъ выбираетъ себѣ, изъ всего этого товара, невѣсту,—конечно, только не старую даму Соломониду, по своимъ привычкамъ похожую на кота Алабрыса (123).



123. Выборъ невѣсты.

Для свахи опять настаетъ горячая пора: не мало приходится ей бѣгать отъ невѣстиныхъ родныхъ къ жениховымъ, повѣрять и добавлять «роспись приданому», объяснять, перевирать и расхваливать, какія тамъ вещи переписаны. Росписи приданому ведутся у насъ и въ настоящее время въ мѣщанскомъ, купеческомъ и духовномъ сословіи. Въ нихъ, самымъ подробнымъ манеромъ, расписываются: платья, салопы, бѣлье, башмаки, сапоги, шапочки, всякая дрянь и мелочь, иногда не сто́ящая ни гроша. Переговоры по росписи идутъ жаркіе; случается часто, что изъ-за какого-нибудь дрянного капота или шапочки, разстраивается свадьба, — сваху взашеи, и реестръ возвращается роднымъ невѣсты. Встарину такіе реестры, тоже весьма подробные, включались въ рядныя записи. Двѣ такія записи, одна 1712, другая 1730 г., напечатаны П. И. Савваитовымъ, въ «Запискахъ Русскаго Отдѣленія Архео-

124. Роспись приданому.

логическаго Общества»(XI. 596); текстъ двухъ нашихъ картинокъ представляетъ забавную пародію на эти записи (124). Въ нашихъ росписяхъ, также какъ и въ настоящихъ рядныхъ записяхъ, подробно перечислены: платья, бѣлье, посуда, серьги, ароматики, и другія туалетныя принадлежности; даже названія тамъ и тутъ встрѣчаются одни и тѣ же: серьги двойчатки, ожерелье, фантажъ, нахца, колпакъ

къ постелѣ и туфлейка, чепчикъ съ брыжжами, бастрокъ, самара, лабронъ, шлафрокъ, корнетъ, корсетъ; ларчикъ съ ароматическими коробочками, ножечки и всякая мелочь; тазы, кувшины, котлы, лохани и пр. рухлядь.

Конечно, описаніе вещей въ народныхъ картинкахъ сдѣлано въ дурацкомъ пошибѣ; напримѣръ: изъ платья, — «ежова шуба Петербургскаго манеру, и та сдѣлана не въ мѣру; бастрокъ печальный изъ матеріи мочальной; парусинный лабронъ, да танцелеровой балахонъ, и тотъ въ торговой банѣ унесенъ; праздничный уборъ, въ которомъ лазятъ красть куръ черезъ заборъ; шлафоръ гулевой—изъ рогожи соленóй; жениху дюжина рубахъ моржовыхъ, да для танцевъ двѣ пары портковъ ежовыхъ; маленькій ларчикъ, а въ ларчикѣ ароматикъ съ клопами, да табакерка съ блохами; рогъ съ чеснокомъ, да пузырь съ табакомъ,... да мертвая мушка, да еще мушечки, да коклюшечки, иголочки, да ножечки, булавочки, да бородавочки, да куриныя нагавочки». Въ концѣ росписи, точно такъ, какъ и въ рядной записи 1712 года, помѣщено перечисленіе недвижимаго имущества, поступающаго въ приданое за невѣстой: «два лукошка земли въ Ломовѣ, на гнилое болото въ Уколовѣ; деревня межъ Кашина и Ростова, позади Козьмы Толстова; въ той же деревнѣ запасу скотины и дичины — у старосты Елизара ржавыхъ куликовъ пара, да Порамошка казначей содержитъ полдюжины грачей; заяцъ косой, да ежъ борзой; корова бура, да и та дура; кобыла безъ копыта, да и та вся (задомъ) разбита; конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ,—передомъ сѣчетъ, а задъ волочетъ. И всего приданаго на столько, да жениху табаку напойка, и оное все на лицо, какъ выѣдено яйцо». Въ заключеніе прибавлено дурацкое описаніе о красотѣ невѣсты, которая «пригожа и румяна, какъ обезьяна; во рту растетъ калина, а въ носу рябина; свиной лобъ, а взоръ какъ рыжій котъ; разновидные глаза, будто дикая коза; ходитъ по-нѣмецки, а говоритъ по-шведски; да при томъ всѣмъ досужа, что никогда не просыхаетъ подъ ней лужа». Картинка эта, какъ видно, была въ большомъ ходу въ свое время; издавалась въ двухъ переводахъ, полномъ и сокращенномъ, и печаталась съ девяти разныхъ досокъ. Текстъ ея представляетъ не мало интереса для изслѣдователей женской моды XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими картинками по этой части, относящимися ко времени Екатерины II-й и представляющими необычайно высокія прически и громадные роброны и фижмы того времени *). Когда рядная подписана и стороны ударили по рукамъ,—дѣло считается слаженнымъ, невѣсту ведутъ въ баню. На этотъ случай встарину пѣлись особыя пѣсни,—въ банѣ же невѣстѣ дарился де-

125. Значеніе мушекъ.

*) Моды эти въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ модою облѣпляться мушками и „обмахиваться“ вѣерами, распространились изъ высшихъ слоевъ общества на семьи купеческія и мѣщанскія, а мушками лѣпились даже раскольницы. Эти мушки представляли прекрасному полу возможность вести безмолвные разговоры съ своими обожателями; въ прошедшемъ столѣтіи существовала цѣлая наука, на какомъ мѣстѣ слѣдовало наклеивать мушку въ такихъ переговорахъ: мушка подъ лѣвой щекой, напримѣръ, означала горячество; промежъ бровей—соединеніе въ любви; на концѣ носа—одному отказъ; среди лба—знакъ любви и т. д. (125). Для той же цѣли употреблялись и различные цвѣта въ одеждѣ и лентахъ: черный—означалъ печаль, темно-зеленый—вѣрность, свѣтло-зеленый—надежду, алый—любовь, рудо-желтый свиданіе и цѣлованіе (126). Искусныя кокетки умѣли переговариваться съ своими ферлакурами еще и посредствомъ маханія вѣеромъ въ разныя стороны и на разные темпы (въ наше время этимъ славятся испанки); отъ этого маханія произошло и слово махаться, часто употреблявшееся самою Екатериною II-ю, какъ синонимъ слова — амуриться или любиться (См. также табатерки).

ревянный гребень, на которомъ были вырѣзаны, въ лицахъ, ожидавшія ее супружескія ласки *). Обыкновенно свадьбы игрались сотнями, передъ масляной; въ эти послѣдніе дни, въ торговыхъ баняхъ Московскихъ, ради невѣстъ,—въ женскія бани мужчинъ не пускали **). Существуютъ двѣ народныя картинки съ изображеніемъ бани, въ которой, согласно съ запретительными указами, моются однѣ женщины; на одной изъ нихъ три бабушки моютъ трехъ дѣвушекъ, — двухъ на скамейкѣ, а третью «бабушка за ноги такъ встрехнула, что та насилу отдохнула»: это три невѣсты. Тутъ же рядомъ бабушка Арина «правитъ животъ» беременной дамѣ; впереди моются три молодицы, «чтобъ бѣлыми къ другу появиться». Въ банѣ, должно быть, стоитъ сильный паръ: двѣ парильщицы уже свалились съ полка — «насилу отдохнули», но третья, позадорнѣе, все еще кричитъ: «подай пару, животу моему отраду» (127).

126. Значеніе цвѣтовъ.

127. Женская баня.

*) Такой гребень подаренъ въ 1873 году, Московскимъ старожиломъ В. Ѳ. Щербаковымъ, въ Московскій Музей.

**) Въ прочее же время мужчины мылись съ женщинами въ общихъ баняхъ,—обычай этотъ, несмотря на неоднократныя запрещенія, велся и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, въ крестьянствѣ же, гдѣ православные моются въ печкѣ одинъ за другимъ по очереди, цѣлыми семьями, а потомъ выходятъ на морозъ окачиваться,—такую патріархальность можно еще встрѣтить и теперь въ любой деревнѣ.

Народныхъ картинокъ, въ которыхъ были бы изображены свадебные обряды и обычаи, — нѣтъ, и слѣдующіе затѣмъ, по принятому нами порядку, забавные листы переводятъ насъ прямо въ домашній обиходъ или «домосодержаніе» супруговъ. «Доброе домосодержаніе» представлено только на одной картинкѣ, и то съ иностраннаго образца: на плечахъ своихъ супруги держатъ большое коромысло, къ которому привѣшена тяжелая гиря, вверху же вирши:

«Несу сіе бремя и тягость охотно,
зря мужне со мною союзство угодно
и понеже онъ во мнѣ свое довольство имѣетъ......

(ф. 128—129).

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ картинокъ, представляющихъ худое домоправительство: драка жены съ мужемъ (131); невѣрность жены и разныя ея продѣлки; «терпѣливый отецъ» подбираетъ своихъ-чужихъ дѣтей,—«поспѣваетъ скорѣе домой, не родился ли еще какой». Дѣтей своихъ, цѣлыхъ пятнадцать, онъ таскаетъ съ собой,—которыхъ въ корзинѣ, которыхъ за поясомъ, которыхъ за пазухой; онъ давно ужъ примирился съ тѣмъ, что «съ рогами родился, чтобъ всякъ тому дивился». Представлена и другая порода мужей: нагулявшись до сыта съ разными херсонями, пастушками и чужими женами, и пришедши въ тотъ возрастъ,

128. Мужъ лапти плететъ, а жена нитки прядетъ, обогатѣть хотятъ: огня не гасятъ.

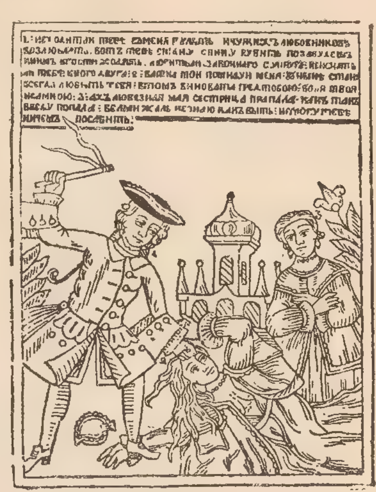
129.

130.

когда храбрость ихъ уже достаточно укротилась и стали они «женскому полу не въ утѣху», они берутъ себѣ молодыхъ, здоровыхъ женъ и силятся поставить «домосодержаніе» свое по правиламъ Пчелы

131. Худое домоправительство.

и Домостроя. Провинится жена,—надо ее поучить; да если и не виновата,—поучить тоже не худо: «жену злую учить жезломъ, чтобъ исправилась, а добрую—чтобъ не испортилась» *). И вотъ глава дома, всесильный мужъ, слѣдуя наставленію Домостроя, задумываетъ: какъ бы «снявъ рубашку да за руки державъ, жену—вѣжливенько плеткою побить». Хорошо, если жена



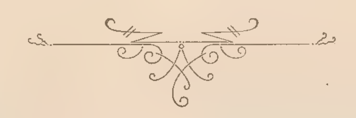
132. Мужъ жену плеткою бьетъ.

попадется смирная, да станетъ молиться Гурію, Самону и Авиву, чтобы укротили гнѣвъ его, или такая, съ веселымъ нравомъ, которой, какъ говорится въ пословицѣ, все трынъ-трава: была подъ вѣнцомъ, да и дѣло съ концомъ,—или, если еще она и въ самомъ дѣлѣ виновата, какъ, напримѣръ, на картинкѣ «мужъ жену бьетъ, (132), зачѣмъ она негодная дома не живетъ **)»,—такія, говорятъ, встарину даже въ потасовкѣ мужнюю любовь къ себѣ видѣли («не бьетъ мужъ, значитъ не любитъ»,—говорила тогдашняя женская поговорка). Но случалось и то, что коса находила на камень: «покуда мужъ не перечитъ—жена еще терпитъ; но, если

*) Или, какъ говоритъ старинная французская поговорка: qu'il n'y a cheval mauvais ni bon auquel ne faille l'esperon, et qu'il n'y a femme mauvaise ni bonne qui ne mérite qu'on la bastonne (Marconville, De la bonté et mauvaistie des femmes. Lyon 1571).

**) Да и тамъ полюбовникъ въ окошко глядитъ и мужу грозитъ.

погрозитъ, побьетъ жезломъ, или пиханіемъ, или за власы рваніемъ, — то познима бѣсится», и еще пуще прежняго на зло мужу дѣлаетъ; проходитъ день за днемъ,—побои не дѣйствуютъ, а жить все-таки приходится вмѣстѣ, врозь идти некуда: «женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ»,—по византійскимъ правиламъ; накипаютъ взаимное раздраженіе и злоба, и, если только мужъ не успѣетъ загнать нелюбую въ гробъ «кроткими исправительными мѣрами», — дѣло кончается тѣмъ, что безсильная половина усѣкнетъ мужа своего въ сердце (Забѣлинъ, Опыты, I. 168).



V.

Ученье въ старые годы. Строгость учителя, всегда вооруженнаго розгой. Похвала розгѣ. Боевое свойство русскаго языка. Чему учились наши прадѣды. Буквари и Ариѳметика 1703 года.—Отреченныя книги. Библія Кореня.—Лицевая космографія. Космографическія извѣстія о разныхъ народахъ; о Россіи и Русскихъ. Александръ Македонскій и люди дивіи. Битва его съ Поромъ.—Картинки изъ Русской исторіи: Осада Бѣлгорода и Мамаево побоище.—Лицевыя объявленія изъ газетъ о разныхъ чудахъ; о прибытіи слона.—Военныя извѣстія. Наши побѣды въ Пруссіи въ 1759—60 гг. Русскіе казаки. Войны съ Турками. Побѣды гр. Румянцева. Ходынскій праздникъ. Взятіе Очакова. Война съ Финляндіей.—Портреты царей и историческихъ людей. Дмитріевъ-Мамоновъ. Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша. Портреты иностранныхъ личностей.—Астрономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ.

Встарину большимъ почетомъ пользовалась книга, называемая «Домострой», въ которой преподаются совѣты: какъ жить домомъ и вести хозяйство и какъ учить жену, дѣтей и домочадцевъ. Народятся дѣти,—надо подумать, что̀ съ ними дѣлать. Съ дѣвками—еще не такъ трудно: смотри одно, «чтобы непрокудили своего дѣвства», да учи «вѣжливенько», чтобы были «покорливы, да домовиты». Съ парнишками выходило помудренѣе; положимъ, покуда растутъ,—не велика еще забота: тоже достаточно было ихъ учить вѣжливости и покорливости, ну, а выростутъ,—надо наукѣ учить. Въ доброе старое время ученье это давалось не такъ легко: «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ рукѣ, и розгою въ другой» (Забѣлинъ, Опыты, I. 54). Наказаніе въ старинной педагогикѣ у насъ признавалось неразлучнымъ спутникомъ науки. Въ одномъ изъ первыхъ букварей нашихъ (Бурцева, Москва 1634) впереди помѣщена картинка, изображающая школу*): одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ передъ учителемъ, который держитъ надъ нимъ розгу (№ 133). Въ другомъ букварѣ (Москва, 1679 г.) помѣщено цѣлое увѣщаніе о пользѣ розги; это увѣщаніе повторено на отдѣльной картинкѣ (№ 134): «Духъ святой лозою дѣти бить велитъ»,—говорится въ ней,—«лоза здорова, невредитъ имъ, а еще привлекаетъ разумъ въ главу; она не ломитъ имъ кости, не допускаетъ ихъ до злости и правымъ путемъ ведетъ до неба». Прославленіе заканчивается умилительнымъ воззваніемъ: «о вразуми, Боже, учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били; благослови, Боже, оные лѣса и на долгіе времена, гдѣ родится лоза! Лоза малымъ дѣтямъ ко вра-

*) Подобное изображеніе находимъ въ одной западной рукописи XIII вѣка; только тамъ представлена школа, состоящая изъ обезьянъ, въ которой обезьяна-учитель сѣчетъ своихъ учениковъ розгой (Champfleury, Caricat. au moyen âge, 185).

Въ регламентѣ Его Цесарскаго Всероссійскаго Величества, како содержать себя чинно и послушно всегда въ Академіи (Спб. 1716), предписывается (п. 8): быть по одному гвардейскому солдату во всякой камерѣ во время ученія «и имѣть хлыстъ въ рукахъ и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать,—онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи небылъ», и, какъ сказано въ концѣ регламента, «безъ всякаго похлебства» (Пекарскій, II. 362).

зумленію, а старымъ мужемъ подкрѣпленіе». Такая же картина находится въ Виленскомъ букварѣ 1621 г. И не однихъ только ребятъ въ школѣ били въ то время: господа подчивали свою крѣпостную прислугу «березевой лапшей съ ременнымъ масломъ»; мужья били своихъ женъ — для дѣтей, а дѣтей били — «для людей»; мастера били учениковъ, хозяева — рабочихъ; сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ, и все это по тому правилу, что за битаго двухъ

Всякій человѣкъ въ писмѣ поучайся,
во службу его измлада отдайся.
Кто бо учится слогинь съ охотою,
языки ины речетъ добротою.
Угодство людемъ въ мудрости содѣетъ,
пріятство оный вездѣ возимѣетъ.
Лѣнивыя же за праздность біются,
грѣхов творити всегда да блюдутся.

133. Картинка, изображающая школу; изъ «Букваря» Поликарпова, Москва 1701 г.

небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битьѣ, въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго имени — боевой глаголъ можно выдѣлать *):

«Ты что тамъ уронилъ?» — спрашиваетъ буфетчикъ.

«Стаканъ», — отвѣчаетъ половой мальчикъ.

«Ужъ я-те отстаканю», — грозитъ буфетчикъ.

«Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику», — приказываетъ артельный староста.

«Нутка, припонтійстимъ его, братцы», — кричитъ артель, и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій, языкъ совершенно понятенъ **).

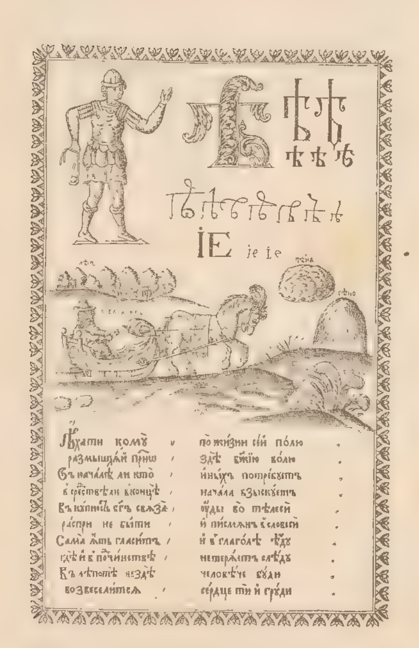
Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, а боевой глаголъ все еще остался, и не скоро должно быть выведется: «насъ тоже били, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье, — безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку не добьешься» ***).

134. Похвалы розгѣ; картина 2-й половины XVII в.

*) Даже покойный Пушкинъ кошачій глаголъ цапцарапствовать въ этомъ же стилѣ придумалъ (Полн. собр. сочин. его, 1869 г., IV. 419).

**) Эти глаголы мнѣ доводилось самому слышать, во время неоднократныхъ странствованій по Волгѣ; кому бы это вздумалось: изъ Понтійскаго Пилата и изъ Егорья храбраго — глаголы выдѣлать!

***) Ну, а какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрёпки, головомойки или подзатыльника; не вспрыснуть лѣниваго, не отхлестать или не отстегать его за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами, — высѣчь, отпороть, отодрать. Въ военномъ быту и въ крѣпостномъ за такую провинность «шкуру сь ногъ до головы сдирали». Въ домашнемъ обиходѣ тоже долго разговаривать нечего, — за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду; за виски, да въ ухо; въ усъ, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незванаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить, какъ не накласть ему киселя, да не накостылять шеи, — и на Западѣ такого человѣка въ шею выгонять, а по нашему, по-русски, если ужъ гнать, такъ гони его въ три шеи. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ сихъ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить (Лѣсковъ: Истор. Вѣстникъ, іюнь 1880, 261).



135—138. Четыре картинки изъ Букваря, составленнаго мастеромъ Каріономъ Истоминымъ для царевича Алексѣя Петровича и гравированнаго мастеромъ Серебряной Палаты Леонтіемъ Бунинымъ 1694 г.

Что касается до ученья, то учить и бить встарину—значило одно и то же, не только у насъ, но и на Западѣ (castigatio). Въ народныхъ картинкахъ (въ Эмблематѣ духовномъ, 43 карт.), отецъ, давая наставленіе маленькому сыну, грозитъ ему розгой; а на томъ свѣтѣ, въ раю, сынъ благодаритъ отца за то̀, что «тотъ всегда казнилъ его», въ чемъ провинился, почему-де онъ и въ рай попалъ. Въ «Бытѣ Русскихъ Царей» и въ «Очеркахъ» Забѣлина (Опыты, I. 51) подробно изложено, въ чемъ состояло ученье въ старинные годы и чему и какъ учились наши прадѣды. Въ тогдашнее время, «ежели священникъ умѣлъ кстати прочесть одну главу изъ Библіи или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человѣка, а кто умѣлъ читать и писать,—отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія» (Пекарскій, Наука и Литература, I. 135); женщинъ даже и грамотѣ не учили. Такъ велось и въ продолженіе всего XVIII вѣка; книги, даже для самаго первоначальнаго обученія, — раскупались туго *). Понятно, что и число народныхъ картинокъ научнаго содержанія было весьма ограничено: нѣсколько букварей, ариѳметика и средневѣковая баснословная космографія,—вотъ и все, что̀ было издано въ пользу народнаго образованія. Съ небольшой натяжкой къ этому же разряду можно отнести и календари, заключавшіе въ себѣ нѣкоторыя научныя свѣдѣнія.

Изъ лицевыхъ букварей, самый замѣчательный составленъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ для царевича Алексѣя Петровича (въ 1692 году) и выгравированъ Леонтіемъ Бунинымъ, по его собственнымъ рисункамъ въ 1694 г. (№№ 135—138). Онъ состоитъ изъ 43-хъ страницъ въ листъ, на которыхъ награвированы греческія, славянскія и латинскія буквы уставного и скорописнаго почерка; въ нижней части помѣщены изображенія различныхъ предметовъ, названія которыхъ начинаются изображенною на страницѣ буквою, и верши, въ такомъ, напримѣръ, стилѣ:

*) О плохомъ сбытѣ въ Россіи русско-амстердамскихъ изданій писалъ царю и Вутерсъ въ 1703 году: читателей на Руси на книги серьезныя было въ то время такъ мало, что залежавшіяся книги обращались на уничтоженіе.

«Человѣкомъ есть брада совершенство,
Младымъ слушати старыхъ людей —
денство,
Ткати поставъ добръ, юныхъ наказати,
Бичемъ не умрутъ, имутъ успѣвати».

Или:

«Въ колесницу сядь, копіемъ борися,
Конемъ поѣзжай, ключемъ отоприся,
Корабль на водѣ, а въ дому корова,
И кокошъ въ трябу и людемъ здорово»
и т. д.

Въ этомъ же букварѣ, на первой страницѣ, представленъ Спаситель съ отверстой книгой въ рукѣ, а въ ней читается: «азъ премудрость вселихъ и совѣт...»; по бокамъ же его стоятъ по три ученика со свитками, въ которыхъ написаны имена наукъ: «астрономія, ѳеологія, риторика, философія, граматика и геометрія». Въ концѣ помѣщено посвященіе букваря: «господину пречестнѣйшему» Симеону Полоцкому. Картинки вырѣзаны весьма тщательно и красиво; въ этомъ отношеніи буквари позднѣйшаго времени далеко не представляютъ такого изящества. За то̀ въ этихъ послѣднихъ включенъ особый отдѣлъ — наставленіе, какъ писать разнымъ лицамъ письма: игумену, напримѣръ, рекомендуется надписывать «молитвою своею, аки копіемъ дьявола побѣдивши»; игуменьѣ: «Божественная, Богомъ снабдивая, равноангельская небеса (?)»; старцу: «горняго Іерусалима и пустыннаго житія подражателю, ангельскихъ силъ ревнителю», и т. д.; жена мужу, въ концѣ письма, пишетъ: «желаю я тебѣ... всякаго благополучія и щастія навѣки твоя нерушима»; мужъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же: «навѣки твой нерушимъ» и т. д.

Огромный листъ «Ариѳметики», сочиненный и выгравированный библіотекаремъ Василіемъ Кипріяновымъ съ ученикомъ его Маркомъ Петровымъ въ 1703 году и посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу,—составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ очень хлопоталъ относительно обученія средняго сословія ариѳметикѣ, и, съ этою цѣлью, учредилъ въ маѣ 1714 г. ариѳметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. Школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ

знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего Петръ запрещалъ имъ даже вступать въ бракъ (Полн. Собр. Закон. 1714 г., 2762.— Голиковъ, Дѣян. Петра В., IV. 316).

Главными сборниками свѣдѣній по части библейской и общей исторіи и космографіи были: Косма Индикопловъ, хронографы разныхъ редакцій, въ началѣ которыхъ всегда почти помѣщались Палея или Толковое бытіе, съ лицевыми изображеніями, и разныя отрывочныя статьи, такъ называемыя отреченныя, апокрифическаго содержанія. Бóльшая часть изъ нихъ, сохранившаяся въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, перешла къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи. Въ XVI вѣкѣ они уже были извѣстны у насъ подъ именемъ болгарскихъ басней; паденіе Болгаріи и Сербіи было причиною тому, что апокрифы эти сохранились, главнымъ образомъ, не въ этихъ странахъ, а въ Россіи, куда они были занесены вмѣстѣ съ другими памятниками. Еще въ XIV вѣкѣ прибылъ въ Москву съ огромнымъ запасомъ рукописей ученый Сербъ св. Кипріянъ, впослѣдствіи митрополитъ всея Руссіи *), который имѣлъ такое огромное вліяніе на обученіе русскаго юношества, что еще въ XVIII и даже XIX вѣкѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находятся его мощи, ставили ему свѣчи—«о успѣхѣ въ наученіи дѣтей грамотѣ». Такимъ образомъ апокрифическое слово Меѳодія Патарскаго (Памятники отреч. литературы) взято изъ Болгарской рукописи 1345 г.; хожденіе Богородицы по мукамъ, Ипатьево мученіе и сказаніе о 12-ти пятницахъ (тамъ же) заимствованы изъ Сербскихъ рукописей; въ послѣднее время Ягичъ отыскалъ и напечаталъ, по глаголической рукописи 1468 г. и по Кириловской 1520 г.,—сказаніе о смерти Адамовой, откровеніе Авраама, бесѣду трехъ святителей, хожденіе Богородицы по мукамъ,' сказаніе о 12-ти пятницахъ, повѣсть о главѣ Адамовой и о древѣ крестномъ; сказанія о томъ, какъ Провъ Іисуса Христа братомъ назвалъ, какъ Іисусъ плугомъ оралъ и какъ Іисуса въ попы ставили **). Любопытно отмѣтить здѣсь и то обстоятельство, что вскорѣ послѣ Сербскаго погрома, Россія сама стала поставлять для нея изводы или русскіе оригиналы, которые переводились сербскими монахами на сербскій языкъ ***). Г. Порфирьевъ замѣчаетъ, что, кромѣ того, Апокрифы переносились къ намъ изъ Византіи греческими митрополитами и аѳонскими монахами, часто приходившими въ Россію, и самими русскими, которые зачастую странствовали на Аѳонъ и занимались тамъ безразборчивою перепискою и переводомъ рукописей. Переводились такія книги съ греческаго языка на славянскій, по свидѣтельству лѣтописи, еще по приказанію в. к. Ярослава (1019—1054; Лѣтоп., I. 65); нашъ Святославовъ сборникъ тоже переписанъ съ греческаго сборника, переведеннаго въ Болгаріи для царя Симеона 1073 г. (Порфирьевъ, 156) ****). Въ византійской письменности апокрифическія сказанія помѣщались преимущественно въ историческихъ хроникахъ, которыя всегда начинались съ сотворенія міра,—они-то и перешли въ безконечные списки нашихъ хронографовъ и Палеи. Въ наши народныя картинки попали изъ этой Палеи 20 изображеній изъ Бытія, рѣзанныя на деревѣ въ концѣ XVII вѣка мастеромъ Коренемъ, по рисункамъ зна-

*) Кипріянъ Сербянинъ поставленъ Кіевскимъ митрополитомъ въ Константинополѣ въ 1376 г. (по патерику Сильвестра Косова въ 1378 г.), и въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ, при чемъ привезъ съ собою большое собраніе духовныхъ книгъ, греческихъ и славянскихъ. Въ 1380 году онъ былъ вызванъ въ Москву; черезъ пять лѣтъ, по неудовольствіямъ, вернулся въ Кіевъ, а въ 1390 снова уѣхалъ въ Москву, гдѣ и померъ въ 1406 г. сент. 16. Сочиненія его перечислены въ Словарѣ митрополита Евгенія (изд. 1827 г., I. 323).

**) Изъ числа ихъ, по показанію Индексовъ апокрифическихъ книгъ, сочиненіе послѣднихъ четырехъ апокрифовъ, а также и сказаніе о св. Троицѣ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, и лживыя молитвы о трясавицахъ и нежитахъ,—приписываются Болгарскому попу Іереміи изъ секты Богумиловъ. Князь Курбскій, разсказывая о томъ, какъ одинъ старецъ принесъ ему для прочтенія Никодимово Евангеліе,—прибавляетъ, что онъ это лжеплетеніе и прежде видѣлъ, польскимъ языкомъ написанное (Порфирьевъ, 131. 133).

***) Г. Дмитріевъ-Петковичъ упоминаетъ объ одномъ сербскомъ спискѣ Іосифа Флавія «отъ роускаго извода», о которомъ говоритъ переписчикъ: «незнаю, есть ли въ Болгарской землѣ»,—а принесенъ «ѿ роускыя земли» (Обзоръ Аѳонск. древн.: Зап. Акад. Наукъ, VI. кн. II).

****) Не малое число такихъ книгъ привезено къ намъ, по всей вѣроятности, и греками, сопровождавшими греческую царевну Софью Палеологъ, впослѣдствіи супругу царя Ивана III.

меншика Григорія. Въ числѣ ихъ, на картинкѣ № 4-й изображено, какъ въ четвертый день помысли сатана: «сотворю себѣ престолъ и буду равенъ Богу, и обрется въ безднѣ», на № 16 — представленъ Адамъ, сидящій въ вѣнкѣ изъ райскаго дерева, которое принесъ ему сынъ его Сиѳъ для излѣченія Адама отъ болѣзни: по апокрифическому сказанію, Адамъ былъ погребенъ въ этомъ вѣнкѣ и изъ него произросло то дерево, на которомъ впослѣдствіи былъ распятъ Спаситель *); убіеніе Авеля на картинкѣ 18-й изображено тоже, согласно съ сказаніями Палеи; а на 19-й картинкѣ представлено, какъ Адамъ и Ева плакали надъ тѣломъ Авеля и не знали, какъ скрыть его, и явилъ Богъ чудо: «уби птица птицу» и закопала ее въ песокъ и сдѣлали Адамъ и Ева то же съ Авелемъ: сказаніе это заимствовано тоже изъ Палеи, — оно занесено было оттуда и въ наши древнія лѣтописи. Съ XVI вѣка появляются первые слѣды перенесенія въ наши рукописи западныхъ апокрифовъ: въ это время переведенъ съ нѣмецкаго языка на славянскій такъ называемый Луцидаріусъ,—сборникъ богословскаго характера, но заимствованный изъ средневѣковыхъ повѣстей, бестіаріевъ, рафлей и т. п. (Тихонравовъ, Лѣтоп. рук. литерат., I. 37).

При заимствованіи апокрифовъ Болгарскихъ, Сербскихъ, Византійскихъ, а также и западныхъ, наши книжники не просто переводили ихъ, а по бóльшей части передѣлывали по-своему, — иногда сокращали, иногда дополняли подробностями изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ получилось въ нашихъ рукописяхъ множество разныхъ редакцій Меѳодія Патарскаго, бесѣды трехъ святителей и хожденія Богородицы по мукамъ. Множество другихъ легендъ, извлеченныхъ изъ католическихъ источниковъ, представляютъ въ русской обработкѣ тоже значительную разницу противъ оригиналовъ, изъ которыхъ онѣ позаимствованы.

Изъ тѣхъ же источниковъ, а также изъ греческихъ хронографовъ и твореній Амартола и Малалы, переведенныхъ на славянскій языкъ въ X вѣкѣ, съ присоединеніемъ выписокъ изъ западныхъ космографій, — почерпались свѣдѣнія по части космографіи. Знаніе хронографовъ дало возможность первому нашему лѣтописцу представить въ началѣ своего труда короткій, но точный, космографическій очеркъ (Пыпинъ, 23). До насъ дошло множество списковъ XVI вѣка Космы Индикоплова съ такими свѣдѣніями по части космографіи и физической географіи, съ присоединеніемъ къ нимъ лицевыхъ изображеній разныхъ баснословныхъ народовъ. Въ 1584 году у насъ уже былъ переводъ хроники Мартина Бѣльскаго, въ которой находился особый отдѣлъ подъ названіемъ: «космографія сирѣчь размѣрная всей земли», а въ 1630 году сдѣланъ переводъ космографіи Меркатора въ 76 главахъ и нѣскольких другихъ космографій, вошедшихъ въ составъ разныхъ рукописныхъ хронографовъ XVII вѣка. Г. Поповъ, въ подробномъ изслѣдованіи своемъ о хронографахъ, приводитъ три различныя редакціи такихъ космографій; всѣ онѣ заимствованы изъ Меркаторовой, съ добавленіемъ разныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ.

Составленіе нашей лицевой космографіи, изображенной здѣсь подъ № 139, должно быть отнесено къ тому же времени; оно представляетъ значительное, а во многихъ мѣстахъ и дословное, сходство съ текстами 1-й и 3-й редакцій, напечатанныхъ г. Поповымъ. Относительно европейскихъ народовъ въ нашей космографіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

«Королевство французское: прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ же заблудились; люди въ немъ воинскіе храбрые»; «храбрѣе ихъ силою не обрѣ-

*) О различныхъ сказаніяхъ объ этомъ деревѣ Порфирьевъ замѣчаетъ, что за апокрифы, ни въ древности, ни у насъ, вовсе не налагалось какого-либо отлученія. Оригенъ въ апокрифахъ видитъ слѣды древнихъ преданій,— этого мнѣнія держались и другіе церковные писатели; по замѣчанію Оригена, апокрифами пользовались даже сами апостолы, а Тертуліанъ и даже блажен. Августинъ оправдывали подлинность книги Еноха. У г. Порфирьева подробно изложено, какъ еврейскіе апокрифы переходили въ христіанскія легенды и въ труды христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ, получая при этомъ совершенно новый, христіанскій оттѣнокъ. Изъ византійской литературы апокрифы скоро перешли и въ западную литературу; въ средніе вѣка они помѣщались въ богословскихъ экзегетическихъ и историческихъ книгахъ, входили въ мистеріи или духовныя драмы и присоединялись даже къ тексту священныхъ библейскихъ книгъ (Порфирьевъ, 125).

тается»,—прибавлено въ космографіи первой редакціи, «и биться нанимаются по многимъ королевствамъ»; а въ 3-й редакціи добавлено, что они «пьютъ много и зѣло невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ некрѣпки» (Поповъ, Сборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы. М. 1869).

«Земля прусская: пространствомъ не велика, но богата; нѣмцы купеческіе и воинскіе; родима хлѣбомъ и овощемъ». «Прежде того Пруссаки жили на Дону», — прибавляетъ 2-я редакція, но оттуда «ищуще плодовитой земли, и прошли до прусской земли, и тамо засѣли».

«Королевство агленское: нѣмцы купеческіе и богатые, ѣздятъ отъ нихъ корабли въ многія земли; много обрѣтается олова». Во второй редакціи разсказывается, будто бы «старый нѣкій мудрецъ» написалъ, что прежде сего въ томъ государствѣ «былъ сицевой нравъ: егда кто изъ друговъ въ домъ своего друга пріидетъ званый и онъ бы прежде всего съ женою друга своего, къ которому въ домъ придетъ, прироженное совокупленіе сотворилъ, чтобы былъ любовно въ дому принятый; тако же въ дорогѣ сообща требуютъ жену друговъ своихъ и не бывало то у нихъ безчестно, егда жены и дочери ихъ отъ того обременѣютъ» *). Въ третьей редакціи повторено то же самое, но съ оговоркой: «нынѣ же зѣло стыдятся прежнихъ обычаевъ, обаче и до нынѣ обладаеми мужи отъ женъ и востязати ихъ не могутъ. Пьютъ же много».

«Королевство польское: пространное многолюдно; были крещены и благочестіемъ сіяли, нынѣ обрѣтается вѣра папѣ; родимо хлѣбомъ и скотомъ и овощемъ; люди величавы и обманчивы». Въ третьей редакціи прибавлено: «пьютъ зѣло много и всякимъ слабостямъ покорни; вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель, и вся творятъ по своей волѣ, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ».

Изъ русскихъ городовъ означены: «царствующій градъ Москва — благочестіемъ

*) То же самое разсказывается и въ другомъ источникѣ: въ Вретаніи мнози мужи съ единою женою спятъ, и многы жены съ единымъ мужемъ похотьствуютъ (Сухомлиновъ, О русск. лѣтоп., СПБ. 1856, 90).

сіяетъ», Новгородъ, Нижній Новгородъ, Санктпетербургъ—въ видѣ пяти елочекъ, и нѣкоторые изъ уѣздныхъ **). Въ первой редакціи сказано, что «россіяне подобіемъ сановиты и брадаты, а нравомъ не постоятельны». Во второй редакціи сдѣланы выписки изъ Герберштейна, что народъ русскій «хитеръ и обманчивъ, который любитъ больше неволю, чѣмъ волю, всѣ сказываются невольниками и холопями великаго князя ***); они же николи въ покоѣ не живутъ, потому что князь великій, либо противъ Литвы, либо противъ татаръ воюетъ». Третья редакція говоритъ, что они «по чужимъ государствамъ не ѣздятъ, точію въ посольствахъ, боясь перенять въ нихъ и впасть въ ересь. На бранѣхъ же Россійскіе люди терпѣливіи и мужественніи, и нужду великую терпятъ, многи дни пребывающе безъ пищи. Цари же ихъ зѣло самовластни и вся творятъ по воли ихъ» (Поповъ, III. 519) ****).

Относительно государствъ другихъ частей свѣта, свѣдѣнія несравненно короче. Въ числѣ ихъ помѣщены и чисто баснословныя, напримѣръ: «Мазическое царство дѣвичье, а совокупляются они съ Еѳіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ». Далѣе поминаются три острова: на одномъ изъ нихъ живутъ люди - великаны, — главы у нихъ песьи;

**) Географическія извѣстія о русскихъ городахъ, даже и на картинкахъ позднѣйшаго времени, отличаются такою же краткостію: „бгохранимый славный градъ Киевъ намѣстнічество, первопрестолная россіиская століца, внемже множество честныхъ монастыреи и стыхъ црквеи от негоже благодать бжія воссіяла вроссіискую землю чрез стаго апстла андрея и стаго равноапостольнаго князя владимера иже россіскіи народъ стымъ крщениемъ просветившихъ и от тмы ідолослуженія къ христианскои вере обратившихъ“. При другихъ городахъ и намѣстничествахъ замѣтки еще короче, а при многихъ онѣ ограничиваются такими Щедринскими примѣтами: „градъ Каргополь,—преблагополучный; Симбирское намѣстничество—похвальное; Брянское — похвальное и благополучное, и т. д.“.

***) Король Сигизмундъ около того же времени, въ 1568 году, въ письмѣ къ королевѣ Елизаветѣ называлъ русскаго царя не только врагомъ Польши, но и наслѣдственнымъ врагомъ всѣхъ свободныхъ народовъ (Брикнеръ въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1880 г., іюль, 104).

****) Своего рода космографическія свѣдѣнія находимъ мы въ знаменитомъ письмовникѣ Курганова; напримѣръ: „Голландцы — народъ глупый, жены у нихъ госпожи; Голландія есть такая страна, гдѣ четыре стихіи ни къ чему годны, и тамъ золотой демонъ сидитъ на сырномъ тронѣ въ табачной коронѣ и т. д.“ (I. 353).

139. Космографія,—народная картинка, составленная въ XVIII вѣкѣ по редакціи сборниковъ XVII вѣка.

на другомъ—«людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе»; а на третьемъ живутъ змѣи, «лице у нихъ дѣвическое, до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, крылати, а зовомы василиски». Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ «корбаты и зміи», до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій.

Подъ № 140-мъ описана особая картинка, на которой изображены эти самые люди дивіи, найденные царемъ Александромъ Македонскимъ. Свѣдѣнія о нихъ заимствованы изъ слова Мееодія Патарскаго, который разсказываетъ, какъ Александръ Македонскій загналъ эти нечистые роды, а съ ними и двадцать четыре царя ихъ,—за горы, затворилъ ихъ мѣд-

ными вратами, и замазалъ асигнитомъ, котораго не беретъ ни огонь, ни желѣзо. Выходъ имъ будетъ въ 7920 году, –тогда они опустошатъ землю; имена же тѣмъ родамъ: Гогъ, Магогъ, Инаѳазъ, Дафафолъ, Динъ, Аристолъ, Наѳаръ, Деѳькомъ, Хартинъ, Хохомъ, Арзомій, Годѣядъ, Ѳарѳолія и Сатиррій. Гогъ крылатъ, его держатъ 29 человѣкъ на четырехъ цѣпяхъ. У иныхъ изъ тѣхъ родовъ скотскія ноги, у иныхъ песьи головы и по семи рукъ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. литературы, II. 233). Въ Нюренбергской хроникѣ помѣщены изображенія этихъ народовъ; о нихъ говорятъ: и Марко Поло, и Монтевилла, и хроника Бѣльскаго, и всѣ почти западныя сочиненія XV и XVI вѣка. Въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ разсказано, что въ числѣ ихъ: «Alexandre trouva femmes, qui tant font gesir les hommes avec elles, que l'âme leur part du corps» (Dunlop, 184). О дивныхъ людяхъ говорится и въ посланіи царя Ивана Индѣйскаго Греческому императору Мануилу: «Есть у меня, пишетъ онъ, въ одной странѣ живутъ люди немыя, а въ другой люди рогатые (въ другомъ спискѣ *ропатые*), а иные люди травоядцы, а іные люди десяти сажень высота ихъ; а иные люди половина человѣка, а другая пса; а иные люди шесть рукъ имѣютъ; а иные люди въ волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единь ударитца въ полкъ на 1000 человѣкъ; да родятся въ моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры (по др. сп.: *драмадаре*, т. е. дромадеры?); водятся у насъ велбуды і коркодилы звѣри лютые, і киторасы звѣри: головы человѣчьи, власы женскія, і зверки скамалдры, которы во огны скачютъ, а не згораютъ, а на что онѣ прогнѣваются, на человѣка или на древо, помочится по сердцу і згоритъ от мочи его тот час. Есть у меня птица, имя ей нагавинъ, свиваетъ гнѣздо на пятнадцети древесахъ. Есть у меня птица чараѳитъ...» (Тихонравовъ, Лѣтописи литерат., т. II, отд. III, стр. 100).

Что касается до самого Александра Македонскаго, нашедшаго людей дивіихъ, то, несмотря на все уваженіе, которое питали къ нему славянскіе писатели, какъ къ царю, давшему будто бы славянамъ грамоту на свободу,—въ народной галлереѣ мы находимъ только одну картинку, посвященную его памяти: это битва его съ Поромъ, царемъ Индѣйскимъ, гдѣ Александръ побѣждаетъ Пора посредствомъ очень неблаговидной хитрости (141—142). Уговоръ у нихъ былъ биться одинъ на одинъ; когда они съѣхались, то Александръ закричалъ своему противнику: «О Поре, царю, такова ли есть вѣра индѣйская и правда, — войско твое идетъ на помощь тебѣ». «Поръ же озрѣвся назадъ, хотя войску запретить». Александръ въ это время подлетѣлъ къ нему на конѣ и ударилъ копьемъ въ правую пазуху. Въ заключеніе замѣчу, что это одна изъ самыхъ

140. Люди дивія, найденныя Александромъ Македонскимъ.

141. Царь Александръ Македонскій.

142. Царь Поръ Индійскій.

большихъ и самыхъ эффектныхъ народныхъ картинокъ.

Болѣе научныя свѣдѣнія по части всеобщей исторіи, заключающіяся, впрочемъ, въ одномъ перечисленіи именъ древнихъ монархій и царей, да годовъ ихъ царствованія, — встрѣчаются въ такъ называемомъ Монархическомъ колоссѣ, переведенномъ цѣликомъ съ латинскаго оригинала надворнымъ совѣтникомъ Волковымъ и гравированномъ въ 1761 году ландкартнымъ мастеромъ Михаиломъ Махаевымъ. Колоссъ этотъ расходился въ значительномъ количествѣ, судя по тому, что съ оригинала Махаева была сдѣлана копія и что съ обѣихъ досокъ печаталось по нѣскольку изданій.

Русская исторія представлена въ народныхъ картинкахъ также бѣдно; не считая Аѳанасьевской книжки, изданной въ новѣйшее время, — объ этомъ предметѣ находимъ только нѣкоторыя незначительныя свѣдѣнія на картѣ съ описаніемъ Россійской имперіи *), и два отдѣльныя сказанія: объ осадѣ Бѣлграда и о Мамаевомъ побоищѣ.

Текстъ этихъ двухъ картинокъ заимствованъ изъ Синопсиса Гизеля, передѣланнаго изъ хроники Софоновича и напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1674 году. Этотъ Синопсисъ, по словамъ митрополита Евгенія, до изданія лѣтописца Ломоносова,— былъ у насъ единственнымъ учебникомъ по русской исторіи. Освобожденіе Бѣлграда отъ осады Печенѣговъ совершилось, по Синопсису, очень просто: въ отсутствіе в. к. Владиміра, печенѣги обложили кіевскій городокъ Бѣлгородъ, гдѣ проживали Владиміровы наложницы. Голодные жители уже рѣшились сдать городъ. Тогда выискался человѣкъ, по совѣту котораго придумали такую хитрость: развели двѣ кади киселя и одну кадь медовой сыты, и уставили ихъ въ три колодца; потомъ пригласили печенѣжскихъ начальниковъ, при нихъ стали черпать кисель изъ колодцевъ и сытить ихъ сытою, угостили печенѣговъ до сыта и даже наклали имъ еще киселя на дорогу. Печенѣги, удивленные такимъ изобиліемъ киселя въ Бѣлгородѣ,—говоритъ Синопсисъ,—сняли осаду, а находчиваго изобрѣтателя кисельной хитрости благодарные жители прозвали Киселемъ.

Другое событіе, покончившееся для насъ не такъ легко,—это знаменитое Мамаево побоище, которое, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ и въ разныхъ редакціяхъ и никогда не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не заурядная удѣльняя рѣзня, изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть,—за родную землю, за русскую свободу (отъ татаръ, конечно), за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человѣку и свято, и дорого. Вотъ почему Слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокій интересъ и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ переводахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя Слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ Слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно,— отчасти это и правда. Нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда

*) „Градъ казань намѣстничество; страна татарская построениемъ цря татарскаго саїна; егда приде на место сіе и возлюби его, понеже хлебородно и лесисто, внемже велїкїй змїи жївяще; прїскорбенъ бысть и обрете некоего волхва ї возвестї ему о зьмїи; тотже волхвъ хітростію своею уморі змія і тако саінъ поставі юртъ і часто іскараковъ пріезжаше і зело любляше і нарече градъ казань, идеже показашася место ему река казань совокупляется сволгою“; „.....первый собиратель московской кнзь иоанъ васільевичь великій и поістине велїкїи, не словомъ, но деломъ, ибо рассыпанное отечество вразделенїе детеи владімеровыхъ воедино собралъ и паки утверділъ честь имени своему и славу россиской имперіи“.

„Градъ Угличъ, въ немъ же убїенъ святый благовѣрный Димитрій Царевичъ отъ боярина Бориса Годунова, мужа великаго коварства и дальныхъ замысловъ и безмѣрной анбиціи, который, видя слабость своего государя Царя Ѳеодора Іоанновича, восхотѣлъ самъ похитить россійскій престолъ и тако коварнымъ своимъ умысломъ Царя Ѳеодора Іоанновича отравою уморилъ и Московской престолъ силою и властолюбіемъ самъ воспріялъ“.

понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный и полный кровнаго интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого побоища въ простонародьи. Читаетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: «брат-цы, пос-то-имъ за зем-лю рус-скую...— ря-домъ ле-жатъ кня-зья Бѣло-зерскіе...—у-битъ... у-битъ...», — кажется, что тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ, какъ одинъ,—и старый, и малый,— навзрыдъ плачутъ. Основа повѣсти не сложная: безбожный Мамай идетъ разорять русскую землю; великій князь хочетъ умилостивить его дарами,—онъ и даровъ не принимаетъ. Что дѣлать? И вотъ съѣзжаются къ Дмитрію Ивановичу князья русскіе, одинъ за другимъ; собирается войско,—рѣшаютъ идти Мамаю на встрѣчу. По совѣту Ольгердовичей, переходятъ Донъ: лучше-де будутъ драться войска, когда обратный путь имъ отрѣзать. Но силы Мамая несчетны; надежда на побѣду сомнительная. Ужъ и несмѣтное число волковъ и вороновъ сбирается кругомъ войска, чуя поживу. «Братья милые!»—говоритъ великій князь своимъ воинамъ наканунѣ битвы,—«приближается день грозный, всю ночь бодрствуйте и мужайтесь; станемъ крѣпко противъ непріятеля». Не спитъ эту ночь и самъ Дмитрій,—онъ отправляется съ воеводой Волынцемъ добывать примѣтъ (не ворожить, — оговаривается составитель слова); Волынецъ ложится на землю и слушаетъ: примѣты нà руку, побѣда будетъ за русскимъ воинствомъ, но цѣной великой крови она будетъ куплена. Наконецъ, приходитъ грозный часъ,—битва завязывается единоборствомъ татарскаго Голіаѳа Челубея съ Троицкимъ инокомъ Пересвѣтомъ; крѣпко ударились они другъ съ другомъ, и оба упали зàмертво. Тогда началась сплошная рѣзня: потекла кровь во всѣ стороны; бьются отъ третьяго часа до шестого,— и вотъ, послѣ шестого часа, стали одолѣвать татары; дрогнуло русское воинство, уже много князей и воеводъ было побито, и самъ великій князь раненъ. Тогда вышли изъ приготовленной засады князь Владиміръ съ хитрымъ воеводой Волынцемъ и со свѣжими силами, дружно ворвались въ Мамаевы полчища и разстроили ихъ. Татары въ ужасѣ ударились въ бѣгство, — рѣзня началась безпощадная и только немного спаслось ихъ, съ своимъ Мамаемъ, на добрыхъ коняхъ.

Велика была радость русская, но и не дешево обошлась намъ побѣда: однихъ бояръ и князей побито до 400, да пятьдесятъ три тысячи простыхъ воиновъ. Татаръ, конечно, легло вдесятеро. Не скоро отыскали самого великаго князя, отдыхавшаго подъ деревомъ и раненаго. Съ глубокою скорбію поѣхалъ онъ по полю, разсматривая убитыхъ, и не могъ удержаться отъ рыданій, наѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали князья Бѣлозерскіе, до 20 человѣкъ въ одной кучѣ: вмѣстѣ крѣпко дрались они съ татариномъ и положили головы свои «одинъ за другого»,—какъ говоритъ сказаніе. Но, если дорого стоила сама эта побѣда, за то и послѣдствія ея для земли нашей были неисчислимы: мы навсегда смяли исконнаго врага своего, и съ той поры стали постепенно и настойчиво, шагъ за шагомъ, тѣснить его изъ земли славянской.

Въ обиходной жизни малограмотнаго населенія, картинки замѣняли и газеты, и нынѣшнія афиши: народъ находилъ въ нихъ извѣстія о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ на небѣ и на землѣ, о рожденіи необыкновенныхъ уродовъ и т. д. Въ прежнее время такія событія записывались въ хроники; наши лѣтописцы тоже заносили ихъ въ свои лѣтописи, напримѣръ: извѣстіе о рожденіи въ Новгородѣ урода о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ (Ростов. лѣтоп. подъ 7047 г.), извѣстіе о рожденіи шестонога съ львиной головой и дѣвки съ рыбьимъ хвостомъ (у Нестора). Извѣстія о чудесныхъ рожденіяхъ встрѣчаются во множествѣ и въ западныхъ источникахъ. Въ хроникѣ Шеделя помѣщены извѣстія, съ рисунками, о рожденіи собаки съ человѣчьей головой, ребенка съ двумя головами (стр. 247); въ хронографѣ Іогана Вольфганга (Lectionum memorabilium tomus primus et secundus, 1600), разсказывается о рожденіи

въ Бельгіи, въ 1544 году, ребенка съ змѣинымъ хвостомъ, съ лапами вмѣсто ногъ и шестью собачьими мордами на тѣлѣ (стр. 510); о рожденіи въ 1494 году поросенка съ человѣчьимъ лицомъ (с. 903) и медвѣженка съ человѣчьей головой (с. 906); о рожденіи въ 1492 г. ребенка съ нижней частью, до пояса, собачьей—«semicano» (стр. 911), который родился отъ кобеля и отъ женщины. Такому происхожденію отъ связи животныхъ съ женщинами, а также людей съ демонами, вѣрили не только простой народъ, но даже люди образованные и ученые, какъ, напримѣръ, Лютеръ, о которомъ въ Promptuarium exemplorum 1574 г. разсказывается анекдотъ, какъ онъ призналъ одного безобразнаго мальчика за бѣсовскаго подкидыша и требовалъ даже его уничтоженія. Въ нашихъ картинкахъ встрѣчаемъ лицевыя извѣстія о знаменіяхъ, бывшихъ въ 1736 г. подъ градомъ Шлонскимъ (143),

143. Знаменіе подъ городомъ Шлонскимъ 1736 г.

въ 1744 г. въ Картагенѣ, потомъ въ 1765 г. въ Вейсенбургѣ; изображенія: кометы 16 августа 1769 года и дивной птицы, которая прилетала въ Парижъ 6-го апрѣля 1776 года (№ 144); явленіе, бывшее въ 1768 г. въ Турціи и представлявшее мѣсяцъ, окруженный звѣздами, между ними—восемь крестовъ, песочные часы, по обѣимъ сторонамъ ихъ—сабли

144. Дивная птица, которая прилетала въ Парижъ 6 апрѣля 1776 г.

на-крестъ, а «подъ тѣми четырмя саблями мертвыя головы, столпъ, обвитый змѣею, изпущающею жало изъ себя, по одну сторону столба—гробъ и въ немъ воткнутъ мечь, изъ котораго будто бы кровь изтекала, а по другую сторону пушка на станку стояща».

Въ картинкахъ есть тоже цѣлый рядъ описаній разныхъ чудищъ, какъ: мужикъ съ

145—146. Мужикъ съ птичьей головой, пойманный въ лѣсу въ 1721 г. и Чудо морское, пойманное въ 1739 г., оба въ Испаніи.

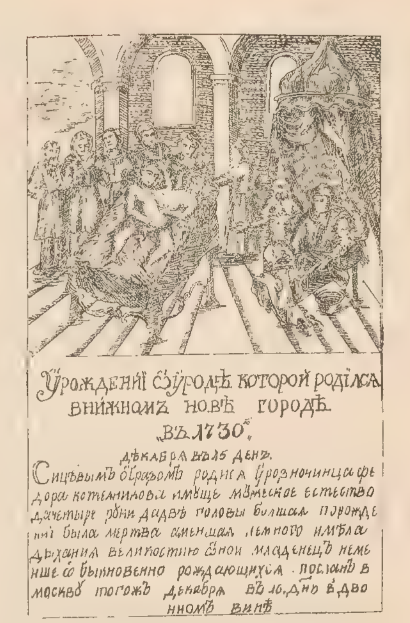
птичьей головой, пойманный въ 1721 г., въ лѣсу, въ Испаніи, и окрещенный тамъ въ католическую вѣру (№ 145); два чуда: морское и лѣсное, пойманныя тамъ же въ 1739 г. (№ 146); сатиръ, показывавшійся въ Испаніи въ 1760 году (№ 147)—у него голова, лобъ, глаза и брови человѣчьи, уши тигровы, усы кошачьи, борода козья

и ротъ львиный, въ которомъ, вмѣсто зубовъ, костяной ободъ, ѣстъ только хлѣбъ и молоко; животное, найденное тамъ же въ 1775 году (№ 148),—главныя чудища

147. Сатиръ, котораго показывали въ Испаніи въ 1760 году.

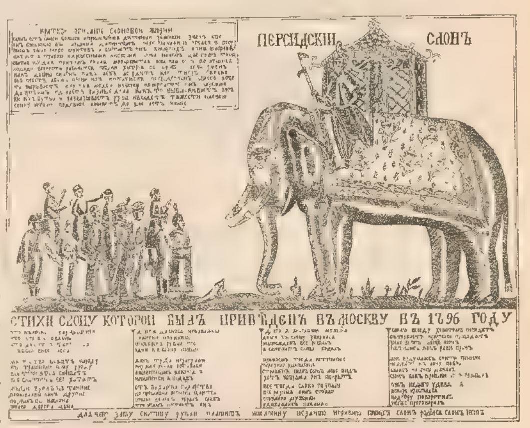
148. Явленіе, бывшее въ Гишпаніи въ 1776 году.

поставляла въ Европѣ Испанія; наконецъ, русскія извѣстія, о поиманіи кита въ Бѣломъ морѣ, что̀ въ дѣйствительности случилось въ іюнѣ 1768 г., и о рожденіи въ 1730 г., въ Нижнемъ Новгородѣ, урода (№ 149), «имущаго мужское естество, четыре руки и двѣ головы»,—уродъ этотъ отосланъ въ Москву, въ декабрѣ того-же года, въ двойномъ винѣ, согласно указу 13-го февраля 1718 года о присылкѣ всѣхъ монстровъ въ Петербургскую кунсткамеру *). Извѣстій о разныхъ бѣдствіяхъ и землетрясеніяхъ и изверженіи Везувія—всего шесть, да два объявленія о приводѣ Персидскаго слона въ Москву въ 1796 г.,



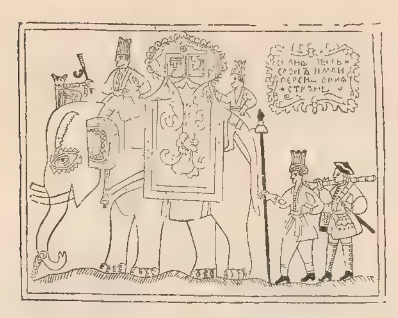
149. Извѣстіе о рожденіи урода въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1730 году.

съ длинными виршами, которыя такъ заканчиваются:.... «...яблокъ калачей давалъ, слонъ какъ крошки ихъ глоталъ; я-жъ не долго удивлялся, вскорѣ и разстался, ко двору поворотилъ, и себѣ проговорилъ: для чего за ту скотину рубли платить и полтину, незачто и гривны при-



150. Слонъ, присланный изъ Персіи въ 1796 году.

*) За что̀ была обѣщана въ то время плата: за человѣческую монстру, за мертвую 10, а за живую по 100 рублей; за скотскую и звѣриную отъ 5 до 15, за птичью отъ 3 до 7: «ежели-же очень чудное,—сказано въ указѣ,—то дадутъ и болѣе».



151. Сильный звѣрь слонъ.

несть; слонъ родился, слонъ и есть» (№№ 150—151).

Въ числѣ народныхъ картинокъ, на Ахметьевской фабрикѣ сохранились, между прочимъ, афиши о пріѣздѣ англійской компаніи жонглеровъ (№ 152) и о

152. Афиша о представленіи англійской компаніи скомороховъ.

тридцати-пудовомъ мясникѣ Бернардѣ, который показывался за деньги (№ 153) *).

Наравнѣ съ этими лицевыми извѣстіями, появляются съ половины прошедшаго вѣка лицевыя объявленія о военныхъ кампаніяхъ и побѣдахъ нашего войска; текстъ въ нихъ заимствованъ всегда цѣликомъ изъ вѣдомостей. Вмѣстѣ съ карикатурами на 1759 и 1812 года, небольшимъ листкомъ на взятіе Бѣлграда и огромною кар-

*) Великанъ показывался у насъ, въ Россіи, въ первый разъ при Петрѣ Первомъ, а слона до 1796 года приводили два раза: при Петрѣ I въ 1688 г. и при Аннѣ Ивановнѣ въ 1737 г. (Снегиревъ, 72).

153. Тридцатипудовый англійскій мясникъ Бернардъ, показывавшійся за деньги.

тиною, изображающею Мамаево побоище, объявленія эти составляютъ особый отдѣлъ военныхъ картинокъ, посредствомъ которыхъ народъ знакомился со своей исторіей и узнавалъ о томъ, что̀ дѣлалось въ его отечествѣ. Слѣдуя хронологическому порядку, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ войнахъ съ Прусскимъ королемъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Послѣ Мамаева побоища, нѣтъ ни одной народной картинки вплоть до кампаній 1757—1762 гг. Кампаніи эти были рядомъ побѣдъ для русской арміи, которая, въ началѣ 1760 года, заняла всю Восточную Пруссію. Древняя столица Кенигсбергъ была обращена русскими въ губернскій городъ, а жители приведены къ присягѣ на подданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; въ городѣ чеканилась русская монета, и даже появилась духовная миссія съ архимандритомъ.

Въ томъ же году былъ составленъ проектъ о совершенномъ присоединеніи завоеванной части Пруссіи къ Россійской Имперіи, — проектъ, утвержденный подписью Елизаветы: «быть по сему» (30 апрѣля 1760 года); при чемъ Ея Величество оставляла за собою право «получа въ свое владѣніе Пруссію, удобнаго сред-

ства искать: не возможно ли будетъ съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обоихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Но переговоры по этому предмету съ союзными государями, Маріей-Терезіей и Людовикомъ XV, затянулись, а война шла своимъ чередомъ; вслѣдъ за тѣмъ, въ 1761 году, императрица Елизавета умерла, наслѣдникъ же ея, Петръ III, внезапно перевернулъ политику Русскаго Двора и, изъ смертельнаго врага, Россія вдругъ сдѣлалась самымъ великодушнымъ, самоотверженнымъ другомъ короля Фридриха II (Русск. Стар. 1873, май, 713).

Особенно важна была для насъ побѣда, одержанная фельдмаршаломъ гр. Салтыковымъ и гр. Лоудономъ, при рѣкѣ Одерѣ, надъ прусскими войсками, сражавшимися подъ командою самого короля и его фельдмаршала Веделя. Извѣстіе объ этой побѣдѣ послужило предметомъ для двухъ народныхъ картинокъ, подъ названіемъ: «разговоръ Прусскаго короля съ фельдмаршаломъ Веделемъ 30 іюля 1759 г.» *). Другихъ сатирическихъ листовъ на эту кампанію издано не было, по крайней мѣрѣ, нельзя дать этого названія дошедшимъ до насъ четыремъ народнымъ картинкамъ (№ 154), на которыхъ изображены прусскіе драгуны и ненавистные пруссакамъ русскіе казаки (№ 155),—изъ нихъ одна съ подписью: «пруссаки говорятъ худо попасть въ руки русскимъ казакамъ» **). За это же, славное для русскаго воинства, время сохранилось намъ девять народныхъ картинокъ, сдѣланныхъ, какъ это сказано въ подписяхъ на нихъ, «во славу и честь ко отечеству вѣрнымъ воинамъ», и представляющихъ одного коннаго и восемь пѣшихъ гренадеръ (№№ 156—157).

154. Прусскій драгунъ 1759 года.

155. Русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгуновъ.

Войны наши съ татарами и турками въ первой половинѣ XVIII вѣка не перешли въ народныя картинки. По случаю взятія Азова Петромъ I, награвирована была большая картина Шхонебекомъ и другая — поменьше, на которой представлены торжество по поводу взятія крѣпости и веденіе на казнь измѣнника Якушки; но, ни та, ни другая, — ни по цѣнѣ, ни по работѣ,—не могутъ быть отнесены къ народнымъ изданіямъ.

158. Гербъ имп. Елизаветы Петровны, вырѣзан. по поводу войны съ пруссаками.

Съ 1768 года отношенія блистательной Порты къ Россіи становятся крайне на-

*) Баталія при Пальцигѣ и другія побѣды наши были выгравированы и академическими мастерами.

**) Въ особенности ненавидѣлъ казацкое войско самъ Фридрихъ: «эти разбойники», говаривалъ онъ, «оставляютъ за собою голую пустыню»—какъ будто онъ самъ, съ своими рыцарскими войнами, вносилъ въ страну не то же самое разореніе.

156—157. Русскіе гренадеры 1759 года.

тянутыми и переходятъ вскорѣ въ открытую вражду *). Въ то время, въ умахъ русскихъ государственныхъ людей и самой Екатерины, зародилась мысль покорить Турцію и сдѣлать изъ нея Христіанское государство, подъ управленіемъ вел. кн. Константина Павловича, который на этотъ конецъ уже обучался по-гречески. Въ 1769 году на Монетномъ Дворѣ приказано выбить 390 медалей съ изображеніемъ разрушающагося Константинополя **); Евгеній Булгаръ издавалъ портреты Екатерины съ греческими подписями; Екатерина приглашала даже Вольтера погостить въ новой ея столицѣ, Константинополѣ. Но греческому проекту не суждено было осуществиться и война, разорившая Турцію въ конецъ, кончилась миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, въ 1775 году.

Событія этой славной, для русскаго воинства и флота, войны перешли въ цѣлый рядъ народныхъ картинокъ, въ которыхъ текстъ заимствованъ изъ тогдашнихъ Московскихъ Вѣдомостей, съ передѣлками въ народномъ стилѣ. Первая, слѣдуя хронологическому порядку, представляетъ явленіе на небѣ, бывшее въ Турціи въ 1768 г. и о которомъ уже говорено выше: мѣсяцъ, окруженный крестами, саблями, мертвыми головами и т. д., предвѣщавшими, конечно, войну. Во второй разсказывается, какъ султанъ Мустафа III предложилъ Дивану объявить Россіи войну: «Ваше Величество», — отвѣчаетъ Диванъ, — «Россія издревле въ воинскихъ дѣлахъ по всему свѣту славою сіяетъ, на сухомъ пути и на морѣ вездѣ побѣждаетъ, а многочисленное собраніе войска и храбрыхъ янычаръ россійскому оружію не страхъ; но они обратятъ всѣхъ ихъ въ прахъ!» — 16-го августа 1769 года явилась на небѣ комета, а 9-го іюня 1770 года состоялась въ Константинополѣ торжественная религіозная процессія, въ которой несли гробъ Магометовъ и болѣе ста человѣкъ фана-

*) Съ 1812 года появилось въ свѣтъ, такъ называемое, завѣщаніе Петра Перваго, по которому предполагалось покорить не только Турцію, но и всю Европу съ Азіей на придачу. О подложности этого завѣщанія, составленнаго, по всей вѣроятности, по приказанію Наполеона I, передъ походомъ 1812 года,—смотри статью С. Н. Шубинскаго въ «Древн. и Нов. Россіи», январь 1877 года.—Проектъ покоренія Турецкой имперіи былъ составленъ еще ранѣе, Лудовикомъ XIV, при чемъ первымъ условіемъ полагалось перебить все турецкое войско, до послѣдняго солдата; Константинополь и земли турецкія присоединить къ Франціи; покорить Грецію и Палестину, а Турокъ загнать въ Аравію; Русскимъ предоставлялось взять себѣ Крымъ (!) (Revue de géographie, Juin 448. Le grand dessein secret de Louis XIV contre l'Empire Ottoman en 1638).

**) Медали эти, шести разныхъ величинъ, подробно описаны г. Иверсеномъ, въ его книгѣ: «Неизданныя и рѣдкія русскія медали» (С.-Петерб., 1874 г., стр. 7, №№ 42—47).

тиковъ немилосердно бичевали себя и рѣзали свое тѣло саблями. Затѣмъ начались военныя дѣйствія 1770 года: «конечное истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ», при чемъ сожжено около ста судовъ и въ числѣ ихъ 15 линейныхъ кораблей; взяты Бендеры и получено извѣстіе о буйствѣ янычаръ, требовавшихъ мира.

Въ 1771 году изданы картинки: взятіе крѣпостей Журжи и Перекопской и большая картина, представляющая побѣды, одержанныя гр. Румянцевымъ во все продолженіе кампаніи, со стихами Его Сіятельству.

Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи 1775 года и въѣздъ въ Москву турецкаго посла Беглербея были представлены на особыхъ картинкахъ.

Реляціи обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, какъ было сказано выше, заимствованы изъ Московскихъ Вѣдомостей; потери Турокъ, какъ водится, въ нихъ преувеличены до-нельзя. Сама Императрица Екатерина въ свое время замѣтила кн. Безбородко, что въ реляціи о Кинбурнской побѣдѣ вранье по этой части доведено до того, что даже непонятно стало, сколько на самомъ дѣлѣ Турокъ убито; она приказала при этомъ увѣдомить Рейсъ-эффендія, что потерянныхъ нами людей въ этой побѣдѣ несравненно болѣе того, которое показано въ реляціи, и поручила Безбородкѣ «употребить впредь способъ къ прекращенію таковыхъ переписокъ» («Русская Старина» 1876 г., мартъ, стр. 474). Это, какъ мѣтко выразился раешникъ, показывая свою картину, — война Русскихъ съ Турками: «слѣва,—изволите видѣть, — Турки валятся какъ чурки, а справа Русскихъ помиловалъ Богъ,—цѣлы стоятъ, только безъ головъ».

Изъ народныхъ картинокъ того же порядка очень любопытно описаніе народнаго праздника, даннаго на Ходынкѣ 21-го іюля 1775 года, по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. На обширномъ Ходынскомъ полѣ устроены были Черное и Азовское моря съ примѣрными кораблями, а по берегамъ ихъ построены декораціонныя крѣпости: Кинбурнъ, Азовъ, Керчь и Таганрогъ. Въ одной изъ построекъ накрыто было пять столовъ, за которыми кушала сама Императрица съ гр. Румянцевымъ и съ ними 319 персонъ. Для народа выставлены были жареные быки и фонтаны съ виномъ; устроены воздушные театры съ канатными плясунами, бухарцами, балансерами и разными увеселеніями; вечеромъ сожженъ большой фейерверкъ, на который Мелиссино и Челяевъ истощили все свое фейерверочное искусство.

Война съ Турками, веденная двадцать лѣтъ спустя Потемкинымъ, не была такъ народна, какъ Румянцевская,—мы имѣемъ изъ нея только одну картину: взятіе Очакова. То же самое приходится сказать и о Финляндской войнѣ, изъ которой въ картинки перешли: взятіе крѣпости Свеаборга, битва при Либштадтѣ и нѣсколько изображеній частныхъ героическихъ подвиговъ. Затѣмъ мы вступаемъ въ 1812 годъ, который прославился карикатурами на французовъ, поименованными ниже, въ особомъ отдѣлѣ сатирическихъ картинокъ.

Отдѣлъ портретовъ, которые тоже должны быть отнесены къ историческимъ картинкамъ, —очень невеликъ (для примѣра см. №№ 159 - 161). Въ моемъ большомъ изданіи «Русскихъ Народныхъ Картинокъ» 1881 г. въ этотъ отдѣлъ были включены, какъ простонародныя изданія по этой части, такъ и тѣ листы, которые помѣщены, въ числѣ лубочныхъ картинокъ, въ собраніяхъ Олсуфьева и Даля и въ цензурной книгѣ Ахметьевской фабрики. Впереди всего, изъ числа ихъ, должна быть

159—161. Изъ виршей на Сагайдачнаго, К. 1622 г.

поименована картинка, гравированная — Кіевскимъ мастеромъ Захаріей Самуйловичемъ, изображающая поклоненіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевича Алексѣя новорожденному Спасителю (162), хотя изображенія этихъ царей и не представляютъ портретовъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

Въ моемъ Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ уже было указано на отсутствіе портретовъ многихъ замѣчательныхъ личностей, — это и не могло быть иначе, при условіяхъ стараго времени: что бы ни дѣлалось въ государствѣ, — дурно ли, хорошо ли, — все приписывалось главѣ государства; отдѣльныя личности стушевывались при этомъ; народу и недосугъ было разузнавать объ нихъ; исклю-

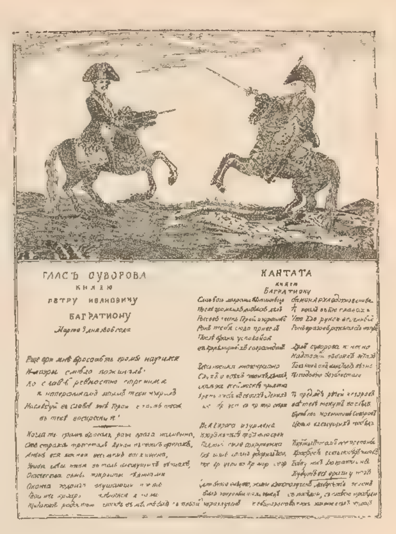
162. Поклоненіе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей новорожденному Спасителю. Работы Захарія Самуйловича.

ченіе изъ общаго правила составляли люди военнаго чина, прославившіеся своими боевыми подвигами, имѣвшими для народа осязательное значеніе.

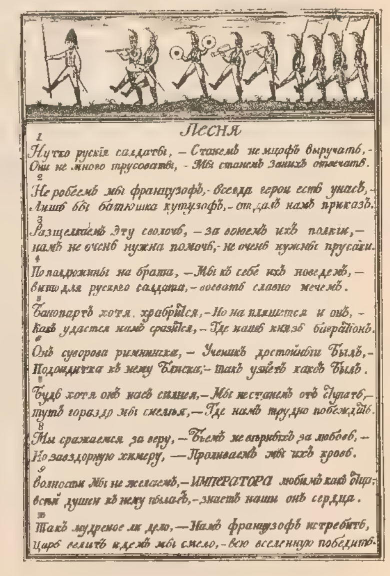
Первыя попытки изданія народныхъ картинокъ этого рода сдѣланы были А. Зубовымъ, который награвировалъ, въ 1734 и 1735 годахъ,—плохіе, но дешевые портреты Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны; всѣ они скопированы съ оригиналовъ, писанныхъ извѣстными въ то время мастерами. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны, который, какъ это видно изъ подписи на единственномъ, дошедшемъ до насъ, экземплярѣ его,—подвергся Высочайшему запрещенію, вмѣстѣ съ портретомъ наслѣдника престола, за ихъ несходство и крайнее безобразіе (см. № 105); большой портретъ Екатерины II съ вел. княземъ Павломъ Петровичемъ, которые окружены портретами великихъ князей, царей и императоровъ русскихъ, скопированными съ большого портрета Петра I съ баталіями, поднесеннаго граверомъ Пикаромъ Петру I въ 1717 году (съ крайне льстивою надписью); другіе портреты Екатерины II, Павла I и, наконецъ, многочисленные портреты Александра Благословеннаго и героевъ 1812 г., которыми серія народныхъ портретовъ лубочнаго произведенія почти и заканчивается.

Изъ нашихъ военачальниковъ XVIII в. въ лубочной иконографіи особымъ почетомъ пользуются портреты свѣтлѣйшаго генералиссимуса Суворова (ср. № 163).

По справедливому замѣчанію Н. Ѳ. Дубровина и А. Ѳ. Петрушевскаго, Суворовъ въ народѣ, особенно въ солдатскомъ кругу,—самый любимый и самый народный богатырь, про котораго не перестаютъ разсказывать разную небывальщину, и которому приписываются даже битвы, происходившія много лѣтъ послѣ его смерти. Солдатъ любитъ Суворова за то, что онъ всю жизнь свою велъ по-солдатски и каждое повышеніе и награду заслужилъ безъ фальши, тяжелымъ военнымъ трудомъ. Сорока лѣтъ онъ былъ еще простымъ бригадиромъ, и только на 65 году получилъ званіе фельдмаршала. Несмотря на природную свою хилость,



163. Суворовъ и Багратіонъ.



164. Солдатская пѣсня на походы 1807 и слѣдующихъ годовъ.

Суворовъ, при помощи желѣзной воли, до того закалилъ себя, что могъ переносить усталось и невзгоды, наравнѣ съ самымъ крѣпкимъ и сильнымъ солдатомъ. Ѣздилъ онъ постоянно на казацкой клячѣ,

носилъ платье изъ солдатскаго сукна или холщевый китель; ѣлъ изъ солдатскаго котла и, видя изнуреніе солдатъ, изнурялся наравнѣ съ ними и не хотѣлъ пользоваться исключительными удобствами. Нельзя было солдату не любить такого начальника и не привязаться къ нему всей душой. Имъ нравились и языкъ его, короткій, съ недоговорками, съ лубочными прибаутками,—и его наука побѣждать, въ которой въ высшей степени дѣльныя и серьезныя наставленія приправлены были тѣмъ же лубочнымъ буфомъ: «Ты всегда будь готовъ къ выступленію въ походъ»,—говорилъ онъ солдату; «не бойся большихъ переходовъ; пріучайся къ мѣткой стрѣльбѣ и береги пулю».—«А ты, главнокомандующій, читай и учись въ мирное время, учи и своихъ подчиненныхъ; но не думай, чтобы одними маневрами и перетасовкой кабинетныхъ плановъ можно было выиграть битву; одно мгновеніе въ битвѣ можетъ измѣнить весь планъ твой, со всѣми его подробностями; осмотри мѣстность на глазомѣръ; минута рѣшаетъ побѣду, не упускай ее, и кончай дѣло общимъ натискомъ. Аттакуй непріятеля самъ, не дожидаясь его нападенія; быстрота, внезапность пугаютъ его; непріятель думаетъ, что ты за 100 верстъ, а ты нагрянь на него внезапно... бей, гони, коли его; не давай опомниться; кто испугался, тотъ побѣжденъ вполовину; у страха глаза велики, одинъ за десятерыхъ покажется. Ничего нѣтъ страшнѣе *отчаянныхъ*». Солдаты хорошо понимали краткія и полновѣсныя наставленія своего полководца; они вѣрили въ него безгранично, знали его беззавѣтную храбрость, знали и то́, что онъ самъ былъ первый *изъ самыхъ отчаянныхъ*, и бодро шли за нимъ на *невозможные подвиги*. Одно присутствіе этого чрезвычайнаго человѣка неизмѣримо поднимало духъ войска; Екатерина II хорошо знала это и, посылая Суворова, безъ всякаго преувеличенія могла сказать: «*посылаю на помощь Суворова, а въ немъ цѣлую армію*».

Наполеонъ находилъ, что у Суворова была *душа* великаго полководца, но не *голова*; что онъ *не умѣлъ двигать большихъ армій*, а потому и не

любилъ плановъ,—точно такъ, какъ и Юлій Кесарь, котораго Суворовъ выбралъ себѣ за образецъ.—Но вѣдь Суворовъ никогда и не былъ распорядителемъ цѣлой кампаніи и диктаторомъ цѣлой арміи, какимъ являлся Наполеонъ въ войнѣ, а дѣйствовалъ, въ большинствѣ случаевъ, въ качествѣ второстепеннаго военачальника; однако, и при этихъ условіяхъ, всякое отдѣльное дѣло, въ которомъ онъ являлся хозяиномъ, выходило у него «*дѣломъ необычайнымъ*».

Да и въ отсутствіи всякаго плана его тоже обвинять нельзя; въ нужныхъ случаяхъ у Суворова были глубоко обдуманные, хотя и весьма краткіе планы; развѣ безъ плана былъ разбитъ Визирь при Рымникѣ? Только этотъ планъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, былъ составленъ не на бумагѣ, а въ головѣ Суворова *).

Передъ штурмомъ Измаила тоже была составлена подробная и очень обстоятельная диспозиція. Какой же другой, болѣе подробный планъ могъ быть составленъ для такого невозможнаго дѣла: сидитъ въ первоклассной крѣпости около сорока тысячъ жирныхъ турокъ, которые такъ храбро защищаются за крѣпостными стѣнами. Осаждаютъ ихъ 27.000 русскихъ, голодныхъ, больныхъ, оборванныхъ, безъ обуви, безъ пушекъ и даже безъ ружей; всѣ поникли головами, осаду положено снять;

*) Великій Визирь съ 100 тысячнымъ войскомъ наступалъ на Кобурга; въ виду неминуемаго разгрома, Кобургъ обратился за помощью къ Суворову. Суворовъ подоспѣлъ, форсированнымъ маршемъ, въ самое время, 10 сентября къ ночи. Онъ тотчасъ же легъ на сѣно отдыхать и отказался принять Кобурга, несмотря на его усиленныя требованія. Утромъ онъ прямо объявилъ Кобургу, что будетъ аттаковать Визиря съ одними русскими войсками, если бы даже австрійцы отказались помогать ему. Кобургъ поневолѣ долженъ былъ приступить къ его плану. Къ вечеру, 11 сентября, Визирь, съ своимъ 100 тысячнымъ войскомъ, былъ разбитъ наголову, а союзники, съ войскомъ вчетверо меньшимъ, торжествовали полную побѣду. Уже послѣ битвы Суворовъ объяснилъ Кобургу, что потому не принялъ его наканунѣ,—что Кобургъ никакъ не согласился бы на немедленную аттаку Турецкаго лагеря, «пошли бы пренія тактическія, энигматическія..., а Турки тѣмъ временемъ почти бы разбили умныхъ тактиковъ».

За это дѣло Суворовъ сдѣланъ графомъ Рымникскимъ, получилъ Георгія 1-го класса, шпагу и бриліантовые эполетъ и перстень; Іосифъ I сдѣлалъ его графомъ Римской Имперіи. Суворовъ предлагалъ тотчасъ же идти, черезъ Балканы, на Константинополь и покончить кампанію рѣшительнымъ ударомъ; но у завистливаго Потемкина недостало на это нужной рѣшительности.

войска уже начали отступать, да еще боятся, чтобы турки за ними въ погоню не бросились.

Но вотъ пріѣзжаетъ Суворовъ и все встрепенулось; объѣхалъ онъ кругомъ земляныя работы, поздоровался съ солдатиками,—и всѣ поняли, что, вмѣсто предполагавшейся благоразумной ретирады, будетъ штурмъ,—кровавый, безумный, бѣшеный. Каждая рота вчерашнихъ оборванцевъ сдѣлалась бравымъ Суворовскимъ полкомъ, каждый солдатъ почуялъ себя богатыремъ, и дѣло, едва ли гдѣ видѣнное въ исторіи (слова Екатерины), было сдѣлано,—Измаилъ былъ взятъ. Впрочемъ, и по словамъ самого Суворова, на такой штурмъ «можно ходить только разъ въ жизни».

Какіе же могутъ быть болѣе подробные и отчетливые планы для такихъ отчаянныхъ дѣлъ; въ нихъ впереди всего умѣнье пользоваться мѣстностью, наэлектризовать войско, которое знаетъ, что генералъ-Впередъ *) никогда не былъ битъ; затѣмъ отчаянная, сумасшедшая храбрость,—та храбрость, съ которою простое деревянное суденышко отбивается по цѣлымъ часамъ отъ стальныхъ броненосцевъ, съ которою безшабашные моряки отправляются на лодочкахъ взрывать и топить мониторы...

Да развѣ самъ Наполеонъ не представляетъ повтореніе того же Суворова: его обращеніе съ солдатами, умѣнье говорить съ ними, любовь къ нему войска; убѣжденіе, что съ этимъ войскомъ для него нѣтъ ничего невозможнаго; всегда и вездѣ наступленіе и внезапныя нападенія, быстрота и натискъ,—все это правила великаго Суворова. Наполеонъ съ своею «la Garde meurt, mais ne se rend pas»—не зналъ слова «impossible». Въ солдатскомъ словарѣ Суворова тоже не было слова «ретирады» *).

*) Эту кличку дали Суворову Австрійцы послѣ Рымникской битвы; онъ гордился этимъ названіемъ, но прибавлялъ: «Генералъ-впередъ, но я оглядываюсь и назадъ,—только не для того, чтобы бѣжать (намекая на австрійскаго ретираднаго генерала Мелласа), а для того, чтобы ловчѣе напасть».

Суворовъ предлагалъ идти прямо на Константинополь: «при уныніи Турокъ, это стоило бы нѣсколькихъ усиленныхъ переходовъ»,—и Суворову можно было повѣрить въ этомъ на слово; но дипломаты усумнились въ возможности такого смѣлаго плана.

Слава Богу, что имъ не суждено было столкнуться на полѣ брани,—много солдатскихъ костей они уложили бы на немъ.

Суворовъ очень искусно билъ турокъ и татаръ. Это, впрочемъ, сволочь, говорятъ военные критики,—да; но эта сволочь колотила-таки исправно австрійскихъ тактиковъ, одинъ на одинъ, а Суворовъ билъ ее одинъ на шестерыхъ. Билъ Суворовъ и поляковъ,—это тоже, говорятъ, войско недисциплинированное. Но вотъ 70-лѣтній Суворовъ является въ Италіи на помощь австрійцамъ и бьетъ дисциплинированныя французскія войска и храбрыхъ французскихъ генераловъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ очищаетъ Италію. Съ какимъ удовольствіемъ поколотилъ бы онъ своихъ друзей-пріятелей австрійцевъ, которые такъ предательски дѣйствовали противъ него и настояли-таки на томъ, чтобы онъ одинъ шелъ съ русскими очищать Швейцарію отъ французовъ.

Этотъ послѣдній замѣчательный швейцарскій походъ Суворова, или, точнѣе сказать, Суворовская наступательная ретирада черезъ Прагель и Праксинеръ пассъ **), представляетъ тоже дѣло, «едва ли видѣнное въ Исторіи».

Рядомъ съ Суворовымъ, по времени,—стоитъ князь Багратіонъ, помощникъ и любимецъ его: твердый и хладнокровный въ бою; всегда тамъ, гдѣ была опасность,—солдаты обожали его за его радушіе. Точно такъ же, какъ и Суворовъ, Багратіонъ не любилъ заранѣе обдуманныхъ плановъ и слушался только своего вдохновенія. Гравированныхъ портретовъ его издано было въ 1808—1813 годахъ огромное количество.

Изъ статскихъ лицъ, въ число народныхъ картинокъ, попали: во-1-хъ, курьезный портретъ дворянина философа Дмитріева-Мамонова, сочинившаго самоучкой

*) По словамъ Моро, «онъ готовъ былъ погибнуть самъ и уложить свою армію, но не отступить».

**) Оба прохода, въ видѣ простыхъ тропинокъ, находятся въ томъ же положеніи и въ настоящее время; я прошелъ ихъ пѣшкомъ въ 1882 году, ради прогулки; это было въ концѣ августа: во многихъ мѣстахъ лежалъ уже снѣгъ и была гололедица; идти было довольно трудно; а каково было тащить по этимъ скользкимъ подъемамъ и спускамъ пушки и зарядные ящики?

новую систему міра, съ такимъ къ самому себѣ воззваніемъ:

«О ты, который столь въ свѣтъ родился честенъ,
Что свѣтъ тебѣ со всей корыстью не прелестенъ»;

во 2-хъ, знаменитаго Московскаго пророка, или, какъ онъ самъ себя называлъ,—студента холодныхъ водъ Московскаго сумасшедшаго дома, Ивана Яковлевича Курейши (№ 165). Житіе его наглядно представляетъ тогдашнее религіозное настроеніе Московскихъ дамъ не только средняго и низшаго, но и высшаго круга. Иванъ

165. Студентъ холодныхъ водъ.
Ив. Яковл. Курейша.

Яковлевичъ, уроженецъ Смоленской губерніи, въ юности своей скитался по дебрямъ семинаріи, изъ которыхъ, однакоже, бѣжалъ въ лѣсъ, и сталъ юродствовать. Здѣсь какъ-то случилось ему изобрѣсти несовсѣмъ ловкое прорицаніе одной знатной особѣ, по ходатайству которой онъ былъ переселенъ изъ лѣса въ Московскій сумасшедшій домъ. Тамъ лѣчили его сперва холодною водою, отъ которой онъ самъ себя и прозвалъ студентомъ холодныхъ водъ, а потомъ, съ прибытіемъ славы объ его прозорливости изъ Смоленска въ Москву, устроили для него особую комнату, куда пускали жаждущихъ его прорицаній, по 20 коп. сер. съ человѣка.

Вотъ описаніе этой комнаты, сдѣланное около 1858 года: «стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня. На полу передъ образами стоитъ большой, высеребренный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей; въ подсвѣчникѣ ставятъ свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами; направо, въ углу, еще ниже, молится баба; прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, а на полу возлѣ Ивана Яковлевича, извѣстная купчиха Заливская. Увидавъ новыхъ посѣтителей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобы не замарать его на полу, подвела къ нему подъ благословленіе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла».

«Направо, въ углѣ, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ уже предпочитаетъ лежать. Рубашка, одѣяло и наволочка у него—изъ темнаго ситца; лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ; лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Ѣстъ онъ руками, кушанья скоромныя и постныя перемѣшиваетъ вмѣстѣ, самъ ѣстъ и другихъ кормитъ, производя при этомъ разныя эксцентричности». Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Иванъ Яковлевичъ намѣшаетъ въ чайникѣ съ чаемъ табаку, помакиваетъ въ этомъ снадобьи ручку отъ калача, и заставляетъ ѣсть не только купчихъ, но и дворянскихъ дамъ,—это, какъ объяснялъ мнѣ его дьяконъ, за то̀, что ужъ онѣ ему очень сильно надоѣли. И что же, наши дамы!—плачутъ, а ѣдятъ.

Прибѣгающимъ къ его прозорливости, Иванъ Яковлевичъ провозглашаетъ отрывочные, перепутанные съ смѣхотворною латынью и никому не понятные отвѣты, которые могутъ быть истолкованы только однимъ, приставленнымъ къ нему снотолкователемъ, богадѣленнымъ дьякономъ,—или же даетъ письменные отвѣты; напримѣръ, на вопросъ: «женится ли такой-то?»—отвѣтъ: «безъ працы не бенды колозацы»; «Выйду ли я замужъ?»—«Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили». Иногда

прорицанія Ивана Яковлевича носятъ эмблематическій характеръ. Пріѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Шестова, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ поднялъ ей подолъ, да и говоритъ: «все растрясла, поди прочь!» Другая купчиха К—а спрашиваетъ его: «скажи, Иванъ Яковлевичъ, что̀ будетъ съ моимъ сыномъ?» —«Смотри въ окошко», говоритъ ей Иванъ Яковлевичъ; нагнулась купчиха, смотритъ въ окошко; вскочилъ Иванъ Яковлявичъ на нее, сѣлъ верхомъ, и ну колотить по спинѣ. «Это значитъ», - объяснилъ потомъ богадѣленный дьяконъ,—«что сынъ вашъ поступитъ скоро въ кавалерію».

По прежней службѣ моей въ 1850—54 годахъ, мнѣ приходилось посѣщать Московскій сумасшедшій домъ почти ежемѣсячно. Чрезвычайная грязь и зловонная обстановка, окружавшія Ивана Яковлевича, производили, дѣйствительно, впечатлѣніе отталкивающее; но дѣтское добродушіе Московскаго прорицателя и необыкновенная его безсребренность,—онъ ничего себѣ не выпрашиваетъ, ничего себѣ не оставляетъ, — при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, способны были даже возбудить нѣкоторое сочувствіе въ бѣдному страдальцу. Въ этомъ отношеніи Иванъ Яковлевичъ представлялъ настоящій типъ блаженнаго XVI вѣка, и нисколько не походилъ на тѣхъ лживыхъ пророковъ и шпыней, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло для выманиванія денегъ у довѣрчивыхъ православныхъ. Ошибка Ивана Яковлевича заключалась единственно въ томъ, что опоздалъ онъ явленіемъ своимъ на цѣлыя 300 лѣтъ. Замѣчательно, что въ Ивана Яковлевича вѣрили не только Московскія мѣщанки, купчихи и дамы высшаго круга, но даже государственные сановники, извѣстные ученые и высшія духовныя лица.

Иностранныхъ портретовъ, въ числѣ народныхъ картинокъ, тоже немного,—больше все царскіе, но есть, впрочемъ, и богатыри: Позорскій и Пеше Шиширь, Турецкіе паши Ага и Муралей, Янычарскій бантырь Амуратъ (№ 166), пресловутая воительница греческая Бобелина—женская персона капитальнаго размѣра, которая, какъ сказано въ картинкѣ,

166. Сильный богатырь Амуратъ.

«храбростью и силою своею многихъ мущинъ превосходитъ»; да неизвѣстно какими путями попала сюда же «Доротея Гамбургская вольнодо(у)мка».

Кромѣ этихъ портретовъ, у раскольниковъ сохранились изображенія ихъ родоначальниковъ: князя Андрея Денисова Мышецкаго и Андрея Викулова; учредителя Преображенской богадѣльни въ Москвѣ Ильи Кавылина и старообрядческихъ начетчиковъ—Филиппа Косцева и Андрея Ларіонова Скачкова. Но эти портреты—не лубочной гравировки и въ народъ не выходили: при сильномъ гоненіи на раскольниковъ, они могли проникать только въ богатые раскольничьи дома, и ставились тамъ въ молельняхъ, наравнѣ съ иконами. Находимые во множествѣ у скопцевъ профильные (съ сіяніемъ) портреты Петра III, котораго они считаютъ своимъ сочленомъ, а равно и картинки, представляющія Павла, изводящаго изъ гробницы Петра III,—тоже не могутъ быть отнесены къ числу народныхъ картинокъ, такъ какъ они гравированы хорошими художниками.

Астрономическія и физическія свѣдѣнія заимствовались нашими предками изъ апокрифическихъ книгъ и твореній средневѣковыхъ писателей, переполненныхъ всевозможными баснями, которыя были въ ходу въ Европѣ почти до XVI вѣка. По этимъ сказаніямъ, небесъ надъ землею три: первое небо идетъ до луны,—въ немъ посе-

лены лукавые демоны, ищущіе погибели человѣка; небо второе воздухъ огненный отъ луны до звѣздъ,—оно наполнено ангелами на охрану человѣка; въ третьемъ небѣ, тоже огненномъ, надъ твердію находится Богъ со всѣми святыми (Лусидаріусъ: Тихонравовъ, Лѣтоп. I. 45). Въ Соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка разсказывается, какъ 300 ангеловъ воротятъ солнце, а птицы грипусы (грифы), финиксы и халедры, окуная крылья свои въ океанѣ-морѣ, кропятъ ими на солнце, да не опалятъ ихъ, и какъ огромнымъ коломъ тоже 300 ангеловъ воротятъ, и пр. и пр. По Болгарскому сборнику Григоровича, ангелы отъ престола Божія выносятъ солнце на небо, а по сказанію Меѳодія Патарскаго, въ морѣ—тридцать оконецъ, и тѣ оконцы тридцать китовъ своими головами заткнули; во время потопа Богъ повелѣлъ китамъ отойти отъ оконецъ и море затопило землю (Памятн. Кушелева, III. 18). То же повторяется и въ Голубиной книгѣ: китъ-рыба—всѣмъ рыбамъ мать,—на ней-бо

176. Псаломъ 103, въ 32 картин. съ изображеніемъ планетной системы, работы Андрея Тихомірова.

стоитъ земля; китъ-рыба потронется, вся земля восколеблется. Въ Іерусалимской бесѣдѣ система еще сложнѣе: тамъ говорится, что земля стоитъ на 80 китахъ-рыбахъ меньшихъ и трехъ рыбахъ большихъ (Кушелевъ, Памятн., II, 308), а по Болгарскому сборнику Григоровича, земля плаваетъ на водѣ, подъ водой же камень; камень держатъ 4 золотые кита, плавающіе на огненной рѣкѣ; подъ нею другой огонь, подъ огнемъ—дубъ желѣзный, первосадный, корни же его на силѣ Божіей стоятъ (Архивъ Калачева, кн. 1). Но рядомъ съ этими небылицами, въ сборникахъ того же времени, содержатся и свѣдѣнія, вполнѣ научныя—о планетной

системѣ, о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ. Свѣдѣнія эти перешли и въ наши народныя картинки; такимъ образомъ, въ лицевомъ изображеніи 163 псалма помѣщены отдѣльные рисунки, въ которыхъ представлены: Птоломеева планетная система, фазы луны, полнолуніе, затменіе, первая и послѣдняя четверть, и новолуніе, затменіе солнца, съ указаніемъ научныхъ причинъ такихъ явленій. При составленіи этихъ изображеній рисовальщикъ, видимо, пользовался рисунками Брюсова календаря, который у насъ замѣнялъ, въ свое время, западные альманахи и для народа составлялъ единственный доступный сборникъ свѣдѣній по астрономической части.

VI.

Календари и альманахи. Новый 1699 годъ. Календарь Фосбейна 1706 года. Пятилистовой Брюсовъ календарь и его предсказанія. Монополія на календари въ пользу Академіи Наукъ. — Гадательныя книжки: Рафли, Коло и Соломонова голова; печать царя Соломона.

—

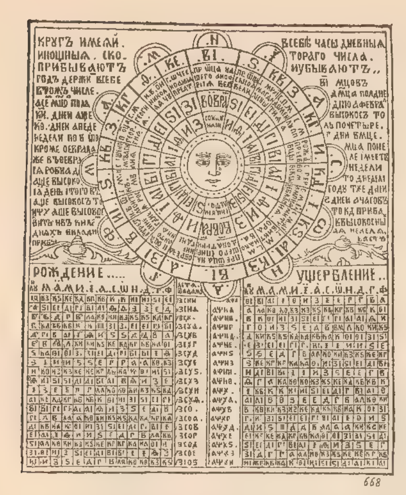
На Западѣ печатные альманахи-календари появились почти одновременно съ лицевыми библіями: первый и самый народный изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ «le grand Compost de bergers», вышелъ въ Парижѣ въ 1493 г.; вскорѣ послѣ того Провансальскій еврей изъ Сенъ-Реми, Михаилъ Нострадамусъ (род. 1503 г.), началъ сочинять альманахи съ предсказаніями и, кромѣ того, издавать предсказанія центуріями. Изъ него черпали полною рукою слѣдовавшіе за нимъ составители альманаховъ: Іосифъ Мультъ и Матье Ленсбергъ, добавляя ихъ—разсказами о явленіи драконовъ, звѣздъ и кометъ, и разными забавными анекдотами. Такой альманахъ, представлявшій, какъ замѣчаетъ Низаръ, за 50 сантимовъ цѣлую энциклопедію, считался предметомъ первой необходимости въ каждомъ крестьянскомъ домѣ (Hist. des livres popul., I. 1). Въ нашей литературѣ первый полный рукописный альманахъ-календарь появился въ 1664 году; за нимъ слѣдуютъ еще два календаря: календарь Фохта на 1670 годъ, переведенный съ нѣмецкаго и посвященный царю Алексѣю Михайловичу, и календарь Словаковскаго на 1696 годъ, переведенный съ польскаго. До этого времени всѣ свѣдѣнія, помѣщавшіяся въ западныхъ календаряхъ-альманахахъ, разбросаны были у насъ по разнымъ рукописямъ, а именно: святцы составляли отдѣльную книгу, съ присоединеніемъ иногда лицевого подлинника; для опредѣленія переходящихъ праздниковъ и пасхи руководствовались сперва великимъ индиктіономъ, составленнымъ на 7000 лѣтъ, а послѣ того—міротворнымъ кругомъ, составленнымъ священникомъ Агаѳономъ, по порученію митрополита Макарія. Первыя наставленія о томъ, что̀ дѣлать и чего не дѣлать въ извѣстные дни, мы находимъ въ Святославовомъ сборникѣ 1075 года, гдѣ, напримѣръ, подъ 30 апрѣлемъ указано: «рѣпы не яждь»; «маия 31, поросяте не яждь», а іюля 31: «воздержися отъ афродисіи». Впослѣдствіи такія наставленія составляли предметъ отдѣльныхъ рукописей, извѣстныхъ въ литературѣ нашей подъ именемъ отреченныхъ книгъ: о часахъ и дняхъ добрыхъ и злыхъ, о дняхъ лунныхъ, Мартолой или астрологія и пр. По части предузнаванія погоды изъ той же литературы назовемъ: громникъ, собранный царемъ Ираклiемъ, или молнiяникъ, и колядникъ пророка Ездры. Цѣлый устный календарь предсказаній этого рода можно отыскать въ народныхъ пословицахъ.

Въ 1699 году, какъ извѣстно, Петръ І-й повелѣлъ новый годъ считать, не попрежнему съ 1-го сентября, а по-новому,—съ 1-го января; изданъ былъ торжественный указъ, по которому приказано было въ этотъ день всѣмъ радоваться и, какъ зажгутъ огненныя потѣхи на Красной

площади, поздравлять другъ друга съ праздникомъ и съ концомъ протекшаго вѣка. Кромѣ того, приказано было всѣмъ безъ исключенія украсить домы свои сосновыми вѣниками, по выставленному образцу; скудные люди могли втыкать подъ своими жилищами по одной вѣткѣ, и затѣмъ всѣмъ приказывалось, въ знакъ особой радости, цѣлые шесть дней до 7-го января жечь солому, костры изъ хвороста и дровъ, смоляныя бочки, палить изъ пушечекъ (у кого онѣ есть) и пускать ракеты. Черезъ два года послѣ этого праздника напечатанъ первый январскій календарь, въ Амстердамѣ, Ильею Копіевскимъ. Въ чемъ заключался онъ, мы не знаемъ, такъ какъ отъ него уцѣлѣли одни святцы. Настоящая же серія печатныхъ календарей началась Московскимъ календаремъ на 1709-й годъ и Петербургскимъ на 1713-й годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и рядъ народныхъ календарей, отпечатанныхъ гравированными досками. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ поставить стѣнной календарь Фосбейна на 1706 годъ, доска котораго печаталась въ Москвѣ на Ахметьевской фабрикѣ; второй и самый полный изъ всѣхъ стѣнныхъ календарей, доселѣ извѣстныхъ,—это такъ-называемый Брюсовъ календарь, пятилистовой, изданный В. Кипріяновымъ на 1711-й годъ. Календарь этотъ содержитъ въ себѣ: святцы, показаніе долготы дней въ Москвѣ, положенія луны; таблицу съ «предсказаніемъ дѣйствъ» по теченію луны, переведенную изъ астрономіи Вольфганга Гильдебрандта, и таблицу съ предсказаніемъ времени по теченію планетъ, переведенную съ латинскаго изъ «книги Іоанна Заганъ». Въ лунной таблицѣ, напримѣръ, есть наставленія, подъ какимъ знакомъ слѣдуетъ: «бракъ имѣти.. мытися в'мылне и платье кроить... брады брить, чтобы не скоро выростали... строить храмы, чтобы огнь не пришелъ туду... въ тавлеи играть безъ спору... власы с'главы стричь, чтобъ мозгъ укрѣпляло... дѣтей въ училище отдать, чтобъ были зѣло учены... преніе начати и кнему причины искати». Въ таблицѣ о погодѣ можно отыскать: какое въ каждомъ году будетъ лѣто, весна, осень и зима; какой чему будетъ урожай, въ овощахъ и животныхъ, а также и какія будутъ когда ходить болѣзни, напримѣръ: «вино зѣло хорошее, орѣховъ обиліе; громы тяжкіе съ пожарами, будутъ вредить вихри; зѣло много яко змій, саранчи, лягушки великіе, черные, лягушки водныя, ящирицы и мыши; болѣзни утробы, стомаха, прирожденныхъ удовъ, болѣзнь французская, диссентерія сирѣчь поносная болѣзнь», и т. д.—Этотъ пятилистовой календарь составленъ Кипріяновымъ, по указаніямъ знаменитаго астролога своего времени, генералъ-фельдцейгмейстера Якова Вилимовича Брюса, котораго народъ, за его математическія познанія и постоянныя занятія астрономіей, прозвалъ колдуномъ *).

Вслѣдъ за пятилистовымъ календаремъ Брюса, тѣмъ же Кипріяновымъ изданъ однолистовой календарь на 1715 годъ, представляющій сокращенную компиляцію изъ пятилистового календаря. Затѣмъ слѣдуютъ стѣнные календари: одинъ, гравированный Ростовцевымъ; другой, печатанный деревянною доскою въ первой половинѣ прошедшаго вѣка (№ 168); календари 1749-го и 1774-го годовъ, и всегдашній календарь, конца прошедшаго столѣтія. Изъ календарей, отпечатанныхъ мѣдными досками въ видѣ цѣлыхъ книжекъ,—извѣстны: весьма распространенный въ западныхъ губерніяхъ календарь Корвина Квасовскаго и Брюсовскій календарь на 47 листахъ, который издавался во все продолженіе прошедшаго и даже въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Этотъ послѣдній—еще полнѣе пятилистового Брюсова календаря. Кромѣ предсказаній о погодѣ и о дѣйствіяхъ по теченію луны, въ немъ помѣщены: свѣдѣнія о библейскихъ праотцахъ, исчис-

*) Старикъ камердинеръ его находился еще въ живыхъ въ тридцатыхъ годахъ, и о немъ ходили тогда такіе слухи, что Брюсъ приказалъ ему изрубить тѣло его послѣ смерти на куски и поливать оставленною имъ, Брюсомъ, живою водою. Камердинеръ изрубилъ тѣло, началъ поливать его водою; уже куски срослись вмѣстѣ, въ лицѣ заигралъ румянецъ; но узналъ объ этомъ Петръ I и приказалъ остановить операцію и зарыть колдуна въ землю (Русская Старина 1871, 170). У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 289) легенда разсказана нѣсколько иначе.—Съ тѣхъ поръ и Сухарева башня слыветъ въ народѣ мѣстомъ нечистымъ. О ней существуетъ преданіе, что на свѣтѣ была черная книжка, въ которой росписана вся житейская мудрость; книжка эта была потоплена въ морѣ, но оттуда выловлена колдуномъ и замуравлена въ Сухаревой башнѣ на десять тысячъ лѣтъ.



168. Народный календарь, рѣзанный на деревѣ (1750), 1-й днеисходный.

леніе главнѣйшихъ звѣздъ на небѣ, таблица разстояній различныхъ городовъ русскихъ и иностранныхъ отъ Петербурга, перечисленіе дворцовъ, монастырей и церквей русскихъ, положеніе, въ градусахъ, знатнѣйшихъ городовъ европейскихъ, и карты губерній Московской и С.-Петербургской; кромѣ того, при каждомъ мѣсяцѣ приложены подробныя описанія «дѣйствъ въ рожденіи человѣкомъ», т. е. описаніе нрава и тѣлосложенія, а также житейскихъ похожденій, болѣзней, печалей и радостей, предстоящихъ человѣку, родившемуся подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «Отроча, родившійся между 9-мъ февраля и 12-го марта, флегматикъ, студенъ, мокръ...; въ Овнѣ имѣетъ счастіе во всѣхъ плодахъ земли; во Львѣ имѣетъ болѣзнь, чуденъ будетъ въ сіи времена. Аще въ Вѣсахъ, болѣнъ будетъ, смерти себѣ да ожидаетъ. И въ Скорпіи имѣетъ счастіе шествовати; въ Стрѣльцѣ будетъ богатъ, и въ Козерогѣ имѣетъ счастіе купляти и продавати. Въ Водоливѣ ничего да не начнетъ, зане сіе время супротивность ему... Лучшія его краски суть: бѣлая, зеленая, прочія суть злы. Отроча, родившійся между 14 сентября и 13 октября... младъ, нецѣломудръ и склоненъ ко блуду,

отраву пріеметъ чрезъ злыя жены. Отроковица-же, родившаяся за это время, «не можетъ сицеваго изъявленнаго наклоненія удалитися: пригожа будетъ, бѣла съ краснымъ смѣшана; благо ей... танцовати, скакати, пѣти, забавлятися..., любовь и блудъ до скончанія вѣка своего творити будетъ; покажется супружникъ, онаго едва любитъ». «Родившійся между 11 января и 8 февраля многихъ женъ растлитъ».— Прогностики эти очень сходны съ западными предвѣщаніями, въ томъ числѣ съ нѣмецкимъ календаремъ: «Das ist der teutsch kalender mit der Figuren, Gedruckt zu Augsburg von Hansen Troschauer, 1510,4». Въ прежнія времена имъ вѣрили; каково же было отроковицѣ, родившейся, напримѣръ, между 14 сентября и 13 октября, предвкусить прогностику относительно тѣлесной похоти и блуда до скончанія вѣка, отъ котораго наклоненія она, по календарному увѣренію, даже никакимъ средствомъ и удалиться не можетъ!

На Западѣ число разныхъ календарей-альманаховъ громадно,—они составляютъ тамъ цѣлую особую литературу. У насъ отдѣлъ этотъ очень бѣденъ: причиной тому было то обстоятельство, что изданіе календарей было предоставлено Академіи Наукъ въ видѣ монополіи *). Особыми указами 1739 и 1780 гг. приказано было покупать только календари академическіе; въ 1800 и 1830 гг. запрещено было частнымъ лицамъ издавать каландари вовсе. Запрещеніе это уничтожено только въ 1865 г., т. е. въ то время, когда народныя картинки, въ прежнемъ, настоящемъ смыслѣ этого слова, прекратили свое существованіе. Академическіе календари, судя по неоднократнымъ жалобамъ по этому предмету со стороны президентовъ, расходились въ народѣ очень туго, такъ какъ каждый по-прежнему искалъ раздобыть Брюсовъ календарь хотя и стараго изданія, по въ которомъ онъ могъ бы найти всѣ нужныя для себя обиходныя свѣдѣнія и заманчивыя прогностики и предсказанія. Въ этихъ-то свѣдѣніяхъ и заключалась необыкновенная популярность этого календаря: Ки-

*) Календарная выручка шла на покупку спирта и камфоры, для сохраненія академическихъ звѣрей и уродовъ отъ моли и червей.

пріяновъ, подъ руководствомъ Брюса, свелъ въ немъ все то̀, что̀ содержалось по этой части въ древнихъ нашихъ планидникахъ, звѣздочетцѣ, стодневцѣ, громникѣ, мартолоѣ, путникѣ и другихъ отреченныхъ книгахъ. Новый календарь совершенно замѣнилъ ихъ: оставалось дополнить его тѣми отреченными статьями о гаданьяхъ, которыя для народа, а въ особенности для женской половины, были такъ же необходимы, какъ и самый календарь.

Разныя примѣты: заломы березокъ, плетеніе вѣнковъ, гаданье по полету птицъ, по мышиному писку, навязываніе деревянныхъ крестовъ на воронъ, —о которыхъ упоминаетъ Новгородскій архіепископъ Геннадій, —существовали у насъ, какъ и въ другихъ, гораздо болѣе образованныхъ странахъ, съ глубокой древности; въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года дошелъ до насъ весьма полный перечень такихъ гаданій по примѣтамъ (Востоковъ, Румянцевск. Музей, 550). Изъ Стоглава мы узнаемъ, что предки наши смотрѣли, загадавъ, въ Аристотелевы врата, т. е. въ книгу Аристотеля: «тайны тайныхъ», подобно тому, какъ смотрѣли въ эту книгу, равно какъ и въ Виргилія, на Западѣ,—а также гадали по рафлямъ. Образцы такихъ рафлей дошли до нашего времени въ видѣ народныхъ картинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Кола (колесо фортуны, № 169, работы Трухменскаго) и случаевъ описанія (№ 170). На такой гадательный листъ бросается пшеничное или ячменное зерно; на какомъ изображеніи или притчѣ оно остановится,—то съ гадающимъ и сбудется въ жизни. Позднѣе листы эти замѣнены цензурною гадательною книжкою царя Соломона (№ 171), содержащею въ себѣ сотню изреченій туманно-нравственнаго направленія, преподаваемыхъ по большей части отъ имени неизвѣстнаго пророка, на манеръ прорицаній знаменитаго Ивана Яковлевича, въ родѣ слѣдующихъ: «20. Моли Господа Бога твоего, будетъ тебѣ человѣче хотѣніе твое, о томъ Пророкъ рече, кипитъ сердце по первой жизни, добро будетъ тебѣ и радость; 28. Будетъ тебѣ человѣче якоже хощеши по желанію твоему имѣть животное, но не вскорѣ узриши, о томъ Пророкъ рече»... и т. д. Въ такомъ видѣ гадательная книжка получила какой-то духовный характеръ и, вмѣстѣ съ печатными сонни-

169. Коло, гадательное колесо.

ками, составляла необходимую принадлежность каждаго домашняго обихода, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и въ городскомъ,—у купцовъ и мѣщанъ. Въ былое время по вечерамъ собиралась за столъ семья, съ домочадцами; дѣвки, парни, молодицы и старухи бросали, по очереди, пшеничное зерно или горошину на солнечную голову, а какой-нибудь грамотей

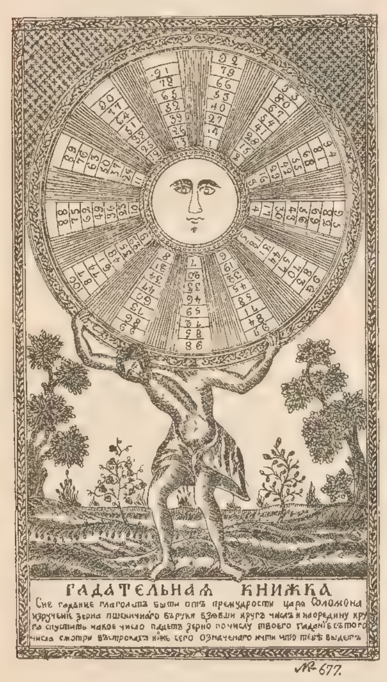
170. Случаевъ описаніе и дѣйствъ сказаніе.

Парамошка читалъ вслухъ и на церковный ладъ выпавшее изреченіе съ пророкомъ на концѣ.

Въ числѣ народныхъ картинокъ есть еще одинъ «гадательный способъ для увеселенія», съ картинками Екатерининскаго времени, черезчуръ игриваго характера. Въ молодости моей, помню, игрушечники и офени продавали маленькія дѣтскія гадательныя карты, въ которыхъ изображенія напоминали нашу народную картинку случаевъ описанія и дѣйствъ сказаніс.

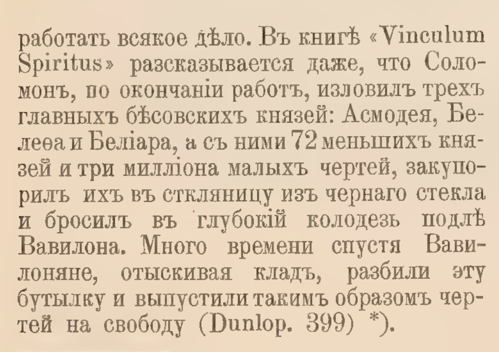
Чтобы покончить съ гаданіями, упомяну царя Соломона (172), о которой говорится и въ сказкахъ 1001-й ночи, и у Іосифа Флавія, и которая была въ большомъ ходу въ Западной Европѣ. Печать эта была дана Соломону (въ перстнѣ) самимъ Богомъ, въ то время, когда Соломонъ задумалъ по-

строить Ему храмъ; черезъ нее Соломонъ получилъ власть надъ злыми духами заставлялъ ихъ на себя



171. Гадательная картинка царя Соломона.

172. Печать царя Соломона



работать всякое дѣло. Въ книгѣ «Vinculum Spiritus» разсказывается даже, что Соломонъ, по окончанiи работъ, изловилъ трехъ главныхъ бѣсовскихъ князей: Асмодея, Белеѳа и Беліара, а съ ними 72 меньшихъ князей и три милліона малыхъ чертей, закупорилъ ихъ въ стклянницу изъ чернаго стекла и бросилъ въ глубокій колодезь подлѣ Вавилона. Много времени спустя Вавилоняне, отыскивая кладъ, разбили эту бутылку и выпустили такимъ образомъ чертей на свободу (Dunlop. 399) *).

*) Въ западной литературѣ встрѣчаемъ еще ключицу царя Соломона; это волшебная кость, о которой упоминается и въ нашихъ отреченныхъ книгахъ и посредствомъ которой можно вызывать злыхъ духовъ и командовать ими, какъ простыми телятами. Всѣмъ этимъ бреднямъ западное простонародье усердно вѣрило еще въ прошедшемъ вѣкѣ; у Шейбле приведены цѣлыя сочиненія о заговорахъ чертей, условіяхъ съ демонами Луциферомъ и Узіеломъ, у которыхъ подъ начальствомъ состоитъ 28 мелкихъ духовъ; тамъ же приложенъ цѣлый рядъ кабалистическихъ печатей, съ которыми можно разыскать украденное и отыскать кладъ; есть даже факсимиле контракта, заключеннаго рыцаремъ Урбаномъ Грандье съ чертями (Scheible, Das Kloster, III 928 и 876). У Низара тоже поименована книга 1521 г., съ заголовкомъ: „красный драконъ и черная курица, которая излагаетъ правила, какъ повелѣвать духами“ (1. 141). Кромѣ Соломоновой печати, Соломоновой гадальной книги, да лицевыхъ изображеній его „пѣсни пѣсней“, въ народныхъ картинкахъ имя Соломона упоминается только мелькомъ. Сказанія о сношеніяхъ его съ Китоврасомъ въ лицевыя изображенія не вошли; изъ многочисленныхъ судовъ его, въ картинки (XVII в.) попалъ только одинъ—слѣдующій: „нѣкій вольможа во снѣ дадé нищему сто рублевъ денегъ взаймы, и возставъ отъ сна бьетъ челомъ царю на того нищаго въ тѣхъ деньгахъ“. По приказанію Соломона нищій собралъ Христа ради сто рублевъ и принесъ ему; тогда Соломонъ приказалъ повѣсить деньги надъ колодцемъ, а вельможѣ повелѣлъ взять изъ воды тѣнь (отраженіе) тѣхъ денегъ; вельможа понялъ свою неправду „и испроси прощеніе“, а Соломонъ повелѣлъ нищему взять деньги.

VII.

Легкое чтеніе: переводные романы; Великое Зерцало. Наши заимствованія изъ западной и югославянской литературы и съ Востока; своеобразная обработка ихъ.—Устная литература. Сказатели былинъ; обработка и искаженіе былинъ. Сказки и сказочники. Переписка сказокъ; сказки печатныя и лицевыя. Кіевскіе Калики.—Русскіе богатыри въ народныхъ картинкахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Добрыня Никитичъ. Изображенія другихъ богатырей.—Сказки переводныя: Бова, Петръ Златые ключи, Еруслaнъ Лазаревичъ; сходство ихъ съ былинами. Другія сказки, составленныя изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, заимствованныхъ изъ иноземныхъ повѣстей. Отдѣльныя лица изъ западныхъ романовъ. Сходство героевъ нашихъ сказокъ и всей обстановки въ нихъ съ западными повѣстями. Богатырь, его конь и оружіе. Волшебницы и волшебныя вещи. Умные и дураки.—Повѣсти изъ животнаго эпоса. Коллекція звѣрей и птицъ. Птицы: Сиринъ и Алконостъ. Житіе баснописца Езопа.—Сатирическія повѣсти и картинки. Просьба монаховъ Колязинскаго монастыря. Вятская баталія. Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ. Повѣсть о пѣтухѣ и о курахъ. Сатиры на Петра I: Мыши кота погребаютъ,—оригинальная народная картинка, пародія на погребальную процессію Петра I. Ее сочинили раскольники. Составъ похороннаго поѣзда: мыши представительницы новопокоренныхъ Петромъ областей; вдова-чухонка Маланья; Стефанъ Яворскій; Савва Рагузинскій; рязанскіе Макарки.—Другіе сатирическіе листы того же времени: Баба Яга дерется съ крокодиломъ и пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Нѣмка верхомъ на старикѣ. Паденіе антихриста. Цирюльникъ и раскольникъ. О томъ, какъ Петръ I донималъ старообрядцевъ. Пошлина съ бороды и записка раскольниковъ въ двойной окладъ. Увѣщаніе о бородѣ св. Дмитрія Ростовскаго. Указъ 20 января 1763 года и возвращеніе русской бороды изъ-за границы. Прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ.—Разсказы скоромнаго содержанія. Повѣсти и забавные листы. Сатиры на стариковъ: Тарасъ плѣшивый, Хѐрсони и Пастушки. Гадательная книжка и пр. Письмовникъ профессора Курганова, какъ сборникъ макароническихъ произведеній.

Въ «Очеркѣ литературы старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», А. Н. Пыпина *), представленъ полный обзоръ рукописнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ нашего народа по части легкаго чтенія. Изъ этого очерка видно, что у насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній средневѣковой литературы, которыя были въ ходу въ западной Европѣ. Въ XVII вѣкѣ, особенно же въ XVIII, когда потребность на легкое чтеніе стала проявляться все болѣе и болѣе, въ русской литературѣ появилось большое число переводовъ съ разныхъ европейскихъ языковъ: повѣстей, сказокъ и рыцарскихъ романовъ *). Отдѣлъ лицевыхъ романовъ и сказокъ въ народныхъ картинкахъ представляетъ мало новаго: большая часть изъ нихъ была уже напечатана въ сборникахъ и періодиче-

*) Ученыя Записки II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. IV, СПб. 1858 г.

*) Впрочемъ, и въ Европѣ занимались въ то время такимъ же чтеніемъ. Графъ Каилюсъ говоритъ, что еще въ 1768 году волшебныя сказки были въ большомъ ходу, и что во время его молодости только ихъ и читали въ обществѣ (Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen, mit Anmerk. v. F. Liebrecht, Berlin 1851, S. 411). Странно, почему не встрѣчается переводовъ на русскій языкъ такихъ разсказовъ, какъ Polexandre, Le jeune Alcidione, Гомбровія и Кальпренедовы Клеопатра и Кассандра; между тѣмъ какъ эти романы пользовались въ Европѣ огромной извѣстностью. Руссо, въ своихъ «Confessions», разсказываетъ, какъ онъ цѣлыя ночи просиживалъ съ отцомъ надъ Кассандрою Кальпренеда.

скихъ изданіяхъ, и всѣ почти, безъ исключенія, сказки и романы, а также и легенды, или переведены, или заимствованы съ западныхъ оригиналовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ «Великое Зерцало» — громадный сборникъ разсказовъ, латинскій подлинникъ которыхъ напечатанъ въ первый разъ въ 1492 году. Нашъ переводъ, судя по экземпляру Синодальной Библіотеки, принадлежавшему патріарху Адріану, сдѣланъ въ 1667 году, по желанію и повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и притомъ съ польскаго языка; изъ этого Зерцала, какъ будетъ сказано ниже, заимствовано большое количество легендъ и мелкихъ разсказовъ. Изъ другихъ западныхъ оригиналовъ вошли въ наши народныя картинки разсказы: изъ «Золотой Легенды» Іакова де Ворагине и изъ отдѣльныхъ повѣстей, жартовъ или фацецій и сказокъ.

Изъ нѣмецкихъ источниковъ заимствованы: отдѣльные эпизоды въ сказкахъ объ Иванѣ Царевичѣ и Жаръ-Птицѣ, объ уткѣ съ золотыми яичками, Диво дивное, и басня Ганса Сакса о крестьянинѣ, его сынѣ и ихъ ослѣ. Изъ французской литературы, кромѣ провансальскаго романа «Петръ златые ключи», который въ лицевой сказкѣ сильно сокращенъ, — заимствованы: вѣтреная молочница Мелинта (№ 71), повѣсть о купцовой женѣ и приказчикѣ (№ 120), о ворѣ и бурой коровѣ, о шутѣ и трактирщикѣ, и безстыдный въ трактирѣ (№ 84) *).

Съ Востока перешла къ намъ, какъ это положительно доказано В. Стасовымъ, сказка о Еруслане Лазаревичѣ *); затѣмъ

*) При этомъ большинство текстовъ нашихъ лицевыхъ картинокъ и сказокъ перепечатаны дословно съ печатныхъ изданій. Такимъ образомъ перепечатаны изъ «Лекарства отъ задумчивости» (М. 1786) сказки: объ Иванѣ Царевичѣ и Царь-дѣвицѣ, о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ, объ Емельянѣ дурачкѣ; изъ „Дѣдушкиныхъ прогулокъ" (1790) — сказки: о Булатѣ молодцѣ, объ Иванѣ Царевичѣ и Жаръ-птицѣ; изъ „Старика весельчака": повѣсть о купцовой женѣ и приказчикѣ, о ворѣ и бурой коровѣ, о шутѣ и трактирщикѣ, лукавая жена, о курѣ и льстивой лисицѣ. Текстъ картинокъ: о женатомъ волокитѣ — дословная перепечатка басни Аблесимова, а снѣжный ребенокъ — повѣсти Измайлова; Диво дивное — вырѣзано съ печатнаго изданія 1788 года. Сказки: о Бовѣ королевичѣ (полная), о Петрѣ златыхъ ключахъ и о тридцати-трехъ-лѣтнемъ крестьянскомъ сиднѣ (Иванѣ крестьянскомъ сынѣ) — вырѣзаны тоже съ печатныхъ изданій.

немало заимствованій сдѣлано въ нашихъ повѣстяхъ изъ 1001-й ночи, откуда почти цѣликомъ переведены: сказка «о чемъ ты смѣялся» и повѣсть (слово) о душѣ и тѣлѣ человѣческомъ *). Изъ другихъ восточныхъ источниковъ заимствованы: Шемякинъ судъ, передѣланный на русскіе нравы, притчи Езоповы и его житіе **).

Но самое большое число русскихъ сказокъ заимствовано изъ итальянскихъ источниковъ. Отсюда, изъ Reali di Francia, перешелъ къ намъ Бова королевичъ, въ полной и сокращенной редакціяхъ, и съ отдѣльными изображеніями боя Бовы съ Полканомъ и героевъ этого романа: царя Салтана Салтановича, короля Гвидона, самого Бовы королевича и супруги его Дружневны. Изъ Пентамероне Базили заимствованы цѣлыя повѣсти и отдѣльные эпизоды для сказокъ: Иванъ Царевичъ и Царь-Дѣвица, семь Симеоновъ, Емельянъ дурачекъ, смирный мужикъ и драчливая жена. Повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ — заимствована изъ Декамерона Бокачіо (а симъ послѣднимъ изъ французскаго фабліо: de celui, qui enferma sa femme en une tour); повѣсть объ Адольфѣ Лапландійскомъ, судя по нѣкоторымъ итальянизированнымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, — должно быть тоже переведена съ итальянскаго языка.

Рядомъ съ рукописной и книжной литературой, въ виду огульной неграмотности нашего народа, всегда существовала литература устная, составлявшаяся изъ духовныхъ стиховъ, былинъ и сказокъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, съ живого голоса. — Пѣніемъ духовныхъ стиховъ занимаются издавна такъ-называемые калики перехожіе — слѣпцы и въ самомъ дѣлѣ люди искалѣченные самымъ страшнымъ образомъ съ ранней молодости, для возбужденія состраданія въ набожныхъ богомольцахъ; ихъ можно видѣть до настоящаго времени въ безконечныхъ пере-

*) Хотя она и переведена не съ восточнаго оригинала, а скорѣе съ южнославянскаго, болгарскаго или сербскаго, на что̀ отчасти намекаетъ и одна изъ картинокъ, на которой супруга Еруслана названа прекрасною Миленою.

**) Любопытно и то̀, что былина о Святогорѣ, его ларцѣ и красавицѣ, блудившей съ Ильею Муромцемъ, тоже цѣликомъ заимствована изъ 1001-й ночи.

ходахъ въ дальнія пещеры Кіевопечерской Лавры. Въ наши картинки каличьи пѣсни не вошли вовсе. Самая обиходная притча ихъ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ, изъ которой даже народная пословица составилась: «что ты Лазаря-то поешь», — въ нашихъ картинкахъ появилась почти безъ всякаго текста, съ однѣми краткими надписями; житіе Іосифа прекраснаго, распѣваемое каликами на разные лады, въ картинки наши тоже занесено въ совершенно другой, не сходной съ Кіевокалексіями, редакціи *).

Другой разрядъ пѣвцовъ разсказчиковъ—это сказатели богатырскихъ былинъ. Былина удержалась по преимуществу у старообрядцевъ на крайнемъ Сѣверѣ, въ Сибири и у Поморовъ. Здѣсь съ давняго времени засѣли въ скитахъ своихъ закоренѣлые старообрядцы, при помощи которыхъ выстроились на Бѣломъ морѣ знаменитые Соловки, отстаивавшіе свою независимость и старую вѣру съ оружіемъ въ рукахъ, даже противъ царскихъ войскъ. Путь въ Соловки на Онегу, Сумы и Кемь, по лѣсамъ, озерамъ и порожистымъ рѣчкамъ, и въ заключеніе по бурному морю, въ плохихъ баркасахъ, а изъ Кеми даже и на простыхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками,—путь полный опасности,—уже самъ по себѣ представлялъ много темъ для героической поэзіи и напоминалъ проходящимъ его многочисленнымъ богомольцамъ другое еще болѣе опасное и далекое паломничество—въ Іерусалимъ. Конечно, такихъ богомольцевъ не могло удовлетворить какое-нибудь жалостное пѣніе Лазаря, на манеръ кіевскихъ каликъ: имъ нужны были другіе пѣвцы, другіе разсказы, болѣе осмысленные, яркіе, богатырскіе, которые напоминали бы имъ и перенесенныя въ пути опасности, и народный вѣковой отпоръ противъ неправой власти. На дальнемъ Сѣверѣ нашемъ и образовался издавна такой разрядъ пѣвцовъ и разсказчиковъ совершенно особаго характера, которые пѣли и поютъ въ своихъ былинахъ про

*) Въ превосходной книгѣ Безсонова (Калики перехожіе) собраны духовные стихи (по народному названію Кіевокалексіи), которые поются этими каликами съ древнѣйшаго времени.

то время, когда на Руси была еще одна вѣра крещеная, и крестъ клали человѣки по писаному; когда богатырь крестьянинъ братался съ княземъ, и впереди его шелъ защищать родную землю отъ басурманина. Объ этихъ сказателяхъ и о текстѣ распѣваемыхъ ими былинъ говорится подробно на 1—133 стр. IV-й книги моего перваго большого изданія Русскихъ Народныхъ Картинокъ.

Въ Московскомъ мірѣ такіе сказатели, конечно, не могли быть терпимы *): здѣсь нужны были или слѣпцы калики, которые могли бы до указанной степени размягчить сердце царское въ ненастные дни, или же наконецъ шуты—сказочники, которые умѣли бы поддерживать сердце его въ постоянномъ веселіи. Встарину на такихъ сказочниковъ или бахарей, точно такъ какъ и на слѣпыхъ, воспѣвавшихъ гласы, было огромное требованіе,—какъ въ простомъ народѣ, такъ и при царскихъ и боярскихъ дворахъ **). Хорошій сказочникъ и въ недавнее еще время зарабатывалъ изрядныя деньги. Онъ умѣлъ пересыпать сказку разными прибаутками, и во̀ время остановиться на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Сдѣлавъ рѣзкій перерывъ разсказу, сказочникъ обыкновенно начинаетъ верешить безконечныя присказки, во́все не идущія къ дѣлу и представляющія наборъ всякой чепухи въ риѳму: цѣль такихъ перерывовъ—дать отдыхъ своему воображенію, возбудить любопытство слушателей, а главное расшевелить въ ихъ мошнѣ денежку; посыплется въ шапку денежка и пойдетъ сказываться сказка далѣе, какъ по писанному. Тѣ же самые пріемы, но уже единственно съ цѣлію дать себѣ отдыхъ и возобновить въ памяти слѣдующія строфы, употребляются, впрочемъ, и сказателями былинъ;

*) Хотя былина и сказка во многихъ случаяхъ шли рука объ руку и дѣлали заимствованія другъ отъ друга, а нѣкоторыя изъ нашихъ сказокъ, какъ справедливо замѣтилъ Котляревскій, даже ни что̀ иное, какъ передѣланныя былины (Старина и Народность, СПб. 1861, стр. 50).

**) Изъ расходной книги Оружейной палаты за 1617 г. видно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ въ этомъ году, сукномъ,—бахарей Петрушку Сопотова, Клима Орефьева да Путятина (Снегиревъ, Лубоч. карт., 80). Алексѣй Михайловичъ держалъ столѣтнихъ стариковъ, которые разсказывали ему про старину (Буслаевъ, Очерки, I. 506). Императрица Елизавета Петровна тоже любила слушать сказки.

только у нихъ смѣхотворныя присказки сказочниковъ замѣняются безконечнымъ и чрезвычайно скучнымъ повтореніемъ одного и того же: приходитъ, напримѣръ, описаніе замка, все равно у Соловья ли разбойника, или у какой Королевичны или у Маринки,—все тотъ же тынъ «на семь верстъ, да на каждой тычинкѣ по маковкѣ, да на каждой маковкѣ по богатырской головушкѣ»; начинаетъ ли сѣдлать богатырь своего коня, и вы должны прослушать каждый разъ одну и ту же длинную исторію: какъ онъ «накладываетъ на него сѣделечко черкасское, подтягиваетъ 12 подпругъ шелковыхъ, а 13-ю булатную, не для красы, а для крѣпости» и т. д.

Встарину при царскихъ сказочникахъ бывали такъ-называемыя понукалки *), въ родѣ помощниковъ, которые «побуждали» сказочниковъ продолжать сказку; точно такихъ понукалокъ случалось мнѣ не разъ видѣть при бродячихъ пѣвицахъ-импровизаторшахъ въ Андалузіи, Египтѣ и Индіи: онѣ помогаютъ пѣвицѣ, подсказываютъ ей, обращаются къ ней съ вопросами, словомъ, не даютъ остановиться въ ней духу импровизаторства,—точь въ точь какъ въ нашей кукольной комедіи шарманщикъ подзадориваетъ своими вопросами Петрушку.

Хорошіе сказочники и прежде были рѣдки: при огромной памяти, имъ необходимо имѣть и большую начитанность, и искусство крошить и перемѣшивать сказки и выдѣлывать изъ этой смѣси нескончаемый заводъ новыхъ сказокъ,—и все это такъ, чтобы слушателю было не вдомекъ—новую ли онъ слышитъ сказку, или только старую погудку на новый ладъ **). Въ долгіе зимніе вечера наши,

*) Въ котовомъ погребеніи этимъ именемъ («мышка понукайка») названа мышь-кучеръ, погоняющая мышей, впряженныхъ въ котовыя дровни.

**) У насъ въ домѣ была такая сказочница Марья Максимовна: у нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки. Такой же процессъ происходитъ и при передачѣ былины: опытные сказатели не только включаютъ въ былины свои, новые, слышанные ими, разсказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы.

на бойкомъ постояломъ дворѣ, за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ царскомъ кабачкѣ, на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынче еще найти можно. Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины прошедшаго вѣка стали переходить въ печать *).

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ встрѣчаются имена только трехъ старѣйшихъ русскихъ богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Самый народный, самый извѣстный изъ нихъ—это богатырь Илья Муромецъ: сказка о немъ попадается уже въ рукописныхъ сборникахъ первой четверти XVIII вѣка; по языку ее можно отнести и къ XVII-му.—Въ лицевомъ изданіи она приведена въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ (№ 173): въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимофѣевичъ, и было у него чадо Илья Муромецъ, которое сиднемъ сидѣло до 30-ти лѣтъ.

Въ 30 лѣтъ Илья всталъ на ноги **), взялъ благословеніе родителей и отправился въ Кіевъ, обѣщая имъ не проливать на пути крови христіанской. По дорогѣ Илья встрѣтилъ разбойниковъ, которые собрались было ограбить его, но

*) Сказки стали издаваться въ числѣ лицевыхъ народныхъ картинокъ около второй половины XVIII вѣка; печатать начали ихъ еще позднѣе, а до того времени—Бова, Еруслань, Петръ-златые ключи и прочіе романы-сказки переписывались подъячими въ свободное время и продавались у Спасскихъ воротъ и на другихъ Московскихъ рынкахъ, какъ подсмѣивается по этому поводу одинъ сатирическій журналъ 1769 года „И то и сіо". Дошедшія до насъ рукописныя сказки по большей части сохранились въ рукописныхъ сборникахъ отдѣльными статьями; дошли до насъ и цѣлые сборники однѣхъ сказокъ, какъ, напримѣръ: сборникъ Бѣльскаго XVIII в., по которому напечаталъ свои сказки Сахаровъ; сборникъ Ундольскаго № 930 и сборникъ монаха Каріона Истомина, подаренный имъ монахинѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Любови Степановой.

**) При этомъ изъ нашей сказки выпущенъ эпизодъ, какъ въ избу къ Ильѣ пришли три старца и попросили у него пить; сидѣнь Илья, по приказу ихъ, всталъ на ноги и принесъ имъ ендову пива, а старцы приказали ему выпить то пиво самому, и почувствовалъ съ того Илья въ себѣ силу великую,—это сказаніе, въ измѣненномъ видѣ, помѣщено у насъ въ другой лицевой сказкѣ: «объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ»

Илья разогналъ ихъ. Затѣмъ Илья освободилъ городъ Черниговъ отъ обложившихъ его басурманъ; оттуда поѣхалъ на Кіевъ прямою дорогою, которую заложилъ Соловей - разбойникъ, засѣвши въ гнѣздѣ на 12-ти дубахъ, и никого не пропуская мимо, ни коннаго, ни пѣшаго: всѣхъ убивалъ онъ разбойничьимъ своимъ свистомъ. Илья всадилъ ему стрѣлу въ правый глазъ; свалился Соловей изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ, привязалъ его Илья къ стремени и привезъ въ Кіевъ къ князю Владиміру. Здѣсь Соловей показывалъ свое искусство передъ великимъ княземъ и княгиней и за то, что свистнулъ во весь свистъ и оглушилъ богатырей, былъ преданъ отъ Ильи смерти.

Затѣмъ Илья побратался съ Добрынею Никитичемъ и уѣхалъ съ нимъ изъ Кіева погулять въ чистое поле. Черезъ три мѣсяца встрѣчаютъ они калѣчище Иванище, который разсказалъ имъ, что при дворѣ кіевскаго князя не ладно: пріѣхалъ невѣрный богатырь Идолище, который непомѣрно жретъ и опиваетъ князя, а у великой княгини за пазухой руки грѣетъ (прибавлено въ былинахъ). Илья ѣдетъ въ Кіевъ, входитъ въ платьѣ калѣчища прямо во дворецъ князя, заводитъ съ Идолищемъ ссору, и убиваетъ его, ударивъ его въ голову своей шляпой: «тихонько, только прошибъ стѣну»,—и за то князь «почтилъ его великою похвалою и причелъ въ сильные могучіе богатыри»,—заканчиваетъ сказка.

173. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, въ 8 картинкахъ.

Описанные въ сказкѣ подвиги Ильи Муромца, несмотря на встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсказа историческія и географическія названія,—трудно пріурочить къ какимъ-либо дѣйствительнымъ событіямъ. За всѣмъ тѣмъ, сказка наша, со всѣми ея подробностями, носитъ на себѣ характеръ несомнѣнной оригинальности и русскаго склада, и до сихъ поръ не открыто еще такого иностраннаго источника, изъ котораго бы она могла быть прямо заимствована или передѣлана.

Въ былинахъ богатырскіе подвиги Ильи Муромца противъ басурманскаго Идолища и басурманскихъ царей: Батыя, Калина и Мамая, разсказаны гораздо подробнѣе. Въ нихъ же разсказываются: отдѣльные эпизоды о встрѣчахъ Ильи съ Святогоромъ богатыремъ и о томъ, какъ онъ блудилъ съ его женой, а также — ссора Ильи съ великимъ княземъ Владиміромъ, въ которой Илья такъ расходился, что сталъ сшибать стрѣлой съ церквей золотые кресты, а съ дворца княжескаго золотыя маковки, на выпивку, богатырей же отхлесталъ всѣхъ плетью, такъ что самъ князь едва успѣлъ отъ него за печку спрятаться, собольей шубкой прикрыться; наконецъ, разсказъ о томъ, какъ въ бою съ Калиномъ царемъ, богатыри прирубили всѣхъ татаръ, и подумалъ старый казакъ Илья Муромецъ: «если бы была вся сила небесная, прирубили бы и всю силу небесную». И не прошла эта похвальба мимо, разгорѣлись сердца богатырскія,—разрубятъ татарина одного, сдѣлается изъ него два, разрубятъ двухъ, сдѣлается четыре: умножилось въ полѣ войска поганаго. И рубилъ его Илья Муромецъ и пересѣлся (надорвался) и закаменѣлъ конь его богатырскій на этомъ полѣ и сдѣлались мощи святые со стараго» («Р. Н. К.» 1881,—IV. 1—64).

Въ лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря (№ 173); на отдѣльной картинкѣ (№ 174) Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ, — фигуры и лошади несомнѣнно скопированы съ французской картинки.

174. Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

Несравненно замѣчательнѣе изображеніе Соловья-разбойника (№ 175), гдѣ онъ представленъ верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафьѣ) съ перомъ.

175. Сильный богатырь Соловей-разбойникъ.

Лицевая сказка о Добрынѣ Никитичѣ не имѣетъ въ себѣ почти ничего общаго съ былинами и старинными сказками объ этомъ богатырѣ: она перепечатана дословно изъ сказокъ Чулкова, а этимъ послѣднимъ составлена изъ разныхъ волшебныхъ сказокъ французскаго издѣлія; только въ концѣ ея присоединено,—ни къ стати, ни къ ладу,—описаніе боя Добрыни Никитича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, на-

поминающее поморскія былины. Добрыня является въ былинахъ то дядею, то племянникомъ великаго князя Владиміра, то Филаретомъ Никитичемъ, любовникомъ Маринки Мнишекъ, жены Гришки Отрепьева.—Что же касается до третьяго богатыря нашего, Алеши Поповича, о которомъ въ былинахъ говорится, что онъ «рода поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія»,—то объ немъ лицевой сказки не имѣется вовсе, а есть только одна лицевая картинка, на которой онъ изображенъ верхомъ на конѣ, въ латахъ и въ шапкѣ, отороченной мѣхомъ и украшенной кистями и перьями (№ 176).

176. Семинарскій богатырь Алеша Поповичъ.

Кромѣ Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, въ народныхъ картинкахъ представленъ еще богатырь Буслай Буслаевичъ, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ,—отецъ Васьки Буслаева, знаменитаго борьбой своей съ Новгородскимъ вѣчемъ, о которой сложена едва ли не лучшая русская сказка, изъ всѣхъ доселѣ сохранившихся. Нѣтъ сомнѣнія, что составитель картинки № 177 хотѣлъ изобразить именно этого Ваську Буслаева, а не отца его, ничѣмъ не извѣстнаго,—ни въ былинахъ, ни въ сказкахъ,—и только по ошибкѣ, или незнанію, выставилъ на ней имя Буслая.

Отрокъ Василій Буслаевъ,—разсказывается въ сказкѣ о немъ,—оставшись сиротою послѣ смерти отца своего, для препровожденія времени началъ рвать руки и головы посадскимъ ребятамъ, а потомъ подобралъ себѣ двухъ товарищей Ѳому да хромого Потаню. Описаніе выбора этихъ богатырей очень характерно. Василій Буслаевъ поставилъ чанъ водки, приказалъ спустить въ вино чарки, въ 30 пудъ каждую, и кликнуть кличъ: «кто хочетъ въ холѣ пожить, пусть придетъ на дворъ, не обсылаючи, спросясь только съ своей силою». И пришелъ на дворъ Ѳома Ременниковъ, взялъ себѣ чарку въ 30 пудъ въ руки, зачерпнулъ изъ чана вина, и напился. Увидавъ такую силу, Буслаевъ

177. Богатырь Буслай Буслаевичъ.

бѣжитъ внизъ съ вязовою дубиною, налитою свинцомъ, и прямо грохъ Ѳому въ правое ухо. На Ѳомѣ головушка и не тряхнулася! И назвалъ его Василій Буслаевичъ себѣ братомъ и товарищемъ. Точно такимъ же манеромъ посвященъ въ товарищи и хромой Потаня,—только его уже колотилъ дубьемъ по уху не одинъ Буслаевичъ, а вдвоемъ съ Ѳомою; за то Потаня и силою былъ повыше Ѳомы: онъ просто-напросто взялъ себѣ чанъ съ водкою за ушки, да и выпилъ все вино залпомъ, не прибѣгая къ чаркѣ. Затѣмъ въ сказкѣ разсказывается, какъ Новгородцы хитростію заманили Буслаева къ

себѣ на пиръ и напоили его; какъ Буслаевъ сталъ похваляться, что быть ему княземъ надъ всею Русью новгородскою, и какъ Новгородцы, обидѣвшись на это, послали на Буслаева рать изъ посадскихъ. Рать эту побила сперва, находившаяся въ услуженіи у Буслаева, дѣвка чернавка чугуннымъ коромысломъ въ триста пудъ, а потомъ доколотилъ самъ Буслаевъ дубовою осью. Тогда Новгородцы уже покорились подъ его власть.

Очень характеренъ при этомъ разсказъ, какъ Новгородцы, видя погибель посадскихъ отъ Буслаева, прислали на помощь къ нимъ богатыря-старчище (Андронище—Рыбн. III. 239), который уже много лѣтъ передъ тѣмъ въ кельѣ сидѣлъ, никуда не выходилъ. Старчище снялъ съ колокольни вѣчевой колоколъ въ 600 пудъ, надѣлъ его себѣ на голову, вмѣсто шапки, и выступилъ противъ Буслаева; но Буслаевъ однимъ ударомъ разбилъ колоколъ въ дребезги, а старчище поставилъ на колѣна. Тѣмъ и покончилась вѣчность Новгородская.

Судя по числу дошедшихъ до насъ картинокъ, нельзя сказать, чтобы сказки о русскихъ богатыряхъ особенно нравились народу и ходко шли въ продажѣ: сказка объ Ильѣ Муромцѣ сохранилась только въ четырехъ изданіяхъ, — и то краткая, а сказка о Добрынѣ Никитичѣ полная, въ двухъ изданіяхъ, — и то новѣйшихъ, нынѣшняго столѣтія. Несравненно бо̀льшею извѣстностью пользовались сказки, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ: повѣсть о Петрѣ златыхъ ключахъ, извѣстная въ 16 лицевыхъ изданіяхъ и 6-ти картинкахъ, и знаменитая повѣсть о Бовѣ Королевичѣ (№ 178), дошедшая до насъ въ десяти изданіяхъ (7—въ краткой редакціи и 3 – въ пространной), съ 17-ю отдѣльными изображеніями—Бовы (№№ 180—181), Дружневны (№ 179), Салтана Салтановича (№№ 182—183), короля Гвидона (№ 184) и боя Бовы съ богатыремъ Полканомъ.

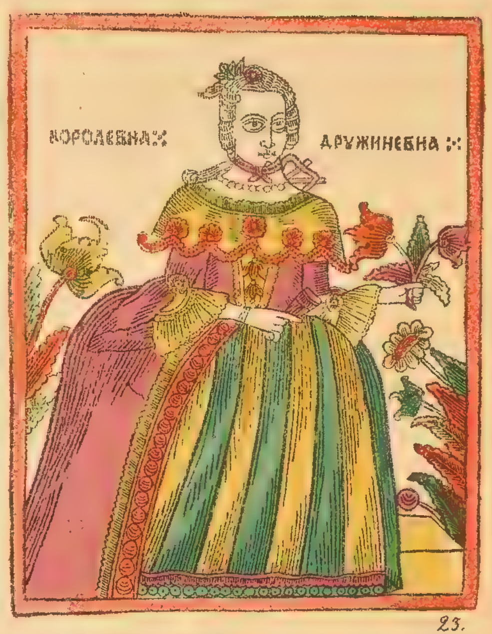
Повѣсть о Бовѣ Королевичѣ читается и въ наше время повсемѣстно, расходится въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и составляетъ необходимую принадлежность и мѣщанской, и солдатской библіотеки *). Повѣсть эта появляется въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ уже въ XVII и XVIII вѣкѣ **); она заимствована съ итальянскаго оригинала ***) и занесена къ намъ заѣзжими итальянцами въ болѣе раннее время, на что̀ указываетъ, между прочимъ, и та родственная связь, которая давно уже установилась между сказкою Бовы и нашими былинами въ пересказѣ подробностей. Изъ этой же сказки вышелъ богатырь Владимірова цикла Полканъ, а также и былинное старчище Пилигримище. Основа повѣсти о Бовѣ королевичѣ заключается въ слѣдующемъ: царь Гвидонъ (Guidone) женился на королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ (Meltris), которая родила ему сына Бову (Buovo); черезъ три года Милитриса послала слугу своего Личарду (Riziardo) къ прежнему своему любовнику,—королю Додону (Duodo), вызвала его къ себѣ, помогла ему погубить Гвидона и вышла за Додона замужъ. Бову хотѣла она отравить, но Бова, при помощи дѣвки чернавки, успѣлъ убѣжать наораблѣ въ царство Арменскаго короля Зензевея Андроновича (Re d'Erminia), которому корабельщики его и продали. Здѣсь дочь Зензевея—Дружневна (Drusiana), плѣнясь Бовиной красотой, выпросила его у отца себѣ въ услуженіе, и крѣпко полюбила его. Между тѣмъ къ Арменскому царству подступилъ король Маркабрунъ (Macabruno), требуя руки Дружневны, а вслѣдъ за тѣмъ подступилъ къ нему и Салтанъ Салтановичъ (Soldan di Sadonia), съ сыномъ своимъ Лукаперомъ (Lucaferro), который тоже потребовалъ Дружневну себѣ

*) Въ прошедшую Турецкую войну кто-то упрекнулъ нашего солдата, у котораго въ ранцѣ нашли книжку о Бовѣ королевичѣ. А что̀ же дѣлать ему, когда образованные авторы наши не издаютъ ничего новаго и пригоднаго для легкаго чтенія простого человѣка,—не все же ему священнымъ писаніемъ да полезными свѣдѣніями пробавляться, предоставивъ область романовъ и сказокъ на привилегированное потребленіе высшаго сословія; да къ тому же повѣсть о Бовѣ королевичѣ и романъ Петръ златые ключи представляютъ и до сихъ поръ много живого интереса, какъ по наивности разсказа, такъ и по занимательности фабулы и искусному сочетанію сказки съ дѣйствительностью.

**) У царевича Алексѣя Петровича въ 1695 году была рукописная книга о Бовѣ королевичѣ въ лицахъ.

***) На стр. 142—151, т. IV, перваго большого изданія „Русс. Нар. Карт." (1881) приведены по этому предмету подробныя свѣдѣнія.

22.



23.

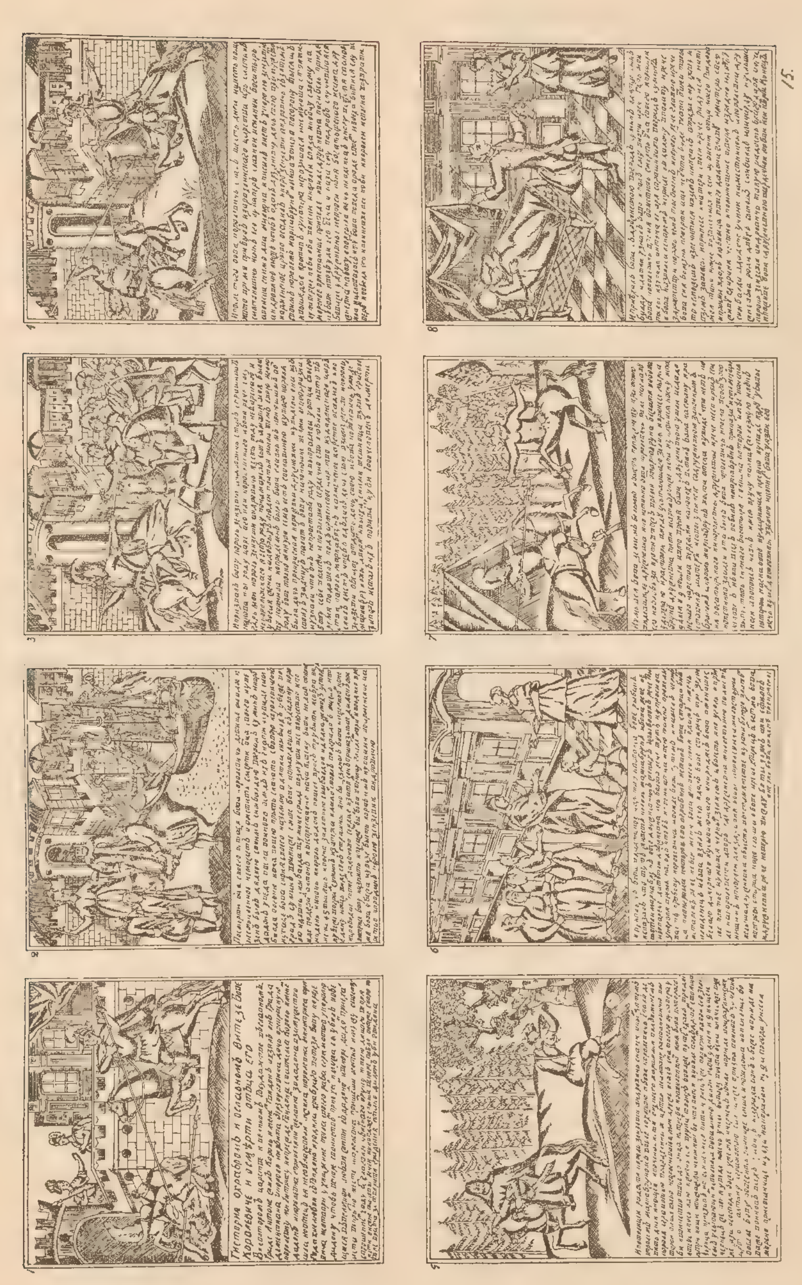
208.

54-a

XI-XIV. КОРОЛЕВИЧЪ БОВА И КОРОЛЕВНА ДРУЖНЕВНА.—ЕРАЛАШЪ СЪ МОЛОДИЦЕЙ.— РЫЦАРЬ ФРАНЦЫЛЬ ВЕНЕЦІАНЪ.

Дозволено ценз. С. Петербургъ, 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ, СПБ



178. Гисторія о витязѣ Бовѣ Королевичѣ въ 8 картинкахъ, краткая.

179. Королевна Дружневна.

180. Славный витязь Бова Королевичъ.

въ жены. Произошло сраженіе, въ которомъ Лукаперъ побилъ войска Зензевея и Маркабруна и обоихъ взялъ въ плѣнъ; но тутъ снарядился въ бой Бова, — сама Дружневна отпускала его, цѣловала и ногу въ стремя ставила. И побилъ Бова Салтанову рать, самого Лукапера убилъ, а Зензевея съ Маркабруномъ освободилъ и домой привезъ. По нѣкоторомъ времени поѣхали оба короля на охоту, а дворецкій Зензевея, котораго Бова сильно оскорбилъ передъ тѣмъ, вознамѣрился извести Бову, принялъ на себя видъ короля Зензевея и послалъ Бову съ письмомъ къ Салтану Салтановичу, написавъ въ немъ, что отдаетъ ему въ руки убійцу сына его Лукапера. По дорогѣ Бова встрѣтилъ старца пилигрима, который напоилъ его забыдущимъ зельемъ и у соннаго укралъ мечъ и коня увелъ. Отправился Бова къ Салтану Салтановичу пѣшъ; хотѣлъ было его Салтанъ сперва повѣсить, да дочь его королевна Мильчигрія (Malgaria) уговорила отца выдать ее за Бову замужъ, если Бова согласится перейти въ ихъ вѣру. Не согласился на это Бова, и приказалъ царь Салтанъ Бову повѣсить. Спустились къ Бовѣ въ темницу тридцать богатырей, да еще тридцать, —Бова всѣхъ ихъ порубилъ, тѣла ихъ лѣстницею склалъ, вышелъ на свѣтъ Божій и ушелъ изъ темницы. На берегу встрѣтилъ онъ корабль, перебилъ на немъ всѣхъ гостей, которые хотѣли было выдать его царю Салтану, и приплылъ въ Маркабруново царство. Здѣсь онъ встрѣтилъ пилигрима, который когда-то обокралъ его, отколотилъ его, отнялъ у него коня и мечъ, и вдобавокъ получилъ отъ него три зелья. Переодѣвшись въ каличье платье и умывшись чернымъ зельемъ, Бова явился къ Дружневнѣ, которая узнала его только тогда, когда онъ умылся бѣлымъ зельемъ. Затѣмъ Дружневна, по совѣту Бовы, напоила Маркабруна забыдущимъ зельемъ и убѣжала съ Бовою. Черезъ девять дней

181. Храбрый витязь Бова Королевичъ.

проснулся Маркабрунъ и послалъ за Бовою триста тысячъ войска; Бова всѣхъ перебилъ, только троихъ для вѣсти оставилъ. Тогда Маркабрунъ послалъ противъ него сильнаго богатыря своего Полкана (Pulicano), который въ каждый скокъ по семи верстъ дѣлалъ *). Скоро догналъ

182. Царь Салтанъ.

183. Царь Салтанъ Салтановичъ.

184. Король Гвидонъ.

Полканъ Бову, и начали они драться; совсѣмъ было оплошалъ Бова, даже и съ коня упалъ, да конь его напалъ на Полкана и такъ сильно началъ бить его, что Полканъ сталъ просить у Бовы мира, и побратался Бова съ Полканомъ **). Вскорѣ родила Дружневна двухъ сыновей и назвалъ ихъ Бова: одного Личардой (Riziardo), а другого Симбалдой (Sinibaldo). Въ это же время услыхалъ Бова, что отъ царя Додона идетъ великая рать, чтобы схватить Бову и привести къ королю, и оставилъ Бова Полкана сторожить Дружневну, а самъ отправился противъ Додонова войска. Между тѣмъ на Дружневну напали два льва; сталъ съ ними биться Полканъ, одного убилъ, а другой его до смерти закусалъ, и убѣжала Дружневна съ дѣтьми въ Задонское царство Мильчигріи, умылась чернымъ зельемъ, поселилась на подворьѣ у вдовы, и стала платье на людей мыть и тѣмъ себя прокармливать. Бова же, побивъ Додоново войско, возвратился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Дружневну, и, увидавъ мертваго Полкана и львовъ, подумалъ, что и Дружневна съ дѣтьми погибла; отправился онъ въ городъ Суминъ къ дядькѣ своему Симбалдѣ (Sinibaldo), помышляя отплатить Додону

*) Пуликанъ былъ на половину человѣкъ, на половину собака. Родился онъ отъ знатной христіанской синьоры, съ которою долго воевалъ одинъ турокъ и, не могши побѣдить ее, предложилъ ей жениться на ней, обѣщая перейти въ христіанскую вѣру. Получивъ ея согласіе, турокъ приказалъ ее раздѣть до нага, привязать къ скамейкѣ и случить съ огромнымъ кобелемъ; потомъ отправилъ ее къ королю Ерминіону, гдѣ она и родила Пуликана. Ерминіонъ сперва приказалъ было сжечь чудище, но Друзіана выпросила ему помилованіе и воспитала его. Когда же Пуликанъ сталъ подростать, то Ерминіонъ, опасаясь чудища, приказалъ посадить его въ темницу на цѣпь.

**) Прочтите оригинальный разсказъ о происхожденіи богатыря Полкана на стр. 149 кн. IV перваго изд. «Русск. Нар. Карт.» 1881, а также и различныя мнѣнія нашихъ ученыхъ о происхожденіи былиннаго богатыря Полкана.

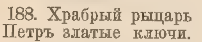
187. Королевна Магилена.

за смерть отца. Здѣсь собралъ Бова съ Симбалдой войско, и сразился съ Додоновыми людьми, при чемъ зашибъ Додону голову. Легъ Додонъ въ постель и началъ отъ раны лѣчиться и лѣкарей вездѣ искать; тогда Бова, переодѣвшись лѣкаремъ, пришелъ къ Додону, отрубилъ ему голову и принесъ ее къ своей матери на блюдѣ. Потомъ и мать свою приговорилъ къ смерти: закупоривъ въ бочку, на море пустить; но она отъ страха сама умерла. Оставшись одинъ, Бова послалъ Симбалду къ царю Салтану просить руки его дочери Мильчигріи. Мильчигрія съ превеликой радостью согласилась выйти за Бову, но въ то время, когда шелъ у Бовы свадебный пиръ, пришли въ палатку его сыновья и объявили ему, кто они. Возрадовался Бова и послалъ за Дружневной, и сталъ съ ней по прежнему жить, а царевну Мильчигрію отослалъ во свояси къ отцу ея. Дворецкаго же Орлопа, который посылалъ его съ фальшивымъ письмомъ къ Салтану Салтановичу, на смерть Бова приказалъ разстрѣлять.

Другая повѣсть, о князѣ Петрѣ златыхъ ключахъ *) (у нѣмцевъ — серебряныхъ ключахъ), заимствована изъ провансальскаго романа XIV вѣка; въ свое время она была переведена на всѣ иностранные языки и имѣла болѣе 24-хъ изданій.

*) Названномъ такъ по двумъ золотымъ ключамъ, которые были вдѣланы у него въ шлемѣ.

186. Храбрый рыцарь Петръ златые ключи.



188. Храбрый рыцарь Петръ златые ключи. Королевна Магилена.

Наша лицевая сказка, въ 8 картинкахъ (№ 185), представляетъ весьма сокращенное извлеченіе изъ повѣсти: князь Петръ (№ 186) въ молодости своей отпросился у родителей къ Неаполитанскому королю на турниръ; на этомъ турнирѣ Петръ сшибъ съ коня и убилъ рыцаря Ландыота и сталъ у короля первымъ рыцаремъ; дочь же короля Магилена (№ 187), влюбившись въ Петра, зазвала его къ себѣ черезъ свою няньку и сговорилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Во время побѣга остановились они въ лѣсу, Магилена заснула отъ усталости, а Петръ, разстегнувъ ей платье, съ «вожделѣннѣйшимъ взоромъ смотрѣлъ на красоту ея»; онъ увидалъ у нея на шеѣ узелокъ, а въ немъ три перстня, которые самъ подарилъ ей и которые были даны ему его матерью въ благословеніе. Только-что Петръ положилъ узелокъ на траву, какъ спустился

воронъ, схватилъ узелокъ и взлетѣлъ на дерево; Петръ побѣжалъ за нимъ, воронъ перелетѣлъ на другое дерево, потомъ дальше, потомъ полетѣлъ на островъ, а перстни уронилъ въ море; вслѣдъ за нимъ поплылъ и Петръ. И сдѣлалась въ то время большая буря, и сталъ Петръ тонуть; спасли его турецкіе корабельщики: они приняли Петра на свой корабль, довезли до Александріи и тамъ продали пашѣ, а паша подарилъ его самому султану, у котораго Петръ вскорѣ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ. Между тѣмъ Магилена, проснувшись отъ сна и не находя въ лѣсу Петра, въ великой горести переодѣлась въ черное платье и, нанявши корабль, поѣхала въ ту землю, гдѣ царствовалъ отецъ Петра, князь Волхванъ; тамъ она устроила у морской пристани монастырь. Въ то же время поваръ Волхвановъ купилъ у рыбаковъ рыбу, и нашелъ въ желудкѣ у ней Петровы перстни, и подумалъ Волхванъ, что сынъ его утонулъ въ морѣ. Петръ же, прослуживъ у султана долгое время, выпросился у него домой, получилъ много золота и нанялъ для переѣзда французскій корабль. Купилъ онъ четырнадцать бочекъ и наполнилъ ихъ золотомъ, а сверху засыпалъ солью. Во время переѣзда Петръ вышелъ разъ на берегъ, легъ отдохнуть; пождали его корабельщики и уѣхали одни, бочки же

185. Повѣсть о Петрѣ златыхъ ключахъ, въ 8 картинахъ.

съ солью отдали въ монастырь Магилены, гдѣ при высыпкѣ соли были найдены находившіяся подъ нею несмѣтныя сокровища. Между тѣмъ Петра нашли на островѣ и привезли больного, въ тотъ

же монастырь Магилены; Магилена узнаетъ его, вызываетъ его родителей и открывается Петру, чѣмъ повѣсть и заканчивается.

Не меньшею извѣстностію въ прошедшемъ столѣтіи пользовалась сказка объ Еруcланѣ Лазаревичѣ, представляющая несомнѣнное сходство, какъ по своей основѣ, такъ и по встрѣчающимся въ ней именамъ собственнымъ *), съ персидскою поэмой Шахъ Наме, хотя иноземная основа поэмы подверглась при этомъ чисто русской переработкѣ. Судя по иностраннымъ именамъ Продоры, Поликаріи, Епистиміи, Назаріи, Легіи и т. д., можно однакоже съ достовѣрностію предположить, что русскій составитель сказки заимствовалъ ее не изъ персидской поэмы, а прямо перевелъ или передѣлалъ ее съ западнаго или югославянскаго оригинала.

189. Сильный богатырь Еруcланъ Лазаревичъ.

Наша лицевая сказка объ Еруcланѣ Лазаревичѣ въ 32-хъ картинкахъ издана только въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1810—1820 годахъ; но, несмотря на это, имѣла до 1839 года—четыре изданія. Въ ней разсказывается, что у царя Картауса былъ дядя Лазарь Лазаревичъ, а у него сынъ Еруcланъ. И какъ исполнилось Еруcлану 15 лѣтъ, сталъ онъ ходить на царскій дворъ, играть съ княжескими дѣтьми, шутки шутить: кого за голову ухватитъ—у того голова прочь, кого за руку—у того рука прочь; и стали князья и бояре на Еруcлана царю жаловаться, и приказалъ Картаусъ Еруcлану изъ земли своей вонъ выѣхать. Простился Еруcланъ съ родителями, добылъ себѣ коня Араша и поѣхалъ въ поле. Наѣхалъ онъ на шатеръ, въ шатрѣ Иванъ богатырь лежитъ, крѣпко спитъ; легъ Еруcланъ подлѣ него и самъ заснулъ. Когда проснулся Иванъ богатырь и увидѣлъ Еруcлана, то въ свою очередь не захотѣлъ убить его, а разбудилъ. Потѣшились богатыри, поспорили: кто кого старше и сильнѣе, подрались; одолѣлъ Еруcланъ Ивана богатыря, и призналъ его Иванъ богатырь отцомъ, и побратались богатыри между собою. На утро Иванъ богатырь побилъ рать Ѳеодула Змѣя и увезъ у него дочь Кандаулу Ѳеодуловну себѣ въ жены. Ночью подслушалъ Еруcланъ разговоръ Ивана богатыря съ Кандаулой: спрашиваетъ ее Иванъ, есть ли де на семъ свѣтѣ тебя краше, а моего брата Еруcлана храбрѣе? И отвѣчаетъ ему Кандаула Ѳеодуловна: «что моя за красота, въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ, а въ томъ шатрѣ три сестры живутъ, и тѣ краше меня вдесятеро; и подъ Индѣйскимъ царствомъ Ивашка, бѣлая поляница, сторожъ стоитъ, мимо него тридцать три года человѣкъ не проѣзживалъ; а что ты противъ Еруcлана храбрѣе и сильнѣе ли, я не знаю». Услыхавъ эту рѣчь, простился Еруcланъ съ Иваномъ и его женою и отправился въ путь; наѣхалъ онъ въ полѣ на бѣлъ шатеръ, и въ томъ шатрѣ три прекрасныя дѣвицы, дочери царя Бугригора, сидятъ: Продора, Тибубрига и Легія. Разгорѣлось Еруcланово сердце, взялъ онъ старшую дочь Продору за руку, а другимъ двумъ велѣлъ изъ шатра вонъ выдти, сталъ ее миловать и спрашивать: есть ли де ея на свѣтѣ прекраснѣе, а его Еруcлана храбрѣе. И отвѣчаетъ ему Продора:

*) Передѣланнымъ, какъ и всегда, на русскій ладъ, причемъ изъ Зальзера, Зальзерова сына, вышелъ Залазаръ Залазаревичъ, изъ Ракша—Арашъ, изъ Кейкоуса—Картаусъ и т. д. Еруcлану Лазаревичу приданъ въ сказкѣ характеръ былиннаго Ильи Муромца. Царь Картаусъ говоритъ, напримѣръ, Еруcлану—то же, что̀ князь Владиміръ Ильѣ Муромцу: „бери себѣ что̀ тебѣ угодно, мѣсто тебѣ противъ меня, другое подлѣ меня, а третье, гдѣ самъ хочешъ»; описаніе Ивашки, бѣлой Поляницы, котораго Еруcланъ сшибъ съ коня и который упалъ на землю какъ овсяный снопъ, напоминаетъ Соловья разбойника.

«есть у царя Вахрамея дочь, и не только она, но и тѣ, которыя при ней стоятъ, прекраснѣе меня вдесятеро; и есть на свѣтѣ сильный человѣкъ у царя Далмата—Ивашка, бѣлая поляница, а какая твоя храбрость,— что ты насъ дѣвокъ разогналъ». Не понравилась эта рѣчь Еруслану, отрубилъ онъ Продорѣ голову и позвалъ вторую сестру Тибубригу, и съ этой случилось то же. Только третья, Легія, съумѣла выпутаться: про себя то же сказала, что̀ и сестры, объ Ивашкѣ же прибавила, что «кто изъ васъ сильнѣе,—Ивашка ли или ты Ерусланъ,—не знаю». Оставилъ ее таки въ живыхъ Ерусланъ и поѣхалъ въ поле; и наѣхалъ на Ивашку, бѣлую поляницу, вызвалъ его на бой, вышибъ съ сѣдла какъ овсяный снопъ и, не смотря на мольбы Ивашки, убилъ его,—за то де: «что многія дѣвицы его въ полѣ да по царствамъ знаютъ». Передъ тѣмъ, чтобы ѣхать добывать царевну Вахрамеевну, Еруслану захотѣлось побывать у родителей; пріѣзжаетъ онъ въ Картаусово царство, а оно травой поросло: выжегъ, вырубилъ его князь Данило Бѣлый. И поѣхалъ Ерусланъ въ царство Данилы Бѣлаго; указали ему тамъ темницу, въ которой Картаусъ съ Лазаремъ, съ выколотыми глазами, сидѣли. Перебилъ Ерусланъ богатырей, сторожившихъ темницу, вошелъ въ нее и объявился царю и родителю, и говоритъ ему Картаусъ: если ты Ерусланъ, то поѣзжай, убей царя Пламеннаго Щита, достань его печень и тою печенью помажь намъ глаза и мы опять станемъ видѣть. Поѣхалъ Ерусланъ въ поле, и наѣхалъ на великую рать—вся побитая лежитъ и посреди огромная голова Росланея богатыря на мечѣ стоитъ. И объявила голова Еруслану, что рать та побита царемъ Пламеннымъ Щитомъ, да и ему Росланею тотъ царь голову срубилъ за то̀, что онъ его дочери домогался; что подъ головой мечъ лежитъ, котораго царь никакими средствами достать не можетъ, а только тѣмъ мечемъ и можно того царя смерти предать, ибо Пламенный Щитъ никого къ себѣ близко не подпускаетъ, всѣхъ огнемъ палитъ. Ерусланъ съ покорностью явился къ Пламенному Щиту, поступилъ къ нему на службу, и по маломъ времени вызвался добыть ему изъ-подъ головы Росланеевой волшебный мечъ. Отдала ему голова мечъ свой и научила какъ съ царемъ поступить; выбѣжалъ Пламенный Щитъ въ радости на встрѣчу къ Еруслану, обѣщаетъ за него дочь Назарію замужъ отдать, да рубнулъ его Ерусланъ мечемъ и разсѣкъ на двое, порубилъ богатырей, которые было за царя вступились. Потомъ вынулъ изъ царя желчь, приростилъ ею Росланею голову, отдалъ ему царевну Назарію, а самъ отправился въ темницу къ Картаусу; помазалъ глаза самому Картаусу, отцу своему Лазарю и двѣнадцати богатырямъ его, излѣчилъ ихъ, разбилъ князя Данилу Бѣлаго, выкололъ ему глаза, вмѣсто него поставилъ на царство Картауса, а самъ отправился добывать царевну Анастасію Вахрамеевну.

Черезъ шесть мѣсяцевъ доѣхалъ онъ до Вахрамеева царства, града Дерби, гдѣ было большое озеро, а въ томъ озерѣ чудо, трехглавый змѣй жилъ, который на берегъ выходилъ и много людей пожиралъ. И схватился Ерусланъ съ тѣмъ чудомъ, отсѣкъ ему двѣ головы, отнялъ у него самоцвѣтный камень, а потомъ и остальную голову срубилъ. И пріѣхалъ Ерусланъ къ царю Вахрамею, и выдалъ за него Вахрамей свою дочь, прекрасную царевну Анастасію. И сталъ Ерусланъ въ первую же ночь жену свою спрашивать: «скажи мнѣ, любезная царевна, есть ли на свѣтѣ тебя прекраснѣе и меня храбрѣе». «Храбрѣе тебя Ерусланъ, отвѣчаетъ Анастасія, нѣтъ на свѣтѣ; а я что за прекрасная: есть въ Солнечномъ градѣ царевна Поликарія, сама царствомъ правитъ, и прекраснѣе ея нигдѣ нѣтъ». Задумался Ерусланъ о царевнѣ Поликарпіи; въ одно утро отдаетъ онъ женѣ самоцвѣтный камень: «я поѣду въ нѣкоторый градъ», говоритъ онъ ей,—«если у тебя родится дочь, то этотъ камень ты за нею въ приданое отдай, если же сынъ, то сдѣлай ему изъ него перстень». Черезъ семь мѣсяцевъ пріѣхалъ онъ въ дѣвичье солнечное царство и, увидавъ тамъ царевну Поликарію, плѣнился ея красотою, и сталъ съ нею жить, какъ съ женою. А межъ тѣмъ у Анастасіи Вахрамеевны родился сынъ Ерусланъ Еруслановичъ и, когда достигъ онъ шести лѣтъ, стали его сверстники дразнить, что у него отца нѣтъ. Разсказала ему мать про отца его

Еруслана, и выпросился у ней Еруслан Еруслановичъ ѣхать отца отыскивать. Вскорѣ пріѣхалъ онъ въ дѣвичье царство, и услыхалъ Еруслан Лазаревичъ, что молодой богатырь его требуетъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ нему на бой. Ударилъ отца копьемъ, тупымъ концомъ, Еруслан Еруслановичъ—чуть было его изъ сѣдла не вышибъ; тогда ударилъ молодого богатыря Еруслан Лазаревичъ, сшибъ его на землю и уже хотѣлъ приколоть, какъ увидалъ на рукѣ его перстень и призналъ въ немъ своего сына. Въ великой радости сѣли они оба на своихъ коней и поѣхали въ Вахрамеево царство, гдѣ Еруслан нашелъ свою жену Анастасію. За смертью Вахрамея онъ сѣлъ на престолъ управлять народомъ, а сынъ его Еруслан Еруслановичъ сталъ сильный и храбрый богатырь.—Кромѣ лицевой сказки о Еруслан Лазаревичѣ, въ 32-хъ картинкахъ, до насъ дошли: картинка съ отдѣльнымъ изображеніемъ сильнаго богатыря Еруслана Лазаревича (№ 189) и три картинки, изображающія бой Еруслана съ морскимъ змѣемъ (№ 190).

190. Бой Еруслана Лазаревича съ морскимъ змѣемъ.

Изъ сказокъ, заимствованныхъ съ западныхъ образцовъ, но замѣчательныхъ по удачной передѣлкѣ на русскіе нравы, въ народныхъ картинкахъ находимъ: сказку объ Иванѣ царевичѣ и жаръ птицѣ (8 изданій), объ Иванѣ царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ (3 изданія), о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ (4 изданія) и о смирномъ мужѣ и драчливой женѣ (5 изданій).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ разсказывается, что у царя Архидея было двѣ дочери—Луна и Звѣзда, красоты невообразимой. Разъ, когда онѣ вышли въ садъ гулять, поднялся великій вихрь и унесъ ихъ неизвѣстно куда. Долго тужилъ Архидей, и далъ ему Богъ утѣшеніе, родился у него сынъ Иванъ царевичъ. Когда Иванъ царевичъ пришелъ въ лѣта и узналъ о пропажѣ двухъ сестеръ своихъ, то выпросился у отца и отправился разыскивать ихъ. Зашелъ онъ въ густой лѣсъ, смотритъ—тамъ двое лѣшихъ дерутся: нашли они шапку невидимку, сапоги самоходы и скатерть самобранку, и не знаютъ, какъ подѣлить находку. Разсудилъ ихъ царевичъ, чтобы они пустились бѣжать взапуски и кто кого на трехъ верстахъ перегонитъ, тому и вся находка пойдетъ. Побѣжали лѣшіе, а царевичъ надѣлъ на себя шапку невидимку и сапоги самоходы, а скатерть взялъ себѣ подъ мышку, и пошелъ своей дорогой. И вотъ на дорогѣ передъ нимъ избушка на курьихъ ножкахъ стоитъ, и говоритъ онъ ей: избушка, избушка, встань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; перевернулась избушка къ нему передомъ, и видитъ царевичъ въ избушкѣ Баба-Яга, костяная нога, жиленая ж . . а, стриженый передъ, лежитъ изъ угла въ уголъ, ноги въ потолокъ уперла, зубы на полку положила, уши по землѣ волочатся,—шерсть прядетъ. Закричала она на царевича зычнымъ голосомъ: «русскаго духу доселѣ не слыхала, а теперь воочію вижу, кто ты таковъ и зачѣмъ сюда зашелъ?»—«Что ты старая сука разфукалась», говоритъ ей царевичъ, «не напоила, не накормила, а ужъ спрашиваешь, кто пришелъ». Тогда Яга собрала на столъ, накормила, напоила царевича, разспросила: куда идетъ и зачѣмъ, и уложила спать, утро-де вечера мудренѣе. Всталъ поутру царевичъ, умылся, Богу помолился, и по указанію Яги пошелъ въ путь отыскивать царевну Луну, которая жила съ оборотнемъ медвѣдемъ. Отыскалъ онъ царевну Луну, побратался съ ея мужемъ, медвѣдемъ, прожилъ у нихъ три мѣсяца, и отправился дальше

отыскивать другую сестру, царевну Звѣзду. Звѣзда жила въ мѣдномъ замкѣ и сторожили ее водяные черти; полѣзъ царевичъ къ ней черезъ стѣну, за стѣной были натянуты все струны; задѣлъ за нихъ царевичъ и пошелъ гремѣть громъ, и вылѣзло изъ воды чудовище—въ замокъ приходитъ. А Иванъ царевичъ въ то время уже сестрѣ своей Звѣздѣ объявился и сидитъ у ней въ шапкѣ невидимкѣ. Послѣ переговоровъ со Звѣздой, водяной звѣрь обѣщаетъ, что будетъ другомъ Ивану царевичу, а не врагомъ; ударился онъ объ землю, и сталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Прожилъ царевичъ у сестры близъ года, а потомъ сковалъ себѣ палицу въ 40 пудъ, и отправился за тридевять земель, въ тридесятое государство, которымъ Царь-Дѣвица владѣетъ.

Пришелъ онъ на калиновый мостъ, и вышелъ противъ него драться двѣнадцатиглавый змѣй; убилъ его царевичъ и сжегъ. Смотритъ: двѣнадцать голубицъ къ рѣкѣ прилетѣли, ударились о землю и сдѣлались красными дѣвицами; раздѣлись, выкупались и опять одѣлись; и снялъ шляпу царевичъ и объявилъ имъ, кто онъ и какъ убилъ змѣя ихъ сторожа. Подхватили его дѣвицы за руки и повели къ Царь-Дѣвицѣ, которая принимала царевица за руки бѣлыя и цѣловала въ уста сахарныя и въ тотъ же день вышла за него замужъ. Потомъ, по просьбѣ царевича, Царь-Дѣвица послала духа своего Страмца, приказавъ ему освободить царевенъ Луну и Звѣзду изъ рукъ медвѣдя и морского чудовища и отнести ихъ къ царю Архидею *).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жаръ-птицѣ, у царя Выслава Андроновича было три сына: Димитрій, Василій и Иванъ царевичи; у него же былъ такой богатый садъ, какого ни въ одномъ государствѣ не было, и росла въ томъ саду яблоня съ золотыми яблоками. И повадилась въ тотъ садъ Жаръ-птица летать, золотыя яблоки обрывать. Посылаетъ царь Выславъ своихъ сыновей садъ сторожить; старшій и средній царевичи свою сторожбу проспали, Иванъ же царевичъ дождался Жаръ-птицы, подкрался къ ней и схватилъ ее за хвостъ; улетѣла-таки Жаръ-птица, въ рукахъ царевича осталось одно золотое перышко изъ ея хвоста. Тогда позвалъ царь Выславъ своихъ двухъ старшихъ сыновей и посылаетъ ихъ добыть Жаръ-птицу; выпросился за ними и Иванъ царевичъ. Пріѣхалъ онъ въ чистое поле, а тамъ столбъ съ такою надписью стоитъ: поѣдешь прямо, будешь голоденъ и холоденъ, поѣдешь вправо — коня потеряешь, а влѣво—самъ будешь убитъ; и поѣхалъ Иванъ царевичъ вправо. Нагналъ здѣсь его сѣрый волкъ и разорвалъ коня его; заплакалъ по коню царевичъ, пошелъ пѣшъ, и къ вечеру въ тотъ день сильно усталъ. А тутъ его опять сѣрый волкъ нагналъ: «садись-ка на меня, царевичъ»,—говоритъ,—«довезу тебя куда надо»; и довезъ его до царя Далмата, и говоритъ ему: «полѣзай, царевичъ, черезъ стѣну, на той сторонѣ Жаръ-птица въ золотой клѣткѣ сидитъ; Жаръ-птицу ты возьми, а клѣтки не тронь». Добылъ Иванъ царевичъ Жаръ-птицу, да и клѣтку прихватилъ, и пошелъ великій громъ по саду; поймали царевича слуги, привели къ царю Далмату, а тотъ и говоритъ ему: «нечестно такъ поступать рыцарю, а ты ступай, достань мнѣ у царя Афрона коня златогриваго,—тогда я тебѣ Жаръ-птицу отдамъ, а не достанешь, то о воровствѣ твоемъ во всѣ земли оповѣщу». Поѣхалъ Иванъ царевичъ на сѣромъ волкѣ въ царство царя Афрона; «иди»—говоритъ ему сѣрый волкъ—«въ царскую конюшню, бери златогриваго коня, только узды золотой не тронь». Не послушался-таки царевичъ, взялъ коня, снялъ и узду, и пошелъ громъ по конюшнѣ; схватили его конюхи, привели къ Афрону; сталъ упрекать его Афронъ въ нечестности и говоритъ ему: «ты мнѣ достань въ жены королевну Елену прекрасную, тогда я тебѣ коня и съ уздою подарю, а не достанешь—всѣхъ о твоемъ воровствѣ оповѣщу». Сѣлъ царевичъ на

*) Точно такая сказка, только съ другимъ концомъ, разсказана въ Пентамеронѣ Базили: три брата оборотня похитили трехъ царевенъ въ жены; братъ царевенъ отправляется отыскивать ихъ, точно такъ же какъ и нашъ Иванъ Царевичъ; находитъ ихъ, дружится съ мужьями оборотнями, которые помогаютъ ему освободить дѣвицу-красавицу изъ рукъ страшнаго дракона. Сказка кончается общимъ благополучіемъ четырехъ паръ: царевича съ женою и царевенъ съ мужьями оборотнями, которые обернулись навсегда добрыми молодцами.

своего сѣраго волка, и привезъ его волкъ въ царство Елены прекрасной; когда Елена вышла погулять въ садъ, то волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку, схватилъ Елену и примчался къ Ивану царевичу. Сѣли потомъ они, Иванъ царевичъ и Елена прекрасная, на сѣраго волка, и влюбились они дорогой другъ въ друга,—не хочется царевичу съ королевной разстаться. Вотъ и сослужилъ ему сѣрый волкъ службу: самъ оборотился въ Елену; эту Елену царевичъ и отдалъ царю Афрону, а отъ него коня златогриваго получилъ съ уздою. Не успѣлъ онъ съ настоящей Еленой версты отъѣхать отъ Афронова царства, смотритъ—сѣрый волкъ опять къ нимъ бѣжитъ. Такимъ же обманомъ царевичъ у царя Далмата Жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ добылъ, отдавъ ему въ промѣнъ сѣраго волка, обратившагося на ту пору въ златогриваго коня. Затѣмъ довезъ сѣрый волкъ царевича до того мѣста, гдѣ онъ коня его разорвалъ, и разстался съ нимъ, а царевичъ съ Еленой легли опочивать. Въ это время наѣхали на нихъ старшіе братья Димитрій и Василій съ пустыми руками; увидали спящихъ, изрубили Ивана царевича на мелкія части, схватили Жаръ-птицу и коня златогриваго, а Елену прекрасную взялъ себѣ по жребію Василій царевичъ и подъ смертнымъ страхомъ наказалъ ей ничего о смерти Ивана царевича королю Выславу не говорить. Черезъ тридцать дней набѣжалъ сѣрый волкъ на то мѣсто, гдѣ Иванъ царевичъ лежалъ, и видитъ—спускаются воронята поѣсть трупнаго мяса; схватилъ волкъ вороненка, хочетъ его разорвать на двое, и взмолился ему старый воронъ, чтобы отпустилъ его дѣтище, обѣщая принести за то живой и мертвой воды. Отпустилъ волкъ вороненка, принесъ воронъ обѣщанной воды; вспрыснулъ волкъ Ивана царевича мертвой водой—срослось его тѣло, вспрыснулъ живой—и всталъ царевичъ живой по-прежнему; разсказалъ ему волкъ обо всемъ, что съ нимъ случилось, и поспѣшно отправилъ царевича въ царство Выслава. Пришелъ туда Иванъ царевичъ, а тамъ пиръ на весь міръ идетъ: Василій царевичъ за себя Елену прекрасную беретъ. Только что явился Иванъ царевичъ на пиръ, увидала его Елена прекрасная, вскочила изъ-за стола: «вотъ мой женихъ, кто меня добылъ»,—говоритъ,—«а это злодѣи убійцы», и разсказала обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Приказалъ царь Выславъ посадить старшихъ сыновей своихъ въ темницу, а Ивана царевича женилъ на Еленѣ прекрасной.

Въ сказкѣ о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ, царь Адоръ встрѣчаетъ въ полѣ семь Симеоновъ—сиротъ, родныхъ братьевъ. На спросъ его: какія могутъ они дѣлать работы, первый Симеонъ сказалъ, что, если поставятъ ему кузницу, то онъ скуетъ столбъ до небесъ; второй Симеонъ вызвался по тому столбу до верху влѣзть и, что въ какомъ государствѣ дѣлается, высмотрѣть и сказывать; третій Симеонъ объявилъ, что онъ можетъ живо, тяпъ да ляпъ, сдѣлать корабль; четвертый обѣщалъ—если тотъ корабль будетъ преслѣдовать непріятель, взять корабль за посъ и отвести его въ подземное царство; пятый Симеонъ похвалился, что онъ стрѣлять птицу на лету, безъ промаху, умѣетъ; шестой сказалъ, что онъ стрѣляную птицу до земли не допуститъ, на лету подхватитъ; а седьмой объявилъ, что онъ отлично воровать умѣетъ; хотѣлъ было царь Адоръ Симеона вора смертію казнить, да придворные отсовѣтовали: «въ случаѣ можетъ быть и намъ понадобится». Въ то время царь Адоръ былъ сильно влюбленъ въ Елену царевну. Приказалъ онъ первому Симеону сковать столбъ, а второму влѣзть, да посмотрѣть въ ея царство; влѣзъ Симеонъ, говоритъ Адору: «сидитъ де Елена прекрасная у окошечка, а у нея мозжечекъ изъ косточки въ косточку такъ и переливается». Разобрало Адора пуще прежняго: «друзья мои»,—кричитъ Симеонамъ,—«сейчасъ же поѣзжайте, доставьте мнѣ царевну, жить не могу безъ Елены прекрасной».

Отправились Симеоны въ путь, а Симеонъ-воръ взялъ съ собою ручную кошку, которая за нимъ всюду, какъ собака, бѣгала и передъ нимъ на заднихъ лапахъ ходила. Пришли они къ морю; взялъ третій Симеонъ топоръ, срубилъ большой дубъ подъ корень, тяпъ да ляпъ, да и сдѣлалъ изъ него корабль. И пріѣхали Симеоны на этомъ кораблѣ въ Еленино

царство; выходитъ Симеонъ-воръ прямо ко дворцу со своей ручной кошкой, выдѣлываетъ она у него всякія штуки. Подивилась Елена царевна, высылаетъ къ нему спросить: не продастъ ли онъ ей своего звѣрька (а въ томъ царствѣ кошекъ никто и не видывалъ), а Симеонъ ей и безъ денегъ подарилъ кошку. И сталъ онъ къ царевнѣ каждый день ходить, чтобы кошку свою къ ней приручить; да разъ какъ-то и зоветъ царевну: «не соблаговолите ли, ваше высочество, ко мнѣ на корабль прогуляться, разныхъ драгоцѣнныхъ товаровъ для себя посмотрѣть». Выпросилась Елена у отца своего и пришла на корабль къ Симеону съ своими нянюшками и мамушками; показывалъ ей Симеонъ-воръ разные товары, и вдругъ говоритъ: «я де та́кой товаръ имѣю показать вашему высочеству, что мамкамъ вашимъ не слѣдъ смотрѣть на него»,—и приказала имъ царевна съ корабля сойти. А у Симеоновъ все уже было наготовѣ, отчалили они корабль и поплыли въ море; увидала это Елена прекрасная, ударила себя въ грудь, обратилась лебедемъ и взлетѣла къ облакамъ; да подстрѣлилъ ее пятый Симеонъ изъ ружья, а шестой подхватилъ на лету и назадъ на корабль доставилъ. Послалъ было царь Саргъ въ погоню за ними цѣлый флотъ, да шестой Симеонъ взялъ свой корабль за носъ и вывелъ его въ подземное государство. Привезли Симеоны Елену прекрасную къ царю Адору; далъ имъ Адоръ за то волю, а самъ женился на Еленѣ.

Въ четвертой сказкѣ, у смирнаго мужика вѣтеръ разнесъ муку изъ рѣшета; прогнала его драчливая жена къ вѣтру, чтобы муку ему отдалъ; и подарилъ мужику полуденный вѣтеръ волшебную коробочку, изъ которой можно было всякія кушанья и всякій товаръ добыть. Узналъ объ этомъ одинъ дворянинъ, заказалъ точно такую же коробочку поддѣльную, да и подмѣнилъ ею у мужика настоящую коробочку. Пошелъ мужикъ опять съ горя къ вѣтру, и далъ ему вѣтеръ волшебную бочку и научилъ какъ съ нею дѣйствовать; какъ сказалъ мужикъ: «семеро изъ бочки»,—такъ вышли изъ нея семь молодцовъ и такъ оттузили драчливую жену его, что она надолго потеряла охоту драться съ мужемъ. Зазвалъ къ себѣ мужикъ дворянина, и такъ его своими семью молодцами отпотчивалъ, что тотъ и коробочку краденую отдалъ.

Далѣе слѣдуютъ шесть сказокъ, переведенныхъ почти безъ передѣлокъ съ западныхъ оригиналовъ: 1) Принцъ Адольфъ Лапландійскій, который, гуляя по лѣсамъ, забрелъ въ пещеру бога вѣтровъ, гдѣ подружился съ Зефиромъ. Зефиръ подарилъ ему епанчу невидимку и доставилъ его на островъ вѣчнаго веселья. Здѣсь Адольфъ, покрывшись своею епанчею и сѣвъ въ корзинку съ цвѣтами, былъ поднятъ въ великолѣпный дворецъ, гдѣ нашелъ множество прекрасныхъ дѣвицъ, «и не было въ числѣ ихъ старѣе 15 лѣтъ, а тѣло у нихъ было чрезвычайной бѣлизны и деликатности». Далѣе сидѣла на тронѣ принцесса, имѣвшая при себѣ маленькихъ купидончиковъ, непрестанно цѣлующихъ ея руки. Въ изумленіи Адольфъ уронилъ епанчу и объявился принцессѣ. Вскорѣ они полюбили другъ друга и жили такъ счастливо, что незамѣтно прожили 300 лѣтъ. Когда Адольфъ сталъ проситься у принцессы побывать въ своей землѣ, то принцесса дала ему лошадь Бешаръ, наказавъ ему, чтобы онъ во время пути съ нея ни въ какомъ случаѣ не слѣзалъ. Ѣдетъ Адольфъ черезъ рощи и поля, переплываетъ озера, и попалась ему на пути коляска, лежавшая поперекъ дороги, а подъ той коляской старый человѣкъ, который сталъ просить его о помощи; только что слѣзъ Адольфъ съ коня своего, чтобы помочь старцу, какъ тотъ бодро вскочилъ на ноги и объявилъ Адольфу, что онъ называется Временемъ и всюду ищетъ его уже 300 лѣтъ, и что Адольфу пришелъ конецъ. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что пролетавшій мимо Зефиръ перенесъ тѣло Адольфа на островъ вѣчнаго веселья и похоронилъ его тамъ въ гротѣ. Картинка, да и самъ курьозный переводъ, сдѣланы въ первой четверти XVIII вѣка; послѣдній, судя по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, сдѣланъ съ итальянскаго языка.

2) О томъ, какъ воръ у мужика корову свелъ, да его же самого попросилъ ту корову на рынкѣ продать. Продалъ ее

мужичекъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь, и отдалъ вору деньги; а какъ пришелъ назадъ, слышитъ, что дома нездорово,—пропала бурая корова. Тутъ только спохватился крестьянинъ, какъ ловко его воръ обманулъ, и о своей бурепушкѣ вздохнулъ.

3) О томъ, какъ работникъ надъ своимъ хозяиномъ потѣшался: съѣлъ у него всѣ яйца,—все пробовалъ, хорошо ли сварены, заставилъ его вмѣсто ужина жевать сѣно и одурачилъ его, когда хозяинъ захотѣлъ похвастаться передъ сестрой своею ученостью.

4) О томъ, какъ купилъ купецъ женѣ своей волшебнаго гуся, который самъ на сковородку ложился и жарился, а какъ его съѣдятъ,—опять изъ косточекъ встаетъ и прежнимъ видомъ на дворъ гулять идетъ. Пришелъ къ хозяйкѣ какъ-то любовникъ, захотѣлось ей гусемъ его поподчивать, говоритъ гусю: лягъ на сковороду,—не слушается гусь; она и ударь его сковородникомъ, и присталъ сковородникъ одной стороной къ гусю, а другой къ хозяйкиной рукѣ—не можетъ отодрать его никакъ; сталъ помогать любовникъ, да и самъ тутъ же къ сковороднику присталъ; и привелъ ихъ гусь обоихъ къ купцу—только онъ и могъ отнять ихъ отъ сковородника.

5) Сказка о трехъ королевнахъ родныхъ сестрахъ, представляющая довольно безсвязную передѣлку изъ исторіи Женевьевы. Королевна Катерина родила Буржацкому королю, въ то время, когда онъ былъ на войнѣ, двухъ молодцовъ, по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ; сестры же ея, завидуя ея счастью, написали королю, что жена его родила двухъ уродовъ; и приказалъ король, немедля, Катерину съ дѣтьми въ бочку посадить и на море спустить. Долго плавала Катерина въ своей бочкѣ; наконецъ вынесло ее на островъ; между тѣмъ сыновья подросли, сломали бочку и построили на островѣ пречудный теремъ. Въ одинъ день Буржацкій король, охотясь за дичью, заѣхалъ на островъ, встрѣтилъ тамъ сыновей своихъ и жену,—все объяснилось къ общему благополучію, а сестеръ обѣихъ приказано было повѣсить на воротахъ.

6) Сказка о золотой горѣ—она же и подъ другимъ названіемъ сказки о трехъ царствахъ,—представляющая еще болѣе безсвязную компиляцію: въ ней Иванъ царевичъ и два брата его, царевичи Василій и Ѳеодоръ, отправляются отыскивать свою мать, которую унесъ злой духъ. Иванъ царевичъ отыскиваетъ сперва царицу мѣднаго царства, потомъ серебрянаго и золотого, и наконецъ свою мать; освобождаетъ всѣхъ ихъ отъ разныхъ драконовъ и спускаетъ съ превысокой горы на полотнахъ къ своимъ братьямъ. Послѣ спуска послѣдней царевны, братья обрѣзываютъ полотна, а Ивана царевича оставляютъ на горѣ одного. Вскорѣ какой-то духъ доставляетъ Ивана царевича въ его государство, здѣсь онъ прикидывается башмачникомъ; царица золотого царства узнаетъ его по работѣ и дѣло разъясняется: братьевъ царевичъ женитъ на царевнахъ мѣднаго и серебрянаго царства, а самъ беретъ за себя царицу золотого царства.

Привожу содержаніе еще пяти сказокъ, которыя представляютъ довольно безсвязную выборку отдѣльныхъ эпизодовъ изъ иностранныхъ сказокъ:

1) Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ.—богатырь этотъ сидѣлъ сиднемъ цѣлыхъ пять лѣтъ отъ рожденія; пришелъ къ нему разъ (какъ и къ Ильѣ Муромцу) нищій, напоилъ его пивомъ, да и далъ Ивану такую черезъ это питье силу, что онъ въ огородѣ у себя воткнулъ колъ, да коломъ всю деревню и повернулъ кругомъ; тогда Иванъ ушелъ изъ дома погулять по свѣту. Приходитъ онъ въ одно царство, и только что вошелъ въ городъ, какъ поднялся великій шумъ и гамъ; взялся Иванъ этотъ гамъ укротить и въ царствѣ тишину произвесть, съ тѣмъ, чтобы царь ему тотъ гамъ отдалъ; затѣмъ велѣлъ онъ копать землю, а тамъ въ глуби богатырскій конь оказался; на колѣна палъ онъ передъ Иваномъ и человѣческимъ голосомъ заговорилъ съ нимъ. Поѣхалъ Иванъ на этомъ конѣ въ Китайское царство; здѣсь онъ коня отпустилъ, а самъ надѣлъ себѣ на голову пузырь и сказался Незнайкой; кто о чемъ его спроситъ, всякому одинъ отвѣтъ: «не знаю». Нанялся Незнайка къ садовнику во дворцѣ; приказали ему садъ чистить,—онъ всѣ деревья

въ немъ и повыломалъ. Пожаловался садовникъ на Незнайку царевнѣ, а Незнайка въ ту же ночь натаскалъ воды, полилъ деревья, и садъ сталъ лучше прежняго. Такому происшествію очень удивилась меньшая царевна Лаота и почувствовала сильную любовь къ Незнайкѣ, а когда отецъ позвалъ дочерей своихъ выбрать себѣ жениховъ, то Лаота выбрала себѣ Незнайку, и вышла за него замужъ. Сестры съ своими знатными мужьями много смѣялись ей. Но вотъ подступаетъ подъ Китайское царство Полканъ богатырь съ несмѣтнымъ войскомъ и побиваетъ Китайское войско, предводимое царевичами; три раза выручаетъ царство Незнайка, и наконецъ Лаота объявляетъ царю, отцу своему,—кто его спаситель, и царь, въ благодарность, сажаетъ Незнайку на свое царство.

2) Въ сказкѣ о Булатѣ молодцѣ, Иванъ царевичъ выпрашивается у царя Ходора, отца своего, погулять по бѣлу свѣту и, на первыхъ же порахъ, теряетъ свою «калену стрѣлу». Въ раздумьѣ подошелъ онъ къ темницѣ, гдѣ сидѣлъ 33 года разбойникъ Булатъ молодецъ, а Булатъ обѣщаетъ ему и коня, и стрѣлу воротить, если онъ только его изъ темницы выпуститъ. Добылъ Иванъ царевичъ, по совѣту Булата, коня изъ-подъ земли и выпустилъ Булата изъ темницы; отдалъ ему Булатъ стрѣлу и обѣщалъ послужить царевичу, когда въ немъ надобность встрѣтится. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своимъ дядькой въ лѣсъ; захотѣлось ему сильно пить, а тутъ и колодезь нашелся: «полѣзай, говоритъ дядькѣ, достань мнѣ воды». «Лучше ты полѣзай, отвѣчаетъ дядька, я тебя сверху на веревкѣ туда спущу». Такъ и сдѣлали: спустился Иванъ царевичъ по веревкѣ внизъ, напился воды и кричитъ дядькѣ, чтобы подымалъ его; но дядька объявилъ ему, что до тѣхъ поръ не подыметъ его, пока онъ не дастъ обѣщанія помѣняться съ нимъ именами и платьемъ. Нечего дѣлать, согласился царевичъ, далъ обѣщаніе; поднялъ его дядька на свѣтъ Божій, помѣнялись они именами, и сталъ дядька—Иваномъ царевичемъ, а царевичъ его слугою. Въ такомъ видѣ пришли они къ царю Пантую, и сталъ дядька тамъ за царевну Церію свататься, а царевича на кухню въ черную работу отдалъ. Подступило въ то время къ городу большое войско противъ Пантуя; проситъ Пантуй дядьку помочь ему, вызвалъ дядька царевича и ту же просьбу ему въ приказъ передалъ. Вызвалъ къ себѣ царевичъ Булата молодца и вдвоемъ порубили они все войско. Такая продѣлка повторялась два раза; но оба раза царевна Церія слышала, какъ Иванъ царевичъ съ дядькою и съ Булатомъ молодцомъ переговаривались, и узнала,—кто изъ нихъ былъ настоящій царевичъ. Царь Пантуй въ награду за службу выдалъ за дядьку свою дочь Церію. Пришелъ посмотрѣть на свадебный столъ Иванъ царевичъ въ поварскомъ платьѣ; увидала его Церія, выскочила изъ-за стола: «вотъ мой женихъ»,—кричитъ,—«а не этотъ, что подлѣ меня сидитъ», и разсказала, все какъ было, Пантую. Приказалъ Пантуй дядьку разстрѣлять, а Ивана царевича женилъ на прекрасной Церіи.

3) Въ сказкѣ о Силѣ царевичѣ, у царя Хотея было три сына—царевичи Асиръ, Адамъ и Сила; выпросились они у отца погулять по свѣту и поѣхали въ море, каждый на своемъ кораблѣ. Вотъ плыветъ мимо нихъ гробница съ желѣзными обручами: старшіе царевичи пропустили ее безъ вниманія, а Сила царевичъ принялъ ее къ себѣ на корабль и потомъ, вышедъ на неизвѣстный островъ, похоронилъ ее въ землю. Затѣмъ приказалъ Сила царевичъ своему корабельщику, чтобы дожидался его три года (а тамъ можетъ-де домой ѣхать) и пошелъ въ глубь острова. Тутъ догналъ его человѣкъ въ бѣлой одеждѣ—Ивашка бѣлая рубашка, и объявилъ ему великую благодарность за то, что онъ гробницу его похоронилъ: въ этой-де гробницѣ его мать затворила и въ море бросила и безъ Силы царевича плавать бы ему въ ней вѣчно. Вызвался Ивашка Силѣ царевичу въ благодарность невѣсту добыть, Труду королевичну, дочь царя Солома. Пришли они въ Соломово царство, а кругомъ тынъ стоитъ, на каждой тычинкѣ по головѣ торчитъ: это все были головы жениховъ Трудиныхъ, которыхъ она съ помощью своего любовника-

змѣя душегубила. Женился-таки Сила царевичъ на Трудѣ королевичнѣ; Ивашка и говоритъ ему, чтобы онъ въ первую ночь жены своей не трогалъ, а какъ только станетъ она его просить о любовномъ дѣлѣ, да наложитъ на него свою руку, чтобы онъ вскочилъ да отколотилъ ее дубиной до смерти. Такъ и сдѣлалъ Сила царевичъ, а покуда онъ колотилъ жену, прилетѣлъ змѣй шестиглавый, сталъ съ нимъ драться Ивашка бѣлая рубашка и срубилъ ему двѣ головы. Вторую и третью ночь молодые провели такъ же, какъ и первую; только Ивашка въ эти двѣ ночи срубилъ змѣю еще четыре головы и убилъ его. Потомъ разрубилъ Ивашка самоё Труду на двое, вычистилъ изъ нея змѣиныхъ зародышей, поджегъ ихъ, попрыскалъ и заростилъ Трудино тѣло наговорной водой, и отдалъ ее Силѣ царевичу на вѣчное житье: теперь дѣлай съ ней, что хочешь, опасаться-де нечего.

4) Въ сказкѣ объ уткѣ съ золотыми яичками, жили были бѣдняга крестьянинъ Абросимъ съ женой своей Фетиньей и сыномъ Иванушкой. Разъ какъ-то досталъ Абросимъ краюху хлѣба съ семьей поужинать, да и ту у него Кручина утащилъ; сталъ онъ Кручинѣ жалобиться, и далъ ему Кручина утку, которая несла каждый день по золотому яичку. Разбогатѣлъ Абросимъ, а жена его Фетинья завела себѣ полюбовничка, который сталъ обирать ее. Разъ этотъ полюбовничекъ увидалъ у утки подъ перьями надпись: кто-де ее съѣстъ, тотъ царемъ будетъ, и уговорилъ онъ Фетинью ту утку, изъ любви къ нему, зажарить. Приходитъ къ вечеру Иванушка, посмотрѣлъ въ печь, а тамъ жареная утка стоитъ; вынулъ онъ ее, да и съѣлъ. Узналъ обо всемъ отецъ, сильно побилъ Фетинью, а Иванушку со двора согналъ. Пошелъ Иванушка, куда глаза глядятъ; приходитъ въ нѣкое царство, и какъ только въ городскія ворота вошелъ, радость великая вездѣ пошла: недавно въ царствѣ томъ царь померъ и приговорили старшіе люди того царемъ поставить, кто первый въ ворота въ ихъ городъ войдетъ; ну, и поставили царемъ Иванушку. Вытребовалъ онъ къ себѣ своихъ родителей, самъ 30 лѣтъ сидѣлъ на престолѣ, и всѣ подданные его «любили нелицемѣрно».

5) Въ сказкѣ объ Емельянѣ дурачкѣ разсказывается, какъ Емельяновы братья уѣхали въ городъ, а Емельянъ остался одинъ дома съ невѣстками хозяйничать: все лежитъ на боку, лѣнится, ничего не дѣлаетъ. Пошелъ онъ какъ-то за водою, вырубилъ прорубь, опустилъ ведра, да и поймалъ щуку; взмолилась ему щука: «отпусти меня на волю, все, чтò ни захочешь, все сдѣлаю». Сталъ приказывать Емеля: «по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью идите ведра съ водой въ гору, прямо въ избу»,—смотритъ и пошли ведра, да такъ-таки прямо въ избу и пришли; подивился Емеля чуду и отпустилъ щуку. Съ тѣхъ поръ еще пуще прежняго сталъ онъ на печи лежать: по щучьему велѣнью ему и дрова въ избу сами летятъ, и сани безъ лошадей за нимъ ѣздятъ, и дубинка народъ съ дороги расчищаетъ. Захотѣлось королю на него взглянуть; Емеля и къ нему на своей печкѣ, по щучьему велѣнью, пріѣхалъ; по щучьему же велѣнью королевна влюбилась въ него, и, никогда съ нимъ не спавши, поносъ отъ него понесла и сына родила. Приказалъ король посадить Емелю съ королевной въ бочку и пустилъ въ море; по щучьему велѣнью, Емеля приказалъ бочкѣ на островъ выйти, сломалъ ее, и такой дворецъ на островѣ построилъ, что самъ король пришелъ къ нему въ гости и, узнавъ Емелю, обвѣнчалъ его со своей дочерью и посадилъ вмѣсто себя на царство.

Кромѣ повѣстей, разсказовъ и сказокъ, въ народныя картинки попали отдѣльныя изображенія разныхъ личностей изъ западныхъ романовъ, которые были переведены въ XVII и XVIII вѣкахъ на русскій языкъ и встрѣчаются въ тогдашнихъ рукописныхъ сборникахъ, какъ, напр.: Евдонъ и Берѳа (№№ 191—194)—дѣйствующія лица изъ «курьозной исторіи» о нихъ, переведенной съ нѣмецкаго языка; славный рыцарь Ипполитъ (№ 195)—герой повѣсти «гисторія объ Ипполитѣ графѣ Англинскомъ и о Жуліи, графинѣ Англинской же, любезная и всему свѣту куріозная инвентура»; храбрый витязь Венеціанъ Францель—изъ романа его же име-

ни, и рыцарь Людовикъ Колеандеръ— герой романа «гисторія о Колеандрѣ цесаревичѣ Греческомъ и о прекрасной Неонилдѣ, цесаревнѣ Трапезонтской».

Какъ видно изъ этого перечня сказокъ— произведеній русскаго-оригинальнаго измышленія, въ числѣ ихъ,—весьма немного; но за то почти каждое иноземное произведеніе, при переносѣ его на русскую почву, подвергалось русской, иногда весьма оригинальной обработкѣ, изъ-за которой часто нѣтъ возможности добраться до самого оригинала: во многихъ картинкахъ текстъ совершенно измѣненъ, въ другихъ—отъ запада заимствованъ одинъ рисунокъ картинки, а текстъ придѣланъ свой, русскій, и совершенно не сходный съ западнымъ.

191. Рыцарь Евдонъ.

192. Бероа Прекрасная.

Въ общихъ чертахъ наши сказки и дѣйствующія въ нихъ лица очень сходны съ западными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей. Сказочные принцы и цари отличаются особенною глупостію: влюбляются за глаза, по разсказамъ, даже во снѣ. Богатырь русскій растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто пухнетъ; но въ 6—7 лѣтъ у него уже такая сила, что кого за голову возьметъ, голова прочь, кого за руку схватитъ, рука прочь. Ѣдятъ богатыри и сказочныя чуда по цѣлому быку, глотаютъ по ковригѣ, пьютъ ведрами и даже чанами *); спятъ тоже по трое сутокъ, и крѣпокъ богатырскій сонъ, такъ крѣпокъ, что богатырша царь-дѣвица, напримѣръ, такъ крѣпко спала, что не слыхала, какъ у ней Иванъ царевичъ даже квасу напился. У нашего богатыря, какъ и у заграничнаго рыцаря, существуютъ свои обычаи и есть честь особаго рода, хотя оба они въ сущности тѣ же разбойники: онъ не убьетъ, напримѣръ, соннаго врага, а разбудитъ его, и потомъ уже вступаетъ съ нимъ въ бой съ равнымъ оружіемъ; побѣдивъ врага, онъ не станетъ обирать его, считая корысть дѣломъ для богатыря нечестнымъ.

193. Евдонъ и Бероа.

194. Рыцарь Евдонъ.

195. Рыцарь Ипполитъ.

Западный рыцарь питаетъ приторное уваженіе къ женщинѣ, особенно къ дамѣ своего сердца, покуда она не сдѣлается его женою. У насъ восточный Еруслань перерѣзалъ царевенъ, за тò только, что отвѣты ихъ ему не по нраву пришлись **).

*) Индѣйскій отшельникъ Аришгъ цѣлое море до суха выпилъ; наша Баба-Яга на такую же штуку вызывалась, но только половину моря выпила и лопнула.

**) Эти похожденія Еруслана напоминаютъ съ одной стороны легенду объ Іаковѣ, который убилъ дѣвицу за тò, что самъ соблазнилъ ее, а съ другой—дѣвицу полоняночку, съ которой такъ жестоко расправились молодцы-богатыри; напоминаютъ они и русскаго молодца изъ пѣсни Кирши Данилова: стоитъ этотъ молодецъ съ дѣвицей, своей любовницей, у воротъ, цѣлуетъ ее и обнимаетъ. «Надежда моя», говоритъ ему дѣвица, «что ты такъ сильно и безъ числа упиваешься, мною, красной дѣвицей, похваляешься и будто надо мною насмѣхаешься».—Не понравились эти слова доброму молодцу; ни съ того ни съ сего ударилъ онъ красну-дѣвицу,—расшибъ онъ ей лицо бѣлое, пролилъ кровь горячую, измаралъ платье цвѣтное. Расплакалась дѣвица: «отпусти, говоритъ, меня въ монастырь, коли не люба тебѣ» (Кирша Даниловъ, 306).

Впрочемъ самый честный западный рыцарь не только ни за что ни про̀ что убьетъ человѣка, но даже не пощадитъ жены своего благодѣтеля (Dunlop, 114)—черта, которой въ нашихъ сказкахъ не встрѣчается *).

Прежде всего добываетъ себѣ богатырь коня и оружіе; коня онъ находитъ—или готоваго подъ землею, подъ тридевятью замками, или же достаетъ его изъ стада; пробуетъ онъ его, наложа руку на шею: не подастся конь, — стало-быть лошадь добрая. Конь—первый помощникъ богатыря, дѣлитъ съ нимъ счастье и неудачи, защищаетъ своего хозяина, дерется за него (какъ, напримѣръ, конь Бовы съ Полканомъ), и разговариваетъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ. Въ сказкѣ существуетъ даже особая присказка, которою богатырь призываетъ къ себѣ своего коня: «Эй, Сивка Бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой», и конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ; летитъ онъ пониже облака ходячаго, повыше лѣсу стоячаго; рѣки, озера переплываетъ, горы перескакиваетъ, и долы промежъ ногъ пускаетъ, да хвостомъ устилаетъ.

Оружіе у богатыря: копье долгомѣрное, мечъ кладенецъ, иногда лукъ со стрѣлами, да палица въ 15, 40 и даже въ 300 пудъ.

Богатырскій бой начинается обыкновенно турниромъ: противники стараются сперва сбить другъ друга съ сѣдла тупымъ концомъ копья; затѣмъ уже побѣдитель—или убиваетъ врага своего, или же, если въ этомъ нѣтъ надобности и бой шелъ изъ одного молодечества, оставляетъ ему жизнь и называетъ его младшимъ братомъ. Сильны удары богатырскаго меча: съ маху на полы до сѣдла онъ всадника разрубаетъ и два раза одного и того же удара не повторяетъ.

Убитаго богатыря можно оживить наговорными водами: сперва надо изрубленное тѣло его попрыскать мертвой водой, чтобы оно срослось, а потомъ полить живой водой, чтобы богатырь по-прежнему ожилъ. Кромѣ этихъ водъ, въ сказкахъ упоминается о зельяхъ: забыдущемъ, которое въ глубокій сонъ повергаетъ, зельѣ черномъ и зельѣ бѣломъ, — умывшись которыми, человѣкъ бѣлѣетъ или чернѣетъ, смотря по зелью.

Помощь богатырямъ оказываютъ разныя волшебницы и Бабы-Яги; онѣ надѣляютъ ихъ разными волшебными вещами, изъ числа которыхъ въ нашихъ сказкахъ упоминаются: коверъ самолетъ, сапоги самоходы, скатерть самобранка, шапка (или епанча) невидимка, гусли самогуды (отъ которыхъ всѣ поютъ), волшебное зеркальце, которое правду показываетъ; гребешокъ и полотенце, превращающіеся въ темный лѣсъ и широкую рѣку, чтобы загородить дорогу Бабѣ-Ягѣ или какому другому чудищу, преслѣдующему богатыря. Въ обиходной сказкѣ встрѣчается еще плетка живилка, для исправленія упрямой жены, и волшебная бочка, изъ которой выходятъ семеро молодцевъ и проминаютъ бока, кому будетъ приказано. Волшебницы помогаютъ однимъ богатырямъ, преслѣдуютъ другихъ, и оборачиваютъ ихъ звѣрьми на разные сроки. Богатырь, впрочемъ, сохраняетъ при этомъ способность удариться о землю и стать изъ звѣря молодцомъ на время, а потомъ опять влѣзаетъ въ звѣриную шкуру.

Въ нашихъ сказкахъ есть еще типы богатырей — дурачковъ, обработанные съ особенною любовью русскими сказателями. Въ сказкѣ эти дураки себѣ на умѣ; да у русскаго человѣка и вообще не разберешь: кто у него дуракъ, кто умникъ,— даже и въ картахъ у него одну и ту же игру, кто въ дураки, а кто въ умные играетъ. «Гдѣ намъ», говоритъ мужичокъ, «мы люди темные, простые, ѣдимъ пряники не писаные; вѣдь отъ большого ума дается сума; да и наши отцы и дѣды жили просто, а прожили лѣтъ со сто. Вотъ и нашъ Наумъ простота!» — хотя эта простота, по пословицѣ, зачастую хуже воровства *).

*) Женщина пользуется въ сказкахъ достаточною свободою и, въ образѣ богатырши, сама дерется съ богатырями, водится съ чудами и оборотнями и сама оборачивается въ разныхъ звѣрей.

*) По другой еще болѣе энергичной пословицѣ, изъ временъ крѣпостного права: «мужикъ дуракъ —ты его кулакомъ, а онъ тебя топоромъ».

XV. СЛАВНОЕ ПОБОИЩЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕД

XVI. ПОХОДЪ СЛАВНАГО РЫЦАРЯ КОЛЕАНДРА ЛОДВИКА.

394.

ДОНСКАГО СЪ ПОРОМЪ ЦАРЕМЪ ИНДІЙСКИМЪ.

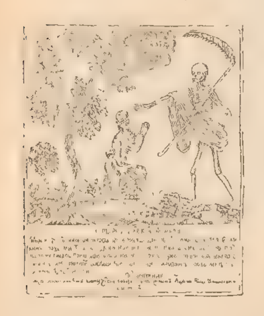
54-8'

36.

XVII. Пирушка «по старинѣ, когда на столъ поставятъ ѣсть».

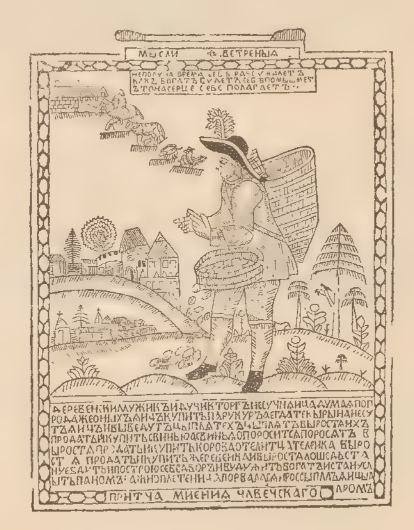
Въ сказкѣ дураку, съ его глупымъ разумомъ,—во всемъ удача: умные всегда проспятъ свое дѣло или слишкомъ хитро за него примутся; дуракъ возьмется за все просто, а чаще всего ни за что̀ и не берется, — лежитъ себѣ на печи, — сами къ нему въ избу, «по щучьему велѣнью», и дрова скачутъ, и ведра съ водой бредутъ; если же пойдетъ себѣ, куда глаза глядятъ, да въ незнаемое царство зайдетъ, — смотришь, — сейчасъ его и въ цари выберутъ, и сидитъ себѣ на престолѣ по 30 лѣтъ, да еще какъ довольны всѣ подданные, — не нахвалятся. По нашимъ сказкамъ даже составленъ особенный рецептъ, по которому сиволапый дуракъ богатыремъ дѣлается: влѣзъ, напримѣръ, Незнайка коню своему въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Таковы дураки-умники въ нашихъ сказкахъ.

Изъ такъ называемаго животнаго эпоса въ народныя картинки наши попали пять басенъ Езопа (ср. №№ 196—198), до которыхъ былъ такой охотникъ Петръ Великій, пропагандировавшій ихъ даже въ видѣ свинцовыхъ фигуръ. Въ народныхъ картинкахъ есть цѣлыя звѣриныя повѣсти. Въ одной изъ нихъ (№ 199), заимствованной изъ рукописнаго сборника конца XVII вѣка, разсказывается, какъ пѣтухъ, «иже со многими женами живяше», былъ потрясенъ смертію одной изъ своихъ женъ курицъ, которую другія курицы неосторожно столкнули наземь съ нашести, и какъ онъ залѣзъ на дерево, чтобы тамъ въ постѣ пожить куриномъ и слезнымъ покаяніемъ приготовиться къ смерти. На ту бѣду подошла къ дереву лиса Патрекевна, и стала его уговаривать: «о курушко, моя сладость, сниди со древа, тутъ-де орлы летаютъ и могутъ растерзать тебя». Сначала курушко усумнился въ лисьемъ къ себѣ расположеніи и сталъ было ей перечить; но тутъ лисица напрямикъ объявила ему, что будетъ стеречь его хоть три дня и три ночи, — «мы де васъ кушать охочи». Слыша такую похвальную рѣчь, курушко слезно заплакалъ и сталъ спускаться съ вѣтки, хотѣлъ соскочить на траву, а лисица ему «подставила и главу», захватила его въ свои когти, ощипала, съѣла, да на пень сѣла, — «стала отдыхать да его поминать».



196. Старикъ и смерть (басня).

197. Лисица и виноградъ (басня).



198. Мысли вѣтреныя (притча).

Другая повѣсть: «о чемъ ты смѣялся» — заимствована цѣликомъ изъ 1001 ночи. Одному человѣку открыто было понимать разговоръ звѣриный, но съ тѣмъ, чтобы онъ никому того не объявлялъ, подъ смертнымъ страхомъ. Разъ какъ-то, услыхавши разговоры, которые велъ оселъ съ воломъ, человѣкъ этотъ разсмѣялся; пристала къ нему жена, — скажи да скажи ей: «о чемъ ты смѣялся». Сильно призаду-

199. Повѣсть о пѣтухѣ и лисицѣ.

мался мужъ, что̀ ему дѣлать, чтобы и жену удовлетворить, и смерти избѣжать, да прислушался онъ къ разсказу пѣтуха о томъ, что онъ 50 женъ своихъ въ повиновеніи держитъ, а хозяинъ и съ одной своей справиться не можетъ, — взялъ онъ палку, да и поколотилъ жену, да такъ, что она закаялась и спрашивать, о чемъ онъ смѣялся.

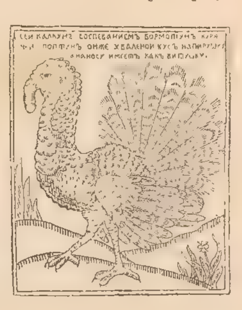
Двѣ повѣсти, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя: о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, и о бѣломъ пѣтухѣ, бѣжавшемъ отъ своихъ куръ, приведены ниже—въ отдѣлѣ сатирическихъ листовъ; туда же отнесены и аллегорическія изображенія погребенія кота мышами и быка, который сдѣлался мясникомъ; изображенія медвѣдя, танцующаго съ козою и блудящаго съ бабой. Въ числѣ народныхъ картинокъ есть цѣлая коллекція звѣрей и птицъ, начиная отъ попугая (№ 200), хамелеона (№ 201), калкуна пѣтуха курячьяго топтуна (202–203), и куръ (204–205), и кончая обезьянами — шарманщиками, морскими чудовищами Гарпіей и Медузой и райскими птицами Сириномъ и Алконостомъ. Всѣ они снабжены очень куріозными объясненіями, напримѣръ: индѣйскій пѣтухъ(202),съраспущеннымъ хвостомъ,

200. Птица попугай.

201. Звѣрь хамелеонъ.

«сеи калкунъ, воспеваниемъ бормотунъ, курячіи топтунъ; онже хваленои кусъ на пирушку, а на носу имѣетъ какъ витушку»;

203. Пѣтухъ-топтунъ.



202. Калкунъ-бормотунъ.

204. Курочка хохлушка.

205. Куре доброгласное.

простой пѣтухъ (203), съ подписью:—«я пѣтухъ собою красноличенъ, хотябъ какую курицу любить приличенъ; где курочку не схватилъ, да поволокъ за черный или белый хохолокъ; а отъ моего топтанія труды не велички: лишь несетъ яички и мне радость наводитъ, детей выводитъ». Еще курица (№ 204) съ такими виршами:

«я курочка хохлушечка:
сперва была глупушечка.
а ныне по двору хожу:
цыплятъ вывожу.
хозяину прибыль ношу».

По увѣренію картинки «Гарпія», это чудовище имѣетъ: 10 футовъ въ длину, лицо, подобное человѣческому, широкій ротъ, два воловьи рога, ослиныя уши, и долгую гриву, подобную львиной; двѣ титьки, похожія на женскія, и крылья летучей мыши. Она ползаетъ на двухъ толстыхъ и короткихъ лапахъ, вооруженныхъ пятью когтями; у ней два хвоста, изъ которыхъ одинъ подобенъ змѣиному и кажется приспособленъ для ловленія добычи, а другой имѣетъ небольшое «копьеце» и т. д. Затѣмъ идетъ Медуза (№ 206). О птицѣ Сиринѣ (№ 207) говорится, что это «птица райская Сиринъ, гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ; на востоцѣ въ раю пребываетъ, непрестанно пѣніе красное воспѣваетъ; праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,—которую Богъ святымъ своимъ обѣщаетъ. Временемъ вылетаетъ и

206. Медуза.

на землю къ намъ, сладкопѣсниво поетъ, якоже и тамъ всякъ человѣкъ въ плоти живя не можетъ слышати пѣсни ея; аще и услышитъ—то себя забываетъ и, слушая пѣнія, такъ умираетъ». Другая птица Алконостъ (№ 208), по сказанію картинки, «близь рая пребываетъ, нѣкогда и на Ефратѣ рѣкѣ бываетъ. Егдаже въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ. А кто въ близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ; тогда умъ отъ него отходитъ и душа его изъ тѣла выходитъ; таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ и будущую имъ радость возвѣщаетъ, многая благая тѣмъ сказуетъ, то и въ явѣ указуетъ».

Въ хронографахъ о птицѣ Сиринѣ находится еще такое сказаніе, что «въ царство Маврикіево.... солнцу возсіявшу, въ явившася рѣцѣ Нилѣ два животна человѣкообразна, до пупа мужъ и жена, а отъ пупа птица. Мужъ красенъ персми и власы над-черменъ; женѣ же лице и власы чермны:

207. Райская птица Сиринъ.

208. Райская птица Алконостъ.

имяхужъ оба сосца безъ власъ; ихъ же наричутъ сладкопѣсливые *сирины*. Слышавъ же сихъ человѣкъ пѣсни, аще не престаютъ поюще, весь плѣняется мыслію и, вслѣдъ шествуя, умираше. И до девятаго часа эпархъ и все людіе зряще чудяхуся; и паки въ рѣку внидоша» (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 153). Это тотъ самый *птицъ*, который увлекъ монаха изъ монастыря своимъ пѣніемъ и котораго монахъ, не замѣтивъ того, прослушалъ цѣлыхъ тысячу лѣтъ.

Птица Сиринъ изображена на наружной стѣнѣ церкви Вознесенія на дебрѣ въ Костромѣ: она вырѣзана тамъ на кругломъ клеймѣ изъ бѣлаго камня. Птицы Сирины были написаны на столахъ въ хоромахъ царя Алексѣя Михайловича.

Лицевое житіе славнаго баснописца Езопа, имѣвшее въ народныхъ картинкахъ четыре изданія, заимствовано прямо изъ печатнаго изданія 1717 года, съ нѣкоторыми урѣзками въ слишкомъ скоромныхъ мѣстахъ *).

Въ нашихъ сказкахъ и картинкахъ— птицы, животныя и даже растенія, и помимо басенъ, говорятъ человѣческимъ языкомъ. По мнѣнію приверженцевъ миѳической теоріи, «такой поэтическій взглядъ на природу» обусловливался въ древнія времена характеромъ доисторическаго развитія народовъ **), — разговоръ животныхъ имѣетъ де, въ большинствѣ случаевъ, значеніе миѳическое, и что въ самыхъ похожденіяхъ сказочныхъ богатырей и борьбахъ ихъ слѣдуетъ понимать борьбу стихійныхъ божествъ, — напримѣръ, свѣта съ тьмой, весны съ зимой и т. д. Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ и забавныхъ листахъ не видно и тѣни такихъ миѳическихъ и стихійныхъ значеній; наши картинки — поздняго происхожденія и герои, изображенные въ нихъ, — вполнѣ реальны: ходитъ ли, напримѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ ли ее драконъ, — сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Ивaномъ царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмѣль. У человѣка, постоянно обращающагося съ природой, все, составляющее его обиходъ,—живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, напримѣръ,—и привычный хозяинъ понимаетъ, что̀ сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли сорока воровка и воронъ вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Иванычъ и домашняя коза его Машка: онъ олицетворяетъ ихъ, какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей, и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой человѣческій языкъ. Простой человѣкъ и видитъ, и думаетъ цѣлыми картинами: гребнемъ стоитъ передъ нимъ лѣсъ, полотенцемъ растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ *), и все это, и вчера, и сегодня, помимо всякаго доисторическаго развитія, а потому единственно, что онъ чутьемъ чуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Багрова, — вѣдь у него лѣсъ какъ живой человѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ.

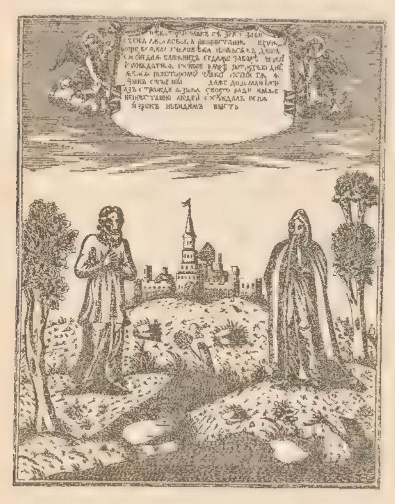
Повѣстей и картинокъ сатирическихъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у насъ на Руси не было, да и не могло быть: достаточно вспомнить слова Петра Великаго о томъ, что «за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ»; да и цензурныя правила, по которымъ дозволялось печатаніе «однѣхъ нравственныхъ и полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если только они не касаются до личности», — чтобы понять, почему не только наши лицевыя картинки,

*) Какъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ парень набивалъ глупой дѣвкѣ разумъ. Замѣчательно, что такіе разсказы печатались въ изданіи, назначенномъ для употребленія юношества.

**) Аѳанасьева, Сказки, IV. 4; см. также его: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу.

*) Этотъ пріемъ употребленъ и знаменитымъ Рембрандтомъ въ его превосходной гравюрѣ: paysage aux trois arbres.

но и печатная литература представляютъ въ этомъ разрядѣ одни беззубые, безжелчные и, въ большинствѣ случаевъ, крайне незатѣйливые тексты. Тѣ же самыя причины устранили всякую серьезность по части сатиры и въ рукописной литературѣ, и въ народномъ обиходѣ, въ которомъ, съ давняго времени, поселились зависть и злоба и нескончаемыя кляузы, съ огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ и каждаго въ самыхъ дрянныхъ и безчестныхъ поступкахъ, на манеръ старинныхъ доносовъ о словѣ и дѣлѣ. «Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ, мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ»—говаривалъ по этой части умный юродивый Архипычъ *). На завистливаго даже есть особая картинка (№ 209) съ такимъ текстомъ: «нѣкоторый че-



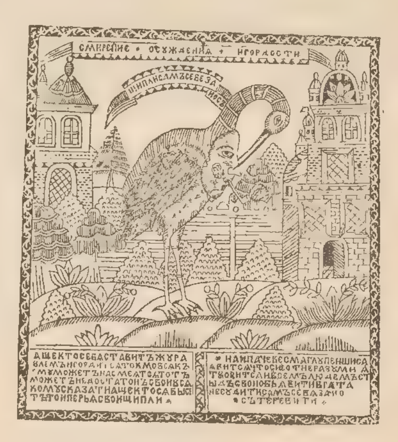
209. Притча о завистливомъ.

ловѣкъ бѣ зѣло завистенъ, лжесловецъ, непрестанно опхуждающе всякаго человѣка, и на всякъ день осуждая ближнихъ. Егда же заболѣ и неуспе исповѣдатися, но вскорѣ умре; по трехъ же днѣхъ явися нѣкоторому человѣку, испустя языкъ огнен-

*) Знаменитый Волынскій часто поминаетъ эту поговорку юродиваго Тимофея Архипыча, который, за свою правду, пользовался большимъ почетомъ у царицы Прасковьи Θеодоровны и императрицы Анны Ивановны и былъ вхожъ въ дома московской знати; онъ даже похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ (въ 1731 г.).

ный даже до земли, и рече: азъ стражду языка своего ради имже непрестанно людей осуждалъ; и, сія изрекъ, невидимъ бысть». «Завидливый сохнетъ о томъ, егда видитъ счастіе въ комъ»—сказано на двухъ другихъ картинкахъ (ср. № 210).

Русскій человѣкъ, надо отдать ему справедливость,—большой охотникъ облаять ближняго, такъ себѣ, по добру по здорову и, какъ говоритъ пословица, «для крѣпкаго словца не пощадитъ ни матери, ни отца». Особенные мастера по этой части—«москали»: послушайте только, какихъ они глупыхъ присказокъ на хохла не понасочиняли, а вѣдь не глупѣе ихъ хохолъ, можетъ и поумнѣе. Про Пошехонцевъ цѣлая книжка составлена: и слѣпороды они, и въ трехъ соснахъ заблудились, за семь верстъ комара видѣли, а комаръ у нихъ на носу сидѣлъ *). По мо-



210. Картинка, представляющая гордеца, который, ходя журавлемъ, щиплетъ самъ себя за носъ.

сковскимъ присказкамъ: Калязинцы свинью за бобра купили, собаку за волка убили; чухломской рукосуй своихъ рукавицъ въ чужомъ карманѣ ищетъ; Угличане толокномъ Волгу замѣсили; Ярославцы-бѣлотѣльцы пудъ мыла истратили, хотѣли у родной сестры родимое пятно смыть,—и мало ли что еще ими набрехано. За исключеніемъ этихъ перебранокъ, сатирическій элементъ въ нашихъ картинкахъ, повто-

*) Эту остроту вклеилъ Петръ Первый въ приглашенія своего всешутѣйшаго собора.

ряю, весьма слабъ; исключенiе изъ этого, «до нѣкоторой степени», составляютъ: извѣстная челобитная Калязинскихъ монаховъ, картинка — быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, карикатуры на Петра I и карикатуры 1812 года.

Челобитная Калязинскихъ монаховъ была пущена въ народъ, въ видѣ забавной картинки (№ 211), съ цѣлiю подорвать въ народѣ предполагавшееся со стороны его особое уваженiе къ монастырямъ и подготовить его къ знаменитому указу объ отобранiи монастырскихъ земель и иму-

211. Челобитная Калязинскихъ монаховъ.

ществъ. Текстъ этой забавной пародiи заимствованъ изъ рукописи XVII вѣка (IV.280); имена архiепископа Симеона и архимандрита Гаврiила, упоминаемыхъ въ ней, не вымышлены: оба эти лица состояли въ указанныхъ въ картинкѣ должностяхъ въ 1676—82 гг.

Калязинскiй монастырь основанъ въ половинѣ XV вѣка; въ 1609—1610 г. онъ былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Михаила Скопина Шуйскаго, а въ 1654 году, во время моровой язвы, въ немъ проживала царская семья. Монастырь этотъ не пользовался въ народѣ доброй славой, и въ этомъ отношенiи даже упоминается въ народныхъ пѣсняхъ.

Чернецы жили вмѣстѣ съ черницами, въ общихъ обителяхъ, и только при Иванѣ Грозномъ было строго запрещено такое наивное сожительство (Соборн. грам.: Акты Археогр. Экспед., I. 486).

Въ 1633 г. въ Смоленскiй походъ монастырь выставлялъ 300 человѣкъ въ латахъ съ лошадьми, ружьями и всякими съѣстными запасами.

Во время моровой язвы 1654 г. царица Марья Ильинишна, съ царевичемъ, скрылась въ монастырь, за что настоятель его въ 1655 г. возведенъ въ санъ архимандрита.

Петръ I, не обращая вниманiя на старинные уставы, которые грозили отлученiемъ отъ церкви и вѣчною погибелью тому, кто вздумалъ бы отнять у церкви «села и озера» или другую какую собственность,—составилъ цѣлый планъ окончательнаго уничтоженiя монастырей и обращенiя ихъ доходовъ на дѣла, въ самомъ дѣлѣ богоугодныя. Указъ объ этомъ (31 января 1724 г.) былъ уже составленъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, но остался безъ исполненiя за смертiю Петра *).

Но не всегда такими были монастыри: въ древности монахи были первыми просвѣтителями народа, учеными и врачами; больной и убогiй находили вѣрный прiютъ въ ихъ обители.

*) Въ этомъ указѣ, описавъ при какихъ условiяхъ монашество основалось и расплодилось, авторъ продолжаетъ: «что же потомъ произошло, когда къ Греческимъ Императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ, и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городахъ и въ близь лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежныя помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко ни трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли. Сiе и у насъ зѣло было распространяться начало, подъ защищенiемъ единовластниковъ церковныхъ. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистинну токмо старая пословица: „ни Богу, ни людямъ", понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ есть. Находится же оной способъ житiя празд-

Въ большихъ городахъ они уже закончили свое дѣла; но въ дальнихъ окраинахъ, гдѣ жизнь представляетъ дѣйствительное подвижничество,—скромная обитель можетъ еще сослужить не одну службу народу и государству.

Наша калязинская картинка была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила свой планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и, безъ сомнѣнія, — съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ.

Калязинскіе крылошане жалуются архіепископу на тò, что архимандритъ Гавріилъ сталъ у нихъ въ монастырѣ новые, безобразные порядки заводить: всѣхъ старыхъ и пьяныхъ разогналъ, такъ что въ монастырѣ некому ни пива сварить, ни меду насытить, ни винца купить.

«Притомъ же онъ, архимандритъ», продолжаютъ они, «мало съ нами пьетъ, да часто насъ бьетъ ременными плетьми; честь отъ него была добра и всю спину ровна, что и кожа съ плечъ сползла, а у малодушныхъ за плечами кожа свербится и во всю ночь богомольцамъ твоимъ мало спится. Кормитъ онъ насъ плохо: посконная каша пучеглазая, малина въ пирогахъ сушена да толчена, да парена рѣпа, да хрѣнъ, да старецъ съ шелепомъ Ефремъ. И бьетъ онъ насъ, твоихъ богомольцевъ, шелепами пеньковыми больно, а у насъ, богомольцевъ твоихъ, тѣло нужно, а подъ шелепами лежать душно».

нымъ симъ не праздной, но богоугодной, и не зазорной, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцемъ». Вслѣдствіе чего указомъ этимъ опредѣляется, чтобы монастыри были не иначе, какъ въ пустыняхъ, и чтобы монахи жили уединенно, не домогаясь «прочихъ трудами туне насыщатіся». «Поселить въ монастыри отставныхъ солдатъ, инвалидовъ и нищихъ, монаховъ же опредѣлить къ нимъ для служенія, одного на двухъ или трехъ, залишнихъ же монаховъ посадить на землю. Крылошанъ не имѣть, старцевъ по селамъ не держать, а для надзиранія посылать за служками старыхъ и не часто. Исходъ изъ монастыря крѣпче положить: свободный выѣздъ намѣстнику, келарю, казначею—для нуждъ монастырскихъ; а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе четырехъ человѣкъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь, ибо когда оставили міръ, уже возвращатся въ оный не подлежитъ».

«И поставленъ отъ него ко святымъ воротамъ, съ шелепомъ, кривой Фалалей, и онъ насъ, богомольцевъ твоихъ, не пускаетъ за ворота, и въ слободу сходить не велитъ, чтобы скотнаго двора присмотрѣть, курятъ въ подполье посадить, телятъ въ стадо загнать, да молодымъ коровницамъ благословеніе подать. Да онъ же, архимандритъ, приказалъ будильщику Увару насъ въ полночь къ заутрени будить, и мы, богомольцы твои, вкругъ ведра безъ портокъ сидимъ, не поспѣемъ келейнаго правила, ковшей въ девять, править, и не малое отъ того намъ чинится отягощеніе. А по нашему бы, богомольцевъ твоихъ, разумѣнію слѣдовало бы въ монастырь добрыхъ питуховъ изъ Калязина города пригласить: пѣвчаго Лукьяна, да брата его Селуяна, да трехъ поповъ съ Покровки безграмотныхъ: попа Колотила, Долбила да Сустила, да дьякона Хоботила. А изъ пеньки веревки свить, было бы чѣмъ бочки съ виномъ да съ пивомъ изъ погребовъ таскать, да по крылошанскимъ кельямъ развозить. А на трапезу-бы готовить, въ постные дни,—визигу съ уксусомъ, звено бѣлужье, тешку осетровую во щахъ, уху стерляжью, пшено сорочинское съ медомъ, кисель съ патокою; да въ братинахъ бы было пиво мартовское да медъ паточный».

Челобитная кончается доносомъ на тò, что неразумными распоряженіями своими архимандритъ много убытковъ монастырской казнѣ сдѣлалъ: изъ колоколовъ довольно мѣди вызвонилъ, ладана и свѣчъ много прижегъ, церковь закурилъ, и кадило закоптилъ; и что лучше бы было церковь замкнуть, и колокола снять, да въ городъ Кашинъ послать, на вино да на пиво промѣнять. Подлинную челобитную, какъ значится, складывали и подписали: «Фока Мозговъ, Антонъ Дроздовъ, Кирила Мельниковъ, Романъ Бездѣльниковъ, да Ѳока Веретенниковъ; просвирня Афросинья руку приложила». Судя по работѣ, картинка эта гравирована тѣмъ же мастеромъ, который рѣзалъ картинку Жуковыхъ — П. Н. Чуваевымъ, работавшимъ на Ахметьевской фабрикѣ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Къ одному разряду съ этой просьбой

можно отнести еще два листка: очень замысловатую картинку «быкъ нехотѣлъ быть быкомъ, да издѣлался мясникомъ» (№ 214), и довольно глупую картинку подъ названіемъ «Вятская баталія» (№ 212)—о томъ, «какъ вятское гражданство противъ серпа воевало». На этой картинкѣ представлена комическая баталія, которую имѣли Варты противъ выброшеннаго моремъ чудища. Всѣ граждане собрались уничтожить этого невиданнаго звѣря, но сильно трусятъ его, прячутся другъ за друга: Ѳедька понукаетъ Ѳомку, Ѳомка Ивашку, — ни у

212. Вятская баталія.

кого дѣло не клеится, и всякій назадъ пятится. Въ концѣ картинки помѣщенъ и неизмѣнный доморощенный стрѣлокъ: «сей мой порохъ внутренній легко стрѣляетъ, а отъ пуль моихъ раненъ никто не бываетъ, но токмо близко ко мнѣ кто приближается, и тотъ скоро, онаго понюхавъ, вспять возвращается»; безъ этого егаря и тутъ никакъ нельзя было обойтись.

Въ народныхъ картинкахъ встрѣчается еще особый родъ дурацкой сатиры, въ родѣ «нелюбо не слушай, или свѣтъ на изворотъ», — какъ, напримѣръ: адресъ невѣсты, которая живетъ за Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ близь Вшивой горки, на Покровкѣ, т. е. въ урочищахъ, находящихся въ совершенно противоположныхъ мѣстахъ города; или, затѣмъ, въ приданомъ реестрѣ той же невѣсты: холстинный гудокъ, да для танцевъ двѣ пары ежовыхъ портокъ; или, наконецъ, въ описаніи о *безмѣстномъ дворѣ* (№ 213)—такого рода несообразности: крыльцо въ ямѣ, окно въ крышѣ, въ заходѣ печь, на потолкѣ погребъ, въ кузницѣ молоты глиняные, а кузнецы схожая братья, карманные тяглецы—Ѳома Мозговъ, Антонъ Дроздовъ, Шелкатей блинникъ, да Ерема мыльникъ.

Отдѣльные эпизоды такого свѣта на изворотъ собраны въ картинкѣ: «быкъ не хотѣлъ быть быкомъ»,—о которой упомя-

213. На безмѣстномъ дворѣ.

пастухамъ стричься; оселъ мужика погоняетъ, за то̀, что не скоро онъ выступаетъ; бабы осла забавляли,—посадивъ въ карету, по улицамъ катали; нищій богатому милостыню даетъ, а онъ отъ него и беретъ (дворянскія складчины на балы по копѣйкамъ съ души); ученикъ мастеру ж..у за то бьетъ, что его науки долго не перейметъ; оселъ мужика брилъ, да по неосторожности ему копытомъ голову разбилъ».

Народныхъ картинокъ, относящихся до стараго судопроизводства и подъячихъ,—всего пять: Шемякинъ судъ, Повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, Подъячій и смерть, Судъ дворянина съ крестьяниномъ, и Дѣло о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкарской улицы отъ своихъ курицъ.

Въ первыхъ двухъ картинкахъ трактуется о взяточничествѣ судей, столь пронуто выше—очень забавно и удачно (№ 214). Главный сюжетъ въ серединѣ: «быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ; когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился,—то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубимши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами». За это среднее отдѣленіе вся картинка подверглась строгому запрещенію со стороны полиціи еще въ сороковыхъ годахъ: господа цензоры видѣли въ ней аллегорическую расправу крѣпостныхъ крестьянъ со своими господами «за жестокое обращеніе», а въ отдѣленіи «попугай мужика въ клѣтку посадилъ, чтобъ онъ говорилъ» — намекъ на сельскихъ засѣдателей, въ судахъ и комиссіяхъ. Изъ маленькихъ отдѣленій кругомъ особенно забавны и остроумны по своимъ намекамъ: «овца искусная мастерица, велитъ всѣмъ

214. Какъ быкъ не захотѣлъ быть быкомъ.

славленномъ въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ. Въ старое время чиновничье взяточничество было на Руси открытое и повсемѣстное. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ разрядѣ даже велись книги, сколько съ какого города или полка можетъ нажить воевода, и, если онъ не грабилъ народъ, а бралъ одни поминки, то его считали человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ и къ повышенію достойнымъ. Цари наши не разъ пытались прекратить взяточничество: крутой царь Иванъ Васильевичъ публично казнилъ одного дьяка, который принялъ въ посулъ жаренаго гуся, начиненнаго червонцами, приказавъ при этомъ разрубить его на пять частей, какъ рѣжутъ гуся; другой крутой царь Петръ Алексѣевичъ казнилъ, вѣшалъ и билъ дубиной взяточниковъ; Екатерина II, въ тѣхъ же видахъ, замѣнила воеводъ—губернскими учрежденіями; но либеральныя декораціи не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностію, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія мѣткой пословицей: «прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками» *).

Страшны были старинные судьи для народа, при безграничной власти, предоставленной имъ произволомъ, — страшнѣе много нынѣшнихъ генералъ-губернаторовъ: каждаго могли они схватить и обобрать подъ страхомъ пытки, запытать и сгноить въ тюрьмѣ. Кому было жаловаться на нихъ: до царя далеко, а до Бога высоко,—и сидитъ себѣ Важскій воевода, прославленный на всю землю за свое взяточничество и кривосудъ, и нѣтъ никакой возможности избавиться отъ него ограбленному и разоренному имъ населенію.

Къ числу такихъ судовъ принадлежитъ и нашъ Шемякинъ судъ (№ 215), названный такъ по имени Галицкаго князя Димитрія Шемяки, прославившагося въ XV вѣкѣ своею неправдою и ослѣпленіемъ в. кн. Василія Темнаго. Основа этого суда заимствована изъ еврейскихъ и восточныхъ сказаній, но съ прибавленіемъ чисто русскихъ подробностей. Весь судъ основанъ на библейскомъ ветхозавѣтномъ правилѣ: «око за око, зубъ за зубъ». Въ нѣкоторыхъ Палестинахъ жили два брата: одинъ богатый, другой бѣдный; и пришелъ бѣдный къ богатому просить лошади по дрова съѣздить; и далъ ему богатый лошадь, а хомута не далъ. Привязалъ бѣдный братъ лошадь за хвостъ къ дровнямъ и повезъ на ней дрова; на бѣду оторвался хвостъ у лошади, не беретъ ее богатый назадъ—пойдемъ-де къ судьѣ судиться. На перепутьи остановились братья въ избѣ у мужика переночевать; легъ бѣдный на полати, смотритъ себѣ какъ пируетъ богатый братъ съ хозяиномъ; смотрѣлъ, смотрѣлъ, да нечаянно и свалился внизъ, прямо въ люльку, гдѣ хозяйскій ребенокъ спалъ, и задавилъ его, «Пойдемъ къ судьѣ судиться»,—говоритъ ему хозяинъ,—и пошли втроемъ. Вотъ идутъ они по мосту: «не быть мнѣ живому отъ суда Шемяки», думаетъ бѣдный братъ, «брошусь я лучше въ рѣку», да и бросился; а въ это время внизу подъ мостомъ какой-то парень больного отца на салазкахъ въ баню везъ;—угодилъ бѣдный прямо на больного, да и пришибъ его до смерти. Пошелъ съ ними и парень судиться, и стали всѣ они передъ судьей Шемякой, а убогій положилъ въ платокъ камень, да и показываетъ ему издали; Шемякѣ же вздумалось, что должно быть въ платкѣ ему сто рублевъ сулитъ, и сталъ онъ въ пользу бѣднаго судить. «Ты», говоритъ богатому, «отдай лошадь бѣдному, пусть держитъ, пока у нея хвостъ отростетъ, — тогда назадъ возмешь; а ты, мужичекъ, отдай ему жену свою,—пусть онъ сдѣлаетъ ей ребенка взамѣнъ задавленнаго; а ты, парень, ступай на мостъ, бѣдному брату я прикажу стать подъ мостомъ, — ты и бросься на него и дави его до смерти». Челобитчики не знали, какъ и отдѣлаться отъ такого праваго суда, и поспѣшили откупиться отъ бѣднаго брата, кто деньгами, кто коровой, кто козой да хлѣбомъ. Дошла очередь и до подсудимаго, — посылаетъ судья требовать у него сто рублевъ, что посулилъ въ платкѣ. «Это я не сто рублевъ, а камень въ платкѣ показывалъ», говоритъ бѣдный судейскому слугѣ, «и, если бы Шемяка не по мнѣ судилъ, я бы его

*) Эта же пословица въ подновленномъ видѣ повторилась и лѣтъ семьдесятъ спустя, когда для государственныхъ крестьянъ былъ устроенъ «улучшенный бытъ въ уменьшенномъ видѣ» (Слова кн. Меньшикова).

215. Шемякинъ судъ.

тѣмъ камнемъ до смерти зашибъ». Повѣсть кончается словами Шемяки, который, узнавъ о такомъ намѣреніи бѣднаго брата, перекрестившись, говоритъ: «слава Богу, что я по немъ судилъ!»

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, представляетъ пародію на древнее наше судопроизводство. Въ народныхъ картинкахъ она появляется поздно, только въ первой половинѣ XVIII вѣка, и то въ самой сокращенной редакціи. Въ полномъ видѣ фабриканты народныхъ картинокъ не выпускали ее въ народъ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы судьямъ не вздумалось охранить дѣвственную чистоту свою на ихъ спинахъ. За то въ рукописной литературѣ нашей за XVII вѣкъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ встрѣчается во множествѣ списковъ и въ семи разныхъ редакціяхъ. Въ одной изъ нихъ, напечатанной Сахаровымъ, формы словеснаго дѣлопроизводства XVI вѣка воспроизведены съ замѣчательными подробностями и съ перечисленіемъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ то время въ дѣлѣ правосудія.

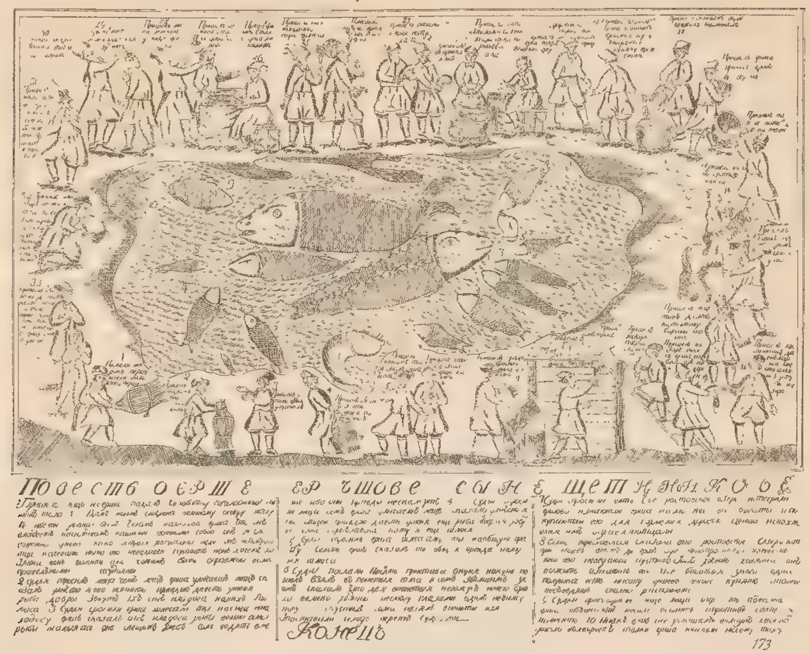
Дѣло начинается съ челобитной Леща, который жалуется господамъ «отъ рыбъ», великому Осетру и Бѣлугѣ, на Ерша Щетинникова, что онъ-де владѣетъ насильствомъ «нашими вотчинами» (Ростовскимъ озеромъ); собою онъ малъ, а щетины у него какъ острыя рогатины, и гдѣ онъ ни попросится ночевать, и кто его невѣдаючи пуститъ, и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить, и мы хотимъ быть оправлены вами, праведными судіями». Въ Сахаровской сказкѣ дѣло происходитъ въ лѣто 7110-е; на судѣ, въ губной избѣ, сидятъ: судья Осетръ-бояринъ, Сомъ-воевода отъ моря Хвалынскаго, и выборные мужики отъ Волги и Дона, Судакъ и Щука. Прежде всего судьи посылаютъ за Ершомъ пристава Окуня, который и поставилъ Ерша на судъ; доводчикъ Карась *) прочелъ челобитную. На извороты Ерша, который началъ съ своей стороны обвинять встрѣчно Леща съ товарищами въ оклеветаніи его,—съ истцовъ взятъ отзывъ, что они «ручаются за большое безчестье животомъ и жизнью», и затѣмъ Ершу указано «безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ».

Все это въ текстѣ картинки выпущено, и судья прямо переходитъ къ разспросамъ: чѣмъ Лещъ Ерша уличаетъ. На это Лещъ сперва ссылается на свидѣтелей Сига и Ладогу, но такъ какъ Ершъ представилъ отводъ, что Сигъ и Ладога рыбы большія, а мы рыбы малыя, да и съ Лещемъ онѣ хлѣбъ соль вмѣстѣ водятъ и потому правды не скажутъ,—то Лещъ сослался на Сельдь; противъ этой и Ершъ не имѣлъ что сказать и прибавилъ: «то общая правда, на ту и я шлюся». Вслѣдствіе чего судьи послали за Сельдью пристава Окуня, который взялъ въ понятые Сома; но Сомъ, съ большимъ усомъ, сталъ отговариваться, «что-де я въ понятые не гожусь,— имѣю брюхо велико, ходить не смогу, глазами вдоль не вижу»,—и Окунь отпустилъ Сома, и взялъ въ понятые Язя, и поставили они Сельдь передъ судьями *).

Когда Сельдь была поставлена передъ судьями, судьи спросили ее: «чье Ростовское озеро изстари,—Ершово ли? и знаютъ ли Ерша на Москвѣ всѣ богатые покупатели (какъ на это ссылается Ершъ въ рукописныхъ сказкахъ), и покупаютъ ли его для похмелья дорогою цѣною и съ похмелья имъ оправляются ли»?

*) По объясненію Татищева (Судебникъ Ц. Іоанна Васильевича, М. 1786, 8), это губной староста, разбиравшій дѣла, какъ областной судья: онъ состоялъ при воеводахъ въ качествѣ недѣльщика или пристава (Снегиревъ, Луб. карт., 1861, 64). Впрочемъ объясненіе это не подтверждается текстомъ сказки: губнымъ старостой Ростовскаго озера состоитъ здѣсь большая рыба Севрюга, доводчикъ же —рыба малая, всего Карась. Доводчикъ, судя по самому названію его, на судѣ доводилъ дѣло до рѣшенія. Такіе доводчики существуютъ до настоящаго времени въ Китаѣ. Въ Кантонѣ мнѣ случилось присутствовать въ засѣданіи суда по одному важному дѣлу о грабежѣ; судья сидѣлъ почти все время молча и предлагалъ обвиняемымъ сторонамъ только первые вопросы, затѣмъ уже разъяснялъ дѣло дальнѣйшими распросами и чтеніемъ актовъ другой китаецъ— чина неважнаго (потому что онъ все время передъ судьею стоялъ), но въ которомъ заключалась вся суть дѣла: онъ представлялъ собою прокурора и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдователя, который всѣхъ распрашивалъ и говорилъ во все время безъ умолку, защитника же на судѣ не полагалось; въ промежуткахъ слѣдствія обвиняемые подвергались пыткамъ и батогамъ,—одинъ изъ нихъ былъ запытанъ почти на смерть, а въ заключеніе этого праваго и скораго суда всѣ привлеченныя къ дѣлу лица и даже свидѣтели и полицейскіе чины, оказавшіеся неисправными по должности, были перепороты бамбукомъ.

*) Въ одной изъ рукописныхъ сказокъ есть прибавка о томъ, какъ Окунь взялъ сперва въ понятые Налима и какъ тотъ сулилъ ему посулы великіе, и выпросился изъ понятыхъ; въ другомъ спискѣ Налимъ вызывается въ судъ въ качествѣ свидѣтеля: онъ даритъ приставу гривну «на волокиты» и тѣмъ избавляется отъ явки (см. примѣч. IV, 274 въ „Русс. Нар. Карт.“ 1881 г.).



216. Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ.

На это Сельдь Переяславская сказала, что: «Ростовское озеро изстари Ершово, и тотъ-де Ершъ, гдѣ ни попросится ночевать, и кто его невѣдаючи пуститъ, и онъ хочетъ хозяина выжить, а знаютъ его», прибавляетъ она язвительно, «всѣ богатые, у кого одна полушка есть, и на ту Ершовъ много купятъ,—столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ». Затѣмъ на картинкѣ слѣдуетъ весьма краткій приговоръ: «судьи приговорили Леща оправить, а отвѣтчика Ерша обвинить, и въ соль посолить и противъ солнышка повѣсить. И какъ Ершъ сіе услышалъ, вильнулъ хвостомъ, ушолъ въ хворостъ,—только Ерша и видѣли, и всему тому конецъ».

Въ Сахаровской сказкѣ составленіе приговора и самый приговоръ облечены въ должную законную формальность,—Ершу даны со свидѣтелями очныя ставки, по окончаніи которыхъ, послѣ оболганія имъ Сельди и Налима, судьи приговорили: «очныхъ ставокъ ему больше не давать». Тогда челобитчиковъ выслали изъ суда вонъ, сдавъ ихъ на руки понятому Язю, а судное дѣло велѣли писать Вьюну,—вершить по граматамъ суднымъ, а Раку печатать грамату клешнею. Леща рѣшено оправить, и выдать ему Ерша головою; объ исполненіи же приговора послана губному старостѣ Ростовскаго озера, большой рыбѣ-Севрюгѣ, форменная память. Память эта въ сказкѣ изложена съ большою подробностію (см. прим. IV. 275 въ «Русск. Нар. Карт.»), изд. 1881 г. и заканчивается слѣдующими вами: «..... и что-де та рыба Лещъ съ товарищами изстари за отцомъ его крестьянами, и то онъ Ершъ лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, и ты бы того Ерша съ товарищами взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, что-бы впредь имъ всѣмъ братіямъ, на то смотря, такъ сдѣлать было не повадно, и, учиня имъ наказаніе, допросилъ-бы и убытки, выдалъ-бы того Ерша ему, Лещу, головою, и велѣлъ-бы его Ерша, водя по торгамъ, бить кнутомъ, а бивъ кнутомъ,

повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ-бы еси намъ записку безъ мотчанья».

Снегиревъ, въ своемъ описанiи народныхъ картинокъ, замѣчаетъ, что Ростовскiе князья продали великому московскому князю сперва одну часть своей отчины, а потомъ и другую, и что сказка о Ершѣ Москвичѣ (ссылавшемся между прочимъ и на Московскiя крѣпости) и о коренномъ владѣльцѣ озера Ростовцѣ-Лещѣ могла быть сочинена по поводу этихъ продажъ.

Въ заключенiе припомнимъ, что Ершъ отъ исполненiя приговора улизнулъ; но за тѣмъ онъ все-таки попался въ вершу; поставить которую мiръ послалъ крестьянина Першу: Устинъ Ерша было упустилъ, но Иванъ опять его поймалъ; потомъ Назаръ понесъ было Ерша продавать на базаръ, но Аносъ Ерша даромъ унесъ; затѣмъ Ерша сварили мiромъ въ котлѣ, съ перцомъ, лукомъ и саломъ, причемъ произошла неизбѣжная драка: Мина мякнулъ, ни съ того ни съ сего, Демида въ рыло, а Андрей Тита по плѣши огрѣлъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, „Яковъ одинъ ерша смякалъ, а самъ убѣжалъ, однѣ ножки показалъ. Елизаръ только котла полизалъ, а Данила и сестра его Ненила только по Ершѣ повыли, память ему сотворили".

О третьей и четвертой картинкѣ: „подъячiй и смерть" и „судъ дворянина съ мужикомъ" (№ 217) распространяться нечего,—это простыя перепечатки басней; на пятой же, въ 8 фигурахъ, передано цѣлое слѣдствiе о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха, изъ Пушкарской улицы, отъ своихъ курицъ (№ 218). Дѣло начинается жалобою куръ по пунктамъ о томъ, что убѣжалъ де отъ нихъ ихъ мужъ «пѣтухъ бѣлый, который въ топтанiи ихъ былъ смѣлый, и отъ него были онѣ одолжены, такъ какъ послушныя его жены, и послѣ топтанiя хвостомъ трясли, а хозяину оттого часто яйца несли».—«Изъ насъ нѣкоторыя въ домѣ старыя куры», заканчиваютъ онѣ свою жалобу, «присмотрѣли за нимъ немалые амуры».

За отысканiемъ невѣрнаго мужа посылается, съ билетомъ, индѣйскiй пѣтухъ, и съ нимъ цѣлое капральство куръ; бѣглецъ найденъ ими, приведенъ въ судъ и допрошенъ: «противъ отлучки не имѣлъ-ли амуръ, не топталъ-ли чужихъ куръ, и ежели топталъ, то какихъ примѣтомъ, и много-ли ихъ было счетомъ». На это пѣтухъ объяснилъ, что домашнiя куры стали ему противны, затѣмъ, что во время ему не присѣдаютъ и прочь отбѣгаютъ. «А я», продолжаетъ онъ, «на короткихъ ногахъ, не могу догнать, того ради принужденъ чужихъ топтать, и оныхъ я не

217. Судъ дворянина съ мужикомъ.

считалъ, гдѣ которую поймалъ,—тутъ и топталъ; чужiя вѣрно любить меня обязались, старыя и молодыя часто попадались». Сказка заканчивается судебнымъ приговоромъ: за отлучку отъ своихъ куръ и за имѣнiе съ чужими амуръ, посадить пѣтуха въ колодки на три дня, а потомъ бить вѣникомъ — «при собранiи куръ въ строй»,—и объявить: ежели впередъ будетъ такъ поступать, «то никакихъ опредѣленiевъ не послушаютъ, прiятно въ пирогѣ скушаютъ».

Несравненно интереснѣе и оригинальнѣе сатирическiя картинки, составленныя

218. Сказка о пѣтухѣ и о курахъ.

нашими раскольниками на Петра I и на его преобразованія. Изъ числа ихъ ни одна картинка не пользовалась такимъ успѣхомъ въ народѣ, какъ погребеніе кота мышами (№№ 219 и 220) и самый котъ Казанскій, «умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усъ-съ-уса-стерскій» (№ 221).

I-я картинка раздѣлена на нѣсколько продольныхъ полосъ; въ самомъ верху надпись: «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпицахъ,—какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніей отдавали; былъ престарѣлый котъ казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій, а усъ сусастерскій. Жилъ, славно ѣлъ-пилъ, плелъ лапти, носилъ сапоги; сладко ѣлъ и слабко б..ѣлъ; умеръ въ сѣрый четвергъ, вшесто пятое число, въ жидовскій шабашъ.

Въ средней полосѣ: большой котъ Казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усъ съ уса стерскій, перевязанный накрестъ веревками, лежитъ на чухонскихъ дровняхъ, которыя тянутъ восемь мышей —Макарокъ; процессію составляетъ цѣлая вереница мышей и крысъ изъ разныхъ областей Россійской Имперіи: мыши-пѣвчіе, мыши-музыканты, Охтенки, Корелка, Шушера изъ Шлюшина, мыши Татарскія (въ четырехъ мѣстахъ) и множество мышей лазаретскихъ. Отъ вдовы покойника, Чухонки Маланьи, везутъ на поминки кота пиво изъ Маймистскаго захода (шутовское чухонское урочище), а также и блины и оладьи

До насъ дошло шесть совершенно различныхъ переводовъ этой картинки: изъ нихъ—три двухлистовые на деревѣ, одно—трехлистовое на мѣди и два—двухлистовые тоже на мѣди (одно зимнее, другое лѣтнее). Работа двухлистовыхъ картинокъ, гравированныхъ на деревѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Стасовъ, имѣетъ много общаго съ гравюрой лицевой библіи мастера Кореня 1696 года: «и здѣсь шерсть мышей и кота выражена посредствомъ паралельныхъ, правильныхъ чертъ, которыми усѣяно тѣло животнаго; сверхъ того, глаза мышей и кота имѣютъ точь въ точь такое очертаніе, какъ у всѣхъ людей и животныхъ въ лицевой библіи Кореня,—очень продолговатая миндалина со зрачкомъ, прикрѣпленнымъ къ верхней вѣкѣ» (разборъ моей книги: Русскіе граверы, стр. 67). Разница въ томъ, что картинки лицевой библіи вырѣзаны съ большой тщательностію и съ хорошихъ рисунковъ мастера Григорія, которые граверъ Корень, несмотря на всю неумѣлость свою, не могъ до конца обезобразить своимъ грубымъ и толстымъ рѣзцомъ. Судя по этому, можно заключить, что дошедшіе до насъ отпечатки на бумагѣ второй половины XVIII вѣка сдѣланы съ досокъ болѣе древняго времени, въ особенности (въ большомъ атласѣ моего изданія 1881 года), погребеніе, отпечатанное доскою сильно попорченною, потертою и съ обколовшимися буквами въ текстѣ.

Вопросъ о томъ, откуда взялась эта картинка въ нашемъ лубочномъ мірѣ и съ какого времени,—уже давно занималъ нашихъ археологовъ. Макаровъ, въ одной изъ своихъ статей (Вѣстн. Европы 1821 г., № 9, стр. 53), говоритъ, что въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую Лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва Лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ, и что затѣмъ сатира эта перенесена на личность Ивана Грознаго. Снегиревъ, замѣчая, что такое мнѣніе подтверждается нѣсколько изображеніемъ любимаго кота Ивана Грознаго, которое, по свидѣтельству г. Чижова, хранится въ Дрезденской галлереѣ, отвергаетъ, однакоже, возможность появленія подобной картинки въ то время, когда книгопечатаніе и гравированіе были еще впервые заведены въ Россіи и посвящены единственно религіознымъ предметамъ (Лубочн. карт., М. 1861, стр. 130).

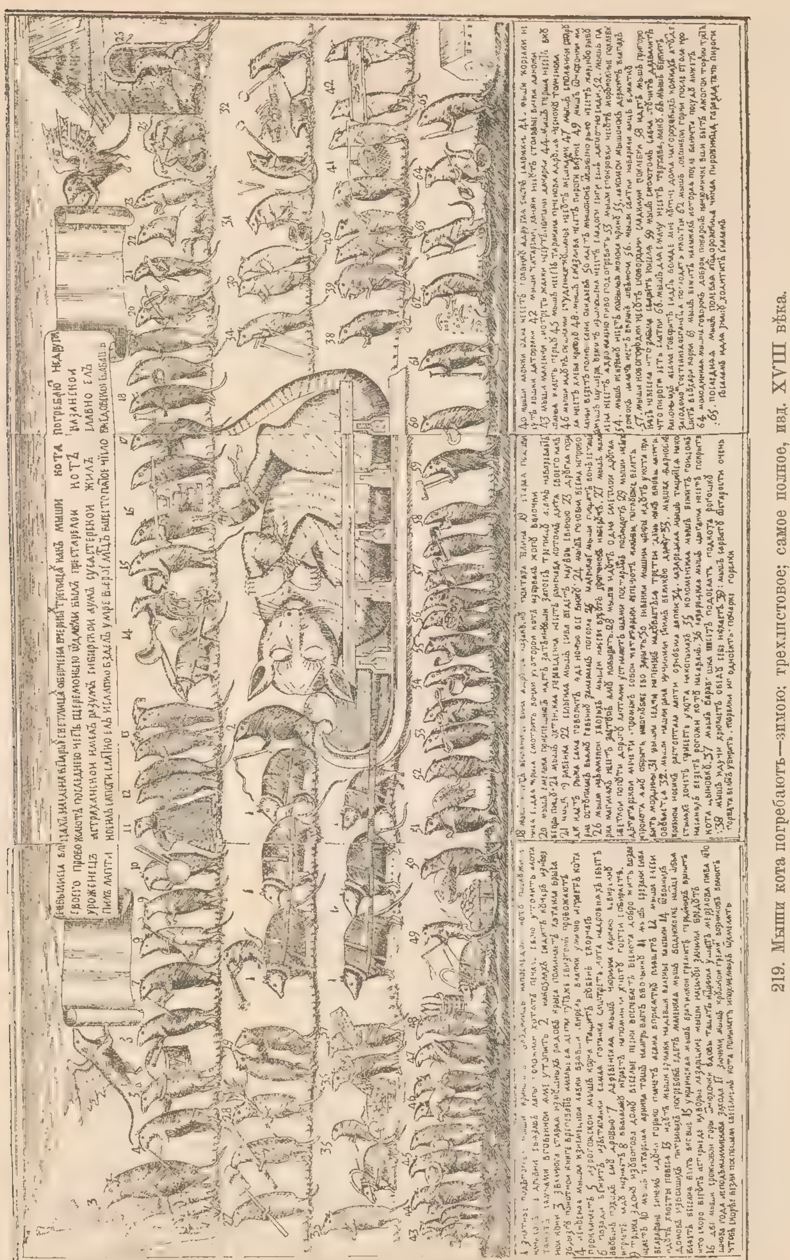
Стасовъ, просматривавшій Чешскую хронику Гайка, не нашелъ въ ней приписки, указываемой Макаровымъ. Съ сво-

166.

XVIII. МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЮТЪ; — ДВУХЛИСТОВАЯ КАРТИНКА, РѢЗАННАЯ НА ДЕРЕВѢ.

Дозволено ценз. С.-Петербургъ 21 Февраля 1893 г.

Печатня Р. Голике СПБ



219. Мыши кота погребаютъ—зимою; трехлистовое; самое полное, изд. XVIII вѣка.

ей стороны замѣчу, что ни въ Дрезденскомъ музеумѣ, ни въ другихъ собраніяхъ, нѣтъ гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича: въ Дрезденѣ, въ гал-

лереѣ, выставлена довольно рѣдкая гравюра работы съ Hollar'а съ подписью «Le vray portrait du Chat du grand Duc de Moskouie 1661»; такіе же экземпляры ея находятся въ Петербургской Публичной Библіотекѣ и въ моемъ собраніи. Такимъ образомъ родословіе кота нашего отъ Лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными; еще менѣе представляется данныхъ къ производству того же кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индійскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индійскимъ богомазомъ въ новѣйшее время. Тамъ сидитъ котъ Видало, рыжій, съ черными пятнами и съ чернымъ хвостомъ. По обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши: одна впереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копье. Кромѣ того, на спинѣ у кота сидятъ маленькія мышки и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на престолѣ (въ видѣ табурета), сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ.

Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбеѣ, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи: въ числѣ ихъ есть двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками. Въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ, на остаткѣ древняго египетскаго папируса,—на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками; въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, — кошки подносятъ ей разные дары (Champfleury, Hist. de la Caricat. antique, p. 24); въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камей, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, — передъ нею пляшетъ мышь (тамъ же, 81); въ Парижской библіотекѣ, въ «collection Hennin» (XVIII. 21), есть народная картинка — война мышей съ кошками, съ подписью: «A Lyon par Leonard Odet, au coin de rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits», а внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ ни одна изъ этихъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ погребеніемъ: съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индійскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ, нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего Казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка — чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ Нюренбергскими похоронами охотника, — на которые указываетъ Снегиревъ, — ни съ другими западными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта,— это вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа.

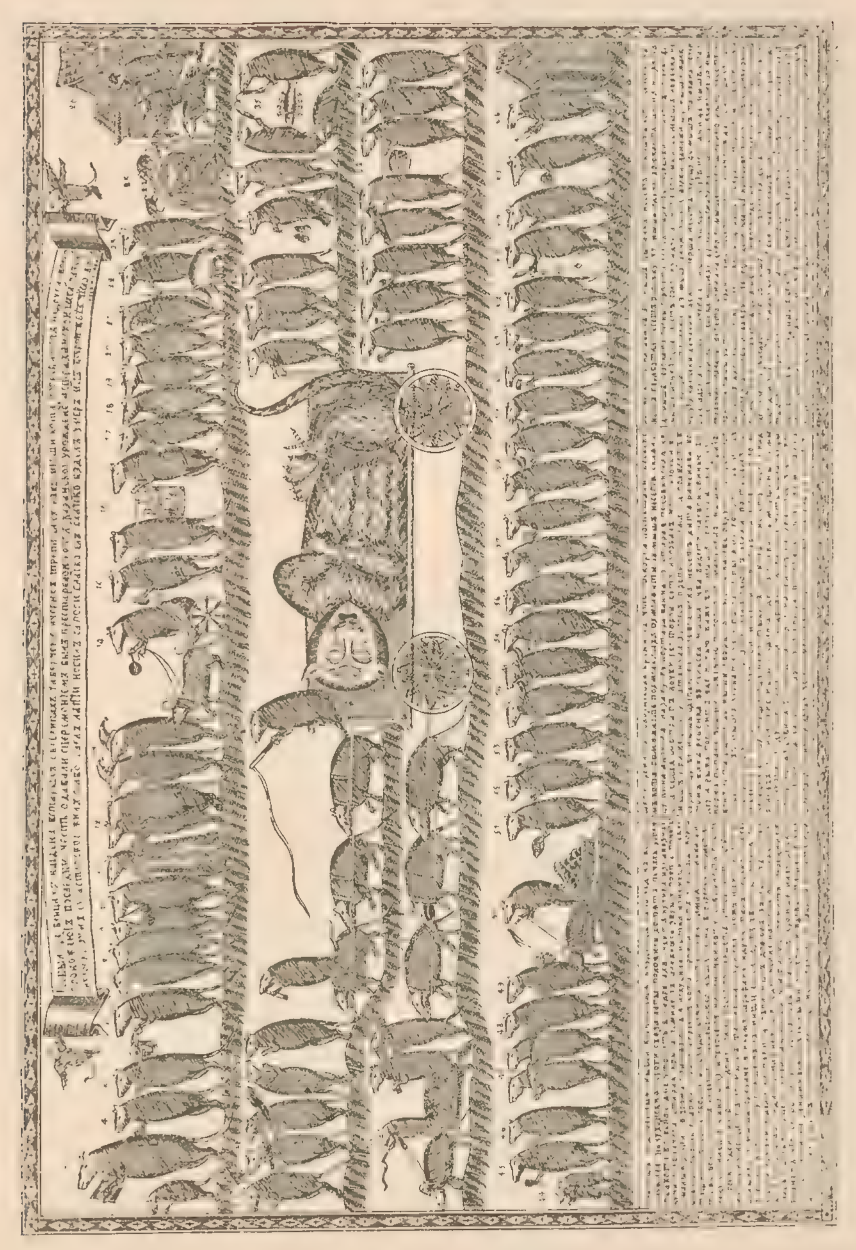
Что касается вопроса о томъ, на кого могла быть сдѣлана наша сатира, то внимательное разсмотрѣніе текста ея приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нашъ котъ *брысъ*, онъ же *Алабрысъ*,— не простой смертный, а знатная особа; титулы его: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій.... прямо указываютъ на царское его происхожденіе.

2) По многимъ признакамъ можно заключить, что покойникъ былъ *знатный подпивало и веселый объѣдало*, любилъ сладко поѣсть (съ добрыми послѣдствіями такой ѣды) и выпить *).

---

*) По разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ, наши прадѣды были большіе знатоки по этой части и издавали надстольные звуки и подстольные выстрѣлы не только у себя въ домѣ и въ церкви, но даже и во время царскаго стола, безъ всякаго *камфуза*; всѣ бояре, напротивъ того, привѣтствовали каждый такой откровенный выстрѣлъ *легкаго нороха*, съ большою радостію и смѣхомъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, что разъ какъ-то, во время торжественнаго пріема пословъ, неловко нагнулся самъ царь Алексѣй Михайловичъ; бояре тотчасъ же нашлись при этомъ: почтительно встали со своихъ мѣстъ и пожелали ему здравствовать. Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ г. Феттерлейномъ (1).



220. Мыши кота погребаютъ.—Лубокъ двухлистовой II-1.

221. Котъ Алабрысъ.

на тризну къ нему со всѣхъ сторонъ, *отъ вольныхъ домовъ* *), *изъ большихъ питейныхъ* и *погребовъ*, везутъ несутъ: горѣлку, вино и пиво въ ушатахъ, бочкахъ и скляницахъ.

3) Покойникъ, хотя и былъ русскій, но состоялъ въ близкомъ родствѣ съ *чухнами:* тѣло его везется на чухонскихъ дровняхъ, да и *чухонка вдова* Маланья, о которой говорится въ картинкѣ, повидимому, самое близкое къ нему лицо—это его собственная вдова, такъ какъ отъ нея несутъ главные предметы поминанья—пиво и оладьи: «двѣ мыши съ рожновой горы отъ *чухонки вдовы* тащатъ изъ шинка ушатъ мерзкаго пива летошняго года изъ-подъ *Маймистскаго* захода», и далѣе: «мышь отъ *чухонки Маланьи* везетъ полны сани оладьевъ».

4) Покойникъ былъ нрава крутого: «когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ», и много изобидѣлъ онъ въ жизни своей народа; за то эти обиженные и собрались посмотрѣть на своего недруга и съ радостію привѣтствуютъ стараго злиходѣя: здѣсь и тренка (Гренко) изъ убогаго дома веселыя пѣсни воспѣваетъ, безъ кота добро жить возвѣщаетъ (9), и охтенская переведенка несетъ раненаго котомъ мышенка (21); тутъ же и мышенокъ *отшибено рыло* (50), и старая подовинная мышь смотритъ въ очки *),—у ней котъ изорвалъ ж... въ клочки; въ двухъ мѣстахъ бредутъ *лазарецкія* и *хворыя* мыши, а въ третьемъ *лазарецкая* мышь тащится *на костыляхъ* (34),—вѣроятно, тоже вслѣдствіе котовой баталіи; мыши изъ ямской *хворыхъ* мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ (26). *Татарскимъ* мышамъ покойникъ пришелся особенно солонъ,—онѣ участвуютъ въ церемоніи въ четырехъ мѣстахъ: мышь татарская Оринка наигрываетъ въ волынку (10); мыши татарскіе ханжи (т. е. хаджи) **) несутъ вилки да ножи (42); мышь татарская изъ Крыму ***) несетъ кобыльяго молока крину (54) и, наконецъ, мыши изъ-подъ татарской мечети промежъ собою по-татарски лепечутъ — какъ бы поглубже велѣть про кота яму обрыть и поглубже его зарыть (29). Изъ другихъ русскихъ мышей участвуютъ въ процессіи представительницы вновь пріобрѣтенныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: *Олонки, Корелки, Охтенка, Шушера изъ Шлюшина* (несетъ съ Ладоги сяги,—ѣшь да плотно сиди, 51), а также и представительницы нѣкот. друг. областей русскихъ: мышь *Украинская, Новгородская* и мыши съ *Рязани,* по прозванію *Макары.* Прочія мыши собрались на погребеніе кота съ разныхъ Московскихъ улицъ и урочищъ: всѣ онѣ въ большой радости по случаю кончины державнаго Алабрыса, поютъ, скачутъ, играютъ на разныхъ инструментахъ ****) и бранятъ возниковъ, чтобъ скорѣе везли, поспѣшали съ веселіемъ кота

*) Вольными домами назывались трактиры (Полное Собраніе Зак. № 6566, 1734 г.), въ которыхъ, однакоже, запрещено было держать непотребныхъ дѣвокъ вольнаго обращенія (№ 6947, 1736 г.). Иноземцу Милле дозволено было завести трактиръ на Васильевскомъ Островѣ въ 1718 г. (№ 3299).

*) Снегиревъ читаетъ: «Подновинская», по бывшему у него въ рукахъ испорченному новому тексту, и предполагаетъ, что въ этомъ названіи заключается намекъ на кн. В. В. Голицына, жившаго подъ Новинскимъ монастыремъ.

**) Хаджи, богомольцы-паломники,—преимущественно мусульманскіе богомольцы, побывавшіе въ Меккѣ у Магометова гроба.

***) Въ новыхъ изданіяхъ ошибочно поставлено іэриму, какъ и прочелъ И. М. Снегиревъ въ своихъ коментаріяхъ по поводу Римскаго Папы.

****) Въ числѣ ихъ на древнѣйшемъ переводѣ (деревенская мышь) Чюрилка Сурначъ (т. е. зурначъ, отъ зурны) въ сопель играетъ, мышь Аринка играетъ въ волынку и еще одна мышь въ балалайку играетъ, гостей созываетъ. Сопель, сопелка, сиповка, — деревянная дудка, которая, дѣйствительно, издаетъ сиповатые звуки, сопитъ (см.

поминать и похмельныхъ охмелять (17). Даже мышь съ Рязани, Сива въ сарафанѣ (въ другихъ изданіяхъ въ синемъ сарафанѣ), которая, судя по наряду, вмѣстѣ съ мышами Ермаками (13), мышами Елесями (12) *) и мышами пѣвчими, шествующими впереди, представляетъ въ процессіи духовный элементъ, — и та *горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ.*

5) Въ текстѣ, въ четырехъ мѣстахъ, упоминается о *лаптяхъ:* должно быть, покойникъ особенно интересовался этой отраслью народнаго богатства. Въ самомъ началѣ картинки, не безъ ироніи замѣчено, что онъ, хотя и *плелъ лапти*, но самъ *носилъ сапоги*; въ самой процессіи: шутъ-мышка Фарносикъ красный носикъ растоптала *лапти*, align ознобила лапки (33); другая мышка, сѣвши на пенёкъ, надувается третій день, *въ новы лапти* обувается (31); мыши идутъ: одна съ метлой, другая съ ветлой, по пути дорогу *лаптями* устилаютъ, а сами по сторонамъ посикаютъ *).

6) Изъ картинки видно, что похороны были *зимою* и съ музыкой; погребальныя дровни везутъ *восемь мышей*, впереди идутъ пѣвчіе: «съ балчуга старая изъ мучныхъ рядовъ крыса поминаетъ кота Алабрыса, съ Збрысу по *нотной книгѣ* выпѣваютъ и малыя ея дѣти тутъ же съ визгомъ провожаютъ».

7) Наконецъ, изъ заголовка древнѣйшаго экземпляра Котова погребенія видно, что казанскій уроженецъ умеръ въ *сѣрый* (т. е. зимній) *четвергъ*, въ *шестопятое* число, въ жидовскій шабашъ (№ 219).

Петръ I скончался въ четвергъ сѣраго— зимняго мѣсяца января, съ пятаго часа на шестой (въ первой четверти 6-го) или, какъ сказано на картинкѣ, въ шестопятое число. Кромѣ того, мы знаемъ, что въ первый разъ въ Россіи музыка была допущена на похоронахъ Лефорта въ 1698 году; что на похоронахъ Петра I была тоже музыка, и что тѣло его было перевезено на погребальныхъ саняхъ на восьми лошадяхъ. (Описаніе порядка, держаннаго при погребеніи Петра Великаго, М. 1726, стр. 24).

Эти существенные признаки, кажется намъ, достаточно указываютъ, что державный покойникъ нашъ — никто иной, какъ славный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора Пахомъ Михайловъ, — и что самая процессія его погребенія представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью слатко поѣсть, попить и повеселиться. Не онъ ли приходился лютымъ звѣремъ и крокодиломъ, какъ его называютъ рас-

№№ 167, 168 и 170 изд. 1881 г. «Р. Н. К.»); въ одной изъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 34), упоминается сиповочка серебряна. Сурна или зурна—труба, которая и до сихъ поръ въ ходу въ Грузіи; сурны и сопели въ древности употреблялись въ войскахъ и не разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ другомъ переводѣ поставлено: Чурилка сарначъ въ свирѣлку играетъ. Свирѣль, флейта съ тремя дырочками,—инструментъ, бывшій въ большомъ употребленіи въ шутовскихъ Петровскихъ процессіяхъ. Изъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ въ погребеніи упоминается Волынка: это духовой инструментъ,—цѣльный мѣхъ, содранный съ козла или барана, шерстью вверхъ; въ него вставляются четыре трубки: двѣ изъ нихъ внизу, басовыя, составляютъ гармоническій однообразный аккомпаниментъ, — онѣ постоянно открыты, какъ и третья дискантовая, имѣющая равно видъ флейты; на дырочкахъ этой послѣдней волынщикъ перебираетъ пальцами мелодію. Всѣ три трубки двухъ-составныя и настраиваются въ тонъ на каждую пьесу, посредствомъ ихъ удлиненія или укорачиванія; въ трубкѣ, въ самомъ соединеніи ея съ мѣхомъ, помѣщены язычки, какъ въ кларнетѣ. Въ четвертую трубку волынщикъ постоянно надуваетъ свою волынку, т. е. наполняетъ ее воздухомъ: волынку держитъ онъ подъ мышкой, а звуки производитъ, подавливая ее локтемъ, при чемъ воздухъ, проходя въ первыя три трубки, даетъ мелодію и аккомпаниментъ. Въ Малороссіи волынка носитъ нозваніе Кобзы, а волынщикъ зовется Кобзаремъ. Волынка — національный инструментъ у Шотландцевъ, на югѣ во Франціи, у Итальянцевъ, у которыхъ она устроена сложнѣе нашей; въ настоящее время волынка вывелась изъ употребленія почти повсемѣстно. Балалайка или домра (итальянская Calascione), самая простая,— склеена изъ четырехъ треугольныхъ дощечекъ, съ придѣланнымъ къ нимъ грифомъ и ладами; струнъ на русской балалайкѣ три,—бываетъ и двѣ, но рѣдко. Балалаечникъ или мажетъ пальцами взадъ и впередъ по всѣмъ струнамъ разомъ, безъ перемежки, производя (тремя пальцами лѣвой руки) рядъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ аккордовъ, или же перещипываетъ по струнамъ свою мелодію. На этомъ, до крайности простомъ и незатѣйливомъ, инструментѣ московскій любитель Радивиловъ (въ пятидесятыхъ годахъ) давалъ публичные концерты и извлекалъ изъ трехъ струнъ его—очень полные и пріятные звуки; Радивиловъ игралъ и на однострунной балалайкѣ. Бубенъ или барабанъ упоминается въ карт. № 169.

*) Ссылки на карт. № 170 по изд. 1881 г. «Р. Н. К.».

***) Встарину, впереди духовныхъ процессій, шли метельщики и прометали дорогу метлами. Такое метеніе изображено и у Олеарія на картинкѣ: «Eine moscowitische Procession» (Viel-vermehrte moscov. Reisebeschr. Schlesswig 1656, стр. 46). Въ пѣснѣ о Дюкѣ Степанычѣ разсказывается, что когда идетъ его мать, то передъ нею расчищаютъ дорогу сперва лопатники, потомъ метельщики, а затѣмъ уже постельщики постилаютъ сукно (Рыбниковъ, Ш. 161. 173).

кольники, и — Охтенкѣ, насильно переведенной изъ родного края на Питерское болото, и бѣдному Гренкѣ съ Дона, и Шушерѣ изъ Шлюшина, которыхъ онъ переводилъ, переселялъ, обкладывалъ разными тяжелыми работами и повинностями? Худо пришлось отъ него татарамъ; но за то и дома у него развелось много лазарецкихъ мышей — калѣкъ на костыляхъ, вернувшихся домой съ разныхъ баталій: даже и на похоронахъ одна мышь бьетъ дробь въ будень, — походъ-де будетъ! калѣченныхъ лазарецкихъ мышей ямскія на себѣ везутъ *и прогоновъ не берутъ*, — конечно, потому, что прогоновъ имъ и не платятъ*).

Относительно плетенія лаптей мы знаемъ отъ Голикова и Штелина, какую заботу прилагалъ Петръ о распространеніи этого художества у чухонцевъ. «Примѣтя на чухонскихъ мужикахъ весьма худую обувь, спросилъ онъ у одного изъ нихъ: для чего они не столько же хорошо плетутъ лапти, какъ русскіе мужики. И получа отвѣтъ, что они лучше не умѣютъ, приказалъ Монархъ изъ Нижегородской или Казанской губерніи, откуда лучшіе привозятся на продажу лапти, привезть въ Петербургъ шестерыхъ наилучшихъ лапотниковъ, и отправилъ оныхъ въ Выборгскую губернію, повелѣвъ ихъ раздѣлить по уѣздамъ, чтобъ они подъ надзоромъ сельскихъ пасторовъ обучали мужиковъ плести лапти по русскому образцу, и не были бы прежде отпущены, пока чухонцы не выучатся плесть оныхъ такъ чисто и прочно, какъ и они; а пасторы должны были всякій мѣсяцъ подавать въ Выборгское правленіе извѣстіе, сколь далеко простерлось тамъ обученіе, и русскіе оные лапотники получали по указу его отъ правленія денежную сумму, изъ коей каждому изъ нихъ давалось по рублю въ

*) Мыши изъ ямской хворыхъ мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ» (26)—указываетъ на недавно еще практиковавшуюся перевозку больныхъ солдатъ и арестантовъ: часовой, сопровождающій больного, завидѣвъ извозчика, останавливаетъ его за воротъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, садится на него съ своимъ больнымъ и ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не попадется по дорогѣ другой порожній извозчикъ; такимъ простымъ и безплатнымъ способомъ оба доставляютъ до мѣста назначенія, конечно, при помощи городовыхъ и будочниковъ, помогающихъ часовому придерживать извозчиковъ, которые, завидѣвъ лазарецкую мышь, толпой улепетываютъ въ переулки.

недѣлю кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Штелинъ, мужики во всей Россійской Финляндіи научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошіе лапти, какъ изъ ивы, такъ и изъ липы и другихъ годныхъ лыкъ, и попечительный отецъ отечества достигъ своего намѣренія, научивъ новыхъ своихъ подданныхъ сохранять свои ноги, и предостерегъ тѣмъ жителей сей земли отъ разныхъ, и обыкновенно дотолѣ случавшихся, болѣзней, кои прежде сего всегда происходили отъ худой, яко не защищавшей отъ мокроты ногъ, обуви» (Голиковъ, Дѣянія Петра I, III. 322.—Штелинъ, Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ, 215 и 216) *).

На тождественность Алабрыса со всешутѣйшимъ протодіакономъ указываютъ и другія подробности, разбросанныя въ текстѣ картинки:

8) Дровни тянутъ мыши съ Рязани, а *прозваніемъ они Макары;* Снегиревъ объясняетъ это мѣсто встрѣчею, сдѣланною Петру I въ Рязани: онъ спросилъ одного изъ подававшихъ хлѣбъ-соль—«какъ тебя зовутъ?» — «Макаромъ, надежа Государь», отвѣчалъ тотъ. «Очень хорошо», промолвилъ Петръ; а прочіе, услыхавъ такой отзывъ, подумали, что имя Макаръ ему очень понравилось, и на вопросъ его объ ихъ именахъ, всѣ оказались Макарами. — «Будьте же вы всѣ Макарами», приказалъ Петръ; съ того времени Рязанцевъ и стали прозывать Макарами (Луб. карт., стр. 127).

9) Въ процессіи, въ верхнемъ ряду, одна мышь везетъ боченокъ; верхомъ на ней сидитъ другая, маленькая мышь, и куритъ изъ коротенькой голландской трубочки,—надъ нею поставлена надпись:

*) Рядомъ съ этими лаптями слѣдуетъ поставить и другое распоряженіе Петра о томъ, чтобы юфть изготовлялась не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ; кто же будетъ приготовлять по-прежнему, того ссылать на каторгу (впрочемъ, по истеченіи годового срока). Существуетъ легенда, что Петръ и самъ учился плести лапти, и что сплетенный имъ форменный лапоть хранился въ числѣ его вещей въ Эрмитажѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Лапти плетутся, или ковыряются въ однорядь: или простой плетенкой, чисто-ковыромъ, или же съ подковыркой, при чемъ подошвы и носокъ подковыриваютъ, т. е. проплетаютъ въ другой разъ; такіе лапти прочнѣе и дороже. На передкѣ или личикѣ, подковырка дѣлается иногда и узорчатая (Кирѣевскій II. 71).

«мышка тянетъ табачишка». Куреніе табаку въ Россіи было запрещено подъ страхомъ смертной казни указомъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 1634 году, а по Уложенію о наказаніяхъ царя Алексѣя Михайловича курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы (Улож. XXV, гл. 11 и 16). Несмотря на это, *питухи* и *пропойщики*, занимавшіеся куреніемъ табака, встрѣчались въ народѣ въ людяхъ *всякихъ чиновъ* и, по свидѣтельству Карлейля. бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ русскіе были охотники употреблять табакъ, въ особенности курительный, и упивались дымомъ его до обморока. Дозволеніе ввозить (по десяти тысячъ бочекъ въ годъ) травы никоціаны—дано было въ первый разъ Петромъ англійскому маркизу Кармартену въ 1698 году на семь лѣтъ, причемъ дозволено ему привозить и нѣмецкія никоціанныя трубки, коробочки и другія мелочи къ никоціанскому куренію (Полн. Собр. Зак. №1628). Затѣмъ указами 1723 и 1727 г. (Полн. Собр. Зак. № 4381, п. 3, и 5164) объявлено было о *вольной продажѣ* табака и даже приказано разводить его въ Россіи повсемѣстно. Раскольники, однакоже, продолжали по-прежнему чуждаться табачнаго зелья, посаженнаго сатаною.

10) Составитель картинки не забылъ прибавить, что у Алабрыса усъ сусастерскій: котовскій усъ (усъ съ уса стерскій, т. е. торчкомъ къ верху стоящій) такой точно, какой носилъ отецъ протодіаконъ, и что одинъ мышенокъ ѣдетъ въ любимой Петромъ одноколкѣ (двухколесной телѣжкѣ), которая до него была запрещена указомъ царя Ѳеодора Алексѣевича (28 декабря 1681 г.).

11) Въ процессіи мыши несутъ, въ мѣшкахъ, студеное кушанье, которое по указу Князя Папы приказано было имѣть всегда наготовѣ для всешутѣйшаго собора*).

12) Изъ мышей и крысъ, участвующихъ въ процессіи, самая высокая по росту изъ всѣхъ, рязанская мышь Сива въ сарафанѣ синемъ,—безспорно представляетъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Мышь съ молотомъ Савка, которая «стучитъ да хвалитъ, что пироги ѣсть сладки» (59),—напоминаетъ Савву Рагузинскаго, который на свадьбѣ Зотова былъ одѣтъ въ венецейскомъ платьѣ и игралъ на свирѣлкѣ*). Кого-нибудь да представляютъ и Емелька **) приспѣшникъ (онъ же и могилякъ) и Гренко съ Дону, старая крыса съ Арбата, мышь татарская Оринка, старая мышь Брудня, Дорошка Ерошка***). Мышь съ шутовскимъ прозваніемъ Ѳарносъ красный носъ, вѣроятно, означаетъ одного изъ шутовъ, до которыхъ Петръ I былъ такой охотникъ. Въ процессіи участвуетъ еще мышь палена, напоминающая старинный обычай выводить мышей: вымазывали мышь саломъ и, подпаливъ ее затѣмъ, выпускали на свободу; говорятъ, что такая паленая мышь выгоняла своимъ запахомъ остальныхъ мышей изъ подполья.

13) Цензура съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія и въ этомъ отношеніи, чутьемъ своимъ, опередила нашихъ изслѣдователей: сперва было исключено ею означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнѣйшемъ переводѣ его погребенія; затѣмъ въ позднѣйшихъ изда-

**) Относительно студенаго кушанья, которое мыши несутъ мѣшками, надо припомнить, что всепоядающій, всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра I разъѣзжалъ постоянно по знатнымъ и богатымъ домамъ для пированья; есть указъ князя папы, чтобы для пріема собора хозяева въ убытокъ не входили и ядей никакихъ не готовили, подъ опасеніемъ большого орла, а держали бы на-готовѣ холодныя закуски: хлѣбъ, соль, калачи, икру, сельдей, окорока, сухихъ куръ или зайцевъ, сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капусту, яйца и шабашъ (т. е. довольно). «И надъ всѣми же сими превозлюбленные наши вины, пиво, и медъ, сего что̀ вяще, то намъ угоднѣйше будетъ, ибо въ томъ живемъ и не движемся и есть ли или нѣтъ, не вѣдаемъ» (Русская Старина 1872, VIII, 878).

*) Савва Рагузинскій, выходецъ изъ Турціи, былъ сперва тайнымъ агентомъ Россіи въ Константинополѣ; послѣ окончательно перешелъ въ Россію, хотя Турки требовали выдачи его. За вѣрное служеніе ему была дана привилегія торговать въ Россіи (Полное Собр. Законовъ IV, 20441), а въ 1712 г. ему отдана на откупъ пристань корабельнаго лѣса въ Архангельскѣ; онъ велъ заграничную торговлю, отправлялъ корабли, имѣлъ конторы, отличался чрезвычайной скупостью и безобразіемъ; былъ старъ, сѣдъ и безъ зубовъ; занимался литературой и переводами (Пекарскій, I, 253).

**) По пѣснямъ, Емелька попъ ѣхалъ въ поѣздѣ въ пятыхъ саняхъ за Гришкой да Маришкой, гдѣ онъ «крестомъ благословляетъ, а самъ восклицаетъ: ступайте вы, дѣти, въ чужія клѣти; если Богъ поможетъ, попа не забудьте, если чортъ обрушитъ, попа не клеплите» (Кирѣевскій, VIII. 31).

***) Св. Іероѳей, епископъ Аѳинскій, извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Ерофея Офени (Мельниковъ, Въ лѣсахъ, I. 267). Дорошка-Ерошка напоминаетъ и гетмана Петра Дорофеевича Дорошенку.

ніяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, устроено лѣтнее—на телѣгѣ, и выпущены всѣ мѣста—о вдовѣ чухонкѣ, о Маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ,—которыми переполнена трехлистовая картинка *).

Замѣтки наши о котѣ и его погребеніи закончимъ здѣсь однимъ смѣхотворнымъ объявленіемъ, хотя и не относящимся прямо къ нашему предмету, но трактующимъ о Казанскихъ котахъ, которые и въ половинѣ XVIII вѣка пользовались еще особою извѣстностію. Въ 1745 году, Высочайшимъ указомъ приказано было сыскать въ Казани здѣшнихъ породъ кладеныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ для ловленія мышей, и прислать въ Петербургъ. Объ этомъ было сдѣлано объявленіе, съ тѣмъ, что у кого есть такіе коты, чтобъ донести, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, штрафа (Русск. Стар. 1871, 643).

Составитель котова погребенія былъ, навѣрное, раскольникъ, врагъ Петровскихъ нововведеній: въ поѣздѣ, какъ видимъ мы, онъ помѣстилъ и богопротивную Петрову одноколку, запрещенную указомъ 1668 года (ср. № 222), и мышку съ табачишкомъ —за куреніе котораго, еще такъ недавно, рвали ноздри и били кнутомъ, — и чухонскіе лапти, и незачѣмъ придѣлалъ коту богомерзкіе, подбритые котскіе усы. Раскольники имѣли полное право радоваться котову погребенію, потому что этотъ котъ особенно преслѣдовалъ ихъ и ихъ бороды; они звали его антихристомъ и лютымъ звѣремъ крокодиломъ, а на картинкѣ «отъ Христа паденіе антихриста» даже нарисовали этого послѣдняго въ образѣ Петра (№ 223).

222. Веселое гулянье на мышахъ; картина новѣйшаго измышленія, не имѣющая никакого отношенія къ Котову погребенію.

223. Отъ Христа паденіе Антихриста.

*) Въ заголовкѣ нашей картинки сказано, что она «небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обернута въ черныхъ тряпицахъ». Указывая на эту присказку, Снегиревъ замѣчаетъ, что такая оговорка сочинителя не означаетъ ли, со стороны его, опасенія огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда подобная картинка легко могла довести до застѣнка въ Преображенскомъ или въ ссыльномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него вымучивать на дыбѣ, подъ ударами кнута, кого именно онъ разумѣлъ подъ изображеніемъ кота и мышей и съ какимъ умысломъ выдалъ такой пасквиль»? (Луб. карт., 129).

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть еще нѣсколько такихъ, которыя, безъ всякой натяжки, могутъ быть отнесены къ раскольничьимъ изобрѣтеніямъ того же рода. На двухъ изъ нихъ представлена драка Бабы Яги съ Крокодиломъ (№№ 224—225); драка ихъ, повидимому, происходитъ изъ-за стькляницы вина, которая стоитъ подъ кустомъ. Баба Яга въ чухонскомъ костюмѣ, съ чухонскими вышивками и въ чухонскомъ головномъ уборѣ, а подъ Крокодиломъ представлено любимое дѣтище Петрово — кораблнкъ; Бага-Яга на 2-й картинкѣ даже нѣсколько напоминаетъ портретъ Екатерины въ обезображенномъ типѣ Моора (въ гравюрѣ Ив.

224. Драка Бабы Яги съ крокодиломъ.

225. Драка Бабы Яги съ крокодиломъ.

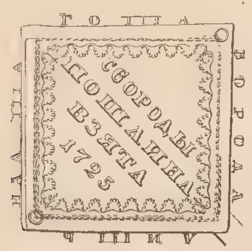
Зубова). На третьей картинкѣ та же Баба Яга пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Четвертая, наконецъ, представляетъ извѣстный эпизодъ Македонской красавицы, которая осѣдлала мудреца и заставила его скакать на четвереренькахъ; только въ нашей картинкѣ верхомъ на старикѣ сидитъ не Македонская красавица, а опять-таки— Чухонка въ своемъ народномъ костюмѣ, хотя и съ чалмой на головѣ, да и надпись гласитъ, что это «нѣмка ѣдетъ на старикѣ». Этими-то картинками раскольники отвѣчали Петру на всѣ его шутовскія надъ ними потѣхи, на безцѣльное преслѣдованіе бороды и установленныя при этомъ пошлину и медаль, которую раскольники

прозвали печатью антихриста *), да на картинку, представляющую цирюльника, собирающагося остричь раскольнику бороду,—эта послѣдняя картинка была сочинена и пущена въ народъ несомнѣнно по приказанію самого «шутѣйшаго протодіакона».

Побывавъ за границей и насмотрѣвшись на тамошніе порядки, онъ задумалъ завести и у себя Европу, и немедленно приступилъ къ постановкѣ декорацій; самъ онъ выбрился еще прежде того, оставивъ одни усы, подбритые снизу,—«усы котцки» (копачьи), какъ выражаются старообрядцы. Затѣмъ въ 1705 году вышелъ указъ: всѣмъ въ Москвѣ, кромѣ людей церковнаго чина, носить, съ 1-го января до Пасхи, верхнее платье саксонское, а исподнее,—камзолы, башмаки, и прочее,—нѣмецкое; лѣтомъ же всѣмъ, даже крестьянамъ, носить одежду французскую. Торговцамъ запрещено было дѣлать и продавать русское платье и сапоги и черкес-

*) Этимъ именемъ называлось также въ народѣ клеймо, которымъ въ 1718 г. клеймили въ руку, накаленнымъ до красна желѣзомъ, рекрутовъ-новобранцевъ, для предупрежденія побѣговъ (Русск. Архивъ 1873, 2296). Такое же клейменіе существовало нѣкоторое время въ арміи Наполеона, а въ новѣйшее время предлагалось въ Англійскомъ парламентѣ для вербуемыхъ въ войска англійскихъ патріотовъ.

скіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно всѣмъ сбрить бороду и усы, при чемъ, однакоже, дозволено отъ этой обязанности откупаться, уплачивая въ казну пошлину отъ 30 до 100 руб. въ годъ, смотря по званію и состоянію (Пекарскій, I. 448). Откупившіе свою бороду обязаны были носить на шеѣ медаль съ изображеніемъ бороды *) (№№ 226—230).



226. Знакъ въ уплатѣ пошлины за бороду.

Простой народъ, а въ особенности раскольники, которымъ при этомъ приказано было записываться въ двойной подушный окладъ, сильно возстали противъ этого нововведенія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывалось оно? — Стоглавъ запрещаетъ брить усы и бороду; бритому покойнику не положено ни пѣть панихидъ, ни хоронить его по христіанскому обряду. По старинному православію, бритье есть ересь, введенная греческимъ царемъ Константиномъ Ковалиномъ (39 и 40 глава Стоглава): ересь эту перенялъ безбожный папа съ своими епископами, въ угодность женщинѣ. Въ словѣ о брадобритіи, приписываемомъ патріарху Адріану, даже упоминается, что въ Вильнѣ новокрестившіеся Антоній, Іоаннъ и Евстафій пострадали за брадобритіе отъ невѣрнаго

*) Изъ памяти 1705 года видно, что Государь указалъ: «впредь усы и бороду брить» на Москвѣ и во всѣхъ городахъ: царедворцамъ, приказнымъ, дворовымъ, гостянымъ, гостиной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ; если же брить усовъ и бороды не захотятъ, то брать съ нихъ въ годъ: съ царедворцовъ и дворовыхъ приказныхъ—по шестидесяти рублей съ человѣка, съ гостиной сотни отъ 60-ти до 100 рублей, съ посадскихъ, Московскихъ городовыхъ жителей и съ церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, по 30-ти рублей съ человѣка, въ годъ, и давать имъ изъ приказа земскихъ дѣлъ знаки и тѣ знаки имъ на себѣ носить; изъ другихъ городовъ за тѣми знаками пріѣзжать въ Москву, а въ Сибирскіе дальніе города и Поморскіе—знаки послать изъ Москвы (Полевой, Русск. Вивліоѳика, М. 1833, I. 381).

князя Ольгерда и причтены за это къ лику святыхъ. «Безбородому невозможно и въ царствіе небесное внити!» Борода есть Богомъ данная мужскому полу красота!

И вдругъ, ни съ того ни съ сего, вышелъ указъ, что борода-де лишняя тягота.

227—230. Медали на право ношенія бороды.

Зашевелились наши доморощеные тори, стали записываться въ двойной окладъ и покупать себѣ клеймо антихристово: не могли успокоить ихъ и тогдашніе духовные писатели, пользовавшіеся общимъ почетомъ, какъ, напримѣръ, св. Димитрій Ростовскій, который написалъ по этому случаю трактатъ «объ образѣ и подобіи божіемъ въ человѣцѣ». Аргументы его въ этомъ дѣлѣ не представляютъ дѣйствительной силы: онъ наставляетъ народъ, чтобъ никто не сомнѣвался въ спасеніи своемъ, «понеже они не по своему произволенію обрили свои бороды, а по повелѣнію властей»; тѣхъ же, которые заявляли, что они готовы за бороды свои головы положить,—онъ назидалъ благопокоривымъ вопросомъ: что скорѣе отростетъ, борода или голова? — на что̀ получалъ не менѣе убѣдительный отвѣтъ, что де голова никогда не отростетъ, развѣ при общемъ воскресеніи (тамъ же).

На нашей картинкѣ: Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь, тотъ упирается съ словами: «слушай, цирюльникъ, я бороды стричь не хочу, вотъ гляди я на тебя скоро караулъ закричу» (№ 231). Картинка эта сдѣлана, вѣроятно, по приказанію Петра, для осмѣянія раскольничьяго упорства. Упорство это, впрочемъ, не ограни-

231. Цырюльникъ стрижетъ раскольнику бороду.

чилось его царствованіемъ, а продолжалось и послѣ него, такъ что еще при Елизаветѣ Петровнѣ понадобились цѣлыя новыя изданія картинокъ, съ назидательными отвѣтами св. Димитрія Ростовскаго, – о пользѣ брадобритія (№ 232) и рядъ притѣснительныхъ для раскольниковъ указовъ.

Наконецъ, указами 11-го октября и 14-го декабря 1762 г. и 20-го января 1763 г., были отмѣнены—и записываніе раскольниковъ въ двойной окладъ, и распоряженіе о повсемѣстномъ бритьѣ бороды. При дворѣ Екатерины, выдрессированномъ на французскій манеръ, борода конечно была въ полномъ омерзеніи: всѣ брились гладко; гладко брились и служащіе; въ бородахъ ходили только священники, простонародіе, да купцы. Потомъ, мало по малу, борода стала вторгаться и въ высшія сферы, въ видѣ бакеновъ, эспаньолокъ, маленькой бородки à la française, а въ послѣднее время—и въ видѣ простой окладистой древне-русской бороды лопатой, которую завели на своихъ физіономіяхъ солидные нѣмцы и практическіе англичане, прозвавши ее à la moujik; ну, и мы съ нихъ переняли и очутились съ прежней своей собственной бородой, которую выслали было въ дверь, но которая вернулась къ намъ въ окно изъ-за тридевяти земель, и съ заграничнымъ патентомъ.

232. Разговоръ св. Димитрія Ростовскаго съ раскольниками о брадахъ.

«А сколько народу перепорчено было за нее попусту!»,—говаривалъ старообрядецъ Молошниковъ, знаменитый собиратель древнихъ иконъ въ Москвѣ,—«и гдѣ во всемъ этомъ дѣлѣ виноватый, подумаешь? Вотъ и съ книгами почитай тоже, что съ бородой было; хуже еще гораздо было: были у насъ книги старыя, выправили ихъ при Никонѣ,— немного лучше, немного хуже, что-ли онѣ отъ того стали.— «Молись», говорятъ, по новымъ, – «не хочу по новымъ, отцы по старымъ молились и я тоже».—«Ей, молись! слушай начальство», — «не хочу». — «Молись, не то плохо будетъ»,—«готовы пострадать за вѣру», говорятъ Соловецкіе старцы. И вотъ начинается исторія, кто кого переупрямитъ: осада, кнутъ, пытки, казни, колья, висѣлицы, мученичество;—трудно повѣрить, какіе ужасы и злодѣйства. Но то было при Никонѣ,—урокъ ему былъ хорошій: расколъ только усилился; Петръ не рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ сомнительнымъ мѣрамъ и удовольствовался двойнымъ окладомъ и позорными медалями *). Съ радостію записывались

*) Любопытно, что многіе депутаты Екатерининской коммиссіи, выслушавъ жалобу Императрицы на то̀, что «духовенство проникнуто духомъ гоненія на раскольниковъ», предложили очень простое средство: всѣхъ зломыслящихъ раскольниковъ «истребить, а явочныхъ немедленно обратить въ православіе».

раскольники въ двойной окладъ и покупали себѣ антихристово клеймо, которое избавляло ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. Петровская картинка съ цирюльникомъ—въ ходъ не пошла и повтореній не имѣла, а время показало, насколько онъ былъ не правъ въ этомъ дѣлѣ, даже смотря на него съ современной ему точки зрѣнія. Мы можемъ смѣло говорить объ этомъ несчастномъ прошедшемъ для нашихъ братьевъ старообрядцевъ. Въ наше время уже признано, что старообрядцы представляютъ коренной русскій народъ, чистый и крѣпко сплоченный матеріалъ для обрусѣнія нашихъ окраинъ. Уже новые порядки перестали насиловать ихъ совѣсть и, можетъ быть, недалеко то время, когда и своимъ, русскимъ отщепенцамъ, будетъ дозволено, наравнѣ съ иностраннымъ сектаторами Турками и Евреями, молиться, какъ кому Богъ положитъ на сердце—по старому или по новому,—всѣ, вѣдь, одной родины дѣти, всѣ одного Царя подданные *).

За то, какъ и ненавидѣлъ народъ старой вѣры своего преслѣдователя, называя его антихристомъ и крокодиломъ; съ какою радостію проводилъ онъ его на вѣчный покой, и, несмотря на страхъ кнута и пытки, сочинилъ ему шутовскую литію съ мышами, которая держалась въ народѣ полтораста лѣтъ пользовалась какъ мы уже замѣтили выше, особеннымъ почетомъ и любовью его, и выдержала безчисленное множество изданій.

Въ народныхъ картинкахъ есть довольно большое число повѣстей и разсказовъ скоромнаго содержанія. Макароническіе сюжеты были всегда въ большомъ ходу въ нашей рукописной литературѣ, въ видѣ жартовъ и фацецій, по большей части переводныхъ; отсюда они перешли и въ наши народныя картинки. По этой части, есть въ нихъ: разсказы Боккачіевскаго Декамерона о томъ, какъ жена отъ мужа къ любовнику бѣгала и мертвой притворялась, когда онъ ее назадъ въ домъ не пускалъ. Другіе подобные же разсказы, о женатомъ волокитѣ и о женской разсѣянности; о томъ, какъ одинъ шутъ доставилъ возможность нѣкоему купцу, влюбившемуся въ трактирщикову жену, облюбить ее въ присутствіи мужа,—онъ подержалъ съ трактирщикомъ пари на 25 червонцевъ, что тотъ не проглядитъ въ окно полчаса, не обернувшись назадъ; трактирщикъ выигралъ пари, несмотря на то̀, что шутъ ему кричалъ, что жена обманываетъ его, а купецъ покончилъ между тѣмъ свое дѣло съ трактирщицей. Затѣмъ—сатиры на женскую невѣрность: терпѣливый отецъ, который «съ рогами родился, чтобы всякъ тому дивился, умножившемуся его плоду чудился» (№ 223); высо-

233. Терпѣливый отецъ.

кая прическа жены, которой мужъ позволяетъ гулять съ посторонними, и тѣмъ домъ свой въ порядкѣ содержитъ; рогоносцы—рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ; снѣжный ребенокъ, лукавая жена, невѣрная жена и, наконецъ, повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Далѣе—сатиры на похотливыхъ стариковъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, старикъ на колѣнахъ у молодой, молодая нѣмка кормитъ стараго нѣмца соской. Макароническія картинки, трактующія о женскомъ распутствѣ: охотникъ и пастушка, которая «за деньги со всѣми не дика,—любить готова хоть быка»; панъ Трыкъ—полна пазуха лыкъ, и неусыпаю-

*) Это было писано въ 1881 году; съ тѣхъ поръ въ дѣлѣ этомъ многое измѣнилось.

187.

XXI. ТАРАСЪ ПЛѢШИВЫЙ.

№ 39.

XIX. БАБА ЯГА СЪ ПЛѢШИВЫМЪ МУЖИКОМЪ.

№ 214.

XX. ЖЕНСКАЯ БАНЯ.

Дозволено ценз. С.-Петербургъ, 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ, СПБ

125.

XXII. УГОЩЕНІЕ ЯБЛОКАМИ.

ПОЖАЛУІ ПОДІ ПРОЧЪ ОТЪМЕНА МНЕ ДЕЛА НЕТ ДАТЕБА
ПРИШЕЛЪ SАЖЕПУ ХВАТАЕШЪ БЛИНОВЪ ПЕЧЬ МЕШАЕШЪ
ZАЖЕПУ ХВАТАТЬ НЕБЕЛАТЪ ДЛАТОГО ЧТО БЛИНЫ
ПОДГОРАТЪ АТОТЪ ЧАСЪ РЕЅОНЪ СЫШУ СКОВОРОДНЕМЪ ХВ
АЧЮ МНЕ ХОТА ІСТЫДНО АТЕ БУДЕТЪ УЖЕ ОБИДНО А ВИТЬ
ВАСЪ НЕЅАМАЮ АНЕОТЪДОЕШЪ СКОВОРОДНІКОМЪ ЅАМАР
АЮ ТВОА ВОЛА ІЅВОЛЬ ЕИТЬ ДАІ ТОЛКО ЅАШЕПУ ХВАТИТ
Ь ИБО ЅЕЛО МНЕ ПОКАЅАЛАСА МИЛЕНКА ЧТО ЖЕПКА ТВОА
КРУТЕНКА НАРОЧНА КТЕБЕА ПРИШЕЛЪ ІЩАСЛИВЪ ЧТО
ОДНУ ДОМА НАШЕЛЪ ХОША СПЛОШЪ ВСЕГО ЅАМАРАІ РАС
ТВОРОМЪ А ОТОГО НЕБУДУ ЅДОРОМЪ ТОЛКО ЛЮБОВЪ
НАДОМНОІ ПОКАЖИ ВМЕСТЕ СОБОЮ НАПОСТЕЛЮ СПАТЬ
ПОЛОЖИ

120.

XXIII. БЛИНЩИЦА.

Дозволено ценз. С. Петербургъ 21 Февраля 1897 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ СПБ

щая дама Херсоня; двѣ молодки на одного молодца, угощеніе яблоками, блинщица. Французскія скандальныя картинки: «мужъ спрашивалъ жену» и «горюетъ дѣвушка», съ виршами Сумарокова (№№ 234—235).

234.

235.

Потомъ — дурацкія персоны Фарноса и Говноса, упражняющихся въ стрѣляніи легкимъ порохомъ; женская баня, Еремушка и бабушка, точильшикъ носовъ, медвѣдь и баба; помѣха въ любви нѣкоторому господину, который расположился было забавлять свою даму и былъ прерванъ въ своемъ занятіи нахаломъ, постучавшимъ ему въ окошко (№№ 236—237); Тарасъ плѣшивый, которому три молодыя жены совѣтовали для нарощенія волосъ помачивать плѣшь женскою уливою, и который остроумно отвѣчалъ имъ: «се уже сорокъ лѣтъ свою плѣшь уливою женскою полощу, а волосовъ на ней не нарощу»; разсказъ о томъ, какъ безстыдный пришелъ въ трактиръ и всякими нахальствами отбилъ другихъ—и отъ ужина, и отъ мягкой постели, а вдобавокъ еще на-

236—237. Помѣха въ любви нѣкоему господину, который расположился было забавлять свою даму.

дѣлалъ тамъ всякихъ пакостей, и, наконецъ, 12 циническихъ картинокъ, подъ названіемъ: «гадательный способъ для увеселенія».

Разсказы и вирши для этихъ картинокъ заимствованы не только изъ иностранныхъ жарновъ и фацецій, но и изъ твореній русскихъ писателей: Измайлова, Сумарокова и пресловутаго письмовника нашего доморощеннаго Вольтера, профессора Курганова. Первое изданіе этого письмовника было выпущено въ 1769 г. подъ названіемъ Энциклопедическаго сборника по части науки и литературы. Книга Курганова имѣла такой успѣхъ, что изданія ея слѣдовали одно за другимъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ и, подобно народнымъ картинкамъ, исчезали въ народѣ отъ употребленія и времени. Въ первой части этого письмовника помѣщены: граматика, сборъ пословицъ, разные анекдоты, шутки, повѣсти, апоѳегмы, свѣдѣнія о навигаціи, геральдикѣ и миѳологіи; во второй: собранія разныхъ стихотвореній и идиллій; сонеты, рондо, мадригалы, притчи; всеобщій чертежъ наукъ и художествъ; свѣдѣнія объ исторіи священной, свѣтской и естественной, о философіи; нравоученія, историческіе анекдоты, словарь разноязычный, мелкія статьи и «забавное веществословіе». Это забавное веществословіе письмовника весьма скоромнаго приготовленія, и цѣликомъ перешло во многія народныя картинки.

Перечисляя картинки макароническаго содержанія, прибавлю, что макароническими присказками и прибавками приправлены и посолены тексты почти всѣхъ старыхъ картинокъ,—встрѣтишь ихъ подчасъ и тамъ, гдѣ совершенно не ожидаешь, какъ, напримѣръ: въ реэстрѣ о дамахъ, въ погребеніи кота мышами, въ портретѣ самого кота и несчетномъ множествѣ другихъ листковъ. Въ большинствѣ случаевъ это ничто иное, какъ прибаутки или присказки, которыми приправленъ текстъ народныхъ картинокъ, точно также, какъ и текстъ народныхъ былинъ,—для возбужденія большаго вниманія со стороны слушателя. Въ этихъ прибауткахъ нѣтъ ничего такого, что бы могло оскорбить народную нравственность: онѣ только возбуждаютъ въ зрителѣ добродушный и здоровый смѣхъ, и въ сущности никогда не достигаютъ смѣлости французскаго буффа, въ которомъ выводятся тѣ же Фарносы и Говносы, только въ бѣлыхъ перчаткахъ, и говорятъ на сценѣ вещи почище и попикантнѣе нашихъ дураковъ; конечно, они говорятъ ихъ на своемъ иностранномъ языкѣ, а не на нашемъ простонародномъ.

Замѣчу еще, мимоходомъ, что все с в о е, простонародное, издавна въ высшемъ служиломъ обществѣ нашемъ считалось п о д л ы м ъ, точно такъ, какъ и простой народъ въ документахъ XVIII вѣка постоянно назывался п о д л ы м ъ. Тредьяковскій и Сумароковъ считали п о д л ы м и даже всѣ народныя пѣсни, а Кантемиръ и Барковъ признавали народныя картинки н е г о д н ы м и и г н у с н ы м и. Сатирикъ Кантемиръ, не безъ нѣкотораго самоуваженія, замѣчаетъ, что твореніе его: «гнусно не будетъ лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или Ершемъ», а Сумароковъ, въ эпистолѣ о русскомъ языкѣ, обращается къ бездарнымъ писателямъ съ такими словами:

«Лишь только ты склады немножко поучи:
Изволь писать Бову, Петра златы ключи».

Эти чопорные господа, въ большинствѣ сами вышедшіе изъ «п о д л а г о» народа, никакъ не могли вообразить, что Ершъ, Бова и Петръ златые ключи переживутъ ихъ б е з с м е р т н ы я творенія.

Иначе взглянулъ на это дѣло нашъ первый народный поэтъ Пушкинъ: въ одномъ изъ путешествій пришлось ему увидѣть на стѣнахъ станціонной комнаты картинки погребенія кота и споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ; онъ тотчасъ же замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что «картинки эти заслуживаютъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, вниманія образованнаго человѣка» (Собр. сочин.. СПб., 1871, V. 114 *).

*) Лермонтовъ тоже думалъ отыскать образцы русской поэзіи въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ (Сочин., СПб. 1873, I. XL).

Подъ этимъ впечатлѣніемъ написано было имъ нѣсколько русскихъ сказокъ и цѣлая поэма «Русланъ и Людмила». Можно представить себѣ, какой переполохъ сдѣлало появленіе этой поэмы и сказокъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. —«Возможно ли просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу», голосилъ въ ужасѣ фешенебельный критикъ «Вѣстника Европы». «Картинка достойная Кирши-Данилова... Если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: «здорово ребята!»... и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ *) (№ 11, 1820 г.). Такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди,—члены ученыхъ обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ Общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то «нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались», можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ Обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней,—вмѣсто лубочныхъ картинъ, сказать, простонародныя изображенія. Такъ и напечатано было въ Трудахъ Общества (Снегиревъ, Лубочн. карт., стр. 1).

*) Это не въ бровь, а въ глазъ тогдашнимъ Славянофиламъ, которые наряжались въ псевдо-народные костюмы, и въ противоположность Западникамъ ставили все народное на ходули.

Въ послѣднее время, по примѣру Западной Европы, «жизнь и наука стали вводить народность—въ ея законныя права и у насъ: теперь къ произведеніямъ народнаго слова начинаютъ у насъ относиться, какъ къ богатому матеріалу для изученія прошедшаго и настоящаго русскаго народа, безъ страха оскорбить принятыя приличія уясненіемъ его истинныхъ міровоззрѣній или потревожить религіозное чувство образованнаго читателя смѣшеніемъ духовныхъ вещей съ простонародными». **)

*) Тихонравовъ, 33-е присужденіе Демидовскихъ наградъ, СПб. 1865

КОНЕЦЪ I ТОМА.

Заканчивая печатаніемъ I-й выпускъ посмертнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго, переработанный имъ въ послѣдній годъ жизни изъ V и отчасти IV тома его перваго изданія „Русскихъ Народныхъ Картинокъ“ 1881 г., считаю необходимымъ оговорить здѣсь, что, по смерти моего незабвеннаго друга, въ его письменномъ столѣ нашлась записка, уполномочивавшая меня выдать это изданіе въ свѣтъ, окончивъ въ немъ то̀, чего тамъ недоставало.

Сентябрь 1900 г.

Н. Собко.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. А. РОВИНСКІЙ

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

ПЕЧАТАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Н. П. СОБКО

II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Р. Голике
1900

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ СПАССКАЯ УЛ., 17.

1901

Русскія Народныя Картинки.

II.

VIII.

Легенды. Страшный судъ и адскія мученія.—Сказанія о борьбѣ жизни съ смертію: зерцало грѣшника; возрастъ человѣческій; борьба жизни съ смертью.—Синодики и поминанье мертвыхъ.—Страсти Господни; крестное древо.—Образа нерукотвореннаго Спаса.—Легенды о Богородицѣ. Иконы различныхъ явленій ея: Троеручица, Иверская и нѣк. др.—Житія святыхъ. Крайняя простота и краткость ихъ. Чудеса. Легенды о св. Герасимѣ, Петрѣ Аѳонскомъ, Минѣ мученикѣ, Петрѣ мытарѣ, Евстафіѣ Плакидѣ и Маріи Египетской. Сказанія о дьяволѣ. Покаяніе нѣкоего князя въ церкви. О бѣсѣ Зереферѣ. Совокупленіе бѣсовъ съ женщинами. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи.—Легенды разнаго содержанія.

Отдѣлъ легендъ въ народныхъ картинкахъ нашихъ несравненно любопытнѣе и полнѣе отдѣла сказокъ и повѣстей. Въ настоящемъ обозрѣніи легенды раздѣлены на восемь разрядовъ, по предметамъ: 1-й легенды о страшномъ судѣ, о борьбѣ жизни со смертію, о мукахъ въ будущемъ мірѣ и о тѣхъ средствахъ, которыми можно отъ нихъ избавиться; 2-й — Страсти Господни; 3-й — легенды о Богородицѣ, какъ заступницѣ рода человѣческаго; 4-й—житія святыхъ; 5-й —цѣлый сборникъ сказаній о дьяволѣ; 6-й—не менѣе многочисленные сборники сочиненій о женскихъ злобахъ; 7-й—легенды о пьянствѣ, и 8-й—легенды разнаго содержанія.

По словамъ лѣтописца, образъ страшнаго суда занесенъ къ намъ еще въ X вѣкѣ: когда великій князь Владиміръ испытывалъ разныя вѣры, и греческій философъ *) старался отвратить его отъ болгарской вѣры, говоря, что Болгары «уподобились Содому и Гоморѣ и омываютъ оводы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажутся..., что жены ихъ творятъ туже скверность и оного пуще, отъ совокупленія мужьска и женьска вкушаютъ» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 36),—то при этомъ философъ показывалъ Владиміру «запону, на ней же бѣ написано судище Господне» (Полн. Собр. Лѣтоп., Лавр., 45.—Русск. Времен. I, 31) *).

Мысль о близости второго пришествія Христова и о кончинѣ міра, бывшая въ ходу еще въ концѣ IX-го вѣка, возобновилась съ особенною силою въ исходѣ XIII вѣка Индиктіона и въ началѣ осьмой тысящи отъ сотворенія міра, въ 1492 году. Полтора вѣка спустя, въ 1666 году, суевѣры стали ждать конца міра, въ которомъ они видѣли звѣриное число 666 и мнимое явленіе Антихриста въ

*) По словамъ Строгановскаго подлинника, это былъ Меѳодій Моравскій, братъ Константина Философа (Буслаевъ, Очерки, II. 57); икона же, которую онъ показывалъ в. к. Владиміру, была написана имъ самимъ.

*) Въ концѣ XII вѣка св. Авраамій Смоленскій, духовный писатель и иконописецъ, написалъ образъ страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ (Четьи Минеи, Августъ); а въ 1399 году подобный же образъ былъ присланъ Тверскому велик. князю Михаилу Александровичу отъ Царьградскаго патріарха (Софійск. Времен., II. 42).

Іерусалимѣ (Снегиревъ, Лубоч. Картинки, 40) *).

Въ это смутное время составлено множество различныхъ переводовъ и цѣлыхъ книгъ съ миніатюрными изображеніями страшнаго суда по видѣніямъ Григорія, ученика Василія Новаго; изображенія мытарствъ по сказанію св. Θеодоры; хожденіе Богородицы по мукамъ; слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христа, со множествомъ миніатюръ; толковый Апокалипсисъ въ лицахъ и притчи для Синодика, относящіяся тоже къ мытарствамъ **). Въ особенности же рукописи этого рода размножились въ XVIII и XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ уніи, въ которой принято католическое ученіе о мытарствахъ души человѣческой послѣ смерти. Лицевые Апокалипсисы въ нашихъ народныхъ картинкахъ,—одинъ работы Прокопія, половины XVII вѣка, другой работы Кореня, конца того же вѣка,—заимствованы уже прямо изъ голландской Библіи Пискатора.

По правиламъ иконописнаго подлинника, Страшный Судъ писался въ церквахъ на западной стѣнѣ; особенно полные переводы его можно видѣть въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Успенскомъ соборѣ. Переводы эти почти вполнѣ сходны съ переводомъ народныхъ изданій Страшнаго Суда (№ 238). Въ верхней части картины представленъ Господь Саваоθъ, окруженный херувимами; слѣва—городъ Іерусалимъ, а справа—Св. Троица. Страшный Судъ происходитъ въ средней части картины. Здѣсь стоитъ на землѣ грозный судья Христосъ и ходатаи за человѣковъ: Богоматерь и Іоаннъ Предтеча; изъ облака вышла рука, держащая вѣсы; около нихъ стоитъ душа праведнаго—дѣла ея взвѣшиваются; два чертенка силятся перетянуть правую чашу вѣсовъ, но ангелъ отгоняетъ ихъ копьемъ. Слѣва—ликъ праведныхъ; въ срединѣ—рыбы, птицы, вода и земля отдаютъ съѣденныя ими тѣлеса человѣческія; тутъ же представлены четыре проклятыя царства: Вавилонское, Перское и Мидійское, въ видѣ звѣрей, и Римское, въ видѣ крылатаго звѣря антихриста; тутъ же стоитъ, привязанный къ столбу, блудникъ, который представляетъ олицетвореніе католическаго чистилища: «милостыни ради онъ избавленъ вѣчныя муки, а блуда ради лишенъ вѣчныя жизни». Слѣва (отъ Спасителя по правую руку) представленъ рай съ праотцами, а всю нижнюю часть занимаетъ адъ; въ огненной пасти его сидитъ самъ сатана, а на колѣняхъ у него Іуда предатель, съ кошелькомъ въ рукахъ. Сатана волочитъ въ адъ цѣлый рой грѣшниковъ: здѣсь и земледѣльцы, которые воскресные дни не почитали и всякую работу работали, и женскій полъ за чары и за безчинное убѣленіе лицъ; цари и князья, которые неправо господствовали надъ своими подданными; судьи неправые, Жиды и Агаряне, Литва, песьи главы, Турцы, Нѣмцы, Ляхи, Русь и т. д. Чрезъ всѣхъ ихъ, изъ трубы ангела, изливается въ адову пасть огненная рѣка; изъ этой же пасти исходитъ громадный змѣй, извивающійся по всей картинкѣ; на кольцахъ этого змѣя написаны названія разныхъ грѣховъ: ярость, чревобѣсіе, блудъ, малакія, плясаніе и т. д. Въ самомъ низу картинки—полоса, въ которой, въ четырнадцати отдѣленіяхъ, представлены спеціальныя мученія разныхъ грѣшниковъ въ аду: согласно съ подлинникомъ XVII вѣка, клеветники повѣшены за языки, а плясуны за пупъ; лихоимцамъ бѣсы сребро въ гор-

*) Развитіе ученія о концѣ міра замѣтно еще у Евреевъ со времени плѣна Вавилонскаго; самое же начало этого ученія находится въ канонической книгѣ пророка Даніила, написанной во время плѣненія Вавилонскаго. Книга эта и сдѣлалась источникомъ апокалипсическихъ идей; подъ вліяніемъ ея составлена была другая подобная же книга Эноха. Конецъ міра предсказывается тоже и по индійскимъ источникамъ. Признаки индійскаго послѣдняго времени будутъ слѣдующіе: между людьми, одни будутъ исполнять святые законы единственно изъ послушанія, въ той апатіи, которая ставитъ всѣхъ въ одинъ уровень; другіе, одержимые духомъ пытливости, будутъ съ жаромъ предаваться размышленіямъ; третьи, въ самообольщеніи отъ своей мудрости, станутъ отвергать все, что не можетъ быть доказано путемъ философіи и анализа...; будутъ такіе, которые съ гордостью скажутъ, что они ничему не вѣрятъ и не признаютъ никакихъ обязанностей. Тогда увидимъ мы глупцовъ и безумцевъ, одѣтыхъ въ докторскія мантіи (Harivansa, trad. par M. Langlois. Paris 1835, II. 281). По увѣренію нашихъ раскольниковъ, предпослѣдніе дни міра сего ознаменуются тѣмъ, что въ каждомъ домѣ будетъ кипящій змѣй, сирѣчь самоваръ (Гильтебрандтъ, Древн. и Нов. Россія 1877, Іюнь, 181).

**) Къ этому же разряду относится и такъ называемый Іерусалимскій свитокъ, заключающій въ себѣ разныя угрозы противъ грѣшниковъ. По преданію, въ церкви Іерусалимской упалъ съ неба камень, который раскололся при этомъ на двое: изъ него и вывалился означенный свитокъ (Кушелевъ, Памятн., III. 150).

ло льютъ, а они «нехотятъ пити и бѣсы ихъ шелепами бьютъ; а который человѣкъ блудъ творитъ съ попадьями и сестрами и съ старицами и съ просвирницами и съ кумами, и не покается,—и того человѣка бѣсы за хребетъ повѣсили» *). По этому же подлиннику, на иконѣ Страшнаго Суда изображаются—убіеніе Авеля и мохнатый бѣсъ, раскидывающій на людей красные цвѣты: на которомъ цвѣтъ прилипнетъ, тотъ «стоючи въ церкви о зломъ дѣлѣ мыслитъ». Далѣе и правда кривду стрѣляетъ, «и кривда паде со страхомъ», да два круга: въ одномъ Христосъ въ видѣ единорога, а въ другомъ—Христосъ убилъ царство «Антихристово». Всѣхъ этихъ прибавленій въ народномъ изданіи Страшнаго Суда не включено, а послѣдній эпизодъ объ антихристѣ послужилъ къ составленію отдѣльной картинки, носящей названіе: «отъ Христа паденіе антихриста» **).

Древнее сказаніе о борьбѣ жизни съ смертію было въ большомъ ходу на Западѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ, подъ новымъ названіемъ «пляски смерти». Скульпторы и живописцы помѣщали изображенія изъ этой пляски на стѣнахъ кладбищъ и въ церквахъ. Въ XVI вѣкѣ различныя пляски смерти были неоднократно гравированы на деревянныхъ доскахъ, и распространялись въ народѣ въ большомъ числѣ изданій. Самая замѣчательная изъ нихъ была выгравирована Лютцербюргеромъ съ 53 ри-

238. Страшный судъ, картинка XVIII вѣка.

*) Въ хожденіи Богородицы по мукамъ, не вошедшемъ въ народныя картинки, помѣщены описанія другихъ спеціальныхъ мученій: «въ огненномъ облакѣ, на пламенныхъ одрахъ лежали мужи и жены, которые въ святую недѣлю не ходили къ заутрени, а лѣнились и спали; тутъ же на столахъ огненныхъ горѣло множество людей, которые не почитали поповъ; на крюкахъ повѣшены были клеветники и сводники и мужъ, который людей евангелію училъ, а самъ блудно жилъ; далѣе висѣли попы, которые продавали утварь церковную, которые при совершеніи литургій роняли на землю крупицы отъ просвиръ, и мучились огнемъ попадьи, которыя не почитали своихъ поповъ; черницы, которыя продавали тѣлеса свои на блудъ». На эту же тему есть картинка «изображеніе и описаніе того, какъ св. Θеодора проходила 20 воздушныхъ мытарствъ».

**) Объ этомъ антихристѣ существуетъ у старовѣровъ большой отдѣлъ литературы; особенно полное собраніе книгъ по этой части находится въ библіотекахъ Хлудова и Барсова. Старовѣры считаютъ наше муропомазаніе наложеніемъ антихристовой печати, а Петра I-го антихристомъ. Впрочемъ, каждая вѣра видитъ всѣ совершенства въ себѣ одной, и себѣ только бережетъ мѣсто въ раю, а всѣмъ прочимъ сулитъ адское пекло. Затѣмъ каждая вѣра отыскиваетъ себѣ и своего антихриста: протестанты видятъ антихриста въ Папѣ римской церкви, католики въ Лютерѣ и Кальвинѣ, а наши безпоповцы — въ православномъ духовенствѣ и въ своемъ преслѣдователѣ Петрѣ I-мъ; Іудеи сперва сочли Магомета за Мессію, а потомъ, за преслѣдованіе христіанъ, возвели его въ антихриста; покорители Константинополя, въ свою очередь, считали христіанъ идолопоклонниками. По древнимъ сказаніямъ, антихристъ будетъ человѣкъ чистоты необыкновенной, словомъ 2-й Христосъ, такъ что его изберутъ (какъ и Папу Сикста V) царемъ; но тутъ-то онъ и покажетъ себя тѣмъ, что начнетъ все жечь и преслѣдовать и возстановитъ Римъ. Число антихристово 666 (Невоструевъ, Слово св. Ипполита).

сунковъ знаменитаго нѣмецкаго живописца Гольбейна. Смерть представлена здѣсь, въ каждомъ рисункѣ, попарно съ людьми разнаго пола и состоянія,—всѣхъ тащитъ она безжалостно на тотъ свѣтъ: молодую дѣвушку отъ жениха, ребенка отъ матери,—и полуживого старика, и полную жизни юность; обжорѣ смерть наливаетъ въ горло вино, у богача вытаскиваетъ мѣшокъ съ деньгами; дерется съ воиномъ и разбойникомъ, топитъ корабли и, весело, съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками, забираетъ въ свое царство царей, нищихъ, монаховъ и монахинь, неправедныхъ судей, глупыхъ и мудрецовъ, уродовъ и красавицъ, попа и епископа,—никому нѣтъ отъ нея пощады.

Въ нашей старинной литературѣ сказанія о «преніи живота съ смертію» встрѣчаются въ сборникахъ XVII вѣка (см. № 209); почти въ то же время появляются въ народныхъ картинкахъ нашихъ и лицевыя изображенія, составляющія, до нѣкоторой степени, подражаніе западнымъ картинкамъ пляски смерти. На одной изъ такихъ картинокъ представлена смерть, которая готовится приколоть мудреца, а на другой смерть, которая пришла звать на тотъ свѣтъ богача, съ виршами:

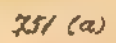
239. О преніи «живота со смертію».

«О, смерте, нѣсть отъ обороны,
Яко отъемлешь у царей короны.
Скрыта бо твоя труба и коса,
Ты же бо ходишь нага и боса».

Кромѣ этихъ двухъ картинокъ, съ мудрецомъ и богачемъ, есть много другихъ, въ которыхъ смерть приходитъ за грѣшникомъ, безъ обозначенія при этомъ кто онъ: богачъ или бѣднякъ, царь или нищій,—и, наконецъ, представлена въ видѣ угрозы, напримѣръ, на одной изъ картинокъ Синодика и на большой картинѣ, гравированной Нехорошевскимъ, гдѣ говорится о суетѣ мірской въ слѣдующихъ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ четверостишіямъ Гольбейновской пляски смерти: «гдѣ нынѣ князи играющіе съ небесными птицами, звѣрьми и зайцами; гдѣ славные цари и мучители, горделивые гетманы; гдѣ сластолюбцы, гдѣ роскошники и богатые; гдѣ красота и сила... гдѣ дозрѣлая старость и цвѣтъ прекрасной юности?.. — всѣхъ подъѣла ты, безжалостная смерть; всѣхъ посѣкла мечемъ своимъ. Смерть мудрая власть и гордость сломляетъ и славу и богатство нищетой попираетъ».

Къ этому же разряду принадлежатъ картинки, изображающія — Возрастъ человѣческій (№ 240), Зерцало грѣшнаго и, наконецъ, Анику воина и смерть; всѣ онѣ пользовались въ народѣ большимъ почетомъ и расходились въ безчисленномъ множествѣ. Въ Возрастѣ человѣческомъ представлены въ лицахъ разныя ступени человѣческой жизни, раздѣленныя на семь періодовъ жизни: новорожденный, юноша, мужъ совершенъ, средовѣченъ, сѣдина, старость и окончаніе жизни; а въ другой—на десять седмицъ,—отъ рожденія до 70 лѣтъ, съ указаніемъ: «и нынче вспомнимъ апостолы пророки и царя Давыда, что вѣкъ человѣку 70 летъ и всилу 80 летъ и будетъ ему трудъ и болезнь и накажется».

Зерцало грѣшнаго имѣло множество совершенно различныхъ переводовъ, начиная отъ картинки, вошедшей въ составъ Синодика (1746 и 1799, л. 38), и до картинки, изданной Амстердамскимъ типографомъ Иваномъ Тессингомъ, около 1700 года (№ 241). Эта послѣдняя картинка, перегнутая въ нѣсколько полосъ, заключаетъ въ себѣ рядъ изображеній изъ жизни человѣка,—отъ его младенчества и до смерти. Тутъ представлены: и ребенокъ, сидящій подъ яблонею, и грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ, и распятый Искупитель,—«Симъ молитву дѣетъ, Хамъ пшеницу сѣетъ, Афетъ власть имѣетъ, смерть всѣмъ владѣетъ». Въ самой срединѣ представлены кавалеръ въ кафтанѣ и дама въ богатомъ уборѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Дама говоритъ кавалеру: «аще



XXIV. АНИКА ВОИНЪ И СМЕРТЬ. — ПРИТЧА О БОГАТОМЪ И УБОГОМЪ ЛАЗАРѢ, XXV и XXVI.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ, СПБ

240. «Возрасть человѣческій».

хощеши, то сотворимъ нынѣ тайно со мною»; кавалеръ отвѣчаетъ на это: «ахъ, ахъ, не вѣмъ, что сотворити съ тобою» *). На другой сторонѣ представлены: смерть и грѣшникъ въ адскомъ пламени. Картинка сложена на трое: если загнуть нижнюю полоску,—то смерть очутится въ богатомъ платьѣ дамы, а грѣшникъ въ нарядѣ кавалера; подобное же превращеніе, но наоборотъ, получится и при загибаніи верхней полоски. Картинка Тессинга, судя по виршамъ, помѣщеннымъ подъ его вензелемъ: «тебѣ и мнѣ скоро да вручится, пунктъ невеликъ пріими съ желаніемъ...», назначалась для подарка; она была въ ходу долгое время: по крайней мѣрѣ, еще въ 1800 году потребовалось повтореніе ея точь въ точь, для чего и была вырѣзана новая доска.

Текстъ картинки: Аника воинъ и смерть вполнѣ сходенъ съ рукописнымъ преніемъ живота съ смер-

*) Старообрядцы увѣряютъ, что въ этихъ двухъ фигурахъ изображены Анна Ивановна и Биронъ.

тію, причемъ прибавлено имя Аники, вмѣсто котораго въ рукописяхъ упоминается просто воинъ. Объ Аникѣ воинѣ сохранилось много народныхъ преданій и пѣсенъ. Въ пѣсняхъ говорится, что Аника жилъ 220 и даже 390 лѣтъ, въ славномъ городѣ Евлесѣ (Едесѣ?), разорялъ монастыри, грабилъ церкви, много покорилъ царей и богатырей и много пролилъ русской крови (Кирѣевскій, IV. 115—130). Собрался онъ разъ въ путь разорять Іерусалимъ градъ и вотъ на встрѣчу ему выѣзжаетъ смерть, въ видѣ какого-то Полкана: голова человѣчья, туловище звѣриное, а копыта лошадиныя (Кирѣевскій, тамъ же; Рыбниковъ,

241. Складнее зерцало, изд. голландцемъ Ив. Тессингомъ при Петрѣ I.

I. 465). Аника начинаетъ ругать ее и похваляться своею силою, — точно такъ, какъ и въ преніи живота и въ народной картинкѣ; но смерть объявляетъ ему, что часъ его пришелъ,—«что жили на землѣ сильные и могучіе богатыри Молоферъ (Олофернъ) и Святогоръ и Самсонъ, и тѣ мнѣ смерти покорились, былъ—сотворилъ небо и землю богъ, и то меня смерти не миновалъ» (Кирѣевскій, IV. 136). Увидавъ, что дѣло плохо, Аника началъ передъ смертью принижаться, просить ее дать ему сроку на три года, три мѣсяца, три часа... «Въ чемъ тя застану, въ томъ и сужу»,— сказала смерть Аникѣ (въ рукописномъ сборникѣ XVII в.) и подкосила его. Тогда Господь послалъ двухъ ангеловъ, которые вынули душу Аники «сквозь реберъ, взоткнули ее нечестно на копье и низринули въ тьму кромѣшную» (Кирѣевскій, IV. 135) *).

Что же касается до народныхъ преданій объ Аникѣ, то верстахъ въ восьми отъ г. Вологды и до сихъ поръ существуютъ Аникіевскій лѣсъ и Заоникіевская пустынь; въ лѣсу даже показываютъ могилу Аники (Русс. Архивъ 1864, стр. 71). Погодинъ приводитъ народное преданіе, по которому разбойникъ Аника жилъ въ лѣсу, въ избушкѣ безъ оконъ. Разъ встрѣтилъ онъ прохожаго старика-богомольца; въ котомкѣ его не нашлось ничего, кромѣ узелочковъ съ мощами да разными святыми вещами. Аника разбросалъ все это по землѣ, несмотря на мольбы старика, который въ концѣ пригрозилъ ему Божіимъ гнѣвомъ. Аника выхватилъ было ножъ, чтобы зарѣзать его, но старикъ исчезъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и Аникина избушка. Оставшись безъ крова, Аника сѣлъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу; здѣсь встрѣтилась ему смерть, и произошелъ между ними разговоръ, который переданъ на нашей картинкѣ. Кромѣ того, въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о разбойникѣ Аникѣ, казненномъ при Петрѣ Первомъ и доставившемъ любопытный матеріалъ для Академической кунсткамеры. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ старожиловъ, этотъ Аника—одно лицо съ Вологодскимъ разбойникомъ.

*) Кромѣ легендъ и пѣсенъ, сказаніе объ Аникѣ послужило сюжетомъ для одной интермедіи, которая, по словамъ г. Котляревскаго, разыгрывалась фабричными (Русскій Архивъ 1864 г., 78). Интермедія эта начинается задорнымъ разговоромъ Аники съ нѣкіимъ рыцаремъ Морицомъ (ужъ не Саксонскимъ ли?); по окончаніи разговора дѣйствующія лица дерутся. Аника убиваетъ Морица и произноситъ самъ себѣ лубочно-хвалебную рѣчь: онъ и воинъ славный, и царей побивалъ, и смерти не боится, и если она явится «шлюха, мякинное брюхо», то «такъ ударитъ ее въ високъ, что посыпется у нее изъ ж..ы песокъ». На эту похвальбу выходитъ смерть и сразу осаживаетъ его; Аника начинаетъ упрашивать ее обождать, какъ и въ нашей картинкѣ, смерть непреклонна. Тогда Аника торжественно прощается съ востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ, съ царями, богатырями и красными дѣвицами; смерть подкашиваетъ его и онъ падаетъ.

Главная цѣль всѣхъ разсказовъ о Страшномъ Судѣ и неминуемой смерти, конечно, состояла прежде всего въ томъ, чтобы

242. Смерть грѣшника. Изъ «Сѵнодика» 1702 г.

устрашить человѣка насчетъ участи умершихъ его родственниковъ и его самого въ будущей жизни. Всѣмъ грѣшникамъ, конечно, предстоялъ страшный судъ и вѣчныя муки, отъ которыхъ можно было избавиться только посредствомъ поминовенія и мѣшечковъ (съ деньгами) св. Ѳеодоры. Съ этою цѣлію стали вводиться между православными, еще съ древ-

нихъ временъ, поминальники или синодики о пособіи мертвымъ, въ которые вписывались имена умершихъ родственниковъ и знакомыхъ для поминовенія ихъ *).

Въ прежнее время богатыхъ погребали при церквахъ, бѣдныхъ же свозили въ убогіе домы, гдѣ они лѣтомъ тотчасъ же погребались въ общія могилы, а зимой оставались непогребенными до весны. Съ наступленіемъ теплаго времени, ихъ погребали въ родительскія субботы и въ эти же субботы производились и общія поминки, въ огромныхъ размѣрахъ **).

Впослѣдствіи составители синодиковъ начали включать въ нихъ, вслѣдъ за поминаньемъ,—разныя сказанія о загробной жизни и о силѣ поминовенія, а въ 1702 году Сvнодикъ былъ въ первый разъ отпечатанъ гравированными досками, со множествомъ картинокъ и легендъ, извлеченныхъ изъ Великаго Зерцала и другихъ источниковъ. Въ предисловіи или увѣщаніи составитель синодика прежде всего упоминаетъ о душеспасительныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ издревле при погребеніи: омываніе тѣла умершаго, облеченіе въ новыя одежды, проvожденіе съ пѣніемъ, свѣчами и кадиломъ, поливаніе елеемъ, послѣднее цѣлованіе его, погребеніе на святыхъ мѣстахъ, въ церкви или при церкви, съ положеніемъ лицемъ на востокъ солнца; о поставленіи надъ умершимъ столбовъ и досокъ, о парастасѣ или ходатайствѣ, о коливѣ или кутіи, устраиваемой изъ пшеницы съ медомъ, съ украшеніями изъ сладкихъ овощей. Затѣмъ слѣдуютъ сказанія въ лицахъ объ исходѣ души изъ тѣла (№ 242): душа умершаго человѣка принимается ангелами; въ первые девять дней она свободно посѣщаетъ прежнее свое тѣло и родительскій домъ *); только въ концѣ этого срока относится она въ райскія мѣста или въ адскія муки, для католическаго предвкушенія будущихъ вѣчныхъ страданій **) — «да тѣло видитъ томительство адскихъ слугъ» ***); только поминовеніемъ въ церкви можно избавить грѣшную душу отъ этихъ вѣчныхъ мукъ (№ 243),— «жертвуйте православные на церкви и на ея

243. «Помни смерть». Изъ «Сvнодика» 1702 г.

служителей и будете спасены, и вы и всѣ ваши сродники, даже некрещенные младенцы, если не въ этой, такъ въ будущей жизни; служите по нихъ въ третій день послѣ смерти третины, въ девятый — девятины, въ двадцатый — полусоро-

*) Въ XII вѣкѣ укоренился обычай даже самого себя заживо поминать заупокой (Памятники русской словесности, 194).

**) Обычай совершать поминки остался до послѣдняго времени, несмотря на упраздненіе убогихъ домовъ. Хотя убогіе домы и было приказано уничтожить еще въ 1753 году, однако приказаніе это оставалось неисполненнымъ до 1771 года, когда начали отводить для погребенія умершихъ особыя кладбища (Труды Общест. Ист. и Древ. 1816. III. 245). Кромѣ родительскихъ субботъ установились издавна и другіе дни для поминовенія умершихъ и побитыхъ въ брани, а въ 1548 г. 21 іюня, на память мученика Іуліана Торсянина, царь Иванъ Васильевичъ установилъ служить общую память по всѣмъ православнымъ христіанамъ, какъ на войнѣ убіеннымъ, такъ и своею смертію умершимъ. Объ этомъ записано въ Синодикѣ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря и въ Синодикѣ Публич. Библіотеки (Каталогъ рукописей гр. Толстаго, I. № 286.— Акты Археограф. Экспед., I. 208).

*) Въ Шотландіи существуетъ тоже повѣрье, что душа до погребенія тѣла витаетъ около него и что если въ комнату, гдѣ лежитъ убитый, вдругъ отворить дверь и спросить его, кто его убилъ, то покойникъ отвѣтитъ (W. Scott, Chants d'Eccsse, Paris 1826, III. 230).

**) См. тамъ же Sheible, Das Kloster, XII. 245.

***) Сюда относится отдѣльная картинка: Отецъ съ сыномъ, лихо жившіе въ мірѣ, взаимно проклинаютъ другъ друга, сидя въ чистилищѣ въ мукахъ, и старинная притча о богатомъ и убогомъ Лазарѣ.

чины, въ сороковой — сорочины, а, кромѣ того, ежегодно — въ день имянинъ и въ день смерти покойника панихиды. Всѣ эти разряды панихидъ были въ древности такъ же необходимы, какъ и причитанья и плачи по усопшемъ на его могилѣ. (Строевъ, Выходы царей. Алфав., 67; Калики, Безсонова, IV. 60 и Плачи и причитанья, Барсова). Въ Сѵнодикѣ по этому предмету помѣщено множество виршей:

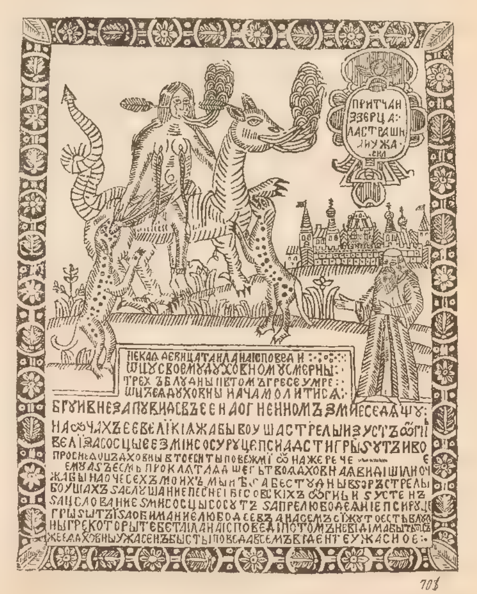
«егда въ церкви поминаемой души быти,
оныхъ вѣчныхъ мукъ можетъ тѣло избыти.
Великій архіерей Іоаннъ Златоустъ
велѣлъ по усопшимъ творить сорокоустъ».

Въ удостовѣреніе этого разсказана и помѣщена повѣсть объ игуменіи Ѳеодосіи, которая, умирая, заказала сестрамъ править по себѣ сорочины; сестры же правили одни девятины, а послѣ девятинъ трапезы нищимъ не устраивали; тогда Ѳеодосія явилась къ нимъ съ выговоромъ, и объявила, что «нищихъ насыщеніе и поминовеніе усопшимъ до 40 дней — грѣшному даетъ прощеніе грѣховъ отъ Бога, праведные же отъ того обогатятся»; при этомъ она воткнула жезлъ свой въ землю «и жезлъ ея процвѣте» (ср. № 244). Рядомъ съ этою повѣстію разсказывается по тому же поводу: 1) какъ нѣкій человѣкъ заупокойными молитвами избавилъ отъ ада матерь свою, умершую въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія *) (№ 245); 2) какъ сухій лобъ (костяня голова) отвѣтилъ преподобному Макарію, что «большая бываетъ польза усопшимъ, когда ихъ поминаютъ»; 3) какъ разорилась и пошла по міру жена и дѣти нѣкоего роскошника за тò, что не исполнили его заповѣди, не поминали его и не роздали

*) У насъ есть три народныя картинки на этотъ предметъ: 1) О грѣшной матери, которая явилась своему сыну иноку, вся нагая, верхомъ на змiѣ; спереди два демона бьютъ её каменьями по зубамъ, а сзади два демона же терзаютъ её трезубцами; въ ушахъ ея двѣ мыши, сосущія мозгъ; въ глазахъ двѣ ящерицы, и за сосцы сосетъ её ужъ великій; всѣ эти звѣри, по объясненію самой матери, означали мученія за различные, содѣянные ею, грѣхи; 2) подобное же изображеніе и текстъ «притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія» и 3) «О женѣ прелюбодѣйцѣ», которая представлена въ огненной колесницѣ.

его имѣнія нищимъ; 4) какъ родители по нѣкоемъ юношѣ, попавшемъ въ плѣнъ въ Персію, полагая его умершимъ, творили

244. Явленіе препод. игуменіи Аѳанасіи монахинямъ. Изъ «Сѵнодика» 1702 г.



245. Притча зерцала страшна и ужасна.

поминовеніе, и какъ въ дни такихъ поминовеній къ юношѣ тому приходилъ ангелъ и освобождалъ его изъ темницы.

Къ тому же разряду картинокъ принадлежитъ и небольшая книжка «Духовный эмблематъ», состоящая изъ сорока картинокъ, плохо выгравированныхъ Иваномъ Любецкимъ въ 1743 году, съ западнаго, католическаго, образца. Этотъ Эмблематъ содержитъ въ себѣ различныя наставленія, какъ должно жить въ свѣтѣ, чтобы спастись въ будущей жизни, причемъ самыя наставленія уснащены аллегоріями и эмблемами и испещрены сносками на книги царя Соломона, Сираха, разныхъ пророковъ, книгу Іова, Евангеліе и писанія Апостольскія: «Молись Богу, распинай свою плоть, терпи, борись со страстями, помни смерть и страшный судъ; не ходи на пиры и презирай мірскія удовольствія; надѣйся на Бога: Христосъ милосердъ и призываетъ къ себѣ грѣшниковъ»,—учитъ Эмблематъ *).

Повѣствованія о страстяхъ Господа и о всемъ, что̀ относится до Его распятія и смерти, собраны съ большою тщательностью и отличаются особенною подробностію. Многія изъ нихъ заимствованы прямо изъ готовыхъ католическихъ источниковъ, какъ, напримѣръ: Судъ Іудеевъ надъ Іисусомъ Христомъ, который, какъ сказано въ его текстѣ, найденъ въ городѣ Вѣнѣ, вырѣзаннымъ на камнѣ, и «крестное знаменіе узломъ положися» (№ 246), и гдѣ, съ мельчайшею подробностію, исчислены всѣ, понесенныя Спасителемъ, страданія: воздыханій испустилъ Онъ 109; слезныхъ капель излилъ 67.200; кровныхъ капель источилъ 100.000; 8225 разъ органъ за власы и браду, при чемъ 78 разъ падалъ на землю; удареній по ланитамъ потерпѣлъ 102, въ томъ числѣ такъ крѣпко ударилъ Его Малхъ, которому Петръ отсѣкъ ухо, что слышенъ былъ ударъ тотъ по всему архіерейскому дому,—Господь палъ на землю и изобразились на лицѣ Его персты руки Малховой; о столпъ каменный ударился Спаситель смертоносно одинъ разъ, о землю смертоносно же три раза; при столпѣ біенъ розгами терновыми, остистыми, бичами узлатыми и ужами желѣзными 6666 разъ; синихъ удареній понесъ 1199; въ главу ранъ отъ терній получилъ 1000, ибо вѣнецъ терновый налагаемъ и низлагаемъ съ Него былъ 8 разъ; три терновыя ости проникли въ самый мозгъ Спасителя; при шествіи на Голгоѳу Онъ падалъ пять разъ; распятый на крестѣ перетерпѣлъ 73 терзанія. Всѣхъ же ранъ большихъ, — заканчиваетъ сказаніе,—удареній и знаменій на тѣлѣ Господнемъ было столько, сколько дней въ 15-ти годахъ (5480). Текстъ этого листа заимствованъ изъ католическаго Райскаго ключа, но съ измѣненіемъ въ цифрахъ и подробностяхъ.

246. «Крестное знаменіе узломъ положися».

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть замѣчательныя трехлистовыя Страсти съ множествомъ монограммъ, столь любимыхъ нашими старообрядцами. Рисунки въ нихъ заимствованы съ западныхъ образцовъ, съ которыхъ скопированы и всѣ остальныя картинки, изображающія страданія Спасителя и Его смерть (ср. № 247), а также и цѣлыя послѣдованія на этотъ предметъ, гравированныя А. Бунинымъ А. Гошемскимъ, М. Нехорошевскимъ и другими, неизвѣстными граверами.

Въ апокрифическихъ книгахъ нашихъ есть похожія сказанія о происхожденіи райскаго древа, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя, а также и двухъ другихъ деревьевъ, послужившихъ крестами для казни двухъ разбойниковъ. По этому сказанію, когда Богъ насаждалъ рай, Сатанаилъ укралъ у него дерево и посадилъ среди рая. Когда Сатанаилъ пошелъ посмотрѣть на свое древо, то древо выгнало его изъ рая,—онъ почернѣлъ и сталъ дьяволомъ. И выросло его дерево на три части: середняя-Божья, а по бокамъ—части Адамова и Евина,

*) Аллегорическія изображенія сильно напоминаютъ «Монашескую чистоту» и другія картинки католическаго пошиба, переселившіяся въ народную литературу нашу чрезъ Кіевъ. Въ послѣдней части Эмблемата (карт. 42) помѣщены выборки изъ Сираха о томъ, что «жена домовита, смиренна и молчалива, есть вѣнецъ и богатство своего мужа, а жена цѣломудренна безцѣнное есть сокровище» (Сирахъ, гл. 26, ст. 2).

Когда заболѣлъ Адамъ, то Симъ ходилъ въ рай за лекарствами и получилъ отъ ангела середній сукъ того дерева; Адамъ свилъ изъ него вѣнокъ и въ этомъ вѣнкѣ былъ погребенъ. Изъ этого сучка выросло то древо, на которомъ впослѣдствіи былъ распятъ Спаситель. Евино древо, во время потопа, уплыло въ пустыню, гдѣ Моисей срубилъ его и вѣтви посадилъ на берегу рѣки съ горькою водою, отъ чего тѣ воды усладились; изъ этихъ вѣтвей произрасло то древо, изъ котораго былъ срубленъ крестъ для невѣрнаго разбойника. Адамова же часть была вынесена потопомъ на песокъ; здѣсь Сиѳъ,

247. Заголовокъ изъ московской Библіи, раб. старца Зосимы.

желая почтить память Адама жертвоприношеніемъ, по совѣту ангела, зажегъ это дерево и поручилъ стеречь огонь лѣснымъ звѣрямъ. Когда Лотъ, послѣ грѣха своего съ дочерьми, пришелъ просить совѣта Авраама, то Авраамъ велѣлъ ему принести три головни изъ того огня, посадить ихъ и поливать,—«если онѣ проростутъ, сказалъ онъ, то Господь простилъ твой грѣхъ». Такъ и сдѣлалъ Лотъ; головни проросли и изъ выросшаго изъ нихъ дерева впослѣдствіи былъ сдѣланъ крестъ, на которомъ распятъ благоразумный разбойникъ.

Всѣ эти легенды существуютъ и въ западной литературѣ; живописецъ XIV вѣка Аньоло Гадди написалъ въ своихъ фрескахъ, въ церкви св. Креста во Флоренціи, всю эту апокрифическую исторію креста въ лицахъ. Другія католическія легенды о св. чашѣ, изъ которой Спаситель пріобщалъ апостоловъ во время Тайной вечери и въ которую, во время распятія, Іосифъ собралъ кровь Спасителя *), и о другихъ предметахъ, освященныхъ Его страданіями,—въ нашу апокрифическую народную литературу не вошли.

Къ числу легендъ, относящихся до страстей Господнихъ, принадлежатъ и легенды о происхожденіи иконы нерукотвореннаго Спаса. Въ одномъ изъ нашихъ подлинниковъ XVIII вѣка (Клинцовскомъ, гр. Строганова) упоминается о четырехъ нерукотворенныхъ образахъ. Первый изъ нихъ былъ подаренъ семилѣтнимъ Христомъ Египетскому царю Евфрадизію, пришедшему поклониться ему,—этотъ образъ названъ: «Еммануилъ, еже есть сказаемо съ нами Богъ». Второй образъ посланъ Христомъ Едесскому князю Авгарю, который послалъ живописца своего Ананію звать Христа исцѣлить его; если же Христосъ откажется идти за нимъ, то списать съ него портретъ. Ананія засталъ Христа на проповѣди, и началъ списывать съ Него портретъ; но дѣло не ладилось, такъ какъ Христосъ «пременяше себя подобіемъ». Видя вѣру и заботу Ананія, Христосъ взялъ у него полотно, попросилъ

*) Въ романѣ Мерлина сказано, что эта чаша была принесена Іосифомъ въ Англію (такъ называемая Saint Graal) и, по приказанію короля Артура, вдѣлана имъ, Мерлиномъ, въ круглый столъ; затѣмъ она была потеряна и рыцари круглаго стола Артурова долгое время разыскивали её; нашелъ её рыцарь Персиваль, по смерти котораго чаша Христова, а также и копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и серебряное блюдо (съ Тайной вечери) взяты на небо (Le roman du Saint-Graal, publié pour la première fois... par Er. Michel. Bordeaux 1847). Впрочемъ, Генуезцы показывали такую же чашу Людовику XII-му, разсказывая, что получили её прямо изъ Іерусалима (Grässe. 138 ff.). Въ нашихъ иконахъ распятія (Строгановскихъ писемъ) въ чашу эту ангелъ собираетъ кровь, выходящую изъ реберъ Спасителя.

у апостола Петра воды, умылся, отерся полотномъ, и отпечатлѣлъ на немъ Свой ликъ. Этому образу дана надпись: «Божіе видѣніе, божественное чудо», — имъ исцѣленъ Авгарь отъ болѣзни. Въ третій разъ Христосъ «отре потъ», когда несъ Свой крестъ; нерукотворенный ликъ, который произошелъ при этомъ,—Онъ далъ апостолу Ѳомѣ. Наконецъ, уже послѣ вознесенія, Христосъ приходилъ въ домъ мученицы Акиліаны (въ Камиліаксѣхъ); здѣсь онъ умылся и отеръ лице свое убрусомъ, отъ чего произошелъ четвертый нерукотворенный образъ. Легенды эти повторяются и въ другихъ отреченныхъ рукописяхъ (Тихонравовъ, Памятники отречен. литературы, II) *).

Въ нашихъ картинкахъ изображенъ нерукотворенный Спасъ Едесскій, при чемъ въ текстѣ—на одной изъ нихъ помѣщенъ разсказъ писателя Кедрина о судьбѣ самаго образа, какъ онъ былъ заложенъ въ стѣну Едесскимъ епископомъ, укрывшимъ его отъ иконоборцевъ, и какъ вмѣстѣ съ нимъ была заложена горящая свѣча; когда Персидскій царь Хоздрей взялъ Едессъ, стѣна была разломана, образъ найденъ въ цѣлости, а предъ нимъ и горящая свѣча **).

На другой картинкѣ сказано, что представленный на ней нерукотворенный Спасъ есть точная копія съ образа, находящагося въ Римѣ, писанная извѣстнымъ Московскимъ изографомъ Владиміровымъ; самое изданіе картинки сдѣлано въ Вѣнѣ въ 7171—1663 году ***).

Изображенія разныхъ явленій Богородицы и легенды объ ея заступничествѣ за человѣческій родъ составляютъ въ народныхъ картинкахъ особый отдѣлъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 листовъ. Самое большое число этихъ «явленій» образовалось у насъ въ XVII вѣкѣ, когда занесено объ этомъ предметѣ много легендъ—чисто западнаго происхожденія, не только въ наши рукописныя сочиненія, но и въ печатныя книги, составленныя духовными лицами, какъ, напримѣръ, ректоромъ Кіевопечерской Академіи Галятовскимъ, въ его книгу: Прибавленіе къ ключу разумѣнія (Кіевъ 1670 г.), съ собраніемъ чудесъ Богородицы, и въ книгу: Небо новое (1665 г.), гдѣ собраны самыя любопытныя легенды о Богородицѣ, западныя и русскія. Примѣру Галятовскаго послѣдовали: Дмитрій Ростовскій въ своемъ Рунѣ орошенномъ (1683 г.) и Іоаннъ Максимовичъ въ книгѣ Богородице Дѣво (1707 г.).

«Самыя поэтическія легенды средневѣкового Запада», замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ (Католич. направл., стр. 273), «посвящены Мадонѣ. Разсказы о чудесахъ Богородицы начинаются съ V вѣка,—съ тѣхъ поръ, какъ вѣрующіе стали признавать ее царицею небесною и заступницею за христіанъ передъ Спасителемъ». Общій смыслъ легендъ, составлявшихся по этому предмету въ средніе вѣка, заключается въ томъ, что каждый человѣкъ, исправно читающій молитву Богородицѣ по утрамъ или передъ начинаніемъ дѣла, какой бы онъ ни былъ злодѣй или убійца, непремѣнно получалъ мѣсто въ царствѣ небесномъ вслѣдствіе ея предстательства (Gödecke, Das Mittelalter Christus und Maria, 132). Въ книгѣ Генте (Genthe, Die Jungfrau Maria, Halle 1859, f. VI) перечислено множество такихъ легендъ о чудесахъ Богородицы. Убѣжденіе это перешло и въ наши народныя картинки XVII-го вѣка: на первой изъ нихъ, помѣченной 1687 годомъ, помѣщена молитва Богородицѣ, съ такимъ присловіемъ: «Сія похвала пресвятѣй Богородицѣ въ книгѣ новаго неба чуда седьмаго. Явися пресвятая Богородица Ѳомѣ, архіепископу Контуарійскому, и научи его сію похвалу предъ образомъ своимъ повся дни глаголати и рече ему: Аще кто сію похвалу предъ образомъ моимъ повся дни глаго-

*) Въ западныхъ источникахъ, кромѣ того, существуетъ легенда о нерукотворенномъ образѣ, который данъ Христомъ св. Вероникѣ (отъ Vera icon), подавшей Ему, во время несенія креста, убрусъ, которымъ Онъ отерся.

**) По однимъ преданіямъ, образъ этотъ былъ подаренъ Венеціанскому дожу Даодоло, но потонулъ въ морѣ во время перевозки; по другому преданію, онъ подаренъ Іоанномъ Палеологомъ дожу Монтальто въ XIV вѣкѣ, хранится въ Генуѣ за 11-ю замками и выставляется на поклоненіе богомольцамъ одинъ разъ въ году. При освидѣтельствованіи комисарами, посланными Наполеономъ I въ 1810 году (для оцѣнки и вывоза сокровищъ), Генуэзскій образъ оказался однако же «не древней живописи и малоцѣнный».

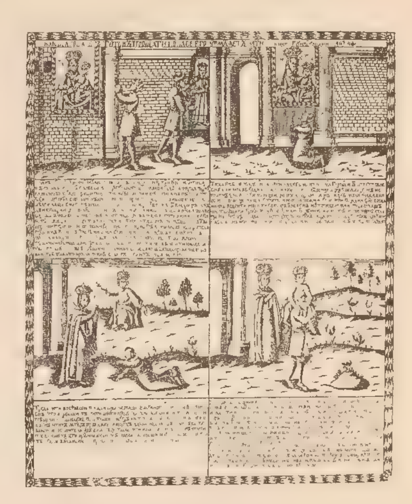
***) Въ Римѣ до настоящаго времени въ соборѣ св. Петра хранится нерукотворенный Спасъ, который выдается за Едесскій подлинникъ.

летъ,—во время смерти его сама предстану и утѣшу его и отъ муки избавлю». Похвала эта повторена и на многихъ другихъ картинкахъ *).

На другой картинкѣ помѣщена исторія о явленіи Богородицы нѣкоему священнику. Священникъ этотъ безпрестанно молилъ Богородицу, чтобъ она явилась ему во всей славѣ своей; ангелъ объявилъ ему, что, увидавъ однажды Пречистую, онъ долженъ потерять зрѣніе; но онъ рѣшился и на это, лишь бы исполнилось его желаніе. Когда началось явленіе, священникъ зажмурилъ одинъ глазъ, полагая, что однимъ-де все увижу, а другой отъ гибели сохраню; но, немного погодя, захотѣлось ему разглядѣть получше, открылъ онъ зажмуренный глазъ, «и абіе свѣтъ ока того погибе», а то око, которымъ онъ глядѣлъ наперво,—осталось цѣло, явленіе же исчезло.

На третьей картинкѣ разсказано, какъ Богородица явилась къ нѣкоему клирику, имѣвшему обычай поздравлять её на всякъ часъ, и избавила его отъ смертной болѣзни: «стиснувъ сосцу свою, воздои и окропи устне болящаго». На четвертой (№ 248) разсказано, какъ нѣкій разбойникъ, имѣвшій обычай, передъ уходомъ на разбой, молиться образу Богородицы, увидѣлъ разъ, что икона движется и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь. Тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить её, чтобы заступилась за него передъ своимъ Сыномъ. Тогда Богородица начала просить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя Его страданія на крестѣ, и т. д.; на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ и хотѣла припасть къ ногамъ Его съ молитвой; но сего не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда, конечно, исправился и «поживе богоугодно» *).

*) Въ старинныхъ отреченныхъ рукописяхъ часто встрѣчается такъ называемый «сонъ Богородицы», которому приписывается чудесное свойство избавлять отъ бури, грома, пожара, напрасныя смерти, неправеднаго судьи, тяжкихъ родовъ, дьявольскаго навожденія и отъ всего прочаго („Р. Н. К.“, изд. 1881 г., IV. 710).



248. Богородица упрашиваетъ Спасителя помиловать беззаконника, который имѣлъ обычай каждодневно ей молиться.
Легенда изъ «Руна орошеннаго».

Въ Синодикѣ разсказана подобная же исторія, заимствованная изъ Новаго неба, о разбойникѣ Домицеллѣ, который всегда «поздравлялъ» Богородицу, наконецъ, его схватили на разбоѣ и отсѣкли ему голову. «Глава-же не престала глаголати, дондеже ко іерею грѣхи свои исповѣда». «Сіе бысть», прибавлено на картинкѣ, «помощію и предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, яко отсѣченная глава ясно проглаголати можаше» (№ 249).

Въ Великое Зерцало наше занесена еще болѣе католическая повѣсть о монахинѣ Астрикіи (Apostratrix), которая, разжегшись тѣлесною похотію, бѣжала изъ монастыря съ нѣкіимъ клирикомъ и, поживъ блудно немало лѣтъ, пожелала возвратиться назадъ въ монастырь свой, но не дерзала сего сдѣлать. И вотъ у вратъ монастыря ее встрѣтила сама Богородица и объявила ей, чтобъ она шла по-прежнему въ свою келію, ибо никто о побѣгѣ ея въ монастырѣ не знаетъ. Оказалось, что, во все время похожденій Астрикіи, Богородица, принявъ ея тѣлес-

*) Съ такой же настойчивостью выпрашиваетъ Богородица помилованіе грѣшникамъ и на страшномъ судѣ

ный обликъ, отправляла за нее всѣ послушанія, и все это за то, что Астрикія имѣла обыкновеніе каждый день мо-

249. Казнь разбойника Домицелла, который всегда поздравлялъ Богородицу.

литься передъ ея иконою. Въ другомъ мѣстѣ Богородица, въ видѣ повивальной бабки, принимаетъ ребенка у беременной игуменьи (de l'Abbesse, qui devint enceinte,—Dunlop, 306).

Въ народныя наши картинки перешла одна подобная легенда о Богородицѣ изъ Золотой легенды Іакова де Ворагине. Одинъ благородный человѣкъ сильно обѣднѣлъ и вошелъ въ великую печаль; въ одинъ день явился ему дьяволъ, въ видѣ воина на черномъ конѣ; разспросивъ о его горѣ, дьяволъ указалъ ему въ одномъ мѣстѣ несмѣтныя сокровища, подъ клятвою, чтобы онъ привелъ ему на это мѣсто въ назначенный срокъ свою жену. Разбогатѣлъ благородный человѣкъ и зажилъ лучше всѣхъ вельможъ; когда же насталъ срокъ исполненія клятвы, то ночью повелъ онъ жену свою на условленное мѣсто. Жена же его была очень благочестивая, и каждый день имѣла обычай молиться Пресвятой Богородицѣ; повинуясь со страхомъ мужу своему, она и въ этотъ разъ просила его позволить ей зайти въ церковь, которая была имъ по пути. Пришла въ церковь благочестивая жена и распростерлась предъ дверьми церковными въ молитвѣ къ Богородицѣ; и наслала на нее Богородица сонъ, сама же, принявъ ея образъ, пришла къ дожидавшему ея мужу и съ нимъ отправилась къ дьяволу. Только что увидѣлъ ихъ князь тьмы, какъ завопилъ: «о клятвопреступниче, ты обѣщалъ мнѣ привести жену свою, да я отмщу ей многія пакости, которыя она творила мнѣ своими молитвами, а вмѣсто нея ты привелъ мнѣ Матерь Божію, которая попаляетъ меня огнемъ своимъ»; и вринутъ былъ дьяволъ силою Богородицы въ адову пропасть, благородный же человѣкъ, пролежавъ нѣкоторое время въ страхѣ на мѣстѣ томъ, пошелъ обратно домой и на пути нашелъ подлѣ церкви жену свою, лежащую въ крѣпкомъ снѣ, разбудилъ ее и разсказалъ все, что случилось. Въ большомъ страхѣ возвратились они домой, роздали бѣсовскія богатства нищимъ и стали вести богоугодную жизнь, прославляя заступничество Пресвятой Богородицы *).

Въ средніе вѣка образовались легенды о написаніи нѣкоторыхъ иконъ Богородицы св. Никодимомъ и ангелами **) и, наконецъ, евангелистомъ Лукою; уже съ давняго времени святые отцы приписывали кисти сего послѣдняго семь иконъ Богородицы, которыя Емерикъ Давидъ относитъ къ живописцу Лукѣ, жившему въ 11 или 12-мъ вѣкѣ въ Италіи ***).

По справкамъ, собраннымъ изъ разныхъ источниковъ, въ настоящее время числится уже болѣе 20 Богородичныхъ иконъ письма евангелиста Луки, и изъ

*) Ѳ. И. Буслаевъ упоминаетъ еще объ одномъ сочиненіи XVI вѣка, самаго крайняго католическаго направленія, извѣстномъ подъ именемъ «Звѣзды пресвѣтлой». Эта звѣзда была переведена на русскій языкъ въ 1688 году какимъ-то простолюдиномъ Никитою, сохранилась въ большомъ количествѣ списковъ и была въ большомъ ходу на Руси; она вся состоитъ изъ легендъ и извѣстій о чудесахъ Богородицы. Въ другихъ рукописяхъ записаны чудеса иконъ тоже чисто католическаго пошиба: поименована, напримѣръ, икона Богородицы, которую Лютеръ укололъ мечемъ и потекла изъ нея кровь; иконы:—Вѣнская, Виленская, Лоретская и мн. др.

**) Во Флоренціи, въ церкви Космы и Даміана, и въ Римѣ; у насъ ангелы писали иконы св. Алипію (См. въ Патерикѣ Печерск. его житіе).

***) Во всякомъ случаѣ онѣ не могли быть написаны ранѣе этого времени, такъ какъ до того времени Богородицу писали одну, безъ Спасителя.

числа ихъ 6—находятся въ Русской землѣ и получены нами изъ Византіи, которая вообще такъ щедро награждала насъ разною духовною святынею и благословеніями, взамѣнъ звонкаго серебра и чистаго золота, собираемаго пройдошливыми греческими монахами съ легковѣрной Руси, «милостыни ради» (ср. № 250).

250. Икона письма Евангелиста Луки. Гравировалъ Г. Тепчегорскій.

Самая замѣчательная изъ русскихъ иконъ этого разряда это икона Богородицы Владимірской, которую князь Андрей Боголюбскій унесъ изъ Вышгорода во Владиміръ и которая перенесена въ 1395 г. въ Московскій Успенскій соборъ (№ 251). За нею слѣдуютъ: Тихвинская, которая сама пришла по воздуху изъ Рима въ Царьградъ, а оттуда къ намъ на рѣку Тихвинку; Корсунская (Ефесская), поставленная въ Торопецкомъ соборѣ; Ченстоховская, принесенная изъ Ченстоховской крѣпости въ 1813 г., и Филермская,—эта послѣдняя поднесена императору Павлу Мальтійскими рыцарями, послѣ того какъ островъ Мальта былъ взятъ французами и рыцари, не зная какъ имъ быть, обратились за русской помощью.

Кромѣ этихъ иконъ, получено нами несчетное число ихъ со знаменитаго Аѳона; особенною извѣстностію изъ нихъ

пользуются иконы Богородицы Иверской и Троеручицы, находящіяся въ числѣ народныхъ картинокъ во множествѣ переводовъ. Списокъ съ иконы Иверской Богоматери принесенъ къ намъ въ 1648 году Аѳонскими монахами, приходившими въ Россію милостыни ради; въ 1669 году она

251. Икона Владимірской Богородицы, написанія Ев. Луки. Гравировалъ Нехорошевскій.

поставлена въ особой часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ. Необыкновенную извѣстность ея, не объяснимую ни историческими воспоминаніями, ни древностью, ни особенными чудесами,—слѣдуетъ приписать торности мѣста, на которомъ она находится: съ одной стороны—близъ торговыхъ рядовъ и отличающагося издревле исключительною своею религіозностію купечества, а съ другой — подлѣ присутственныхъ мѣстъ, собиравшихъ повседневно въ нѣдра свои—толпы алчущихъ и жаждущихъ судейской правды. Икону эту и нынѣ постоянно возятъ по богомольцамъ, въ дома; монахамъ, приставленнымъ къ часовнѣ, и Московскому митрополиту она доставляетъ громадную прибыль. Списокъ съ иконы Троеручицы принесенъ Никону изъ Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря. О происхожденіи третьей руки на этой иконѣ есть такая легенда, что Іоанну

Дамаскину была отсѣчена рука по приказу князя Амира; послѣ долгой молитвы Богородицѣ святой уснулъ: во снѣ явилась ему Пресвятая и исцѣлила его; въ память же этого событія Дамаскинъ, по древнему обычаю, привѣсилъ къ образу Богородицы серебряную ручку. Въ текстѣ картинки разсказывается этотъ случай иначе: третья рука будто бы сама написалась на иконѣ; гласъ съ неба запретилъ изографу уничтожать ее, и, какъ замѣчаетъ въ концѣ текста Аѳонскій архимандритъ Никаноръ, «икона сія по дѣйству чудотворенія имѣетъ три руки, а не по естеству рожденія».

Въ XVII вѣкѣ, кромѣ особаго чествованія иконъ Богородицы, установленъ папами особый обрядъ коронованія ихъ или украшенія иконъ коронами; у насъ была коронована такимъ образомъ въ 1773 году икона Богоматери Почаевской.

По замѣчанію Буслаева, «вліяніе католической поэзіи на русскихъ людей XVII вѣка составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ историческомъ развитіи не только литературы нашей, но и самыхъ идей и убѣжденій нравственныхъ и религіозныхъ. Русскія повѣствованія религіознаго содержанія, предшествовавшія той эпохѣ, не смотря на нѣкоторыя любопытныя черты для исторіи нравовъ, отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ и бѣдностью характеровъ, событій и всякихъ жизненныхъ подробностей». Всего замѣтнѣе такая бѣдность и однообразіе въ житіяхъ русскихъ святыхъ. «Повѣствованіе обыкновенно начинается напыщенною похвалою герою разсказа, въ которой обиліе риторическихъ фразъ обличаетъ пустоту воображенія и тупость фальшиваго чувства. Затѣмъ, въ общихъ мѣстахъ, восхваляется добродѣтельное житіе родителей героя, очень часто приводится обычный мотивъ о ихъ брачномъ безплодіи, которое, по особенному, сверхъестественному случаю, разрѣшается рожденіемъ героя,—въ чемъ обыкновенно полагаетъ наивный описатель главную ихъ заслугу въ глазахъ благочестиваго читателя. Дѣтство и отрочество героя описывается особенно безцвѣтно, безъ сомнѣнія—по недостатку въ идеяхъ о воспитаніи. Онъ учится грамотѣ, иногда прилежно и съ успѣхомъ, иногда лѣнится или не понимаетъ; но, вслѣдствіе какого-нибудь чудеснаго явленія, вдругъ пріобрѣтаетъ всю книжную мудрость. Въ юныхъ лѣтахъ предается аскетизму; иногда успѣваетъ предупредить женитьбу, иногда уже отъ жены бѣжитъ въ монастырь, постригается въ немъ...; затѣмъ основываетъ свой монастырь, слава о подвижничествѣ его разносится въ окрестностяхъ и монастырь богатѣетъ. Заслышавъ о богатствѣ монастырскихъ старцевъ, неоднократно ихъ грабятъ то разбойники, то мѣстные начальники и воеводы. Герой повѣствованія, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, обыкновенно не отличается никакими особенными индивидуальными качествами. Вотъ общая программа большей части назидательныхъ повѣствованій, предшествующихъ на Руси вліянію католической поэзіи. Герои этихъ повѣствованій не могли быть разнообразны уже и потому, что у всѣхъ у нихъ было одно стремленіе аскетическими подвигами отрѣшиться отъ соблазновъ дѣйствительности, стать выше ея, такъ сказать—отвлечь свою личность отъ всего окружающаго. Историкъ русскаго народа, въ дѣятельности многихъ изъ этихъ аскетовъ, можетъ усмотрѣть практическіе замыслы: борьбу съ невѣжествомъ поселянъ и съ своекорыстіемъ князей, даже иногда желаніе господствовать и пріобрѣтать; но описатель житія, часто писавшій по заказу, и обыкновенно пристрастный къ своему герою, а всего чаще недогадливый, только по наивности кое-гдѣ обмолвится не въ его пользу; вообще же остается вѣренъ своей программѣ общихъ мѣстъ, и вмѣсто живой личности, руководимой обстоятельствами жизни, рисуетъ туманный очеркъ благочестиваго подвижника,—вѣчное повтореніе одного и того же отвлеченнаго идеала, сквозь сіяющій ореолъ котораго простому глазу не видно индивидуальнаго облика человѣческаго».

«Впрочемъ духовныя повѣствованія, предназначавшіяся для людей грамотныхъ, мало были извѣстны въ массахъ народа, которыя относились къ святынѣ только практически, то-есть прибѣгали къ ней

за пособіемъ въ своихъ нуждахъ и несчастіяхъ, преимущественно въ болѣзняхъ. Чудеса, которыя цѣлыми сотнями присовокупляются въ концѣ русскихъ житій,—такъ же однообразны, какъ была однообразна древняя русская жизнь, и такъ же безцвѣтны, какъ отвлеченны были самыя повѣствованія. Практическое отношеніе къ святынѣ сильно поддерживалось и на Западѣ католичествомъ; но тамъ оно уравновѣшивалось теоретическими интересами, которые съ ранней эпохи среднихъ вѣковъ воспитывались въ народѣ множествомъ поэтическихъ передѣлокъ житій и другихъ церковныхъ сюжетовъ, въ формѣ поэмы или мистеріи, въ которыхъ свѣтская поэзія расширила замкнутый кругъ клерикальныхъ идей. Напротивъ того, на Руси свѣтскій элементъ не могъ пересилить церковнаго, и народныя массы, пробавляясь самымъ ограниченнымъ выборомъ легендарныхъ темъ въ своихъ, такъ называемыхъ, Духовныхъ стихахъ, не могли усвоить себѣ всего богатаго содержанія религіозныхъ преданій и легендъ, относились къ нимъ только съ своими практическими видами. Для удовлетворенія этой цѣли распространялись въ народѣ листы, которыми набожные люди руководствовались въ своемъ домашнемъ обиходѣ» *). Въ этихъ листахъ сообщаются донельзя краткія свѣдѣнія о жизни изображенныхъ на нихъ святыхъ. Изъ нихъ вѣрующій узнаетъ, напримѣръ, объ Артеміѣ Веркольскомъ, что преподобный Артемій былъ убитъ молніей въ то время, когда пахалъ пашню; тѣло его, не зарывая въ землю, прикрыли хворостомъ; вскорѣ одинъ клирикъ, собиравшій въ полѣ ягоды, увидѣлъ надъ хворостяной кучей сіяніе и объявилъ о томъ своимъ прихожанамъ, которые нашли тѣло Артемія нетлѣннымъ и перенесли его въ церковь: и начали отъ того чудеса происходить и исцѣленія отъ трясавичной болѣзни. О Василіѣ Блаженномъ сказано только, что онъ жилъ въ царствованіе Ивана Грознаго, «всегда нагъ хождаше» зиму и лѣто, и что погребалъ его самъ митрополитъ Макарій (ср. 253). О Дмитріѣ царевичѣ сообщено свѣдѣніе о его убіеніи *). Объ архіепископѣ Іоаннѣ Новгородскомъ разсказано, какъ онъ услыхалъ однажды въ сосудѣ, въ которомъ держалъ воду, «нѣкоего боробрющъ въ водѣ, и закрестилъ сосудъ. Этотъ боробрющій оказался бѣсомъ, на которомъ Іоаннъ съѣздилъ въ Іерусалимъ, приложился къ Гробу Господню и вернулся въ Новгородъ (Кушелевъ, Памятн., I. 246).

Для набожнаго человѣка главный интересъ сосредоточивался не въ житіи святаго, а въ его чудесахъ, которыя съ давняго времени и составляли всю суть народныхъ листовъ. Чудеса эти записывались въ старину домашнимъ порядкомъ; въ житіи преподобнаго Ѳерапонта, напримѣръ, упоминается, что нѣкая жена пришла въ монастырь и спрашивала: гдѣ записываютъ чудеса преподобнаго Ѳерапонта чудотворца—«есть ми повѣдати исцѣленіе сына моего». Во многихъ росписяхъ чудесъ встрѣчаются такія ссылки: „въ нѣкоторое время повѣда намъ такой-то» (Рукоп. Соловецк. монаст. № 182, л. 67 об.), или: «мы же слышавше отъ самого исцѣлевшаго» (тамъ же № 79, л.— об.), или: «азъ сія слышахъ отъ усту его и написахъ» (тамъ же № 288, л. 9 об. **). Чудеса вносились въ росписи и послѣ открытія мощей, такъ что въ росписяхъ XVI в. дѣлались приписки о чудесахъ, бывшихъ въ XVIII и даже XIX вв.

Признаніе угодника святымъ дѣлалось встарину—само собою, по безмолвному народному приговору, и затѣмъ укрѣплялось за нимъ давностію. Но уже въ началѣ XVII вѣка, для такого признанія, требовалась, повидимому, своего рода канонизація: такимъ образомъ составлены были росписи чудесамъ новоявленныхъ

*) Буслаевъ, «Примѣсь католическаго направленія къ византійскому въ русскихъ народныхъ книгахъ и гравюрахъ XVII вѣка», 277.

*) Въ одномъ сказаніи говорится, что царевичъ убитъ по приказанію Бориса Годунова въ городѣ Угличѣ, 15 мая, Никитой Качаловымъ и Данилой Битяговскимъ, которые были посланы имъ для того въ Угличъ; здѣсь, когда нянька царевича вывела его изъ палаты на нижнее крыльцо, убійцы закололи его, тогда пономарь, увидѣвъ убійство, побѣжалъ на колокольню и началъ звонить; убійцы же выбили бревномъ дверь, сѣли на коней и ускакали. Мощи царевича перенесены въ Московскій Архангельскій соборъ 3 іюня 1606 года.

**) Владиміровъ, «Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.», Казань 1878, стр. 6.

святыхъ Ивана и Логина Яренскихъ, въ видѣ сыскныхъ сказокъ, собранныхъ дьяками съ разныхъ людей Двинскихъ и Поморскихъ, ставшихъ въ роспросѣ, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи крестному цѣлованію *). При открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго въ январѣ 1757 года «ниже явленные люди»,—какъ сказано на одной картинѣ,—«явясь, сами собою показали по самой сущей правдѣ и христіанской совѣсти» о различныхъ, бывшихъ съ ними чудесахъ; затѣмъ чудеса эти были разсмотрѣны коммиссіею изъ духовныхъ лицъ; сохранились даже извѣстія, что одна картинка съ изображеніемъ чудесъ св. Димитрія, вышедшая до̀ такого разсмотрѣнія, была конфискована и уничтожена: «понеже оные чудеса Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ еще не были апробованы» **). Въ числѣ лицъ, «явившихъ» объ этихъ 36 чудесахъ, названы: два канцеляриста, сынъ маіора, вдова полковница, дьячиха, пономариха, два попа, дьяконъ, пономарскій сынъ, нѣсколько купцовъ и фабричный,—остальные крестьяне; самыя чудеса состояли въ обычномъ исцѣленіи отъ разслабленія, каменной болѣзни, безумія, икоты и лихорадки. Одна жена слышала гласъ: «отыде противниче,—заклинаетъ тя Димитрій Митрополитъ...» и почувствовала себя отъ болѣзни свободною; другой привидѣлось во снѣ, что въ Москвѣ пожаръ и св. Димитрій идетъ тушить его,—и на самомъ дѣлѣ былъ въ Москвѣ пожаръ на другой день.

Краткія извлеченія изъ житій и легендъ встрѣчаются только подъ немногими изображеніями святыхъ византійскаго происхожденія, при чемъ извлеченія эти всегда заимствованы изъ тамошнихъ и западныхъ источниковъ, съ большими сокращеніями. Такимъ образомъ объ Андреѣ юродивомъ Цареградскомъ сказано только, что онъ съ отроческихъ лѣтъ началъ юродствовать: пилъ воду изъ кальной лужи, при чемъ проходившіе кричали на него—«како піеши похабе»; а жена нѣкая Варвара узрѣла Андрея, который будто столпъ пламенный ходилъ въ народѣ, блистая искрами.

О Ѳеодорѣ Стратилатѣ говорится, что онъ былъ мученъ по приказу царя разными муками и затѣмъ усѣченъ въ голову. Объ Ипатіи чудотворцѣ разсказана цѣлая финансовая алегорія,—о томъ, какъ при восшествіи на царство Константина, сына Константина Великаго, къ чертогамъ царскимъ, гдѣ находились всѣ сокровища, приползъ громадный змѣй и, оцѣпивъ чертоги, положилъ голову свою у входа, никому не дозволяя войти въ казнохранилище; Ипатій же взялъ жезлъ, всунулъ его змію въ зубы, сказавъ: «во имя Господа моего Іисуса Христа послѣдуй за мною», и послѣдовалъ за нимъ змѣй, и открылось казнохранилище на общее расхищеніе *).

*) Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871, стр. 423.

**) Указъ Сенатскій 6 ноября 1760 г. (Полное собраніе законовъ, № 11140).

*) Такія же краткія свѣдѣнія помѣщены о мученикѣ Минѣ и преподобномъ Петрѣ Аѳонскомъ. Одинъ купецъ отправился на поклоненіе мощамъ мученика Мины; дорогою случилось ему ночевать въ одномъ домѣ; хозяева этого дома заприметили у купца деньги, убили его и похитили деньги; въ ночь явился хозяину св. мученикъ Мина, въ видѣ воина, обличилъ его, а купца воскресилъ и отдалъ ему похищенныя у него деньги. Другой человѣкъ, Евтропій, заказалъ два блюда: одно для себя, а другое въ церковь св. Мины; послѣднее блюдо вышло красивѣе, и умыслилъ Евтропій удержать его, свое же отослалъ въ церковь; и вотъ, однажды, когда Евтропій ѣхалъ на кораблѣ, послѣ обѣда рабъ его понесъ на край корабля блюдо св. Мины, чтобы обмыть его, и внезапно вышелъ изъ моря нѣкій человѣкъ, выхватилъ у него блюдо и скрылся.—Преподобный Петръ Аѳонскій былъ сперва воеводою, потомъ постриженъ Папою въ монахи и ушелъ на Аѳонъ,—сперва въ монастырь, а потомъ въ пещеру. Дьяволъ, ненавистникъ спасенія человѣческаго, употреблялъ всѣ козни, чтобы выжить святаго изъ той пещеры: наполнилъ ее сонмомъ звѣрей и гадовъ и даже преобразился въ одного изъ отроковъ Петровыхъ, которые служили ему въ мірѣ, «и притомъ припаде усердно къ преподобному и хотяше его прельстити, исполненъ сый мерзости»; потомъ преобразился онъ въ архангела; но все было тщетно, и святой устоялъ въ своей вѣрѣ, продолжалъ подвизаться въ той пещерѣ и въ ней кончилъ свою жизнь. Въ болѣе полномъ извлеченіи встрѣчаемъ мы въ народныхъ картинкахъ слѣдующія четыре житія святыхъ: преподобнаго Герасима, Петра мытаря, мученика Евстафія Плакиды и преподобной Маріи Египетской.

1) Легенда о преподобномъ Герасимѣ и его львѣ заимствована изъ Кіевскаго Лимонаря 1624 г., въ который она перешла изъ западныхъ источниковъ. Герасимъ, гуляя разъ по берегу Іордана, встрѣтилъ раненаго льва, вынулъ занозу изъ ноги его, обмылъ его рану и обвязалъ платкомъ,—левъ сталъ ходить вездѣ за нимъ; и приказалъ преподобный льву пасти осла, на которомъ возили въ монастырь воду. Однажды левъ уснулъ на сторожбѣ, а Аравитяне увели у него осла; Герасимъ же, думая, что левъ съѣлъ осла,—приказалъ ему самому возить въ монастырь воду. Чрезъ годъ тѣ же Аравитяне проѣзжали мимо и опозналъ левъ у нихъ монастырскаго осла, отнялъ у нихъ осла и верблюдовъ и привелъ въ монастырь. Затѣмъ, пробывъ въ монастырѣ 15 лѣтъ, левъ ушелъ въ пустыню; по нѣкоторомъ времени вернулся онъ въ монастырь и не нашелъ преподобнаго Герасима въ живыхъ; монахи по-

Интересна также легенда о св. мученикѣ Христофорѣ (№ 254).

Легендъ о Георгіѣ побѣдоносцѣ, столь распространенныхъ въ каличьихъ пѣсняхъ и рукописныхъ сборникахъ,—въ народныхъ картинкахъ не встрѣчается: въ нихъ находимъ мы одни изображенія святаго съ разныхъ иконъ его, въ томъ числѣ и съ иконы, находящейся въ Георгіевскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ, извѣстной въ средѣ богомольцевъ по своимъ куріознымъ чудесамъ *).

Сказанія о дьяволѣ составляютъ въ нашихъ народныхъ картинкахъ довольно значительный отдѣлъ; прежде всего дьяволъ является въ нихъ, какъ врагъ рода человѣческаго, готовый пакостить человѣку при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ рисункахъ библіи Кореня, заимствованныхъ изъ Палеи, онъ является три раза: самое происхожденіе его отнесено къ четвертому дню творенія, въ который, какъ сказано въ текстѣ 4-й картинки библіи,—«помысли сатана: сотворю себѣ престолъ, и буду равенъ Богу,—и обрѣтеся въ безднѣ»; затѣмъ онъ, въ образѣ змѣя, соблазняетъ Еву вкусить запрещеннаго плода, и, наконецъ, подучаетъ Каина убить Авеля. Въ легендахъ дьяволъ является непрошеннымъ при всякомъ произношеніи его

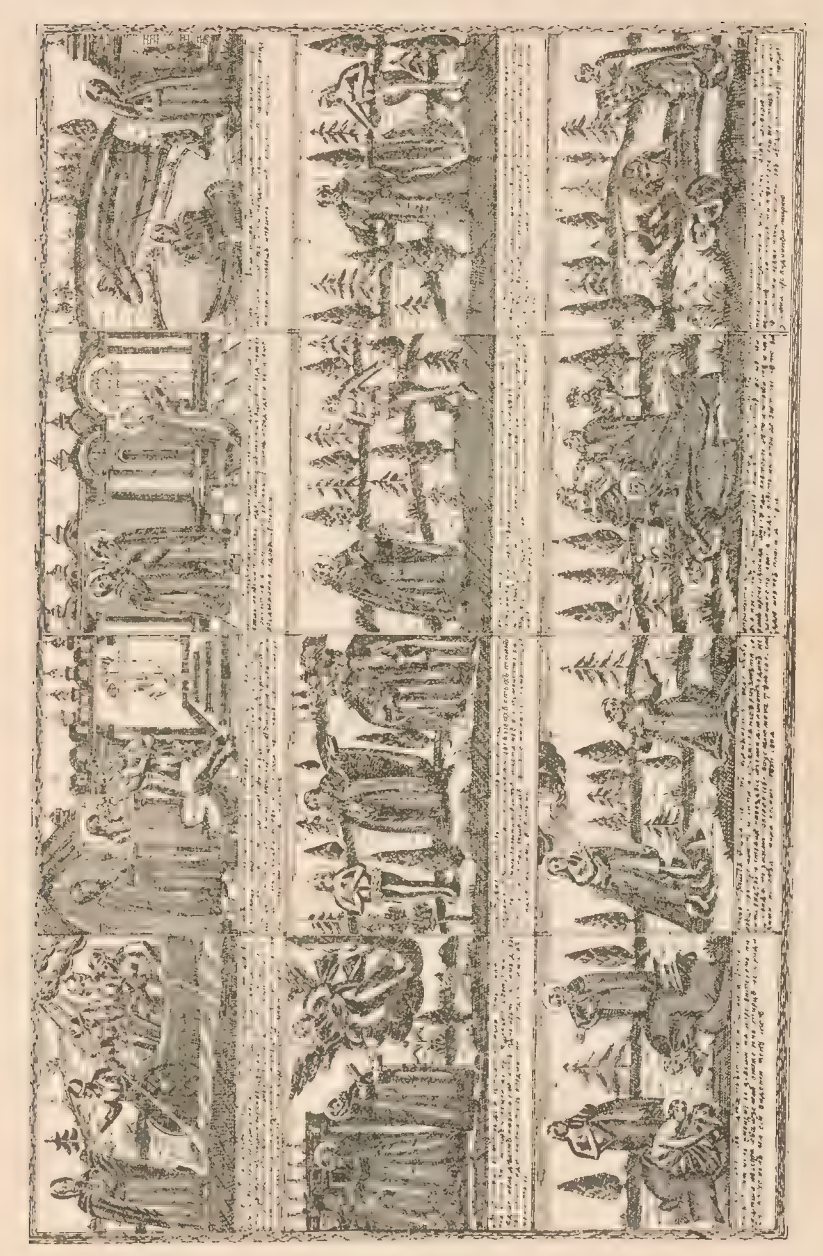
казали ему гробъ преподобнаго; и уразумѣлъ левъ, и, рыкнувъ, ударился о гробъ его до смерти; и погребли монахи льва рядомъ съ преподобнымъ.

2) Во Фригіи жилъ нѣкто Петръ мытарь, человѣкъ богатый, но зѣло немилостивый къ нищимъ, и никогда не подававшій имъ милостыни. И поспорилъ одинъ нищій со своею братіею, что Петръ подастъ ему милостыню, и сталъ у воротъ дома его; въ это время пріѣхалъ Петръ съ цѣлою корзиною хлѣбовъ, нагруженною на ослѣ; сталъ у него просить тотъ нищій милостыни, и Петръ, съ досады, схватилъ одинъ хлѣбъ, вмѣсто камня, и пустилъ имъ въ лицо нищему; нищій же, пришедъ къ братіи, сказалъ, что этотъ хлѣбъ поданъ ему Петромъ въ милостыню. Черезъ два дня Петръ заболѣлъ и умеръ; и стали ангелы вѣшать дѣла его, и не нашли ни одного добраго дѣла, чтобы положить противъ злыхъ, кромѣ только того хлѣба, который былъ данъ имъ нищему; и сказали ему ангелы: иди, убогій Петръ и приложи къ хлѣбу сему, да не похитятъ тебя демоны въ адъ. Тогда душа опять вошла въ тѣло Петрово, и сталъ онъ милостивъ, роздалъ имѣніе свое нищимъ, и рабовъ освободилъ; самъ же съ однимъ слугою отправился въ Іерусалимъ ко гробу Господню. Тамъ, по его приказанію, слуга продалъ его въ рабство, а вырученныя деньги роздалъ нищимъ; и сталъ служить Петръ господину своему, работая и мучая тѣло свое. Однажды пришли къ тому господину изъ Фригіи гости, узнали Петра мытаря и объявили хозяину; Петръ же, услышавъ ихъ объявленіе, тайно ушелъ изъ дома. Былъ же вратарь того дома глухъ и нѣмъ, и, подошедъ къ нему, Петръ сказалъ: «во имя Господа нашего Іисуса Христа отверзи мнѣ», и отвѣтилъ ему нѣмой: «се азъ, Господи, отверзу», и отворилъ ворота. И удивился хозяинъ чуду тому; Петръ же мытарь скрылся изъ дому.

3) Язычникъ Плакида, бывши однажды на охотѣ, преслѣдовалъ оленя, который, не допустивъ его до себя, возопилъ человѣческимъ голосомъ: «что мя гониши, азъ есьмъ Христосъ»—причемъ на головѣ оленя возсіялъ крестъ Господень. Вернувшись въ городъ, Плакида крестился у іерея и принялъ имя Евстафія. Отсюда начинаются искушенія его: во 1-хъ, Евстафій скоро послѣ того обнищалъ; во 2-хъ, корабельники отняли у него жену за перевозъ, такъ какъ у него не было денегъ расплатиться съ ними. Въ 3-ю бѣду Евстафій потерялъ обоихъ дѣтей своихъ: случилась ему надобность перейти черезъ быструю рѣку; и не могъ онъ перенести черезъ нее обоихъ чадъ своихъ разомъ, а перенесъ сперва одного, когда же отправился за другимъ и былъ уже на половинѣ рѣки, пришли левъ и волкъ и унесли дѣтей его. Съ горя Евстафій нанялся въ работники; но здѣсь посланные отъ царя узнали его и отвезли къ царю. Евстафій освободилъ царство отъ нашествія варваровъ и былъ взысканъ отъ царя милостями; вскорѣ послѣ того отыскались жена его и дѣти, и Евстафій возвратился съ ними въ Римъ. Здѣсь царь Адріанъ, ненавидѣвшій христіанъ, приказалъ Евстафію отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, а такъ какъ Евстафій отказался исполнить это приказаніе, то, по царскому приказу, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми былъ истязуемъ и, наконецъ, сожженъ въ мѣдномъ быкѣ.

4) Житіе Маріи Египетской (№ 252) заимствовано изъ Золотой Легенды Іакова де Ворагине. По картинкѣ Марія прожила въ Египтѣ до 12 лѣтъ; потомъ она «отыде въ Александрію и тамо дѣвство свое осквернихъ и неудержанно и несытно блудъ творя; тоже иде къ пристанищу морскому и видѣша юноши входящіи въ корабль, и рече: камо идете? Они же: идемъ въ Іерусалимъ поклониться честному кресту; она-же: возьмите и меня съ собою. Они-же: имаша ли наемъ дати? Она-же: имамъ за наемъ дати тѣло свое. И взяша ее въ корабль и тамо со всѣми блудъ творя, и доиде въ Іерусалимъ, и многихъ оскверни». Въ Іерусалимѣ ангелъ три раза возбранялъ ей входъ во храмъ; но Марія принесла покаяніе и тогда была допущена къ святынѣ. Затѣмъ ходила она на Іорданъ, а оттуда удалилась въ пустыню, гдѣ и жила въ постѣ и молитвѣ. Здѣсь встрѣтилъ ее преподобный Зосима и, увидавъ нагого человѣка съ головою покрытою бѣлыми волосами, пошелъ за нею; но она не допустила его до себя, говоря со слезами: «что мене жену нагу хощеши видети; дай мнѣ ризу да покрою немощь женскую». Получивъ ризу отъ Зосимы, Марія покрылась ею и начала молиться Богу; и увидѣлъ ее Зосима стоящею на воздухѣ, и поклонился ей. Тогда Марія исповѣдалась Зосимѣ и причастилась; и разошлись они въ разныя стороны. На другой годъ Зосима вернулся въ пустыню, но уже нашелъ Марію Египетскую мертвою,—левъ сторожилъ ея тѣло. И приказалъ Зосима льву выкопать могилу и похоронилъ Марію.

*) Имя Великомученика Георгія пользуется особеннымъ уваженіемъ въ народѣ; про Егорья храбраго поютъ калики множество духовныхъ стиховъ: какъ онъ родился,—ноги по колѣна въ серебрѣ, руки по локоть въ золотѣ, голова вся жемчужная (Безсоновъ, Калики, I. 393),—и какъ онъ избавлялъ царевну Олесафію (въ другихъ пѣсняхъ Лизавету) отъ чудища. Уже привели Олесафію къ мѣсту на сожреніе, но явился ея избавителемъ св. Георгій: передъ подвигомъ легъ онъ отдохнуть и, положивъ къ ней на колѣна голову, приказалъ царевнѣ поискать пороха (т. е. вшей), покуда не восколеблется море; потомъ, послѣ боя съ чудищемъ, Георгій, побѣдивъ его, привязываетъ чудище на шелковый поводъ царевны и приводитъ къ царю, ея отцу (Калики, I, 393—524, 744). Въ деревняхъ на Егорья выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле.



252. Исторія Маріи Египетской въ 12 картинкахъ XVIII вѣка.

253. Московскіе святые—блаженные Василій и Максимъ.

имени *) и присутствуетъ при всѣхъ обиходныхъ занятіяхъ человѣка. Сидитъ ли человѣкъ за трапезой,—черти тутъ, какъ тутъ: одинъ пакоститъ въ кушанье, другой играетъ на гудкѣ, третій выплясываетъ трепака; при жизни, дьяволъ научаетъ человѣка не ходить въ церковь, не раздавать милостыни,—на этотъ послѣдній предметъ есть даже особый спеціальный дьяволъ: «замкни калита», который научаетъ грѣшника замыкать кошелекъ свой при видѣ нищаго. Ангелъ Хранитель принужденъ днемъ и ночью охранять человѣка отъ козней дьявола, который употребляетъ всѣ возможныя ухищренія, чтобы не упустить своей жертвы и не дать покаяться грѣшнику. По этому предмету въ народныхъ картинкахъ помѣщена слѣдующая легенда, заимствованная изъ Великаго Зерцала и напоминающая, до нѣкоторой степени, Гоголевскаго Вія: од-

254. Мученикъ Христофоръ.

ного князя, который желалъ скораго прощенія грѣховъ, священникъ поставилъ на одну ночь въ пустую церковь за городомъ. И собрались демоны, чтобы соблазнить его: одинъ изъ нихъ принялъ на себя видъ любимой его сестры, и сталъ вызывать изъ храма, но не успѣлъ въ этомъ. Другой демонъ, принявъ на себя видъ княжеской жены, пришелъ съ его ребенкомъ, и, бросивъ ребенка о полъ, сталъ говорить: «вернись въ домъ твой, безъ тебя напали на насъ разбойники, и все имущество твое пограбили», но и его князь не послушалъ. Тогда началась страшная буря, громъ и молнія, церковь загорѣлась, и демоны, принявъ видъ жителей города, наполнили церковь съ криками: «спасайся князь, пожаръ»,—не оставилъ-таки князь церкви. И принялъ одинъ изъ демоновъ на себя образъ попа, который, приказавъ ударить къ заутрени, вошелъ въ церковь и началъ высылать князя вонъ, яко беззаконника; но и тутъ устоялъ князь. Вскорѣ затѣмъ возсіяла заря и вышелъ князь изъ церкви, очищенный отъ грѣховъ своихъ.

*) Въ нашей народной картинкѣ, заимствованной изъ Великаго Зерцала, разсказана по этому предмету слѣдующая исторія: одинъ мужъ добродѣтельный, вернувшись домой, крикнулъ слугѣ своему—«пришедъ чертъ изуй мя»; и тотчасъ же сапоги стали сами собою сниматься съ превеликимъ трещаніемъ и прыткостію, и перенеслись въ непотребное мѣсто; и уразумѣлъ добродѣтельный мужъ, что то было дѣло дьявола. Повѣрье о томъ, что дьяволъ является на всякій призывъ и производитъ человѣку всякія пакости, существовало и на Западѣ.

XXVII. Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ, СПБ

Дьяволъ старается совратить съ пути добродѣтели не только простыхъ смертныхъ, но и святыхъ подвижниковъ, какъ, напримѣръ, преподобнаго Макарія (№ 255) и преподобнаго Антонія (№ 257) *).

255. Преподобный Макарій и бѣсъ.

Такіе соблазны не всегда, однакоже, сходили ему съ рукъ благополучно. Разъ какъ-то Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, услыхалъ въ сосудѣ, въ которомъ онъ держалъ воду, «бѣса боробрюща въ водѣ»,—онъ закрестилъ сосудъ, вытащилъ оттуда бѣса, сѣлъ на него верхомъ, съѣздилъ въ Іерусалимъ, гдѣ приложился къ гробу и кресту Господню, и вернулся назадъ въ Новгородъ. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ врагъ побѣждаетъ человѣка и окончательно покупаетъ у него душу. Такимъ образомъ въ народныхъ картинкахъ бѣсъ неотступно преслѣдуетъ пьяницу-мастеровoго, который, пропивши съ себя все дò нага, продалъ наконецъ бѣсу свою душу; а у нѣкотораго дворянина онъ купилъ жену (См. выше въ отдѣлѣ Богородичныхъ легендъ) *).

Что касается до сношенія бѣсовъ съ женщинами, то повѣрье о томъ, что злые и добрые духи, сходя на землю, принимаютъ человѣческіе образы, смѣшиваются съ земными женами и производятъ потомство,—существовало съ глубокой древности. Одно мѣсто въ книгѣ Бытія, въ которомъ говорится о прихожденіи сыновъ Божіихъ къ дщерямъ человѣческимъ, въ первые вѣка христіанства толкователи объясняли смѣшеніемъ духовъ съ человѣческими женами. Мученикъ Іустинъ (105—166 гг.) въ Апологіи своей говоритъ, что ангелы, поставляемые Богомъ для охраненія людей, впали въ совокупленіе съ женами человѣческими и родили сыновей, такъ называемыхъ демоновъ. Въ Еврейской легендѣ разсказывается, что первая жена Адама, Лиллитъ, измѣнивъ ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, которые жили и умирали, какъ простые смертные. Въ сектахъ Манихейскаго склада **) господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною, отъ котораго произошла половина рода человѣческаго въ лицѣ Каина. Въ средніе вѣка смѣшенію бѣсовъ съ женщинами не только вѣрили, но и производили отъ такихъ смѣшеній извѣстныя личности; у насъ отъ такого смѣшенія производили Полоцкаго князя Всеслава

*) Сюда же относится и замѣчательная повѣсть о бѣсѣ Зереферѣ, извѣстная въ рукописной литературѣ подъ названіемъ повѣсти о дьяволѣ. Былъ нѣкій старецъ, великій подвижникъ и прозорливецъ,—даже бѣсы хвалили его другъ другу и не смѣли къ нему приближаться; однажды бѣсъ, по имени Зереферъ, разсуждалъ съ своимъ товарищемъ: приметъ ли Богъ дьявола, если покается, и проститъ ли ему, и рѣшилъ спросить о томъ старца. Для сего Зереферъ принялъ на себя человѣческій образъ и, пришедъ къ старцу, плача и рыдая, спрашиваетъ его: вопроси Господа, приметъ ли Онъ покаяніе отъ дьявола; если приметъ, то и мое приметъ, ибо я не менѣе дьявола грѣшенъ. Старецъ же приказалъ Зереферу придти на утро, а въ ночь вопросилъ Господа. И прислалъ ему Господь ангела, который повѣдалъ ему, что приходилъ къ нему за совѣтомъ не человѣкъ, а дьяволъ; но что милостивый Богъ, который никому не желаетъ преградить пути ко спасенію, приказалъ сказать ему, что и дьяволъ будетъ прощенъ Имъ, если согласится простоять три года на одномъ мѣстѣ и, обратившись на востокъ, проговорить сто разъ—помилуй мя древнюю злобу и сто разъ—Боже, помилуй мя мерзость и запустѣніе, и еще сто разъ—Боже, спаси мя помраченную прелесть. И объявилъ старецъ дьяволу на другой день повелѣніе Божіе; но не согласился на такое для себя безчестіе Зереферъ и, наругавшись старцу, скрылся, — «яко древнее зло новымъ добромъ быти не можетъ» прибавляетъ легенда. Въ повѣсти о водвореніи христіанской вѣры въ Ростовѣ упоминается бѣсъ Зеѳеоусъ; не изъ него ли передѣланъ нашъ Зереферъ? (см. № 256).

*) См. тоже русскую повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ и польскій романъ о Панѣ Твардовскомъ, заключавшими условіе съ дьяволомъ на свою душу.

**) Приписывавшихъ сотвореніе матери злому духу; къ нимъ принадлежатъ: Павликіане, Катарры и Альбигойцы.

(въ XI в.) *). Въ горячей Испаніи, въ половинѣ XVI вѣка, одна игуменья, Магдалина Крусса, покаялась самому папѣ въ томъ, что, будучи еще 12-ти лѣтней дѣвочкой, совокупилась съ дьяволомъ, и затѣмъ 30 лѣтъ жила съ нимъ въ связи; другая монахиня, Гертруда, въ продолженіе 14 лѣтъ, вела любовную переписку съ самимъ сатаною. Пикъ де Мирандола называетъ двухъ огнеупорныхъ монаховъ,—одного 75, другого 80 лѣтъ,—которые по сорока лѣтъ жили въ совокупленіи съ демонами женскаго пола; у одного такой демонъ назывался Гермелиною, а у другого Пигнетой. У Шейбле приведенъ летучій листокъ о томъ, какъ жена Гаутмана родила трехъ злыхъ духовъ **). Самъ Лютеръ вѣрилъ подобнымъ баснямъ. Кромѣ такихъ связей бѣсовъ съ женщинами, происходившихъ по обоюдному согласію сто-

*) На Западѣ существовали такая-же легенда о Робертѣ и о многихъ другихъ лицахъ (Scheible, Das Kloster, 197 ff; Dunlop, 468). Цѣлое поколѣніе Гунновъ, по мнѣнію Іорнанда, произошло отъ связи волшебницъ съ злыми духами.

**) Scheible, Das Schaltjahr, IV. 25.

256. Притча о бѣсѣ Зеreферѣ, картинка XVII в.

ронъ, бѣсы насиловали женщинъ и вселялись въ нихъ противъ ихъ воли; въ этихъ случаяхъ женщины обращались въ бѣсноватыхъ и кликушъ, которыхъ можно еще встрѣтить, хотя и довольно рѣдко въ святыхъ мѣстахъ, прославленныхъ исцѣленіями, и не только въ Россіи, но и на католическомъ Западѣ. Въ числѣ нашихъ народныхъ картинокъ есть одна, представляющая женитьбу дьявола,—впрочемъ, иносказательнаго свойства; затѣмъ есть другая—о пономарской дочери Соломоніи, гдѣ отношенія бѣсовъ къ женщинѣ представлены въ болѣе реальныхъ формахъ. Текстъ картинки заимствованъ изъ рукописной повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи, написанной, какъ сказано въ предисловіи, со словъ двухъ пресвитеровъ, и представляетъ полную картину бѣсноватой, какою только она могла представиться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ *). Соломонія, дочь іерея

*) Она напечатана въ книгѣ гр. Кушелева-Безбородко: Памятники старин. русск. литературы, I. 153; IV. 639.

Дмитрія и жены его Улиты, была выдана родителями замужъ за земледѣльца Матѳея. Въ первую ночь брака этотъ Матѳей вышелъ «на предверіе храмины, телѣсныя ради нужды»; этимъ временемъ воспользовался дьяволъ, подошелъ къ двери «невѣстина чертога», и сказалъ человѣческимъ голосомъ: «Соломоніе! отверзи!»— Соломонія, подумавъ, что это вернулся ея мужъ, отворила дверь, «і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихорь велій, і явися аки пламя нѣкое огненно і сине». Всю ночь эту Соломонія не смыкала глазъ, а на третій день почувствовала у себя въ утробѣ дьявола. На девятый день явился къ ней демонъ «звѣрскимъ образомъ, мохнатая имуща когти *), и ляже къ ней на одръ... и оскверни её... и съ того дня окаяннііи демони начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести человѣческимъ зракомъ, якоже нѣкоторіи прекрасніи юноши, и тако нападоху на нея, і скверняху её».

Мужъ Соломоніи, со страху, отвелъ её къ отцу; но и тамъ «окаяніи демони хождаху и скверняху её». Наконецъ на неё стали нападать и сквернить демоны водяные, которые похищали ее, уносили въ воду; держали тамъ по три дня, и всяческими истязаніями принуждали перейти въ ихъ вѣру и остаться у нихъ жить навсегда. У водяныхъ чертей Соломонія встрѣтила дѣвку Ярославну, которая научила её не поддаваться бѣсамъ. Въ легендѣ разсказывается, какъ Соломонія рожала чертей: носила она плодъ свой полтора года; въ первый разъ родила шестерыхъ чертенятъ, которые засосали её почти на смерть; потомъ её «демони паки съ собою унесеша и сквернили её. І паки зачаша», и родила двухъ демоновъ. «Въ ино же время родила единаго демона, и паки родила двоихъ демоновъ»,—послѣ чего демоны снова унесли ее въ воду сквернить; здѣсь дѣвка Ярославна назвала

257. Бѣсы искушаютъ св. Антонія, картинка XVIII в.

ей имена главныхъ бѣсовъ и научила ее, когда вернется на землю, проклясть тѣ имена въ святомъ алтарѣ. Это средство подѣйствовало,—бѣсы на время оставили ее. Въ ночномъ видѣніи явилась ей преп. муч. Ѳеодора и объявила, что всѣ ея страданія происходятъ отъ того, что ее «попъ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполнилъ». Вслѣдъ за тѣмъ, въ 179 году, Соломонія снова почувствовала въ себѣ бѣса, который началъ «въ утробѣ ея рватися і прогрызе у нея лѣвый бокъ насквозь». Соломонію стали водить по церквамъ, въ которыхъ она вопила, видѣла разныя видѣнія, имѣла разговоръ съ Богородицей, и получила наконецъ, въ два пріема, исцѣленіе отъ Устюжскихъ чудотворцевъ Прокопія и Іоанна. Въ первый разъ, какъ разсказываетъ она, святые явились ей наединѣ: «Прокопій перекрестилъ рукою своею утробу мою, а святый Іоаннъ, держа копейцо въ рукѣ малое, і той приступи ко

*) Въ нашихъ старинныхъ миніатюрахъ и на образахъ дьяволъ представляется, точно такъ, какъ и на Западѣ, въ полу-человѣческомъ и полу-скотскомъ видѣ, въ шерсти, съ хвостомъ, съ рогами на головѣ и съ когтями на рукахъ и ногахъ (Dunlop 309); въ этомъ-же видѣ онъ рисуется въ нашихъ народныхъ картинкахъ; въ лицевыхъ апокалипсисахъ черти изображаются въ болѣе разнообразныхъ формахъ, а въ искушеніи св. Антонія помѣщено цѣлое собраніе демоновъ, въ видѣ разныхъ фантастическихъ звѣрей, заимствованныхъ впрочемъ съ западныхъ оригиналовъ Калло и Теньера.

мнѣ; і разрѣза утробу мою, і взя изъ меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися въ руцѣ его; і святый Прокопій показа ми демона и рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣніемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами. Святый же Іоаннъ паки нача изимати изъ утробы моея по единому и давати святому Прокопію; онъ же закалаше ихъ по единому. І рекоша святиі: Соломоніе! нынѣ мы у тебя ізяли половину демонскія силы вражѣя, а совершение исцѣление пріемеше в дому моемъ, у гроба святаго Прокопия»,— гдѣ и произошло послѣднее исцѣленіе Соломоніи; послѣ молитвы святому Прокопію, говоритъ она: «въ утробѣ моей не почуяхъ силы вражія, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и язва, иже отъ дьявольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ».

Въ заключеніе отдѣла легендъ привожу, въ сокращеніи, нѣсколько легендъ разнаго содержанія. Слѣдующія девять изъ нихъ заимствованы изъ Великаго Зерцала:

1. О нѣкоемъ простолюдинѣ, нехотѣвшемъ слушать слова Божія и не ходившемъ въ церковь; когда его стали отпѣвать, то священники увидѣли, что на образѣ распятаго Христа Спаситель, отторгнувъ руки свои, сталъ зажимать ими уши свои. Тогда прекратили отпѣваніе грѣшника, и тѣло его бросили въ полѣ.

2. Какъ одинъ священникъ назвалъ къ себѣ гостей къ обѣду и накупилъ всякой провизіи, а самъ пошелъ служить обѣдню; и сталъ служить её съ великимъ поспѣшеніемъ,— все думалъ, не испортилась бы дома его провизія. Тогда приходитъ къ нему дьяволъ въ алтарь, въ кухарской испачканной одеждѣ, и приноситъ купленную провизію, чтобы попъ самъ разсказалъ ему, какъ что сготовить и посолить; затѣмъ, наругавшись надъ попомъ, дьяволъ разметалъ всю провизію въ скверныя мѣста «и бысть невидимъ».

3. Какъ воинъ далъ прощеніе убійцѣ брата своего; Христосъ явился ему во снѣ и объявилъ, что за такое прощеніе ему будетъ дано царствіе небесное.

4. Какъ жена брата Генриха, князя Брабантскаго, будучи 42-хъ лѣтъ, родила 364 ребенка; изъ нихъ всѣмъ младенцамъ женскаго пола дали имя Маргариты, а мужского—Іоаннъ (№ 258).

258. О женѣ князя Брабантскаго, которая родила 364 ребенка.

5. Какъ одинъ монахъ увлекся пѣніемъ нѣкоей райской птицы и послѣдовалъ за нею изъ монастыря въ поле; часа черезъ три, по его расчету, возвратился онъ въ монастырь свой, но тамъ его никто не узналъ; оказалось, что онъ не три часа, а триста лѣтъ слушалъ птичье пѣніе и жилъ внѣ монастыря.

6. О двухъ юношахъ: одинъ шелъ отъ литургіи, а другой посмѣялся ему въ томъ, говоря, что онъ никогда къ литургіи не ходитъ. «И бысть громъ и уби того юношу».

7. О нѣкоемъ роскошникѣ — любителѣ міра сего, котораго, по приказу сатаны, черти парили въ банѣ огненными вѣниками.

8. О томъ, какъ, по видѣнію нѣкоего святаго, изъ тридцати тысячъ умершихъ, всего двѣ души въ рай попали, три вступили въ чистилище, а остальныя отправлены въ адъ.

9. Видѣніе нѣкоего святаго о казни, ожидающей лихоимцевъ *).

Далѣе приведу еще притчи, заимствованныя изъ другихъ западныхъ источниковъ,—числомъ 10. Притча св. Варлаама

*) Послѣднія три притчи, какъ сказано въ ихъ текстѣ, были написаны на папертяхъ Симонова и Чудова монастырей.

о томъ, какъ царь указалъ своимъ придворнымъ, что злато и драгоцѣнности въ жизни сей суть прахъ и бреніе,—она заимствована изъ житія Варлаама и Іоасафа;

и 11. Притча, заимствованная изъ Чешскихъ извѣстій, о немилостивомъ господинѣ въ Прагѣ (№ 260), который (дѣло было въ 1673 году), у вдовицы съ пятью дѣтьми, отнялъ себѣ, въ счетъ податей, послѣд-

нюю корову; и случился у него падежъ скотскій,— сто коровъ пало; и сталъ господинъ тотъ, во гнѣвѣ своемъ, въ небо стрѣлять; и обращенъ былъ въ чернаго

259. Притча о пустынникѣ Варлаамѣ и царевичѣ Іоасаѳѣ въ 17 картинкахъ, XVIII в.

мохнатаго пса, кромѣ головы; «нынѣ же возятъ его», прибавлено въ текстѣ картинки, «въ рѣшетчатомъ возу и приставленъ живодеръ, и кормятъ его мертвечиною,—иного не ястъ».

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть еще притча (12-я), заимствованная изъ Тысячи одной ночи и попавшая оттуда въ рукописное слово Кирила Туровскаго, писателя XII вѣка, а затѣмъ въ рукописные сборники XVII вѣка и въ нашу народную картинку. Притча эта заключаетъ въ себѣ нравоучительный разсказъ о слѣпцѣ и хромцѣ. Оба они нанялись стеречь садъ у одного господина; но запахъ плодовъ соблазнилъ ихъ, и они не выдержали искушенія; хромецъ сѣлъ на слѣпца и вдвоемъ обломали вѣтки съ деревьевъ и нарвали

260. Притча о немилостивомъ господинѣ.

себѣ плодовъ. Когда вернулся господинъ сада и началъ уличать ихъ, а слѣпецъ и хромецъ стали оправдываться, сваливая бѣду одинъ на другого: «Если бы слѣпой не донесъ меня до дерева, могъ ли я нарвать плодовъ съ него», говорилъ хромой; «Если бы хромой не указалъ мнѣ плоды, могъ ли я добыть ихъ», возражалъ слѣпой; тогда господинъ сада началъ судить ихъ, приказалъ хромцу сѣсть на слѣпого, точно такъ, какъ это было сдѣлано ими во время воровства плодовъ, и повелѣлъ: «бити ихъ немилостиво». Въ концѣ слѣдуетъ нравоученіе, въ которомъ толкуется, что подъ именемъ хозяина разумѣется въ притчѣ Христосъ, садъ — это земля, хромецъ знаменуетъ тѣло человѣческое, а слѣпецъ душу. За грѣхи человѣка тѣло осуждено на смерть; душа же переносится къ Богу, и такъ какъ она всю вину свою сваливаетъ на тѣло, то и будетъ сберегаться безъ мученія до второго пришествія; когда же придетъ Господь судить во славѣ, тогда всѣ души умершихъ соединятся съ тѣлами ихъ, и каждый получитъ должное за поступки свои воздаяніе.

Въ арабскихъ сказкахъ, въ концѣ нравоученія нѣтъ указанія на второе пришествіе; кромѣ того, въ нихъ введено въ разсказъ третье лицо—сторожъ сада, который научаетъ хромца и слѣпца, какъ обворовать садъ; въ концѣ разсказа хозяинъ приказываетъ посадить преступниковъ въ темницу (а не бить нещадно, какъ въ нашей редакціи), гдѣ они и погибаютъ.

Многочисленныя легенды объ Іосифѣ прекрасномъ, столь распространенныя на Западѣ, не вошли въ наши народныя картинки, въ которыхъ лицевое житіе Іосифа изображено по библейскому тексту. Отдѣльные эпизоды изъ апокрифическихъ сказаній объ Іосифѣ, о томъ, какъ княжна Апраксѣевна (вмѣсто жены Пентефрія) рушала лебедь и обрѣзала себѣ руку, глядя на Тугарина (вмѣсто Іосифа); какъ та же Апраксѣевна, влюбившись въ паломника Касьяна, старалась соблазнить его и, не успѣвъ въ этомъ, оклеветала его, и какъ этому Касьяну (вмѣсто Веньямина) была подвохомъ подложена въ сумку серебряная чарка,—занесены нашими сказателями въ былины. Затѣмъ, въ числѣ народныхъ картинокъ есть одна, напоминающая извѣстные апокрифическіе завѣты патріарховъ, о которыхъ говорится подробно въ примѣчаніи къ этой картинкѣ. Въ заключеніе привожу крайне замысловатый и курьозный текстъ картинки, напоминающій по своему семинарскому краснорѣчію Щербининскіе атестаты недоучившемуся и переучившемуся студенту богословія. Картинка называется духовной аптекой. — «Старецъ нѣкій вниде во врачебницу и рече ему врачъ: кую

потребу ѿче имѣя вшелъ еси сѣмо (.) ѿвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующее грѣхи (.) глаголетъ ему врачъ: аще требуеши покажу ти его: возліи корень нищеты духовныя на немъ же вѣтві молитвенныя процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри ї терпеливымъ безмолвіемъ, просѣї ситомъ чистой совѣсти, посыпь вкотелъ послушанія, налеї водою слезною ї накроï покровомъ любви и подпали теплотою сердечною и разъжегши огнь молитвы подъмѣшаі капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ и часто прикладаі на раны сердечныя, и тако уврачуеши болѣзни душевныя ѿ множества грѣховъ».

Изъ раскольничьей литературы въ наши картинки вошли: «изъявленіе» о триперстномъ сложеніи и двѣ картинки хлыстовскаго пошиба. Наше изъявленіе представляетъ извлеченіе изъ книжки: «извѣщеніе чудесе... о сложеніи трехъ перстовъ», изданной въ Москвѣ въ 1677 году и составленной въ обличеніе Выговскихъ старовѣровъ, которые защищали древнее двуперстное сложеніе. Позднѣе, почти черезъ полвѣка, къ этимъ старовѣрамъ, или, какъ они сами называли себя, «жителямъ Выговской пустыни», былъ посланъ «отъ императора и синода» іеромонахъ Неофитъ—«имѣти съ ними о происшедшемъ несогласіи такое краткое и безогласное разглаголство, яко принужденія нетворити насильно впроизвольной вѣрѣ», для котораго они составили оправданія своего ученія, извѣстныя въ раскольничьей литературѣ подъ названіемъ поморскихъ отвѣтовъ.

Въ этихъ отвѣтахъ, написанныхъ прямо, здраво и логично, и обнаруживающихъ въ составителяхъ большую начитанность и знаніе, Выговцы, защищая двуперстное сложеніе, ссылаются на древнія рукописи и книги, на древнія иконы, которыя положительно говорятъ въ ихъ пользу, а наконецъ на руки Кіевопечерскихъ преподобныхъ Іосифа и Ильи Муромца, у которыхъ «десныя руки были сложены на двуперстное знаменіе» *). Тогдашнимъ духовнымъ отцамъ было не подъ силу разобрать ихъ доводы, да и до сихъ поръ многіе изъ нихъ остались не только неопровергнутыми, но даже и ненапечатанными, хотя поморскіе отвѣты представляютъ едва ли не самый замѣчательный и самый толковый памятникъ въ нашей раскольничьей литературѣ. На обвиненіе Неофита: «что вашимъ де ложнымъ ученіемъ народъ волнуется»,—Выговцы отвѣчали: не нашимъ ученіемъ волнуется народъ, ибо всѣ знаютъ, какъ изстари молились и какія повизны Никономъ введены, «и паче вѣдятъ, яко за тое древнецерковное содержаніе колицы замучени, колицы народи огнемъ сожжени, быша не въ иныхъ градѣхъ токмо, но и во всемъ Олонецкомъ уѣздѣ, мнози тако пострадоши. Кія гонительныя случаи зѣло разширяютъ народное вѣдѣніе. И есть ли вопросиши младенцы, есть ли жены истяжиши, за кія вины сіи замучени быша, за что толицы народи огнемъ сожгошася, — всяко услышиши, яко за двуперстное сложеніе, за древнецерковныя книги, за непріиманіе новодѣйствуемаго причащенія, всѣ сіи замучишася или сожгошася. И аще сіе новопремѣненіе съ гоненіемъ женъ и младенцевъ наполни ушеса,—како можетъ мужей утаитися» (Поморскіе отвѣты, Рукоп. собр. Ундольскаго, № 503, Москов. Публ. Муз.). Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ поморскіе законоучители дѣлаютъ слѣдующее, весьма толковое и вѣское замѣчаніе: «яко въ различности вѣръ во Христа вѣрующіе каждый свою лучшую мнятъ,— обаче древнецерковное благочестіе всѣхъ есть надежнѣйшее» (отв. 98).

Подъ очевиднымъ вліяніемъ хлыстовщины сдѣланы народныя картинки: «Изображеніе благовременнаго покаянія»,

*) Любопытно, что въ то время относительно рукъ Ильи Муромца и препод. Іосифа наши духовные отцы ничего не отвѣтили, а въ 1745 году Өеофилактъ Лопатинскій приводилъ тѣ же руки въ своемъ „обличеніи неправды раскольнической", но уже въ доказательство правоты триперстнаго сложенія. Выправщики, посланные старообрядцами въ Кіевъ въ новѣйшее время, разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца, объявили, „что персты у него растянуты, такъ что невидно, какъ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи".

которое есть ничто иное, какъ извѣстное хлыстовское ликоствованіе, о коемъ упоминаетъ А. Печерскій въ своей повѣсти

261. Корабль, знаменующій церковь, воинствующую противъ еретиковъ.

«На горахъ» (Русск. Вѣстн., CXXXVI.); другая картинка: «Образомъ разговоровъ устроена лядина» представляетъ «радѣніе» или круговое хлыстовское хожденіе. На ней изображенъ вертоградъ, а кругомъ его прогуливающіеся, попарно, ангелы съ человѣками, ведущіе между собою разговоры о Господнихъ страстяхъ, въ такомъ родѣ:

«вопросъ г.—кто тебѣ (Спасителю) смѣетъ бичами за сѣ бити, кій тебѣ можетъ зло сотворити.

Ѿвѣтъ—бичомъ за тебе азъ самъ продаюся, аще любити оусердно тя тщуся», и т. д.

Оба эти листа очень уважаются и

829 (2)

829 (4)

829 (3)

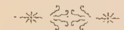
XXVIII—XXXI. Исторія о прекрасномъ Іосифѣ.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

Печатня Р. Голике Спб.

хлыстами, и скопцами; у послѣднихъ они сохраняются вмѣстѣ съ портретомъ Петра III, котораго они считаютъ послѣдователемъ своей секты (См. мой «Словарь русскихъ портретовъ», стр. 134, № 33).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка противъ раскольниковъ была издана огромная трехлистовая народная картинка: «корабль, знаменующій церковь воюющую и отъ еретиковъ гонимую на земли», которая прилагается здѣсь подъ № 261. Впрочемъ еретики на ней помѣщены все иностранные — о нашихъ раскольникахъ и помину нѣтъ. Изображеніе заимствовано изъ огромнаго восьми-листового тезиса, поднесеннаго Іосефовичемъ Епископу Суздальскому Варлааму Ленницкому въ 1720 году.



IX.

Народныя увеселенія: Масляница и Семикъ. Народныя увеселенія на Масляницѣ.—Борцы и кулачные бойцы. Кулачные бои у гр. А. Г. Орлова. Бой одинъ на одинъ. Борцы Сцѣплялка-свалка. Трещало и Ботинъ. Кадыкъ Ермакъ съ Парамошкой Кукольная комедія во времена Олеарія. Петрушка, цыганъ, докторъ и «фатальный офицеръ». Собачка. Варюшка и Петрушкина свагьба. Устройство куколъ, Понукалка. Раекъ. Медвѣдь съ козою. Медвѣжья пляска. Медвѣди, заводимые для потѣхи. Медвѣжья травля. Запрещеніе медвѣдямъ танцовать. **Пьянство.** Вино есть веселіе Руси; да и у другихъ народовъ оно составляетъ такое же веселіе. Горькое положеніе русскаго человѣка. Хмѣль высокая голова. Совѣты Домостроя. Бражникъ въ раю. О числѣ испиваемыхъ чарокъ. Аптека цѣлительная съ похмѣлья, сирѣчь кабакъ. **Болѣзни и лѣкарства противъ нихъ.** Лихорадки, зубная боль. Зелейники. Баня и горшки. Какимъ святымъ отъ чего молиться.

Масляница въ народномъ быту—послѣдній зимній праздникъ, а потому и самый бѣшеный и разгульный, тѣмъ болѣе, что за нимъ слѣдуетъ великій постъ, —этотъ скучный «старый хрѣнъ съ горькой рѣдькой, толокномъ и пареной рѣпкой». Катанье съ горъ на санкахъ и ледякахъ, катанье парами и тройками на розвальняхъ и обшивняхъ—(ср. 264—5) продолжаются цѣлую недѣлю; но настоящій разгулъ начинается съ четверга и продолжается четыре дня (ср. 266),—въ субботу порядочные люди уже поминаютъ первымъ блиномъ родителей.

Въ послѣдній день масляницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, устраиваются цѣлые шутовскіе поѣзды съ ряжеными: на дровняхъ возятъ паяца-мужика, который веселитъ народъ своими прибаутками; возятъ гороховаго шута или соломенное чучело, похожее на женщину съ распущенными волосами,—это называютъ «провожать масляницу». Въ полночь чучело сжигаютъ и тѣмъ масляничныя удовольствія заканчиваются.

Въ нашихъ картинкахъ (№ 262) нѣтъ указаній на такіе деревенскіе проводы масляницы: въ нихъ представлена Московская масляница XVIII вѣка; дѣйствіе происходитъ въ селѣ Покровскомъ и на Разгуляѣ, куда масляничный разгулъ былъ переведенъ еще при Петрѣ Первомъ *).

Масляницу ожидаютъ въ Покровскомъ; для встрѣчи ея готовятъ «вареныя яйца, въ маслѣ жареные пряженцы и хорошіе блинцы-сѣянцы, пиво, медъ и вино». На картинкѣ ѣдетъ она изъ Ямской, въ одноконныхъ дровняхъ, прикрытыхъ рогожей; впереди скачутъ скоморохи на свиньяхъ и музыканты. Кругомъ, въ квадратикахъ, представлены въ лицахъ различные масляничные эпизоды: одни ожидаютъ, что «Масляница такъ будетъ гулять съ нами, что и мужья подерутся съ женами, скакать и плясать будетъ яко коза, а другимъ подбиты будутъ и глаза»; другіе собираются «довольно подпивать, чтобъ и себя не познать, а хоть и съ себя что заложить, а масляницу проводить». Подъ

---

*) Впослѣдствіи масляничныя горы устраивались на Неглинной, потомъ переведены на Москву рѣку, оттуда подъ Новинское, гдѣ и въ прежнее время устраивались качели и разныя увеселенія во время Пасхи, и наконецъ на Дѣвичье поле. Въ правленіе царевны Софіи, кн. Куракинъ говоритъ, что всѣ загородныя мѣста московскія, какъ-то Марьина роща, Дѣвичье поле и др. въ праздникъ были наполнены веселящимся народомъ (Архивъ кн. Куракина, V. 50).

этими послѣдними виршами представленъ парень, подающій цѣловальнику, въ окно, шапку, въ закладъ за вино (ср. 263); позади его стоитъ мужичекъ, котораго рветъ цѣлымъ ручьемъ; сбоку дожидаются своей очереди еще мужикъ съ бабой. Въ главномъ отдѣленіи картинки помѣщены лицевыя изображенія Масляницы и Семика, ея пріятеля, перваго весенняго народнаго праздника. Масляница зоветъ его къ себѣ въ гости, величая «другомъ милымъ, углемъ горящимъ, камнемъ свѣтящимъ среди ночи осеннія»; на что̀ Семикъ, поймавши Масляницу въ окошечкѣ, «въ сахарныя уста ее цѣловалъ, за бѣлы груди хваталъ и такъ величалъ: душа моя, Масляница, перепелиныя твои косточки, бумажное твое тѣло, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка»; въ открытыя двери, въ комнатѣ Масляницы, видны березки, напоминающія извѣстный обычай русскихъ дѣвушекъ завивать въ семикъ вѣнки на березкахъ,—чей вѣнокъ до Троицына дня разовьется, той и замужъ въ томъ году выйти.

Въ семикъ въ Москвѣ происходило первое народное гулянье, на волѣ, въ Марьиной рощѣ, подъ березками *).

Однимъ изъ главныхъ увеселеній на масляницѣ были борьба и кулачные бои. Здѣсь прилагаются двѣ картинки, изображающія борцовъ **) (одна изъ нихъ—борцовъ Калужскихъ); вмѣстѣ борется, тоже «не въ схватку», господинъ въ камзолѣ и треугольной шляпѣ съ простымъ мужикомъ въ лаптяхъ (ср. 268—9). Борьба была разная: простая борьба, въ схватку,—въ которой противники охватываютъ другъ друга обѣими руками (сграбившись) ***) и возятся въ такомъ положеніи, стараясь сломить одинъ другого на бою и свалить на землю, при чемъ, смотря по условію, допускается и подножка: борецъ подставляетъ противнику ногу и сразу сваливаетъ его на нее ****). Въ другой охотничьей борьбѣ, не въ схватку, противники берутъ другъ друга за плеча, или за воротъ, иногда за поясъ, двумя руками, а больше одной, и каждый старается повалить противника на сторону, ударить о свое бедро и, подкинувъ къ верху, бросить о землю. Большіе искусники въ этой борьбѣ были цыгане-лошадники, и на Московской конной площади такую борьбу ихъ можно было видѣть каждое воскресенье. Практиковался и особый способъ борьбы, такъ называемый Московскій, при которомъ борецъ, покосивъ противника на правую сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ, подбивалъ ему носкомъ правой ноги его лѣвую ногу и этимъ способомъ мгновенно сшибалъ его съ ногъ на землю; съ этой борьбы вошла и народная поговорка: «матушка Москва, бьетъ родимая съ носка».

Впрочемъ, борьба одинъ на одинъ не давала народу настоящаго простора, и потому далеко не была въ такомъ ходу, какъ бой на кулачкахъ, который представлялъ возможность принимать участіе въ общей свалкѣ не только взрослымъ, но и малолѣткамъ. Обстоятельное извѣстіе о томъ, до чего доходили старинные кулачные бои наши, мы находимъ въ указѣ 21 іюля 1726 года; въ немъ говорится, что на кулачныхъ бояхъ, происходящихъ на Адмиралтейской сторонѣ, на лугу, позади двора графа Апраксина и на Аптекарскомъ островѣ, многіе бойцы другъ за другомъ гоняются съ ножами, другіе закладываютъ въ рукавицы каменья, кистени и ядра, отчего во время тѣхъ боевъ происходятъ убійства, которыя «нивочто вмѣняются». Для устраненія чего прика-

*) Въ Семикъ въ прежнее время всѣ города и деревни, дворцы и лачужки украшались березками; все было зелено и весело. Съ нѣкотораго времени обычай этотъ отмѣненъ и въ видахъ лѣсосохраненія запрещено даже на Семикъ привозить въ Петербургъ и Москву березки. Гг. лѣсоохранители забыли при этомъ, что деревенская баба сожжетъ у себя въ печи больше березоваго хвороста, чѣмъ его привезутъ бывало на народный праздникъ. У нашей сосѣдки, напримѣръ, въ Семикъ весь Берлинъ въ березкахъ изукрашенъ, а вѣдь тамъ лѣсъ побольше нашего берегутъ.

**) Внизу представлены два яйца въ смятку, которыя назначаются тому, кто «поборетъ кого на схватку».

***) Охватываютъ другъ друга руками на-крестъ, причемъ не нозволено брать подъ силки, т. е. подъ обѣ мышки разомъ.

****) „На носокъ востеръ", — говорятъ про такого искусника (Кирѣевскій, Пѣсни, I. 10); о такой борьбѣ упоминается въ пѣсняхъ о шуринѣ царя Ивана Васильевича—Мастрюкѣ.

262. Семикъ и Масляница.

въ 27 картинкахъ.

зано было бои производить не иначе, какъ съ дозволенія главной полицейской канцеляріи и на указанномъ мѣстѣ, выбравъ напередъ для надзора изъ среды себя сотскихъ, чтобы увѣчнаго бою не было, и кто упадетъ, лежащихъ никого не били бъ *). Особенною извѣстностію пользовались кулачные бои, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, что̀ въ Нескучномъ; въ этомъ домѣ былъ даже устроенъ особый фонарикъ, изъ котораго Орловъ смотрѣлъ на бой, когда самъ почему-либо на немъ не присутствовалъ. Передъ боемъ привозили цѣлыми возами кожаныя рукавицы; сбирались партіями фабричные съ разныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники; случались охотники и изъ купцовъ, въ лисьихъ шубахъ и даже изъ господъ. Вся орава раздѣлялась на двое и выстраивалась другъ передъ другомъ въ двѣ стѣны; драку начинали, въ небольшихъ бояхъ,—заводные, одинъ на одинъ, потомъ шли всѣ остальные, стѣна на стѣну; запасные бойцы стояли въ сторонѣ и принимали участіе въ дракѣ только тогда, когда ихъ стѣну начинала тѣснить противная стѣна. Сцѣплялка-свалка, въ которой бой обращался въ безпорядочную свалку и безцѣльное тузеніе по зубамъ, не причислялась къ охотничьимъ боямъ, а представляла переходъ къ простой обиходной дракѣ (ср. 267). Побѣда заканчивалась крикомъ: «наша взяла», «а рыло въ крови» — добавляетъ пословица. Иногда выходили драться, но только одинъ на одинъ, — сынъ графа Алексѣя Григорьевича, отличавшійся необыкновенною силою **), и его любимцы: худенькій, поджарый приказный чиновникъ Ботинъ, такой же плюгавый фабричный Соколикъ и огромнаго роста силачъ, фабричный Семенъ Трещала, который, по сказанію Измайлова, «одинъ валилъ цѣлую стѣну бойцовъ и вышибалъ кулакомъ изразцы изъ печи». Объ этомъ Трещалѣ баснописецъ Измайловъ говоритъ, въ сказкѣ своей «Кулачные бойцы», въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Москвѣ фабричный былъ Семенъ, силачъ, боецъ:
За-разъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятерней;
Когда же, на бою являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А крики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья . . . » (Изд. Смирдина, I. 179).

Объ этомъ послѣднемъ случаѣ я слышалъ отъ Московскаго старожила В. Ѳ. Щербакова вотъ что: разъ игралъ Трещала съ чиновникомъ Ботинымъ на биліардѣ въ трактирѣ, да и поссорились; развернулся Трещала его ударить, да тотъ увернулся,— Трещала и попалъ кулакомъ въ печь, да такъ цѣлый изразецъ изъ печи вонъ и вышибъ. Тутъ ударилъ Трещалу Ботинъ, да угодилъ прямо въ високъ и убилъ его сразу; начали было его таскать по судамъ, но графъ Орловъ выручилъ,—онъ и до конца жизни покровительствовалъ ему *). Жихаревъ разсказываетъ, что на бывшемъ, у палатки гр. Орлова (подъ Дѣвичьимъ), кулачномъ бою, соперники предварительно обнимались и цѣловались троекратно. Побѣдителемъ при немъ вышелъ трактирный служка изъ пѣвческаго трактира, Герасимъ Ярославецъ,—мужичекъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками (Зап., 92).

Еще въ недавнее время кулачные бои происходили у насъ почти повсемѣстно: на Окѣ и на Волгѣ собирались партіи

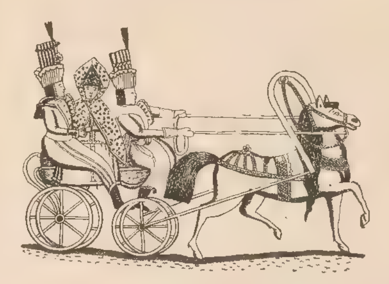
*) Отъ чего и произошла народная поговорка: лежачаго не бьютъ (Полн. Собр. Зак. VII. 4939).

**) Попозже дрался, говорятъ, графъ Ростопчинъ, который учился этому рукомеслу въ 1788 году у Англичанъ (гр. Комаровскаго: XIX-й вѣкъ, кн. I., 329).

*) Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія славился необычайной силой морякъ Лукинъ: онъ свертывалъ въ трубку серебряныя тарелки, разгибалъ подковы, втыкалъ до половины въ доску корабельные гвозди, и производилъ др. невѣроятныя штуки. Въ Турецкую кампанію ему оторвало ядромъ обѣ ноги. Денщикъ его Илья, тоже большой силачъ, былъ впослѣдствіи лейбъ-кучеромъ Императора Александра I-го.

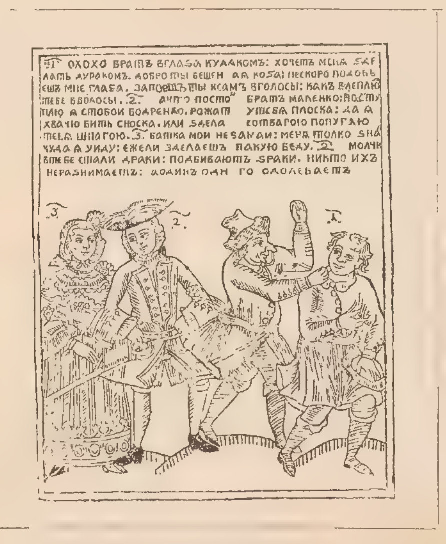
263. Семикъ и Масляница.

264. Гулянье на масляницѣ.



265. Гулянье въ семикъ.

266. Пирушка, передъ которой, по старинному обычаю, хозяйка подноситъ гостямъ вино и цѣлуется съ ними.



267. Драка.

человѣкъ по пятисотъ и болѣе (Русск. Вѣстн. 1876, Іюль, 80); въ Костромѣ Дебряне ходили стѣна на стѣну противъ Сулянъ (жители двухъ слободъ), а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ цѣплялку-свалку. Сахаровъ называетъ имена Тульскихъ бойцовъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и получившихъ большую извѣстность (Сказки, II. 58). Партіи или стѣны для боевъ приготовлялись заранѣе; охотники купцы ѣздили, разыскивали голіаѳовъ, поили, кормили ихъ и выхоливали ко дню судному.

Несмотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они все-таки производятся зачастую и въ наше время; да и особенной опасности въ нихъ для народнаго здравія и нравственности, съ деревенской точки зрѣнія, не видится: до смертныхъ случаевъ, при «честныхъ условіяхъ боя», никогда не доходитъ; кому не подъ силу, тотъ подъ ноги,—а лежачаго не бьютъ; и кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы (по народному выраженію), на добромъ морозцѣ, другъ другу бока погрѣютъ, да носы подрумянятъ.

Въ прошедшемъ вѣкѣ на бойцовъ была вездѣ мода: искусство драться на кулакахъ въ Англіи, напримѣръ, входило въ курсъ джентельменскаго образованія; въ наше же чахлое время бои и борьба почти вывелись, а если гдѣ и случаются, то о нихъ печатаютъ, какъ о явленіи чрезвычайномъ. Въ Англіи, у «этой образованной націи», и въ Америкѣ бои составляютъ по-прежнему одно изъ любимыхъ занятій какъ низшаго, такъ и самого высшаго сословія: еще недавно въ Лондонѣ Персидскій шахъ былъ свидѣтелемъ англійскаго бокса. «Боксировать—значитъ драться на кулачкахъ», замѣтилъ онъ въ своемъ курьезномъ журналѣ, «что требуетъ большого искусства и ловкости. На руки надѣвается нѣчто въ родѣ большихъ перчатокъ, набитыхъ шерстью и бумагой,—безъ этихъ перчатокъ бойцы убили бы другъ друга. Это было очень смѣшно и забавно»; только не всегда, прибавимъ мы, потому что боксы эти нерѣдко кончаются увѣчьемъ и даже смертными случаями.

На нашей картинкѣ, № 270, дерутся на кулачкахъ добрые молодцы Ермакъ или, попросту, Ермошка съ Парамошкой пономаремъ *). Это тотъ самый Ерема, что такъ сладко съ другомъ своимъ Ѳомою ѣдалъ и до слезъ с . . лъ. Рожа у нихъ считается дешевле одежи: одежу раздерешь,—придется купить новую, а рожа и сама подживетъ, а не подживетъ, то и такъ сойдетъ.

Во всѣхъ городахъ и деревняхъ устраивались на масляницѣ ледяныя горы и качели, и стекались со всѣхъ краевъ странствующія комедіи для народной потѣхи. Въ числѣ древнѣйшихъ потѣхъ этого рода, о которыхъ мы имѣемъ обстоятельныя извѣстія и которыя оставались въ своемъ первобытномъ видѣ еще очень недавно, впереди стоятъ: кукольный театръ съ Петрушкой и Медвѣдь съ козою.

Въ Шлезвигскомъ изданіи Олеарія 1656 года (Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung, Schleswig 1656, стр. 103) помѣщена чрезвычайно любопытная картинка (см. 271) съ изображеніемъ этихъ народныхъ представленій. Впереди кукольная комедія: мужикъ, подвязавъ къ поясу женскую юбку съ обручемъ въ подолѣ, поднялъ ее кверху,—юбка эта закрываетъ его выше головы, онъ можетъ въ ней свободно двигаться руками, выставлять куколъ на верхъ и представлять цѣлыя комедіи; справа сидитъ гусляръ и стоитъ гудочникъ, слѣва паясничаетъ передъ народомъ молодой парень, а вдали вожакъ заставляетъ танцовать медвѣдя.

По словамъ Олеарія, кукольный комедіантъ всегда находился при медвѣжьемъ вожакѣ; онъ же исправлялъ и должность козы и паяца. Шутовства и самыя комедіи, замѣчаетъ Олеарій, были всегда самаго скоромнаго содержанія.

Въ картинкѣ, на переносной юбочной сценѣ, не трудно различить дошедшую

*) Пономари зачастую отличались необыкновенной силой; „если ужъ изъ семинаріи или бурсы, несмотря на всѣ злоключенія, выйдетъ здоровый непорченный человѣкъ,—говоритъ Щаповъ,—то ужъ эта силища необычайная, кулачище страшенный: стѣну выбьетъ въ бою, въ обѣдъ краюху хлѣба съѣстъ, ведро квасу выпьетъ, да сорока калачами закуситъ, не крякнетъ“ (въ родѣ скоропита идолища).

XLIX–L. Двѣ картинки о пользѣ прививной оспы. — XXXII–XXXIII. Двѣ картинки гулянья въ Семикъ и на Масляницѣ.

Доз. ценз. Спб. 21 Февраля 189? г.

Печатня Р. Голике, Спб.

до нашего времени, классическую комедію о томъ, какъ цыганъ продавалъ Петрушкѣ лошадь. Справа высунулся цыганъ,—онъ очевидно хвалитъ лошадь; въ срединѣ длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпакѣ, поднялъ лошадкѣ хвостъ, чтобы убѣдиться сколько ей лѣтъ; слѣва должно быть Петрушкина невѣста, Варюшка. Комедія эта игралась въ Москвѣ и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и на преждевременную кончину добраго молодца. Приходитъ докторъ: гдѣ у тебя болитъ?—вотъ здѣсь! И здѣсь?—и тутъ. Оказывается, что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ доходитъ до нѣжнаго мѣста,—Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокаиваетъ доктора.

«Какой же ты докторъ»,—кричитъ ему Петрушка,—«коли спрашиваешь, гдѣ бо-

268—269. Храбрые молодцы—удалые борцы.

гнуся въ носъ,—разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нёбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это дѣлается у французовъ и итальянцевъ. Является цыганъ, предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Петрушка осматриваетъ ее, причемъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія,—они составляютъ самую существенную и самую смѣхотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ,—цыганъ говоритъ безъ машинки, басомъ. Послѣ длинной переторжки, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьетъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убѣгаетъ, оставляя его на сценѣ замертво. Слѣдуютъ жалобный вой Петрушки и причитанья литъ?—на что́ ты учился?—самъ долженъ знать гдѣ болитъ!» Еще нѣсколько минутъ,—является квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицеръ». Такъ какъ на сценѣ лежитъ мертвое тѣло, то Петрушкѣ производится строгій допросъ (дискантомъ): «зачѣмъ убилъ доктора?—отвѣтъ (въ носъ): «затѣмъ, что свою науку худо знаетъ—битаго смотритъ, во что битъ не видитъ, да его же еще и спрашиваетъ».

Слово за слово,—видно, допросъ фатальнаго Петрушкѣ не нравится,—онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтоженіемъ и изгнаніемъ фатальнаго, къ общему удовольствію зрителей: этотъ кукольный протестъ противъ полиціи производитъ въ публикѣ обыкновенно настоящій фуроръ.

Пьеса, кажется бы, и кончилась; но что дѣлать съ Петрушкой? И вотъ на сцену вбѣгаетъ деревянная собачка-пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу къ лайкѣ). «Шавочка-душечка», — ласкаетъ ее Петрушка,—«пойдемъ ко мнѣ жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни съ сего, хвать Петрушку за носъ; Петрушка въ сторону,

270. Добрые молодцы, кулачные бойцы.

она его за руку, онъ въ другую, она его опять за носъ; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное бѣгство. Тѣмъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедіанту, дадутъ на водку, то вслѣдъ затѣмъ представляется особая интеркомедія, подъ названіемъ Петрушкиной сватьбы. Сюжета въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣйствія. Петрушкѣ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ ее на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушкѣ и ждать сватьбы становится ему не въ терпежъ, почему и начинаетъ онъ ее упрашивать: «Пожертвуй собой, Варюшка»! Затѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это уже настоящій и «самый послѣдній конецъ» представленія; потомъ Петрушка отправляется на наружную сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представленіе.

Въ промежуткахъ между дѣйствіями пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ арапокъ,—иногда цѣлая интермедія о дамѣ, которую ужалила змѣя (Ева?); тутъ же, наконецъ, показывается игра двухъ паяцовъ мячами и палкой. Послѣдняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно: у куклы корпуса нѣтъ, а только поддѣлана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ—руки, тоже пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки—первый и третій пальцы; обыкновенно напяливаетъ онъ по куклѣ на каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ. При кукольной комедіи бываетъ всегда шарманка, замѣнившая старинную классическую волынку, гусли и гудокъ; шарманщикъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ «понукалкой», т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки *).

Приходъ вожака съ медвѣдемъ еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской заглушной жизни: все бѣжало къ нему на встрѣчу—и старый, и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ.

— «Куда ты это, старая хрычевка?» — кричитъ ей вслѣдъ баринъ.

— «Ахъ, батюшки»,—прихлебываетъ Анофревна: —«такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?»—и сѣменитъ далѣе.

Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ: вожакъ—коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ — коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и наконецъ главный сюжетъ — Ярославскій медвѣдь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцомъ, продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую вожакъ и водитъ Михайлу

*) Списано съ натуры.

Иваныча, если же Михайло Ивановичъ очень «дурашливъ», то ему, для опаски, выкалываютъ и глядѣлки.

— «Нутка, Мишенька», начинаетъ вожакъ, «поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвицы, молодицы, бѣлятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихорашиваются».—Миша садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ

и попадья его не догонитъ» *). «И какъ старый Терентьичъ изъ избы въ сѣни пробирается, къ молодой снохѣ подбирается». — Михайло Иванычъ сѣменитъ и путается ногами.—«И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яица собираетъ, складываетъ, а баринъ все на дѣвичью работу посматриваетъ, не чисто-деленъ прядутъ, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается».—Михайло Иванычъ ходитъ кругомъ вожака, и треплетъ его за гашникъ.

271. Кукольная комедія; картина изъ путешествія Олеарія въ Москву.

кукишъ,—это значитъ дѣвица въ зеркало смотрится.

—«А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ воровать». — Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

— «А какъ бабушка Ерофѣевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла. Ахъ, блинцы, блины!» —

— «А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не спѣша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается, и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонитъ, что

— «А нуте, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, сидитъ, мало говоритъ; черезъ слово... Мишенька садится на землю и стонетъ **).

Затѣмъ вожакъ пристраиваетъ барабанъ, а его мальчикъ устраиваетъ изъ себя козу, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который, вверху, проткнута

*) Или же: „А какъ бабы на барскую работу не спѣша бредутъ?"—Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. „И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?" — Мишенька принимается шагать бѣгомъ въ сторону.

**) Записано на самомъ представленіи, которое въ натурѣ бывало несравненно скромнѣе.

палка съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Вожакъ начинаетъ выбивать дробь *), дергаетъ медвѣдя за

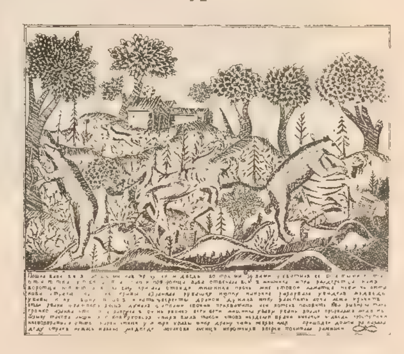
272. Медвѣдь съ козою прохлаждаются.

кольцо, а коза выплясываетъ около Михайла Иваныча трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразнитъ; Михайло Иванычъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака (272),—это значитъ: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски вожакъ даетъ ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки. Кромѣ того, и Мишѣ и вожаку подносится по рюмкѣ водки, до которой Миша большой охотникъ; если же хозяева тароватые, то къ представленію прибавляется еще дѣйствіе: вожакъ ослабляетъ Мишину цѣпь, со словами:— „а ну-ка, Миша, давай поборемся», схватываетъ его подъ силки и происходитъ борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что вожаку иногда приходится и самому представлять, «какъ малыя дѣти горохъ воруютъ»,—и хорошо еще, если онъ отдѣлается при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ.

Клеплютъ еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картинка сочинена (273); но бабы говорятъ, что это вздоръ, положительно; а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 г.: «тяжелы де бабы, для примѣты, даютъ изъ своихъ рукъ медвѣдю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то родится дѣвочка, а если возьметъ молча—то будетъ мальчикъ».

Обыкновенно медвѣжья компанія ходитъ только втроемъ: вожакъ, медвѣдь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановной (медвѣдицей), и берутъ съ собою только одну козу.

Медвѣжья пляска составляетъ народную забаву съ глубокой древности: о ней упоминаютъ и Домострой, и грамоты 1648 и 1649 гг., изъ которыхъ послѣдняя неуспѣшно пыталась запретить ее, равно какъ и *пляску съ собаками*. Кромѣ пляски, медвѣдей держали издавна и для травли, и для потѣхи во дворѣ и въ комнатахъ. Малюта Скуратовъ и Ромодановскій травили медвѣдями людей, а для императрицы Елизаветы Петровны медвѣдей обучали танцованію въ Невской лаврѣ: въ 1754 году послано было туда изъ дворцоваго кабинета два медвѣдя келейнику Карпову, который и доносилъ о нихъ, что одного онъ обучилъ «ходить на заднихъ лапахъ, даже *въ платьѣ*», а «другой де медвѣденокъ *къ наукѣ не понятенъ*, весьма сердитъ».



273. Медвѣдь и баба.

*) Отсюда произошло и бранное названіе: „ахъ, ты, отставной козы барабанщикъ“.

Что касается до травли на самаго медвѣдя, то такая травля существовала въ Москвѣ почти до шестидесятыхъ годовъ, за Рогожской заставой *); на эту медвѣжью травлю, каждое воскресенье, собиралось множество народа посмотрѣть, какъ «коровьяго врага» собаки треплютъ. Съ устройствомъ Общества покровительства животнымъ «сія народная потѣха» упразднена; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено и танцовать, какъ медвѣдямъ, такъ и собачкамъ съ обезьянами,—исключеніе сдѣлано для однихъ пріѣзжихъ, иностранныхъ.

Въ такихъ же видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности, подверглись уничтоженію и старинные раешники. Раекъ—это небольшой, аршинный во всѣ стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными изображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событій. Зрители, «по копѣйкѣ съ рыла», глядятъ въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и разсказываетъ присказки къ каждому новому нумеру, часто очень замысловатыя: «а вотъ извольте видѣть, господа, андерманиръ штукъ — хорошій видъ, городъ Кострома горитъ; вонъ у забора мужикъ стоитъ—с . . тъ; квартальный его за воротъ хватаетъ,—говоритъ, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаетъ (намекъ на знаменитые Костромскіе пожары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательствѣ чуть не каждаго попавшагося, поголовно). Картинка перемѣняется, выходитъ Петербургскій памятникъ Петра Перваго: «а вотъ андерманиръ штукъ — другой видъ, Петръ первый стоитъ; государь былъ славный, да притомъ же и православный; на болотѣ выстроилъ столицу» и т. д. Еще картинка: «а вотъ андерманиръ штукъ — другой видъ, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ тальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотрѣть андереманиръ штукъ—другой видъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею бьютъ, ничего не даютъ» и т. д. Въ концѣ происходятъ показки ультраскоромнаго пошиба,—о томъ, напримѣръ, какъ: «зять тещу завелъ въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...», и т. д., которыя для печати уже совсѣмъ непригодны.

«Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти!»—отвѣчалъ великій князь Владиміръ татарскимъ посламъ, предлагавшимъ ему обратиться въ магометанскую вѣру; такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ намъ преподобный лѣтописецъ Несторъ *). Съ другой стороны, этими же словами великаго Владиміра обыкновенно начинается огульное обвиненіе Русской земли и русскихъ въ безпросыпномъ пьянствѣ—съ легкой руки Олеарія, который, забывъ пьянство своихъ соотечественниковъ, твердитъ также о томъ, что у русскихъ-де всѣ пьяницы, и мужчины, и женщины, даже въ высшихъ (?) кругахъ.

Полно, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? на одной ли Руси вино составляло веселіе?—взгляните, какъ пьютъ «образованныя на-

*) Въ числѣ народныхъ картинокъ есть картины: «Охотникъ медвѣдя колетъ», «Охота за зайцами» и «Охота на кабана»; всѣ они относятся къ концу XVIII столѣтія. Охота на звѣрей, по Домострою, поставлена на ряду съ пляской и чародѣйствомъ. Несмотря на это, она составляла любимое занятіе нашихъ князей и бояръ—съ глубокой древности, какъ это можно судить по фрескамъ, сохранившимся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ лѣтописяхъ Никоновской и Новгородской, еще подъ 1135 годомъ, записано извѣстіе, что новгородцы посадили подъ стражу князя Всеволода Михайловича за то, между прочимъ, что онъ «возлюби ястребовъ и собакъ собра» (Полн. Собр. Лѣтоп., IX. 159, и Ш. 7). Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенный охотникъ до соколиной охоты: на потѣшномъ дворѣ его, напримѣръ, было до 100 человѣкъ сокольниковъ и до 3000 всякихъ потѣшныхъ птицъ; кромѣ того, устроенъ былъ дворъ для голубей, на которомъ находилось болѣе 100.000 гнѣздъ. Для ловли птицъ на царскую забаву, въ Сибири и въ Россіи поставлено было до 100 кречетниковъ, и налавливалось такихъ птицъ до 200 въ годъ, посылались онѣ къ Персидскому шаху, который цѣнилъ ихъ очень дорого: по 100, 200, 500 и до 1000 руб. за птицу (Котошихинъ, 2-е изд., 70. 96). См. подробнѣе объ этомъ предметѣ въ статьѣ А. Н. Попова: «Сокола и кречеты царя Алексѣя Михайловича» (Русск. Бесѣда 1856, II. 72—84) и свѣдѣніе о рукописи: Урядникъ соколинаго пути царя Алексѣя Михайловича, которымъ, по замѣчанію Ѳ. И. Буслаева, нанесенъ былъ ударъ стариннымъ предразсудкамъ противъ охоты (Очерки, I. 497). Въ нашихъ картинкахъ о царскихъ ловахъ и охотахъ не упоминается.

*) «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ старинная пословица—хоть и много зла принесло намъ зеленое вино, но безъ него, пожалуй, мы бы и въ настоящіе татары попали.

ціи», англичане, напримѣръ,—да и не въ древнее время, а въ наше, теперешнее; сколько крѣпкаго вина истребляютъ эти глотуны-обжоры передъ ѣдою и послѣ стола *). Французъ только потому и не можетъ напиться своимъ виномъ, что пьетъ его замѣсто воды, съ утра до ночи. Про стараго нѣмца въ Европѣ даже поговорка была сложена: «Germanis vivere et bibere», «ivrogne comme un allemand», говоритъ французъ; «пьянъ какъ сапожникъ», добавляетъ русскій, — а извѣстно, что всѣ сапожники у насъ были нѣмцы; только въ послѣднее время нѣмецъ замѣнилъ вино пивомъ, которымъ и пропахли всѣ закоулки его чистенькихъ городковъ. Поляки пьютъ походя; о знатныхъ же поляках еще Курбскій писалъ, что: «пьютъ они безъ мѣры, заваливаются въ перины, а проспавшись на другой день къ полудню, со связанными головами, едва живы съ похмѣлья». У сербовъ: «нема лица безъ црвена винца», ни радости «безъ зелена винца». У черногорцевъ на свадьбѣ тоже не менѣе семи тостовъ распивается (Боричевскій, II. 116).

Почему жъ бы это и русскому человѣку не выпить. По словамъ Космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, «мразы бываютъ великіе и нестерпимые»; ну и «моменты» бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ,—до калѣчной старости **); или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки воломъ въ бурлаки закабалится; или мужички въ руки достанутся хорошей барынѣ, которая бывало въ конецъ деревню раззоритъ. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмѣлемъ: «пей, забудешь горе»,—поетъ пѣсня. «Азъ есмь хмѣль высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ» (274), говоритъ о себѣ хмѣль въ народной картинкѣ, «силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую, а руки мои обдержатъ всю землю», и не устрашитъ его, что рядомъ, въ другой картинкѣ, духовными отцами расписываются всѣ ужасы пьянства: «какъ отъ вина развратно руки трясутся, колѣни скорчатся и жилы сволокутся, лицо обрюзгло сотворится и весь человѣкъ непотребенъ явится»; и приводятся такія, напримѣръ, вирши:

«Аще содружится со мною великій властелинъ
И я учиню его аки глупый поселянинъ,
Аще содружится со мною попъ
И онъ будетъ аки кабацкій котъ.
Аще содружится со мною чернецъ
И онъ будетъ аки верченый жеребецъ»...

И такъ далѣе, въ этомъ же родѣ,—о томъ, что будетъ съ пьянымъ холопомъ, съ пьяной женой и съ поселяниномъ.

«Веселіе души вино: піемъ во время прилично»,—говоритъ премудрый Сирахъ (XXXI. 33); «вино веселитъ сердце человѣка (I. 408. 12); невинно вино, укоризноже піанство». «Если ты званъ на сватьбу», говоритъ Домострой, «не напивайся, гадко,—какъ стелька ляжешь, уснешь, гдѣ свалишься; все на себѣ измараешь, и все съ себя растеряешь. Еще хуже если пойдешь ты домой, да до дому не дойдешь, а на пути уснешь: снимутъ съ тебя и платье и сорочку и обдерутъ начисто». Но тутъ же благочестивый авторъ спѣшитъ оговориться: «я не говорю тебѣ не пить,—не буди то: пей, да не упивайся; пей мало, стомаха ради и частыхъ твоихъ недугъ»; «пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ» (Домострой, стр. 14). Впрочемъ и эта послѣдняя угроза является несостоятельною, понеже существуетъ легенда, что пьяницѣ не трудно попасть и въ рай, лишь бы онъ въ земной жизни своей, за всякимъ ковшомъ вина, Господа Бога прославлялъ *).

*) Передъ чѣмъ, для приличія, и женщинъ изъ столовой выпроваживаютъ.

**) «Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ, да и выслужилъ три сухаря на отставку», говоритъ пословица.

*) Одинъ изъ такихъ бражниковъ, по смерти своей прямо отправился въ рай и ну стучать въ двери.—«Кто тутъ?» спрашиваетъ апостолъ Петръ.—«Я, бражникъ», отвѣчаетъ тотъ.—«Бражникамъ здѣсь не входимо», говоритъ Петръ.—«А ты, Петръ, трижды отъ Христа отрекся, а все ты въ рай попалъ», отвѣчаетъ бражникъ; и отошелъ Петръ посрамленъ. Такимъ же образомъ отошли отъ него и апостолъ Павелъ, котораго бражникъ упрекнулъ тѣмъ, что онъ въ первомученика Стефана камень кинулъ; и царь Давидъ, котораго бражникъ обвинилъ въ томъ, что онъ слугу своего

274. Азъ есмь хмѣль, высокая голова.

Урія на вѣрную смерть послалъ; и царь Соломонъ, поклонявшійся идоламъ въ угоду своимъ женамъ; и святитель Никола, которому бражникъ выговорилъ, что онъ на соборѣ Арія заушилъ, а святителямъ «не подобаетъ рукою дерзку быти». Послѣднее состязаніе у бражника происходило съ Іоанномъ Богословомъ.—«Вы съ Лукою въ Евангеліи написали: другъ друга любяй, а Богъ всѣхъ любитъ,—а вы меня ненавидите; либо ты руки своея отпишись, либо словъ отопрись!» Тогда Иванъ Богословъ сказалъ ему:«не могу отъ своего слова отпереться,—ты еси нашъ человѣкъ, бражникъ! вниди къ намъ въ рай».

Въ раю бражникъ тотчасъ же помѣстился на лучшемъ мѣстѣ, и когда святые отцы приступили къ нему, какъ онъ смѣлъ туда сѣсть,—онъ объявилъ имъ: «святые отцы! не умѣете вы говорить съ бражникомъ, не токмо что съ трезвымъ!» И рекоша всѣ святые отцы: «буди благословенъ ты, бражникъ, тѣмъ мѣстомъ во вѣки вѣковъ! Аминь!» (Памятники, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, II. 477).

Какъ говоритъ Пушкинъ:

«Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ!»

Относительно женщинъ «**вождь по жизни**» наставляетъ: на свадьбѣ, старой гостьѣ подносить чару (вина) при всѣхъ— ей та чара не въ укоръ; молодую гостью вызвать послѣ обѣда, будто на совѣтъ, да и тутъ одной подносить чару, съ поклономъ; а то все дѣлать въ утай, чтобъ «было безъ зазора и безъ укора отъ злыхълюдей».

По наставленію Пчелы, первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья въ согласіе, а четвертая въ пьянство; по другому духовному источнику, число чашъ доходитъ до девяти: послѣ девятой человѣкъ обращается въ свинью и ползаетъ на карачкахъ. Въ свѣтскихъ картинкахъ дѣло толкуется гораздо проще: въ «Аптекѣ цѣлительной съ похмелья» (275) хлѣбное вино рекомендуется разумно употреблять, чтобъ и послѣдняго ума не потерять; а именно по три раза въ сутки:

275. Аптека цѣлительная съ похмелья.

«какъ станетъ свѣтъ, призвать друга къ себѣ въ привѣтъ; вторую передъ обѣдомъ, съ своимъ ближнимъ сосѣдомъ; третью съ молодцами послѣ полудни, — и то не въ праздникъ, а въ будни». «Кто празднику радъ, говоритъ пословица, тотъ до свѣту пьянъ»; «а коли гулящіе (праздничные) дни случатся», продолжаетъ Аптека, «пускай въ аптекѣ проспятся, чѣмъ въ другое мѣсто ходить опохмеляться, или на улицѣ валяться» *).

Эта Аптека цѣлительная, сирѣчь кабакъ **),—очень курьезная картинка; въ ней наглядно представленъ обиходъ нашего народнаго клуба: комната въ два яруса; внизу стоитъ за стойкой цѣловальникъ Ермакъ ***),—онъ перебранивается съ солдатомъ; полѣвѣе, на лѣстницѣ, свѣсившись съ перилъ, стоитъ старый знакомый Савоська, — его рветъ цѣлымъ ручьемъ на полъ, — онъ «такъ упился, что окастился»; въ верхнемъ ярусѣ представлены три отдѣльныя комнатки, изъ которыхъ въ одной: сидятъ кавалеръ съ дамой, — «любовь другъ другу являютъ, по полной выпиваютъ, а ночи ожидаютъ, въ которой любовь свою окончаютъ» ****);

*) О томъ, какъ пилъ самый народный изъ нашихъ царей, государь Петръ Первый, вмѣстѣ съ своимъ всепьянѣйшимъ и всешутѣйшимъ соборомъ, см. ниже въ главѣ XI.

) Первый **кабакъ (по татарски кабакъ—значитъ постоялый дворъ) построенъ при Грозномъ около 1552 г. въ Москвѣ, на базарѣ, для опричнины; въ XVII вѣкѣ кабаки назывались тоже **кружалами** (отъ Krug— кружка; въ Остзейскихъ провинціяхъ они и теперь зовутся этимъ именемъ), а дворы, откуда продавалось вино оптомъ,—**кружечными дворами**; названіе **питейныхъ домовъ** дано имъ въ 1779 г.; впрочемъ старинное слово **кабакъ** удержалось и до нашего времени. Встарину кабакъ представлялъ нѣчто вродѣ клуба: въ немъ производились игры—кегельныя, басковыя и въ гусекъ,—не на деньги, а для **пріохочиванія питуховъ** и для **пріумноженія казеннаго дохода** (Мартыновъ, Русск. Архивъ 1875 г., I 283). Въ кабакѣ водились дѣвки, которыхъ впрочемъ по закону строго запрещалось держать тамъ. Въ 1626 году въ Москвѣ было 25 кабаковъ; въ 1775, на 200,000 жителей,—151; въ 1866, на 600,000 жителей, —1248 кабаковъ, и наконецъ въ 1877 г.—240 питейныхъ домовъ. Старинное крѣпкое зеленое вино, въ рукахъ разсыропливавшихъ его откупщиковъ, получало разныя названія, судя по остававшейся въ немъ крѣпости: полугара, пѣнника, сивухи (т. е. жидкости сиваго цвѣта, съ известкой и другими полезными для крестьянскаго желудка снадобьями) и наконецъ, съ 1866 года, — **дешевки**. Продавалось вино, въ прежнее время. крючками, шкаликами, стклянищами, а теперь продается— на мѣру: ведромъ, четвертью, штофомъ и полуштофомъ.

***) Цѣловальники звались въ народѣ общей кличкой—**Ермаками**; подъ этимъ именемъ они участвуютъ и въ процессіи котова погребенія; кромѣ Ермака-валенаго колпака, встарину за стойкой торговали и бабы; многіе кабаки получили отъ нихъ свои названія, какъ-то: Танька, Мареушка, Катюшка.

****) Постоянную принадлежность кабака, по старымъ пѣснямъ, составляла «**бабище курвяжище**, станомъ ровна да и лицемъ бѣла; у ней кровь въ лицѣ будто у зайца, **ягодицы то цвѣту макова**»; она завлекала молодцовъ въ кабакъ и подносила имъ зелено вино (Гильферд. 549). Тутъ же **кабацкіе голи** обирали пьянаго; а **горе горюшко** слѣдовало за нимъ по пятамъ, и не оставляло его до могилы (Гильферд. 549).

188.

264.

209-а.

XXXIV. САВОСЬКА, ЕРЕМКА И ПАРАМОШКА. — ШУТЫ ФАРНОСЪ И ГОНОСЪ, XXXV и XXXVI.

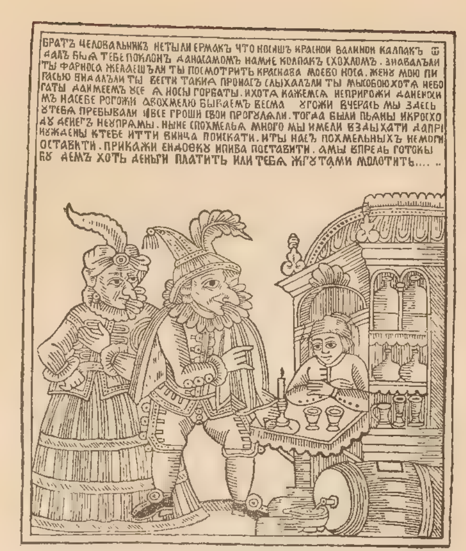
Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ СПБ

во второй: «деревенскій мужикъ Ермилъ посадскимъ бабамъ милъ, на кабакѣ хорошо вино подноситъ, да и въ домъ къ себѣ милости проситъ»; въ третьей: опять старые знакомые Савоська и пономарь Парамошка, съ огромными очками на носу и косичкой,—они «въ карты играютъ, себя забавляютъ»; полѣвѣе: «скоморохъ съ Прѣсни наигрываетъ пѣсни».

Здѣсь, какъ видите, соединены всѣ старинныя увеселенія: и музыка и табакъ, и любовь и карты, хотя все это «и зернь и табакъ и распутство» строго воспрещались разными указами (1698 г. Полн. Собр. Закон. № 1651). Сюда зайдетъ и пьяница Фарносъ красный-носъ, съ женой своей Пигасьей, попытать, не дастъ-ли имъ Ермакъ на шерамыжку опохмелиться, послѣ вчерашней попойки (№ 276); но казенный Ермакъ въ этомъ случаѣ непреклоненъ: «сегодня на деньги, написано у него на вывѣскѣ, а завтра въ долгъ»,—хоть каждый день приходи, все тоже самое прочитаешь. Сюда же забѣжитъ и баба навѣдаться о своемъ мужѣ,—что долго домой не идетъ: «Не былъ здѣсь мой мужъ пьяница?»—«Былъ».—«Ахъ подлецъ, ахъ разбойникъ; насколько онъ выпилъ?»—«На пятакъ».—«Ну, такъ давай мнѣ на гривну» (Аѳанас., III. 535). Сюда сносятъ молодцы всякаго чина, что̀ у нихъ есть изъ имущества лишняго, а зачастую и послѣднюю одежонку: все приметъ и размѣняетъ на сивое винцо свое цѣловальникъ Ермакъ. Не страшна въ это время молодцу круговая порука съ круговою общинною поркой: «лишь бы попить винца до смертнаго конца», и не помогутъ въ этомъ дѣлѣ никакіе казенные надзиратели, приставленные за тѣмъ, чтобы народъ пожитковъ своихъ не пропивалъ, а берегъ ихъ «на государевы подати» (Русск. Архивъ 1875, V. 43); и вотъ держится мужикъ,—годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и разомъ все пропьетъ; и станетъ у него, вмѣсто пожитковъ, которые рекомендуется беречь на государевы подати, «въ одномъ карманѣ сочельникъ, а въ другомъ Иванъ постный» *).

*) Барсовъ, въ своемъ Сборникѣ сказаній о древнихъ русскихъ князьяхъ (неиздан.), приводитъ любопытный разсказъ, записаный имъ со словъ сказателя Щеголенкова,—о томъ, какъ смотритъ народъ до настоящаго времени на государевы подати: «Въ старину князьки мѣстами жили. Кто гдѣ расширился и овладѣлъ мѣстомъ, тутъ и княжилъ. И пріѣхалъ Юрикъ-новоселъ изъ сѣверной стороны, изъ дальней украйны, и расселился жить въ Ладогѣ. Но тутъ ему мѣсто неполюби и пріѣзжаетъ онъ въ Новгородъ-великій и не съ голыми руками, и въ союзъ вступаетъ. И живетъ онъ день ко дню, и недѣля къ недѣли, и годъ къ году, и залюбили его Новгородцы, что человѣкъ онъ веселаго нрава и хорошаго разума и повышаетъ себя житнымъ богатствомъ, а тутъ и побаиваться стали. Вотъ зазвонили на суёмъ (вѣче) въ колоколъ и выступаетъ этотъ Юрикъ-новоселъ: «Што, говоритъ, честно̀е обчество̀, во̀зьмете меня въ совѣтъ къ себѣ, и будь я надъ вами, какъ домовой хозяинъ? Только можете ли вы за нарядъ платить мнѣ половину бѣличьяго хвоста?» Смѣтили и погадали Новгородцы и сказали: «можемъ и платить будемъ половину бѣличьяго хвоста». И мало-по-малу платили они, и имъ не въ обиду это. Вотъ опять зазвенѣлъ колоколъ и на сходъ собрались, и говоритъ Юрикъ: «А што, честно̀е обчество̀-новгородцы, можете ли платить мнѣ и весь бѣличій хвостъ»?» Подумали, погадали и опять сказали: «можемъ», и платить стали. Прошло немного, опять въ совѣтъ собрались: «А што, честно̀е обчество̀, можете ли вы платить мнѣ и всю бѣличью шкуру?» Порѣшили платить и всю бѣличью шкуру, и платили долго. Видитъ Юрикъ, что платятъ, собралъ всѣхъ на сходку и говоритъ: «За бѣличью шкуру хочу я наложить на васъ малыя деньги; можете ли вы поднять ихъ?» И малыя деньги они подняли. И понынѣ помнятъ этого домоваго хозяина и въ сѣверной украйнѣ, и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новгородѣ. И послѣ этого Юрика, пуще и пуще повышали дань: съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра І-го, а послѣ Петра платили и съ живой души, и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять» (Голосъ 1879, 130). Мнѣ довелось слышать подобный же разсказъ относительно нашихъ процентныхъ бумагъ, которыя, по мнѣнію народа, представляютъ новое и болѣе политичное средство добыть туже бѣличью шкуру съ народа не мытьемъ такъ катаньемъ».



276. Разговоръ шута Фарноса и его жены Пегасьи съ цѣловальникомъ Ермакомъ.

Въ сущности говоря, русскій человѣкъ пьетъ еще меньше иностраннаго, — по крайней мѣрѣ, такъ ученыя таблицы сказываютъ,—да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго *). Обвинять же крестьянъ за то, что они долго сидятъ въ кабакахъ, какъ отмѣчаетъ авторъ замѣтки, приведенной въ примѣчаніи къ № 277, «положительно дико: это для нихъ—наши клубы, и притомъ единственное общественное мѣсто, въ которое каждый приходитъ,

277. Изображеніе пьянственной страсти.

какъ въ свой собственный домъ». Если въ кабакѣ съ одной стороны происходятъ всякіе споры и смуты, то съ другой здѣсь же, за шкаликомъ, происходитъ и мировая: «гдѣ хотите деритесь, а на кабакѣ помиритесь»,—говоритъ Аптека; здѣсь и на самомъ дѣлѣ—и мировой судъ, и маклерская контора: ударили по рукамъ—запись значитъ дана и дѣло кончено, и стыдно тому, кто отъ своего обѣщанія отопрется. Да и при разставаньи, развѣ можно обойтись безъ вина? У старыхъ заставъ нашихъ издревле для такихъ разставаній царскіе кабаки были устроены и въ народѣ **разстанями** назывались *).

*) Въ Современныхъ Извѣстіяхъ 1879 года (№ 172) кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что крестьяне, можетъ быть, и пьютъ отъ того, что видятъ себя въ неисходной недоимкѣ; другими словами, что слишкомъ тяжелы, непосильны наложенные на нихъ поборы, и что нашему земству, вмѣсто того, чтобы разглагольствовать о вредѣ пьянства въ народѣ и необходимости сократить его разными мѣрами, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ сохранить народныя пожитки на **государевы и земскія** подати, слѣдовало бы прежде всего подумать о сокращеніи расходовъ на земскую администрацію и объ уменьшеніи съ простого человѣка всякихъ сборовъ.

Ну, а у насъ «въ образованномъ классѣ» развѣ не то же дѣлается. Каждый день почитай—то юбилей какой-нибудь, то закладка, то освященіе, одного встрѣчаютъ, другого провожаютъ,—цѣлый годъ праздникъ идетъ; ко всему придерутся, чтобы закусить да выпить, — да еще какъ выпить, тутъ сотни да тысячи летятъ. А то, вишь, крестьянскій кабакъ всему помѣхой; надо крестьянскій бытъ **упорядочить**, да подальше отъ него кабакъ отнести. «Ни къ чему все это,—говоритъ высокій хмѣль,—для гулящаго человѣка все близко, никакой дядька это не усмотритъ и въ кабакѣ свой трудовой грошъ пропьетъ, а въ банкѣ послѣднее имѣньишко «для поправленія хозяйства за деньги продастъ, заложитъ, да въ трубу створожитъ. Вѣдь на такой аршинъ мѣрить, — придется всякую **коммерцію** прекратить, да всѣхъ на монастырскія правила посадить.

Вслѣдъ за пьянствомъ и обжорствомъ приходится сказать нѣсколько словъ о разныхъ недугахъ и болѣзняхъ русскаго

*) Хотя пьянство и запрещалось народу съ давняго времени царскими указами, однако такія запрещенія издавались болѣе для очистки казенной совѣсти: уже съ Ивана III право приготовленія и продажи вина перешло въ руки правительства и составляло самый главный доходъ его; при Иванѣ Грозномъ и при Годуновѣ откупная кабацкая система вошла въ полную силу: головы и цѣловальники выбирались для продажи вина и цѣловали крестъ **пріумножать кабацкіе доходы** и собирать кабацкія деньги, «съ прибылью противъ прошлаго лѣта», при чемъ изъ Москвы имъ было разрѣшено «дѣйствовать безстрашно», за прибыль ожидать государевой милости и «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять» (Акты Археогр. Эксп., III. IV), что они и исполняли въ точности. Одинъ изъ цѣловальниковъ, Андрей Образцевъ, ожидая себѣ милости за такое «пріумноженіе кабацкихъ доходовъ», писалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1610 г. такъ: «я государь никому не норовилъ, правилъ твои государевы доходы, питуховъ нещадно побивалъ» (т. е. опаивалъ на смерть: Дѣло, 1877, XI. 413). При Петрѣ и его преемникахъ продолжались та же откупная система и то же опаиваніе **питуховъ**.

народа и о леченьи и лекарствахъ противъ этихъ болѣзней.

Въ деревняхъ народъ лечится у знахарокъ, которыя зачастую знаютъ цѣлебныя свойства дико-растущихъ травъ и кореньевъ не хуже любого аптекаря. Философскимъ камнемъ отъ всѣхъ болѣзней служитъ русская баня, въ которой человѣкъ распариваетъ свое тѣло на полкѣ въ невыносимомъ жару и сѣчетъ его до красна горячими вѣниками.

По разсказамъ Снегирева, передбанники, гдѣ раздѣвались въ торговыхъ баняхъ,— были отдѣльные для мужчинъ и для женщинъ, а мылись и парились они вмѣстѣ, въ одной банѣ, размѣщаясь при этомъ на разныя стороны (Лубочн. карт., 118). Въ деревняхъ русскихъ крестьяне парятся и моются цѣлой семьей, по очереди въ печахъ, а окачиваться выходятъ на дворъ, на морозъ. Изображеніе этого рода бань можно видѣть въ путешествіи барона Рехберга. Олеарій (стр. 104) разсказываетъ, что, во время его путешествія, женщины не разъ выходили къ нему на встрѣчу изъ избы совсѣмъ голыя. Отличительное свойство русской бани — распариванье тѣла на полкѣ, въ 60-ти градусной жарѣ, и сѣченіе его вѣниками. Для простого народа такая паровая баня, съ каменкой, составляетъ одну изъ первыхъ жизненныхъ потребностей: разъ въ недѣлю идетъ онъ выпариться, вымыться, пережарить расплодившееся на немъ чужеядное звѣрье и облегчить свое тѣло отъ передѣланныхъ за семь дней работъ. Здѣсь бабы правятся животами,* старики и старухи выправляютъ кости и выпариваютъ простуду, чемы и ломы. Такъ велось съ глубокой древности.

Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ (XVII в., въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ), въ описаніи путешествія Андрея Первозваннаго, приводится разсказъ о томъ, что онъ былъ въ Новгородѣ у славянъ и видѣлъ, какъ тамошніе люди мылись въ банѣ: «и удивися имъ!»—Бани, разсказывалъ онъ въ Римѣ,—у нихъ деревянныя, въ нихъ наваленъ камень, который накаляютъ до красна; тогда они раздѣваются до нага и обливаются «квасомъ кислымъ и возмутъ на ся прутіе младое, и біются сами. И того ся добіют, едва излѣзут еле живи, и обліются водою студеною». Такъ дѣлаютъ они каждый день,—прибавляетъ св. Андрей,—«и не мучими никим же: но сами ся мучат и то творят омовеніе себѣ, а не мученіе» (Сухомлиновъ, О древн. русск. лѣтоп., СПБ. 1856, 18). Такая баня предлагалась каждому путешественнику и гостю: когда древляне прибыли въ Кіевъ съ предложеніемъ сочетаться вел. кн. Ольгѣ бракомъ съ ихъ княземъ, то она «повелѣ уготовати ихъ ради баню велію, и посла къ нимъ, моля ихъ, да первѣе по трудѣ путнемъ измыются въ банѣ и почіютъ» (Минеи Четьи: Житіе Ольги, стр. 290). Въ Никоновской лѣто-

278. Еремушка и бабушка.

писи тоже упоминается: «строеніе банное» (Русск. лѣтоп. по Никонов. списку. СПБ. 1767 г., I. 192).

Въ болѣе важныхъ случахъ зовется деревенская бабушка, которая накидываетъ больному горшки на брюхо. Подъ № 278 помѣщена здѣсь смѣхотворная картинка о томъ, какъ заболѣлъ шутъ Еремушка и какъ ему бабушка на брюхо горшки накидывала. Независимо отъ этихъ простыхъ и дѣйствительныхъ средствъ, народъ прибѣгаетъ, въ болѣзняхъ и недугахъ своихъ, къ разнымъ заговорамъ, симпатическимъ средствамъ и къ помощи разныхъ святыхъ, которымъ на случай каждой болѣзни составлены особыя молитвы. Впереди всего, въ этомъ отношеніи, стоитъ Николай Чудотворецъ, изба-

вляющій отъ всякихъ бѣдъ и напастей и въ особенности отъ потопленія; за нимъ слѣдуютъ: Ангелъ хранитель, охраняющій человѣка во всѣ часы его жизни; священномученикъ Антипій, съ молитвами отъ зубной боли, столь обыкновенной въ нашемъ сѣверномъ климатѣ *); Казанская Богородица, исцѣляющая отъ глазной болѣзни; Іоаннъ Предтеча — отъ головной; Великомученица Варвара—отъ внезапной смерти; великомученица Екатерина — отъ трудныхъ родовъ; Тихвинская Богородица и великомученикъ Никита—отъ болѣзней и родимца у младенцевъ; далѣе Илья пророкъ, подающій вёдро и дождь; Неопалимая купина, избавляющая отъ пожара, и, наконецъ, великомученикъ Егорій, сохраняющій скотъ отъ звѣря, и Флоръ и Лавръ, предохраняющіе отъ конскихъ падежей. Всего больше страдаютъ русскіе люди отъ зубной боли и отъ трясавицы, т. е. лихорадки; по части трясавицы пишутся даже и въ наше время Суздальскія иконы, съ изображеніемъ св. Сисинія, св. Фотиніи и архангела Михаила, поражающаго копьемъ двѣнадцать лихорадокъ, представленныхъ въ видѣ нагихъ женщинъ съ распущенными волосами.

Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи была составлена особая картинка, съ указаніемъ, какимъ святымъ отъ какихъ болѣзней молиться—она была награвирована семь разъ. На этой картинкѣ помѣщены такія, напримѣръ, указанія: молиться преподобному Гурію — аще мужъ возненавидитъ жену свою неповинно; объ избавленіи отъ блудныя страсти—молиться преподобному Мартиміану; а также и кому слѣдуетъ молиться о прогнаніи лукавыхъ духовъ, о благополучныхъ родахъ, объ избавленіи младенцевъ отъ оспы, отъ виннаго запойства, отъ пожара и молніи и т. д. **). Картинка эта—католическаго происхожденія; у Низара находимъ подобныя же наставленія, какимъ святымъ отъ чего молиться: «Saint Fort — contre fes faiblesses; Saint Mein pour la gafe aux mains и т. д. Еще не очень давно въ Москвѣ служились по поводу благополучныхъ родовъ молебны гвоздю Господню, и предпринимались богомолья въ нѣкоторые монастыри; въ Кіевскихъ пещерахъ беременныя женщины служатъ молебны Виѳлеемскому младенцу, который былъ присланъ царю Алексѣю Михайловичу какимъ-то греческимъ пройдохою — архимандритомъ, въ обмѣнъ на русское золото. Младенца этого (закупореннаго на-глухо въ гробикѣ) во время молебна родильница держитъ на брюхѣ: часто бываетъ, что, вмѣсто отсутствующей родильницы, молебенъ служитъ ея товарка, «по довѣренности», съ тою же церемоніею; придя домой, она потрется своимъ брюхомъ о брюхо родильницы, и этого бываетъ достаточно для родильницы: все равно, какъ бы она сама, на молебнѣ, съ младенцемъ на брюхѣ стояла.

Все это со стороны кажется очень страннымъ, но что же дѣлать бѣдному народу? гдѣ его докторъ? — священнику, всего ближе стоящему около его обихода, лечить его не указано; хорошій докторъ для него не доступенъ, по жидовскимъ своимъ цѣнамъ; да въ захолустье хорошій докторъ и не поѣдетъ, а отъ плохого, какъ отъ смерти, упаси Господи. Вотъ и пробавляется народъ заговорами да иконами, и вѣритъ чудесному излѣченію *), —а если вѣритъ, то по вѣрѣ и дается ему; заговоръ остановитъ его боль и ему «легчаетъ»,—особенно въ нервныхъ болѣзняхъ, гдѣ больше значитъ не самое лекарство, а увѣренность въ его дѣйствіи. Ну, и приходится оставить народъ покуда съ его домашними средствами; да и странно кажется, при такой грустной

---

*) Уже въ XVII вѣкѣ существовалъ обычай, въ память исцѣленія отъ зубной боли, привѣшивать къ образу Антипія серебряные зубки. Такихъ привѣсокъ, напоминающихъ католическій обычай, было множество и у другихъ иконъ; напримѣръ: у Московской иконы Владимірской Богородицы, съ которой онѣ были сняты по указу Петра I. Въ церквахъ города Архангельска эти привѣски въ обычаѣ даже и до настоящаго времени; ихъ продаютъ въ монастырѣ, въ мелочныхъ лавочкахъ, и даже на лоткахъ, на рынкахъ.

**) Существуетъ даже и такая икона, молясь которой усердно, можно получить имѣніе изъ казны,—вѣроятно въ западныхъ губерніяхъ или въ Уфимской, такъ какъ икона эта довольно новаго происхожденія. (см. «Русск. Нар. Карт.» изд. 1881; IV. 700).

*) Вѣрятъ чудесному въ этомъ дѣлѣ часто и доктора (иноземцы) и образованные люди; такъ, напримѣръ, жабный камень, какъ талисманъ для беременныхъ женщинъ, а также и противъ бѣсовскихъ проказъ, хранился въ весьма образованной семьѣ Вальтеръ-Скотовъ и дорого цѣнился даже ихъ сосѣдями, которыми онъ не разъ принимался въ закладъ за большія деньги.

обстановкѣ его обихода, запрещать и уничтожать народный листокъ: «какимъ святымъ и отъ чего молиться», какъ это было сдѣлано въ 1866 году въ Кіевѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что листокъ этотъ составленъ подъ католическимъ вліяніемъ; лучше же отъ разныхъ болѣзней къ помощи святыхъ прибѣгать, чѣмъ пробавляться островомъ буяномъ и тому подобными безтолковыми заговорами. Впрочемъ, независимо отъ католическаго вліянія, молитвенныя и чудотворныя средства указывались болящимъ и нашими древними лѣтописями и сборниками, начиная со Святослава *); во многихъ изъ нихъ толкуется о чудесномъ вліяніи на человѣка различныхъ камней **); въ другихъ прямо исчисляются имена святыхъ и ангеловъ, которымъ слѣдуетъ молиться и отъ какихъ болѣзней (1-е изд. «Р. Н. К.» IV. прим. къ 1034), а въ нѣкоторыхъ совѣтуется лѣчиться мѵромъ. Дальнѣйшихъ разсужденій по этой части дѣлать намъ не приходится, такъ какъ относительно медицины, которая считалась въ XVII и даже XVIII вѣкѣ, въ глазахъ простого народа, чародѣйствомъ ***), кромѣ приведенныхъ картинокъ, да еще Брюсова календаря, нигдѣ не говорится.

*) Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, напримѣръ, преподается слѣдующій вѣрный способъ, какъ лѣчиться отъ любострастной болѣзни: «Аще-ли прилучится болячка на срамныхъ удѣхъ, аще у мужа или жены, то пусть возьметъ мѵро и, оставшись въ комнатѣ на единѣ, помажетъ кистицею самъ болячку свою яже на тайныхъ его удѣхъ, — или мужъ или жена, невозбранно есть. Мужъ къ женѣ да не приближается въ той день и нощь, да не приближается и къ пьянству» (Памят. стар. русск. литерат., IV. 316, изъ сборн. Кирилловск. библ. XV в.). Заговоры и ворожба были въ большомъ ходу съ давняго времени: кн. Курбскій разсказываетъ, какъ в. кн. Василій Ивановичъ, бывши старикомъ, женился на молодой и посылалъ въ Корелы за кудесникомъ Филей, чтобы тотъ наворожилъ ему помощь къ плодотворенію (Сказанія кн. Курбскаго, т. I. стр. 133); см. тоже по этой части о невстанишномъ корнѣ (IV. 240, въ 1-мъ изд. «Русс. Нар. Карт.» 1881 г.).

**) Въ сборникѣ Святослава находятся свѣдѣнія о цѣлительныхъ и симпатическихъ камняхъ, сходныя съ тѣми, которыя попадаются въ нѣмецкомъ Kreuterbuch'ѣ (Frankf. am Main 1582, 336).

***) Это зелейники или лечебники, въ которыхъ предлагаются снадобья изъ травъ противъ разныхъ болѣзней (Тихонравовъ, Отреч. Литерат., II. 425; рукоп. XVIII в.). Нашъ народъ боялся лѣчиться, по пословицѣ, что и добрая аптека убавитъ вѣка, и что не жива та душа, что по лекарствамъ пошла, а медиковъ считалъ чародѣями. Врачъ Елисей Бомелій, въ Псковской лѣтописи подъ 1570 годомъ, прямо обзывается лихимъ волхвомъ (Карамз. И. Г. Р., IX. примѣч. 168). Въ прошедшемъ столѣтіи краткія медицинскія свѣдѣнія распространялись въ народѣ по распоряженію правительства, впрочемъ не очень толково, а потому и прошли безслѣдно; см. по этому поводу замѣтку о нашемъ духовенствѣ (IV. 316, въ 1-мъ изд. «Русс. Нар. Карт.» 1881 г.).

X.

Музыка и пляска. Музыкальные инструменты. Цыганское пѣнье и пляска. Бычекъ или трепакъ. Спиря Петровскіе машкерады.— Театральныя представленія въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Пасторъ Грегори и Артаксерксово дѣйство. Комедія притчи о блудномъ сынѣ, Симеона Полотскаго. Народныя представленія при Петрѣ I. Интерлюдіи. Соломонъ и Маршалка, будочникъ и чортъ.—Пузырные звуки. Точильщикъ носовъ. Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ. Еремушка. Интерлюдіи и разговоры: жениха съ свахою, Фарноса съ Пигасьей и разныхъ Вавилъ и Данилъ. Безстыдство въ интерлюдіяхъ и представленіяхъ у западныхъ народовъ въ XVII вѣкѣ.

—

Музыка, употреблявшаяся въ старое время при народныхъ увеселеніяхъ, и инструменты, которыми она производилась, были очень несложны; въ нашихъ картинкахъ упоминаются: духовые инструменты—волынка, рожокъ, сурна или зурна, свирѣль, труба, сопѣлка, цѣвница; струнные инструменты—гудокъ, скрипка, балалайка, гусли, органъ духовой и савоярдское рыле (Leyer); наконецъ, трескучіе инструменты— бубенъ, барабанъ, ложки, колокольчики, клепала и била*) (см. выше стр. 264—265). Органъ и скрипка получили у насъ гражданство съ XVI вѣка; первый органный игрецъ упоминается въ числѣ художниковъ, пріѣхавшихъ къ царю Ивану III; въ теремѣ царя Михаила Ѳеодоровича Олеарій видѣлъ дѣвушку, которая плясала подъ музыку двухъ инструментовъ—арфы и скрипки. Первое подобіе оркестра состояло изъ органа, трубы, флейты, скрипки, барабана и литавръ; управлялъ имъ въ 1675 г. Тимофей Галенкуръ съ Симономъ органистомъ (Пекарскій, I. 389). Въ букварѣ Каріона Истомина, подъ заглавіемъ: «музыка пѣніе сладкое»,—представлены четыре музыканта: скрыпачъ, гусляръ, флейтщикъ

Музыка и пѣніе сладкое изъ Букваря Каріона Истомина.

и торбанистъ. Но такіе оркестры составлялись только при дворѣ, да развѣ у

*) Терещенко (Быть, I. 483. 486. 490) упоминаетъ еще о желайкѣ, накрахъ-литаврахъ, тимпанахъ, и мѣдныхъ котлахъ, которыхъ въ нашихъ картинкахъ не встрѣчается. Болѣе подробное описаніе русскихъ музыкальныхъ инструментовъ можно прочесть въ статьѣ знатока этого дѣла, протоіерея Разумовскаго, помѣщенной въ Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда (Москва 1869, стр. 489).

знатныхъ вельможъ: народная музыка, служившая аккомпаниментомъ для пѣнія и пляски, исполнялась посредствомъ самыхъ простыхъ инструментовъ — гудка, волынки, рожка и балалайки, а у цыганъ — гитары; причемъ публичное пѣніе и пляска «за деньги» производились только одними цыганами (не считая пришлыхъ иноземцевъ).

Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши, прозванной Свиньинымъ, въ честь ея, русскою Каталани; въ наше время Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали Московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Что̀ увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ, — это рѣзкіе и неожиданные пере-

279. Хоръ московскихъ цыганъ подъ управленіемъ Ильи Соколова, оригинальная литографія кн. Г. Г. Гагарина (нынѣ знаменитаго художника).

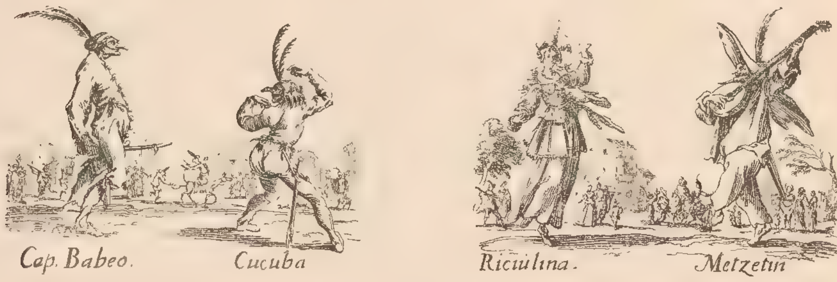
Цыгане составляли съ давняго времени необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рощѣ, подъ Новинскимъ, — они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особъ, такъ для «подлыхъ людей». Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора, — приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая

ходы отъ самаго нѣжняго піаниссимо къ самому разгульному гвалту. Выйдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, махнетъ разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая нибудь Стеша или Саша въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ, — что всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно вся стройка надъ вами рушится:

взвизгиваетъ косая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ, — въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши.

Въ пляскѣ та же манера: если танцуютъ двое мущинъ, то одинъ изъ нихъ, (разсказываетъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ), какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него мятелицей и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ: если пойдетъ плясать, напримѣръ, граціозная молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней вскакиваетъ, точно дикій звѣрь, ста-

280. Пѣніе и пляска; шуты скопированы съ полишинелей Каллота.



281—282. Полишинели Каллота, скопированные въ русской народной картинкѣ № 280.

обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, «а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка причичикивая и притоптывая по временамъ одною ногою» рая растрепанная Матрешка; съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопанная, на послѣднемъ взрывѣ табора.

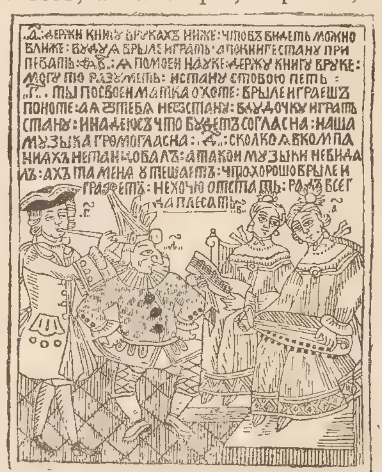
Сочинитель народныхъ картинокъ №№ 280 и 284 конечно имѣлъ въ виду изобразить цыганскихъ пѣвицъ, хотя и скопировалъ ихъ съ иностранныхъ образцовъ,

283. Пирушка съ музыкой.

причемъ одной изъ пѣвицъ далъ въ руки рыле, а кругомъ ея разставилъ вовсе неидущихъ къ дѣлу Каллотовскихъ паяцовъ (ср. 281—2). Изъ другихъ русскихъ національныхъ танцевъ, въ народныхъ картинкахъ мы находимъ только одного **бычка** или **трепака**, котораго и до сихъ поръ выплясываютъ деревенскіе, а больше того городскіе парни и фабричныя дѣвки. Наши русскія деревенскія барышни разудалой пляски этой не танцуютъ, а плавно ходятъ взадъ и впередъ и кружатся однообразно въ своихъ хороводахъ. Что такое бычекъ или трепакъ—достаточно объясняетъ самое названіе **трепака**; это не есть танецъ, вылившійся въ какую либо неизмѣнную форму,—это тоже, что итальянская тарантелла, арагонская хота и парижскій канканъ: плясунъ или выплясываетъ общепринятыя **переборки**, разнообразя ихъ по своему усмотрѣнію, или же выдѣлываетъ никѣмъ не виданныя колѣнца своего собственнаго измышленія,—здѣсь все зависитъ отъ личнаго умѣнья и фантазіи танцующаго.

Превосходно описанъ трепакъ водяного царя въ повѣсти гр. А. К. **Толстого**—купецъ Садко, со всѣми техническими терминами, которыми прозываются въ народѣ «разныя колѣнца», выкидываемыя камаринскимъ мужикомъ: плясунъ-царь разминается сперва на мѣстѣ, уперши **руки въ бока; тихо поводитъ** онъ по **сторонамъ усомъ да бровями**, и начинаетъ **прохаживаться, изрѣдка подпрыгивая и шевеля плечами**; расходившись, **принимается онъ выводить вензеля**,—**закладываетъ ногу за ногу, мѣситъ пятками на вывертъ, ломаетъ колѣнца взадъ и впередъ, валяетъ скокомъ и загребомъ** и, наконецъ, **пускается ходенемъ въ присядку.**

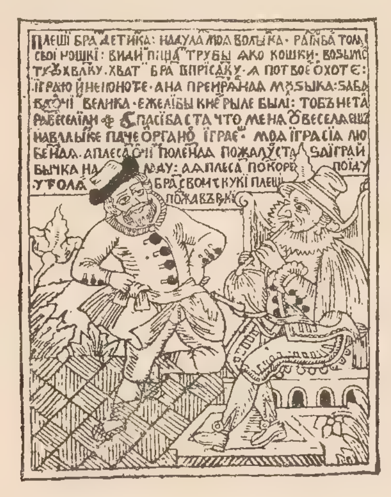
И въ этомъ танцѣ, какъ и въ цыганскомъ, по большей части, попеременно танцуютъ два плясуна: одинъ выдѣлываетъ разныя колѣнца ногами, хладнокровно стоя на одномъ мѣстѣ и пошевеливая плечами; другой же ломается не на животъ, а на смерть, вертится, бросается на колѣна и на землю и носится въ присядку съ разными вывертами и заковырками, по примѣру Толстовскаго морского царя.



284. Шутливая персона пляшетъ подъ музыку.

Трепакъ въ народѣ считается собственно не пляской, а скоморошествомъ, и

хорошія дѣвушки и женщины, даже и парни, плясать трепака на показъ не пойдутъ. Есть танецъ еще разгульнѣе трепака,— это **спиря**: исполняется онъ въ грязныхъ трактирахъ и харчевняхъ. Изъ нашихъ картинокъ бычекъ и трепакъ представлены на № 283 и 285.



285. Пляска бычка подъ волынку.

Наши духовные отцы смотрѣли на пляску и на музыку какъ на дѣло бѣсовское и грозили пляшущимъ, наравнѣ съ играющими въ карты,—проклятіемъ; на картинкѣ страшнаго суда занимающіеся плясаніемъ показаны въ аду даже подъ особымъ мытарствомъ. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ разсказана на устрашеніе плясуньямъ слѣдующая легенда: «Дѣвка нѣкая во дни святыя, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче въ играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываша, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера въ гумленихъ и в танцѣхъ пребываше». Возвратившись домой, она уснула и во снѣ была восхищена отъ бѣсовъ, которые опалили ей на головѣ всѣ волосы, покрыли тѣло ея вередами, а одинъ демонъ ей «главню горячую в уста вонзе и рече: имѣй сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы, ризы же ея ни слѣду опаленія пріяша». Когда она проснулась и разсказала всѣмъ бывшее съ нею, былъ призванъ священникъ и на исповѣди «ни

единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти» (Памятники старин. руск. литературы, вып. I, стр. 209). Но книжныя угрозы оставались въ безсиліи и жизнь шла своимъ чередомъ, не внимая духовно-спасительнымъ воплямъ. По указу Петра приказано было танцовать всѣмъ россійскимъ дѣвицамъ, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста, подъ страхомъ жестокаго наказанія,—а затѣмъ заплясали и наши Императрицы. Особенно отличалась въ танцахъ Елизавета Петровна, которая при этомъ очень любила танцовать за мужчину; рядилась въ мужское платье въ маскерадахъ и Екатерина II-я, а въ 1764 году великій князь Павелъ Петровичъ явился публично въ балетѣ Ацисъ и Галатея и, въ роли бога Гименея, «искусными и благородными танцами своими удивилъ всѣхъ зрителей» (Штелинъ, СПБургск. Вѣстн. 1779, сентябрь, 169).

О русскомъ танцѣ своего времени академикъ Штелинъ говоритъ слѣдующее: «простой русскій танецъ хотя есть древняго славянскаго происхожденія, однако-же онъ имѣетъ нѣчто и **татарское**. Съ танцами прочихъ **европейскихъ** народовъ оный ни въ чемъ не сходствуетъ, ибо не состоитъ ни въ топаньи, ниже въ прыганьи, но единственно въ нѣжной и тихой, со стороны женщины, походкѣ, а со стороны мужчины въ нѣкіихъ наклоненіяхъ и выправленіяхъ, или въ нѣкоей присядкѣ, дѣлающейся посредствомъ скораго выворачиванія и сжиманія колѣнъ. Кто **Китайцевъ**, **Бухарцевъ**, **Мунгалъ** и **Татаръ** танцующихъ видѣлъ, тотъ легко можетъ примѣтить, что въ русскихъ танцахъ есть нѣчто взятое изъ танцевъ сихъ народовъ... Во время царя Алексѣя Михайловича въ Россіи не знали и не употребляли другихъ никакихъ, кромѣ природныхъ танцевъ; однако-же при его уже дворѣ иногда танцовывали веселые **украинскіе** и важные **польскіе** танцы, для которыхъ тогдашнее длинное русское платье весьма хорошо было. Въ 1767 г. балетмейстеръ Анжолини, который имѣлъ случай, живя въ Москвѣ, узнать всѣ роды русскихъ танцевъ, «дабы показать пріятство ихъ, сочинилъ огромный въ рус-

скомъ вкусѣ балетъ и, въ музыку онаго вмѣстя русскія мелодіи, симъ новымъ ума своего произведеніемъ удивилъ всѣхъ и пріобрѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Уже въ началѣ царствованія Петра Великаго перестали при дворѣ и въ знатныхъ домахъ танцовать русскіе танцы и носить долгое платье, вмѣсто котораго «сей государь, введши иностранное, съ онымъ ввелъ и иностранные танцы, яко то: нѣмецкіе, англійскіе, а послѣ и французскіе, которые удивительно скоро пришли въ славу, ибо при немъ уже вмѣняли въ стыдъ благороднаго рода женщинамъ и мужчинамъ, если они не могли порядочно протанцовать минуэта, контретанца или польскаго. Во время же царствованія императрицы Елизаветы Петровны искусство танцеванія до такого совершенства доведено было, что г. Ланде, одинъ изъ первыхъ французскихъ балейтмейстеровъ, публично говаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуэты танцевать надобно, долженъ пріѣхать къ Императорскому Россійскому Двору». «Сіе изрѣченіе конечно не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцеванія; она также чрезвычайно хорошо танцевала и природные русскіе танцы, которые, хотя, какъ вышесказано, вообще и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однако же иногда, а особливо во время придворныхъ маскерадовъ, ихъ танцуютъ. Всѣ роды европейскихъ танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ *русскимъ*, когда его прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ танцуетъ и, смѣло сказать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти. Почти всякій годъ императрица Анна Іоанновна, во время придворныхъ веселостей, бывающихъ о масляницѣ, изволила приказывать быть при оныхъ гвардейскимъ ундеръ-офицерамъ съ молодыми ихъ женами, между которами бывали совершеннѣйшія танцовщицы, дабы имѣть удовольствіе видѣть ихъ танцующихъ русскіе танцы; съ ними иногда также танцовали и придворные кавалеры» (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ 1779, октябрь. 243).

Рядомъ съ разными заморскими нововведеніями, появился въ Россіи и балетъ; онъ такъ понравился нашимъ предкамъ, что они стали обучать балетнымъ танцамъ своихъ *крѣпостныхъ дѣвокъ* и устраивать изъ нихъ крѣпостные балеты. У Мельникова «Въ Лѣсахъ» весьма ярко разсказаны подвиги тогдашнихъ помѣщиковъ по этой части. Впрочемъ и высшія власти подавали имъ въ этомъ хорошій примѣръ: такъ, напримѣръ, императрица Елизавета Петровна, услыхавъ объ оригинальности Камчадальскихъ танцевъ и пѣсенъ, приказала привезти ко двору шесть Камчадальскихъ дѣвушекъ; посланъ былъ за ними особый фурьеръ, Шахтуровъ; выбрали шесть дѣвицъ самыхъ красивыхъ и изъ самыхъ почетныхъ семействъ; везъ ихъ Шахтуровъ по Сибири цѣлый годъ, и такъ за ними ухаживалъ, что всѣ шесть еще въ Сибири *разрѣшились отъ бремени* (Древ. и Нов. Россія 1877, II. 224).

Дѣйствующія лица на нашей картинкѣ № 280 танцуютъ вѣроятно одинъ изъ танцевъ Елизаветинскихъ временъ: матрадуръ, менуэтъ, манимаску или гавотъ.

Дама Арина и плясунъ-музыкантъ (на гитарѣ)—послѣдній справа—скопированы, въ увеличенномъ размѣрѣ, съ Riciulina и Mezetin изъ № 8 «Balli di Steffania», гравированныхъ Каллотомъ; полишинель, пляшущій между ними, передѣланъ изъ Capitano Cardoni тѣхъ же «Balli» № 22; арлекинъ, внизу, упрашивающій музыкантшу заиграть бычка, передѣланъ изъ Capitano Cerimonia № 3 «Balli». Первая нѣмецкая труппа буффъ съ Гельфертингомъ въ роли Панталона и Сколяри въ роли Арлекина и въ костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы видимъ на картинѣ № 280, появилась въ Петербургѣ въ 1757 году (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ 1779 г., сентябрь, 163). Иностранные танцы введены были при дворѣ и въ барскихъ домахъ еще ранѣе.

Въ высшемъ кругу пляска пошла въ ходъ съ Петра Великаго, который учредилъ машкерады и приказалъ выво-

зить на оные всѣхъ дворянскихъ дѣвицъ, начиная съ 14-ти-лѣтняго возраста, пригрозивъ, какъ сказано выше, за неисполненіе сего, жестокимъ наказаніемъ; новость эта вошла въ моду очень скоро, а лѣтъ черезъ двадцать публика русская заплясала и матрадуры, и минуеты, уже не ради страха жестокаго наказанія, а въ собственное свое удовольствіе. Большая охотница до танцевъ была императрица Елизавета, особенно любившая переодѣваться въ маскерадахъ въ мужское платье и танцовать за кавалера; занималась этимъ и великая Екатерина. Иностранные танцы представлены и на нашей картинкѣ № 280, рядомъ съ Каллотовскими шутами. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что ноты въ рукахъ пѣвицы — обыкновенныя, линейныя; крюковыхъ же нотъ, употреблявшихся въ нашемъ церковномъ обиходѣ XVII вѣка, ни въ одной изъ народныхъ картинокъ не встрѣчается *).

Публичныя зрѣлища для народа устраивались издревле въ видѣ дѣйствъ, на разныя темы изъ св. Писанія. Одно изъ такихъ зрѣлищъ, такъ называемое пещное дѣйствіе-было установлено въ память страданія трехъ отроковъ (которымъ посвящена народная картинка № 266). Это пещное дѣйствіе св. отецъ, въ память трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, которые были ввержены въ халдейскую пещь и тамо «невредимы пребыша»; въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась и деревянная халдейская пещь, въ которой происходило это дѣйствіе **).

Пещь эта, окруженная зажженными свѣчами, устанавливалась посреди собора и въ воскресенье, послѣ заутрени, Халдеи вводили въ нее трехъ отроковъ, державшихъ зажженныя свѣчи и пальмы въ рукахъ, и бросали на горнъ съ угольями, установленный внизу подъ печью,—плаунъ (ликоподій), отчего происходило полымя. Затѣмъ ключарь спускалъ въ печь, сверху, картоннаго ангела съ трещетками (въ трусѣ велицѣ зело съ громомъ), дьяконы опаляли плауномъ Халдеевъ, а от-

286. Притча о трехъ отрокахъ въ пещи.

роки въ это время, взявъ ангела за крылья, кружились съ нимъ трижды въ пещи; наконецъ, ангелъ улеталъ «выспрь», и мистерія заканчивалась угощеніемъ отроковъ и Халдеевъ съ ихъ учителемъ въ Патріаршей палатѣ. Кромѣ пещнаго дѣйствія, всенародно разыгрывались еще слѣдующія мистеріи: обрядъ шествія святителя на осляти, который совершался съ бо́льшимъ противъ пещнаго обряда торжествомъ изъ Успенскаго собора къ лоб-

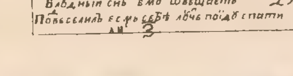
*) По замѣчанію Ундольскаго (о русскомъ церковн. пѣніи), уже во второй половинѣ XVII вѣка ноты эти стали переводиться и замѣняться простыми, а въ 1676 г. были отпечатаны двѣнадцать гравированныхъ таблицъ въ четвертку, на которыхъ крюковыя ноты были изображены рядомъ съ линейными, при чемъ подъ каждымъ знакомъ приведены соотвѣтствующія объясненія, напримѣръ: «Знамя параклитъ поется во всѣхъ осмыхъ гласехъ, во единогласную степень за полъ статіи, а со отсѣкою въ половину» и т. д. (рукопись находится въ Москов. Глав. Архивѣ, подъ № 455).

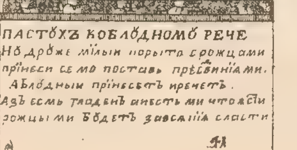
**) Такія-же печи были и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Русск. Историч. Библ. Тимоѳ. III. 309) и въ Вологодскомъ (Изв. Имп. Археологич. Общ., III. 242). О Новгородской печи въ Новгородѣ въ лѣтописи подъ 1553 годомъ сказано, что архіепископъ Макарій: «постави въ Соборной церкви св. Софіи въ великомъ Новгородѣ амбонъ, весьма чуденъ и всякія лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесять». По замѣчанію г. Артлебена, въ описи собора, составленной въ половинѣ XVII вѣка, она названа просто: «пещь дровяна рѣшетчата» (Изв. Имп. Арх. Общ., III. 377); въ настоящее время она находится въ Христіанскомъ отд. Русскаго Музея Императора Александра III. (Замѣтка Б. Гильтебрандта въ Древн. и Нов. Россіи 1878, I. 87).

ному мѣсту и обратно, при чемъ весь путь на разстояніи 234-хъ саженъ былъ устилаемъ краснымъ сукномъ. Впереди шествія везли на саняхъ огромную вербу, разукрашенную разною разностію, а подъ нею пять пѣвчихъ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ; далѣе двигался крестный ходъ изъ духовенства,—юноши со свѣчами, шесть кадокъ съ вербами и, наконецъ, патріархъ на осляти, котораго за поводъ велъ самъ царь. На лобномъ мѣстѣ святитель служилъ молебенъ и раздавалъ всѣмъ вербы; затѣмъ садился на своего осла, и шествовалъ тѣмъ же порядкомъ назадъ въ соборъ, гдѣ передъ южными дверями стрѣльцы бросались на вербу, общипывали съ нея украшенія и обдирали съ саней сукно (Снегиревъ, Памятн. Моск. древн., 55). Другой обрядъ—омовеніе ногъ—производился въ четвергъ на страстной недѣлѣ, послѣ вечерни; въ Іерусалимѣ для этой мистеріи устраивается и понынѣ большое возвышеніе на дворѣ храма. Изъ пещнаго дѣйствія было составлено еще въ XVII вѣкѣ полное комедіальное дѣйствіе, а вслѣдъ за тѣмъ появляется въ рукописной литературѣ почти цѣлый рядъ такихъ же пьесъ-мистерій, по большей части переводныхъ, назначенныхъ для театральныхъ зрѣлищъ; подробный списокъ этихъ пьесъ, составленный въ 1709 г., помѣщенъ въ І-мъ томѣ книги: «Наука и Литература» Пекарскаго (стр. 428).

По поводу лицевой комедіи о блудномъ сынѣ, перешедшей въ народныя картинки и описанной подъ № 287, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о появленіи въ Россіи настоящаго театра, на которомъ дѣйствовали не куклы, а человѣческія персоны. Устройство его должно быть отнесено къ 1672 году: въ этомъ году, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, лютеранскій пасторъ Іоганъ Готфридъ Грегори устроилъ въ Преображенскомъ новую театральную храмину, набралъ дѣтей разныхъ чиновниковъ, всего 64 человѣка, и вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловымъ разучилъ съ ними комедію объ Есѳири, или такъ называемое «Артаксерксово дѣйство», которое и было представлено въ первый разъ передъ царемъ въ ноябрѣ 1672 года (Тихонравовъ, 50-лѣтіе театра, 1873, 7). Царь остался очень доволенъ представленіемъ и осыпалъ Грегори своими милостями. Въ 1673 году, подъ наблюденіемъ Грегори, находилась уже цѣлая школа, въ которой обучались «комедійному дѣлу» 26 человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, которыми, вслѣдъ за Есѳирью, представлены были комедіи: Юдиѳь, Товій, «малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ», «жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязетъ и Тамерланъ». Театральныя зрѣлища продолжались и послѣ смерти ц. Алексѣя Михайловича. Одна изъ пьесъ, разыгрывавшихся въ 1685 году,—сочиненіе Симеона Полотскаго,—попала, какъ уже сказано выше, въ число народныхъ картинокъ и была издана особой книжкой съ заглавіемъ: «исторія или дѣйствіе евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, бываемое въ лѣто отъ рождества Христова 1685». Книжка эта очень замѣчательна тѣмъ, что представляетъ намъ наглядно особенности тогдашняго театра: полъ сцены возвышенъ; у рампы поставлены зажженные ночники (отъ 5 до 8 штукъ); зрители сидятъ въ шляпахъ. На заглавномъ листкѣ представлены двѣ хари (маски) и полуфигуры двухъ шутовъ. На первой картинкѣ стоитъ актеръ (въ чулкахъ и башмакахъ, шляпѣ и альмавивѣ), говорящій прологъ; на послѣдней картинкѣ онъ же произноситъ заключительную рѣчь. Самая комедія начинается съ разговоровъ отца съ двумя сыновьями: старшій сынъ изъявляетъ любовь свою къ родителю; младшій, блудный, просится вонъ изъ дому; отецъ надѣляетъ его имѣніемъ. Блудный уходитъ и начинаетъ разгульную жизнь: онъ нанимаетъ множество слугъ, играетъ въ зернь и карты, вяжется съ любодѣйцами и, наконецъ, проматываетъ отцовское имѣніе; тогда наемные слуги расхищаютъ остатки его имущества съ криками: «емлемъ, емлемъ» (что написано и на самой картинкѣ) *) и разбѣгаются. Блудный въ горѣ; даже любодѣйцы и тѣ обливаютъ его, изъ окна, помоями и гонятъ

*) Точно такъ, какъ на картинкѣ, гдѣ блудный смѣется, иво рта его исходятъ слова: „ха, ха, ха!"





287. Комедія притчи о блудномъ сынѣ, съ изображеніемъ стариннаго театра.

прочь сковородникомъ. Онъ нанимается въ рабочiе къ «богатому человѣку»; тотъ смотритъ напередъ его руки и, пощупавъ, говоритъ: «о нѣстъ мозолей, зѣло мягки длани», и назначаетъ ему пасти свиней. Затѣмъ слѣдуютъ картинки: какъ блудный, съ голоду, ѣстъ «рожцы», приготовленные для свиней, и разгоняетъ этихъ послѣднихъ, и какъ блуднаго, растянувъ на полу, къ вящщему удовольствiю зрителей, сѣкутъ батогами, онъ же кричитъ «пощади». Въ разгарѣ экзекуцiи приказчикъ останавливаетъ сѣкущихъ словами «полно бити, часъ пустити; ищи свиней враже, блюдись погубити, ибо до смерти велю тя убити». Возвращенiе блуднаго въ отчiй домъ, радость отца и неудовольствiе старшаго брата,—все это происходитъ согласно съ текстомъ евангельской притчи; во время пира, происходящаго (за сценой) въ честь блуднаго, актеры «веселятся, поютъ и играютъ въ органы, пьютъ и торжествуютъ». Комедiя заканчивается длиннымъ монологомъ, который произноситъ блудный, въ видѣ нравоученiя зрителямъ.

Кромѣ этой комедiи, въ народныхъ картинкахъ не сохранилось никакихъ указанiй, относящихся къ театральнымъ представленiямъ того времени; оно и понятно: театръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ устроенъ въ 1673 году, составлялъ царскую потѣху, недоступную для народа; народу развѣ еще изрѣдка доводилось присутствовать на представленiяхъ разныхъ мистерiй въ театрахъ, устраиваемыхъ семинаристами, учениками разныхъ школъ, а иногда и служителями разныхъ вѣдомствъ *). Объ одномъ изъ такихъ театровъ, устроенномъ на масляницѣ служителями царскихъ конюшенъ, которые разыгрывали комедiи въ рогожныхъ костюмахъ и брали съ зрителей отъ одной до четырехъ копѣекъ за мѣсто, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Штелинъ (Haigold, Zur Geschichte des Theaters in Russland. Beilage, I. 397).

У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 372) помѣщены подробныя свѣдѣнiя о положенiи театральнаго искусства при Петрѣ Первомъ: собственно для народнаго театра за его время ничего не было сдѣлано. Занятый прославленiемъ своихъ побѣдъ, Петръ хотѣлъ и изъ театральныхъ пьесъ сдѣлать какiя-то лицевыя вѣдомости; за то онъ, отъ времени до времени, дарилъ народъ великолѣпными представленiями и фейерверками, по случаю разныхъ трiумфовъ, и шутовскими процессiями своего всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора.

Въ послѣдующiя царствованiя въ столицахъ устроились: итальянская опера и балетъ на иностранный манеръ, французскiй и нѣмецкiй театры, и установилось полное разобщенiе между благородной публикою, съ ея роскошнымъ театромъ, и «подлымъ» народомъ, съ его райкомъ, медвѣдями и куклами *). Одно осталось, впрочемъ, въ нихъ общее: это шутовскiя интермедiи, или, какъ называли ихъ встарину,—интерлюдiи. Эти интермедiи были уже введены въ первую комедiю «Есѳирь», игранную передъ царемъ въ 1672 году **); такiя же интермедiи въ продолженiе всего XVIII вѣка игрались и въ рогожныхъ балаганахъ. Сюжеты этихъ послѣднихъ, чисто народныхъ пьесъ весьма не замысловаты; вотъ, напримѣръ, одно изъ представленiй, которое, по разсказамъ Московскаго старожила В. Ѳ. Щербакова, игралось фабричными фабрики Таммеса, на Дѣвичьемъ полѣ: сидитъ царь Соломонъ на тронѣ; кругомъ его придворные (288); «Позвать ко мнѣ маршалку»,—кричитъ онъ; приходитъ маршалка, кла-

*) Сохранилось, впрочемъ, извѣстiе, что и в. кн. Наталья Алексѣевна допускала всякiй народъ, безъ различiя, на свои театральныя представленiя.

*) Обстоятельное описанiе театра за это время см. у Забѣлина, въ его Опытахъ, II. 490.

**) Комедiя эта составлена на манеръ англiйскихъ пьесъ того времени. Въ ней, рядомъ съ развитiемъ драматической фабулы Есѳири, гдѣ дѣйствующiя персоны говорятъ языкомъ Острожской библiи,—поминутно является русскiй шутъ, солдатъ Сусакимъ, ублюдокъ Гансвурста и Пикельгеринга, чтобы развеселить публику своими площадными шутками. Онъ только и думаетъ о „свиньяхъ жареныхъ и колбасахъ", и возбуждаетъ опасенiе въ своихъ сослуживцахъ, что самъ „скоро превратится въ свиное мясо". Длинная комическая сцена казни шута Сусакима разработана съ особенною подробностiю: Сусакима кладутъ на землю и майстеръ Никель, т. е. палачъ, вмѣсто меча, ударяетъ его по шеѣ лисьимъ хвостомъ; шутъ черезъ нѣсколько минутъ поднимается на ноги, и начинаетъ вездѣ искать своей головы, и „покорно безъ шляпы" проситъ зрителей, чтобъ ему возвратили голову: «аще ли кто изъ любви и прiятства ее скрылъ» (Древ. Рос. Вивл. VIII. 310.—Тихонравовъ, 16).

няется Соломону и спрашиваетъ: «о царю Соломоне, зачѣмъ меня призываеши, и что творити повелѣваеши?» — и, не дожидаясь отвѣта, поворачивается къ нему задомъ и производитъ нескромный звукъ (сжимая телячьи пузыри, которые у него подвязаны подъ мышками); придворные бросаются на маршалку и задаютъ ему потасовку, къ общему удовольствію публики; тутъ же задается встрепка и царю Соломону, — вотъ и все представленіе.

288. Судъ царя Соломона надъ богатымъ и нищимъ.

Въ другомъ балаганчикѣ, устроенномъ по почину правительства, вскорѣ послѣ моровой язвы, тоже подъ Дѣвичьимъ, ежедневно давались подобныя же интермедіи: идетъ, напримѣръ, прохожій въ длинной шинели; его останавливаетъ будочникъ крикомъ: «кто идетъ?» — прохожій отвѣчаетъ: „чортъ!“ — „А отчего ты безъ фонаря?“ спрашиваетъ хранитель порядка *). — «А оттого, что иду отъ пономаря», отвѣчаетъ прохожій; будочникъ хватаетъ его за полу, прохожій вывертывается изъ шинели и, дѣйствительно, оказывается чортомъ съ предлиннымъ хвостомъ; будочникъ гонится за нимъ, чортъ отъ него, — и этой скачкой съ препятствіями, приправляемой тѣми же пузырными звуками, заканчивается представленіе.

По словамъ И. Е. Забѣлина (Опыты, II. 452), въ Москвѣ школьники и подъячіе нанимали на святкахъ и масляницѣ дома и давали представленія для народа, разыгрывая Александра Македонскаго, Соломона, Евдона и Берту. Давались интермедіи и болѣе многосложныя, — на это прямо указываетъ наша картинка: точильщикъ носовъ. Въ точеніи носовъ, гаеръ кричитъ публикѣ: „гей, гей, вы всѣ народы, ступайте, кто имѣетъ у себя большой носъ, пріѣзжайте, хотя бы длинный, широкій и толстый, — призываю, то я ихъ въ скоромъ времени убавляю; еще жъ который и шишекъ много имѣетъ, также и угреватый, мастеръ пособить умѣетъ... а если хочешь носъ твой лучше привести, то подмастерье можетъ глянецъ навести, а сія фигура можетъ и вправду бывала, якобы въ комедіяхъ интермедіи играла». Къ такимъ же интермедіямъ принадлежатъ несомнѣнно: Голландскій лекарь и добрый аптекарь, Еремушка и бабушка, Аника воинъ и смерть.

*) Въ то время всѣмъ было приказано вечеромъ ходить съ фонаремъ.

Голландскій лекарь и добрый аптекарь устроилъ машину для помолаживанія старухъ (289): стоитъ огромная печь, въ нее вбрасываютъ раздѣтыхъ 90-ти лѣтнихъ старухъ, кипятятъ ихъ и жарятъ, и вынимаютъ снизу «пятнадцатилѣтними и безъ поврежденія въ умѣ»; старики везутъ своихъ старухъ на телѣжкахъ, а мастеръ витіевато объявляетъ публикѣ о своемъ искусствѣ *).

Разсказъ объ Аникѣ воинѣ уже помѣщенъ выше въ VIII главѣ; а разсказъ о томъ, какъ Еремушка заболѣлъ и къ себѣ бабушку привелъ, какъ старушка пришла и мѣшокъ съ горшками принесла, и стала свое дѣло исправлять, а сама приговаривать: «Еремушкино брюшко залечися, а ты Ерема деньги давай, не скупися; у тебя давно брюшко заболѣло и одервенѣло; непремѣнно надобно тебѣ горшковъ двѣсти накинуть, чтобъ животъ твой на прежнее мѣсто подвинуть», и о томъ, что было, когда она накинула Еремушкѣ на брюшко первый горшокъ, — разыгрывался въ лицахъ, въ солдатскихъ представленіяхъ еще очень недавно, конечно, съ разными улучшеніями и прибавленіями (см. картинку № 278).

*) Мотивъ картинки заимствованъ изъ нѣмецкихъ народныхъ листовъ. Въ Берлинскомъ музеумѣ есть картина Луки Кранаха младшаго (№ 593), на которой представлено, какъ старики везутъ своихъ старухъ цѣлыми возами и бросаютъ ихъ въ молодящее озеро; на другомъ берегу тѣ же старухи, но помоложенныя, пируютъ и веселятся, только уже не со своими старинами-мужьями, а съ добрыми молодцами.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ сохранилось множество интермедій полныхъ, т. е. съ полнымъ текстомъ — что̀ слѣдуетъ говорить каждой персонѣ, — и перечневыхъ, гдѣ указана одна программа разговора и дѣйствія, самое же развитіе ихъ предоставлено экспромпту актеровъ. Къ числу перечневыхъ интермедій можно отнести достаточное число народныхъ картинокъ, какъ, напримѣръ: разговоръ Фарноса и Пигасьи съ цѣловальникомъ «Ермакомъ;» разговоры — пьющаго съ непьющимъ, крестьянина съ философомъ, мальчика съ книжникомъ, жениха съ свахою; похожденія и потасовки разныхъ Вавилъ, Данилъ, Еремъ, Парамошекъ; роспись приданому и выборъ невѣсты. Вирши всѣхъ этихъ картинокъ такъ типичны и народны, что знатоки нашей народной археологіи, Даль и Снегиревъ, дословно выписывали изъ нихъ свои народныя пословицы, а Мельниковъ и Островскій цѣликомъ включали ихъ въ разговоры своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Олеарій слишкомъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ о Россіи, огульно обвиняя русскихъ въ распущенности и развратѣ; онъ забылъ, что въ то время, когда у насъ скоромныя представленія разыгрывались въ кукольной комедіи, — въ Италіи и во Франціи такія же интермедіи, но въ гораздо болѣе грязной формѣ, разыгрывались цѣлой труппой бродячихъ комедіантовъ. Стоитъ взглянуть на извѣстные «Balli di Sfessania» Калло и на костюмы Кукуру, Кокодрильо и Скарамучіа, съ огромными genitalia и въ самыхъ скабрезныхъ позахъ, чтобы убѣдиться въ необыкновенной наивности тогдашнихъ нравовъ Западной Европы.

289. Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ (интермедія).

XI.

Шутовство и шуты. —При Иванѣ Грозномъ.—При Петрѣ I. Самоѣдскій король. Капитанъ Ушаковъ; шутъ Шанскій. Шуты: Голицыны, Салтыковъ, Зотовъ и Бутурлинъ. Шутовство пополамъ съ пыткой. Петръ—врагъ сатиры; его необыкновенная жестокость. Всешутѣйшій соборъ и посвященіе изъ простыхъ чумаковъ въ цѣловальники.—Иностранные шуты: Лакоста, Педрило и Тремеръ.—Указъ Анны Леопольдовны объ упраздненіи шутовъ.—Шуты: Гоносъ и Петруха Фарносъ.—Разные дураки и дуры; Тарасъ плѣшивый. Ѳома съ Еремой—типы русскаго всезнайки. Пономарь Парамошка и другія шутовскія персоны.—Карлы и карлицы.

Шутовство и паясничество шли у насъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и на Западѣ и, точно такъ, какъ и на Западѣ, шуты наши дѣлились на дураковъ придворныхъ (Hofnarr) и дураковъ народныхъ (Volksnarr,—Grässe, 198).

Чрезвычайно любопытны для исторіи этого художества фресковыя изображенія разныхъ скомороховъ, находящіяся на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. Въ XVI вѣкѣ, Италія, отечество скарамушей и паясовъ, доставила намъ, вмѣстѣ съ своими художниками, не малое число и скоморошьяго матеріала. При Грозномъ разные блаженные—шуты особаго сорта—имѣли привилегію безнаказанно говорить звѣрообразному владыкѣ всякія дерзости. Грозный часто обѣдывалъ самъ-другъ съ дуракомъ, шутилъ съ нимъ разныя шутки и разъ какъ-то, ради потѣхи, даже всемилостивѣйше приказалъ налить ему за пазуху кипятку (Flögel, 408). Англійскій путешественникъ Коллинсъ разсказываетъ по части шутовского элемента въ Грозномъ разныя сказки—о томъ, какъ Грозный посылалъ въ Вологду за мѣховымъ колпакомъ и наложилъ пеню за то, что колпакъ пришелся не по мѣркѣ; какъ онъ обмѣнялся своей шапкой съ воромъ; какъ онъ придумалъ комическую казнь дьяку взяточнику, принявшему въ посулъ гуся, наполненнаго червонцами; какъ онъ сжегъ деревню, въ которую его не пустили ночевать, и какъ приказалъ боярамъ своимъ закупать дорогой цѣной лапти *). Въ другой разъ, по словамъ Коллинса, Грозный приказалъ, будто бы, прибить гвоздями шляпу на голову французскому послу **). Анекдотъ его съ Тарасомъ Плещеевымъ разсказанъ въ примѣчаніи къ № 187: «Р. Н. К.» IV, 294, перваго изд. 1881 г.

Въ расходной книгѣ царя Михаила Ѳеодоровича упоминаются царскіе шуты Макарка и Ивашка Андреевы, которымъ, въ 1638 году, были построены дурацкіе костюмы: куртка и штаны изъ краснаго сукна, и малиновыя ермолки; изъ дураковъ устраивались въ то время потѣшныя побоища (Петровъ, Для немногихъ. Спб. 1871, 33—40). Изъ расходныхъ книгъ Оружейной Палаты видно, что въ XVII в. (1633 г.) при царскомъ дворѣ находилось достаточное число потѣшниковъ-слѣпыхъ,—по всей вѣроятности пѣвцовъ, и

*) Какіе-то крестьяне поднесли Грозному рѣпу и лапти; это такъ понравилось ему, что онъ приказалъ своимъ боярамъ накупить себѣ у тѣхъ крестьянъ лаптей дорогою цѣною; крестьяне разбогатѣли и вышли впослѣдствіи въ бояре Лапотскіе. Коллинсъ добавляетъ, что показываютъ еще то дерево, у котораго стояли прежніе дома этихъ бояръ; прохожіе бросаютъ въ него старые лапти, въ память разсказаннаго происшествія (Буслаевъ, Очерки, I. 513).

**) Если это и неправда, то хорошо выдумано; очевидно, что Коллинсъ, прохаживаясь насчетъ Грознаго, позаимствовался изъ исторіи Мунтьянскаго Дракулы, который не только Грознаго превзошелъ, но еще особаго рода мѣховую пытку изобрѣлъ: «женскій срамъ сдиралъ».

дѣвокъ дурокъ; тамъ же упомянута шутиха слѣпая, жонка Манка, и на ряду съ ними уродивый Елисей и богомолецъ Исай. Всѣмъ этимъ потѣшникамъ шились костюмы съ шутовскимъ приборомъ: потѣшнику слѣпому, напримѣръ,—однорядка изъ зеленаго сукна, съ лазоревыми выпушками и обшлагами изъ золотнаго атласа,—на однорядкѣ 12 серебряныхъ пуговицъ; шапка красная, сапоги желтые. Другому слѣпому сшиты: шапка вишневая, штаны зеленые, ожерелье бархатное съ мишурой. Шутихѣ Манкѣ былъ устроенъ сарафанъ изъ лазоревой крашенины,—верхъ изъ краснаго сукна, пуговицы оловянныя. Уродивый былъ одѣтъ очень живописно: въ бѣлое сукно на лазоревой подкладкѣ; богомолецъ Исай—въ зеленое съ краснымъ, при чемъ костюмъ его былъ снабженъ 25-ю серебряными пуговицами и дорогой шапкой, обшитой соболемъ. Дѣвкамъ дуркамъ устроены были красныя и желтыя шапки.

Но никогда шутовство не доходило до такихъ уродливыхъ размѣровъ, какъ при Петрѣ Первомъ. При дворѣ этого государя было до ста дураковъ, раздѣленныхъ на разряды, и, кромѣ того, множество карликовъ и карлицъ. Были дураки титулованные, какъ, напримѣръ: самоѣдскій король—полякъ, получавшій по 10 рублей жалованья въ мѣсяцъ, кромѣ готоваго содержанія *).

Въ числѣ оффиціальныхъ дураковъ при Петрѣ былъ «многоутѣшный шутъ и смѣхотворецъ остроумноліотный» Ѳеофилактъ Шанскій, свадьбу котораго Петръ праздновалъ съ большимъ торжествомъ, въ домѣ Лефорта, въ 1702 году, съ участіемъ всешутѣйшаго собора. Свадьба эта была отпразднована на двухъ половинахъ—мужской и женской; сохранились и изображенія этого торжества, на двухъ листахъ, гравированныхъ тогда же граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ.

Дураками одѣвали людей разнаго чина и званія, надѣлавшихъ какія-либо дурачества, или такихъ, наконецъ, которыхъ царь хотѣлъ осмѣять за ихъ дерзость или проступки. Капитанъ Ушаковъ былъ посланъ курьеромъ изъ Смоленска въ Кіевъ, съ важными донесеніями; подъѣхалъ онъ къ крѣпости вечеромъ, видитъ ворота заперты,—онъ, не говоря ни слова, повернулъ свою лошадь, да назадъ въ Смоленскъ и пріѣхалъ. Его приговорили было за это къ разстрѣлянію; но Петръ, не утвердивъ приговора, приказалъ привести Ушакова ко двору и съ первыхъ словъ нашелъ въ немъ такого капитальнаго дурака, что не только отмѣнилъ безполезное разстрѣляніе, но еще опредѣлилъ его въ придворные дураки и выдалъ ему патентъ собственнаго измышленія на чинъ дурака-шутика **). Были дураки и подневольные, какъ, напримѣръ: несчастный князь Голицынъ, котораго Анна Ивановна сажала на яйца, заставляя кудахтать насѣдкой; за то много было и такихъ придворныхъ шутовъ, которые сами добивались этой почетной, а главное выгодной придворной должности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находимъ: придворную шутиху, княгиню Наталью Петровну Голицыну, дочь боярина Прозоровскаго, которую Екатерина 1-я почасту жаловала за непомѣрное пьянство (Русск. Стар., II. 470); шута генерала Салтыкова (Русск. Стар. 1875, Декабрь); шутовскихъ папъ

*) Онъ умеръ 1 декабря 1714 г. и погребенъ въ католической церкви „со многими церемоніями“. Онъ былъ коронованъ въ Москвѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, для этого торжества, было нарочно приведено въ Петербургъ множество оленей и 24 самоѣда, которые присягали королю на вѣрность (Das Veränd. Russland, I. 20. 29). Однажды даже, этому шуту вздумалось, не въ шутку, просить руки вдовы Лефорта (Пекарскій, I. 476). Самоѣды пользовались особеннымъ „комическимъ“ расположеніемъ Петра: онъ набиралъ ихъ не только для своей домашней забавы, но и посылалъ въ подарокъ, наравнѣ съ солдатами-великанами, въ другія земли; сохранился слѣдующій его приказъ архангельскому вице-губернатору, изъ Амстердама, отъ 11-го января 1717 года: „по полученіи сего указа, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бы были дурные рожіемъ и смѣшные, лѣтами отъ 15 до 18-ти, въ ихъ платьѣ и уборахъ, какъ они ходятъ по обыкновенію,—которыхъ надо послать въ подарокъ Грандукѣ Флоранскому; какъ ихъ сыщете, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ. Петръ“ (Арханг. Губ. Вѣд. 1876, № 4).

**) „Потентъ любезнѣйшему і близнейшему свойственнику по отцѣ, матери, женѣ і по протчимъ сродникомъ і свойственникомъ ево, яко неупърямому роду по обѣімъ поламъ, господину господину думному дворянину, Прокопію Ушакову черниныкому, мумричку, дурачику-чку. Вѣдомо чинимъ всѣмъ. кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобы оного называли неупърямой фамиліи веселенькой шутикъ іли дурачикъ-чокъ; а кто его назоветъ: дуракомъ»... и т. д.

Зотова и Бутурлина, и множество другихъ шутовъ и шутихъ изъ громкихъ и родовитыхъ фамилій.

Но нигдѣ наклонность къ шутовству не выразилась съ такимъ безшабашнымъ разгуломъ и грязнымъ цинизмомъ, какъ въ уставахъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора и въ смѣхотворныхъ процессіяхъ, устраивавшихся по случаю выбора папы и женитьбы патріарха. Нашелъ, напримѣръ, Петръ въ старинной латинской книгѣ, что сидѣла въ Римѣ на папствѣ папесса Іоанна, выдававшая себя за мужскую персону, что родила она во время крестнаго хода ребенка, и что съ той поры было установлено свидѣтельствовать вновь избраннаго папу,—есть ли у него genitalia,—и вотъ онъ сочинилъ для избранія своего князя-папы такую же церемонію: устроилъ особыя прорѣзныя сѣдалища, на которыя сажали папскихъ кандидатовъ. Къ этимъ кандидатамъ подходили по очереди члены собора и, «ощупавъ крѣпко ихъ естество, громогласно восклицали: «габетъ фраменъ! габетъ!! габетъ!!!»*), и затѣмъ продѣлывали цѣлую серію всякаго шутовства, уже собственнаго Петровскаго изобрѣтенія.

И что это было за ужасное шутовство всешутѣйшаго собора: нечаянно, напримѣръ, уронятъ человѣка въ воду, въ холодное осеннее время; насильно опоятъ до смерти; въ шутку, этакъ, зашибутъ до увѣчья; зубы здоровые повыдергаютъ,—шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, безпросыпно-пьяное.

Самый шутѣйшій изъ всѣхъ членовъ всепьянѣйшаго собора былъ, конечно, самъ державный смѣхотворецъ «Петръ протодіаконъ»*), и какъ ужасно перемѣшивались его забавы и шутки съ кнутомъ и виской: сегодня подымаетъ онъ на дыбу и бьетъ кнутомъ, безъ всякой надобности, шестнадцатилѣтнихъ фрейлинъ; завтра пишетъ уставъ всешутѣйшаго собора, по

290. Бѣсъ нѣкогда написалъ въ Римѣ надъ дверьми.

три—по четыре раза собственноручно исправляетъ и пополняетъ его,—въ промежуткахъ пытаетъ родного сына, а тамъ

*) Эпизодъ о папессѣ Іоаннѣ попалъ въ одну изъ народныхъ картинокъ, гравированную однакоже гораздо позднѣе: „Бѣсъ нѣкогда въ Римѣ написалъ надъ дверьми церковными у Петра и Павла: Папа родитъ ребенка" (№ 290). Преданіе говоритъ, что дѣйствительно папесса Іоанна родила во время крестнаго хода, и что въ Римѣ была ея статуя, которая по приказанію папы Сикста V брошена въ рѣку. Въ папскомъ соборѣ тоже стоялъ ея бюстъ на ряду съ бюстами папъ. Обрядъ ощупыванія „genitalia" у вновь избраннаго папы, дѣйствительно, производился и описанъ въ рѣдкомъ сочиненіи о правилахъ, соблюдаемыхъ при избраніи папъ. Въ собраніи М. П. Семевскаго находился одинъ изъ листовъ онаго, на которомъ было изображено прорѣзное кресло для совершенія этого обряда; самое кресло хранилось въ часовнѣ Латеранскаго собора. Несмотря на всѣ эти свидѣтельства, нѣкоторые писатели (въ томъ числѣ и Мюллеръ) отвергаютъ самое существованіе папессы Іоанны.

*) Или „Пертъ", какъ онъ шутовски подписывался въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ (Письма русскихъ государей. М. 1861, № 96, и мой Словарь русск. гравиров. портретовъ. Спб. 1872 г., XLI). Шутовская наивность въ этихъ письмахъ доведена до высокой степени. Изъ Спа, напримѣръ, Петръ пишетъ Екатеринѣ (въ 1717 г.) такое письмо: „Понеже во время питія водъ домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метрессу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была"; какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Екатерины, у этой метрессы оказалась любострастная болѣзнь (Письма русск. госуд., ч. I); переписка въ этомъ родѣ Екатерины съ дѣвицами Арсеньевыми и свѣтлѣйшимъ кн. Меньшиковымъ, напечатанная въ Сборникѣ Есипова, представляетъ еще болѣе пикантности. „Только эта женщина", какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, „и могла быть женою такого человѣка, который, не обращая ни на кого вниманія, считалъ себѣ дозволеннымъ дѣлать все, что ему ни приходило въ голову, и развлекаться всѣмъ, къ чему ни повлекла бы его необузданная чувственность. Петръ хотѣлъ, чтобы всѣ около него признавали хорошимъ все, что онъ ни дѣлаетъ. Такъ Екатерина и относилась къ Петру,—это была ея первая добродѣтель" (Древняя и Нов. Россія. 1877, II. 144).

опять выборы новаго папы, крѣпкое ощупываніе, опять пьянство, опять насилія. Говорятъ, такое ужъ тогда было время! Ну и слава Богу, что оно прошло, наконецъ, и не вернется болѣе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить то, что̀ писалъ о Петрѣ старый генералъ-маіоръ Іорданъ въ рапортѣ своемъ къ Саксонскому королю: «Ich meines Ort bin froh dass man einen so kostbaren Gast bald wieder los worden» – «съ своей стороны я радъ, что мы скоро избавимся отъ такого дорогого гостя» (Archiv für Sachs-Gesch., Leipzig 1873, XI. 337).

Упражняясь въ шутовствѣ, Петръ не терпѣлъ, однакоже, ни настоящей сатиры, ни сколько-нибудь свободнаго слова по этой части. Случилось какъ-то ему увидѣть у книжнаго торговца сатиры Ювенала,—онъ тотчасъ же заявилъ свое неодобреніе книгѣ, замѣтивъ, что сатира въ его государствѣ запрещена и что составитель сатиры будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ. Въ Лондонѣ особенно не понравились ему свободорѣчивые адвокаты: «есть и у меня этотъ товаръ»,—замѣтилъ онъ,—«пріѣду, всѣхъ перевѣшаю». Петръ не только не терпѣлъ противорѣчія себѣ, онъ не выносилъ даже самаго сдержаннаго и не высказываемаго прямо неодобренія своихъ поступковъ *). «Петръ дѣйствовалъ на Россію», говоритъ Фридрихъ Великій, «какъ крѣпкая водка на желѣзо». Впрочемъ тогда было, говорятъ, время на Руси такое: всѣ смотрѣли назадъ и думали глупо,—одинъ Петръ видѣлъ впередъ и думалъ за всѣхъ. Хорошо еще, что онъ все время былъ занятъ войной, да домашней неурядицей и всешутѣйшими соборами,—ну, а если бы не это, да вздумалось бы ему привести въ исполненіе изображенный имъ всеужаснѣйшій проектъ переселенія русскаго народа изъ окраинъ въ центральныя области?!

*) Huyssen, Ausführliche Beobachtung, 1705; Weber. Das Veränderte Russland, II. 23; Пекарскій, Наука и Литература, I. 99. Не рѣдко, подвергаясь гнѣву, Петръ приходилъ въ умоизступленіе; все бѣжало тогда отъ него, какъ отъ дикаго звѣря, и только одна Екатерина, по врожденной женской способности, съумѣла подмѣтить и усвоить такіе пріемы, которыми было возможно успокоить его въ это время.

Да не подумаютъ, что этими словами мы хотимъ набросить тѣнь на великаго преобразователя,—имя его стоитъ слишкомъ высоко для этого: онъ такъ много сдѣлалъ для славы и могущества своего государства, что никакія пятна не могутъ помрачить его солнца; мы взглянули на него только со стороны народной картинки, а съ этой стороны, надо говорить правду,—заслоняетъ его отталкивающая жестокость и неразборчивое расходованіе на жизнь и мясо своихъ подданныхъ, не оправдываемыя даже ни тогдашнимъ временемъ, ни тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ, по словамъ Фридриха Великаго, такъ же дѣйствовалъ на Россію, какъ крѣпкая водка на желѣзо*). Что же касается до исторической точки зрѣнія, то всѣ, конечно, будутъ согласны съ тѣмъ, что если, въ извѣстные періоды народнаго развитія, необходимъ деспотъ, то пусть это будетъ такой великій и полезный деспотъ, какъ Петръ,—первый человѣкъ въ своемъ государствѣ и первый слуга своему народу. Шутовство составляло для него необходимый роздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія.

Шутовскія затѣи Петра Великаго отозвались и въ народныхъ картинкахъ. Первая изъ нихъ представляетъ, до нѣкоторой степени, пародію на поставленіе властей всепьянѣйшаго собора. На этомъ постановленіи пьяный архижрецъ *рукополагалъ* нетрезваго члена, «во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, винъ, бочекъ, чарокъ, ендовъ, ковшей и плошекъ; канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла,

*) И если указами Петръ запрещалъ своимъ подданнымъ называться униженными именами Ивашекъ и Митекъ, то ни одинъ изъ его предшественниковъ не низводилъ этихъ Ивашекъ и Митекъ до той абсолютной безличности, въ которой они были зачислены въ Петровское время (Указъ 30-го декабря 1701 года).

великаго корабля и кита, носящаго ихъ». Затѣмъ архижрецъ производилъ кощунственное винопомазаніе съ такими приговорками: «тако да будутъ дрожати руцѣ твои... тако да будетъ кружиться умъ твой... сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ... да не познаеши десницы своей ниже шуйцы твоей во пьянствѣ», послѣ чего пѣлось «аксіосъ».

Въ подражаніе этому чину, на нашей картинкѣ представлено: «посвященіе изъ простыхъ въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники» (№ 291). Двѣнадцать чумаковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, ведутъ новопоставляемаго въ кабацкій покой, въ которомъ стоитъ бочка и на ней сидитъ Бахусъ, имѣющій рябинную кисть въ одной рукѣ и штофъ съ рюмкой въ другой. Тутъ же стоятъ двѣ обрюзглыя отъ пьянства бабы», въ панданъ всешутѣйшимъ игуменьямъ, присутствовавшимъ при избраніи князя-папы, по уставу всепьянѣйшаго собора *).

Должность архижреца занимаетъ въ народной картинкѣ хозяинъ кабака, который рукополагаетъ новопоставляемаго такими словами: «остави ты мірскія заботы и прилепися къ винной мѣрѣ, пріучай пьяныхъ подъ свою стойку, растворяй скупыхъ карманы и привлекай ихъ складывать кафтаны»; напослѣдокъ онъ садится на мѣрникъ и велитъ трубить въ винныя и пивныя воронки, и поютъ всѣ предстоящіе самую лучшую кабацкую пѣсню, то-есть: сурьямъ, тумрякъ. По окончаніи сего изъ топлюшечныхъ дверей выходитъ хозяйка въ коповатой фатѣ, въ престрашномъ кокошникѣ, выкладенномъ бисеромъ, и въ камчатномъ сарафанѣ, подпоясанная широкою покромкою и держа въ рукѣ отъ мѣрника гвоздь, привязанный на гашникѣ; хозяинъ, взявъ сулейку отъемной водки и наливъ рюмку, окачиваетъ новопоставленнаго съ головы до ногъ, вручаетъ ему мѣрникъ, мѣру, воронку и ливеръ, и отпускаетъ его въ уготованный ему домъ, что̀ называется кабакъ.

*) Должно быть, одну изъ нихъ встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ Кирши Данилова подъ именемъ Чурильей игуменьи.

Придворные шуты долго еще держались при русскомъ дворѣ и послѣ Петра Перваго; при Аннѣ Ивановнѣ оберъ-дураками числились: кавалеръ ордена св. Бенедикта, италіянецъ Педрилло, и еще другой шутъ Лакоста, старѣйшій изъ всѣхъ, носившій титулъ самоѣдскаго короля. Изъ титулованныхъ шутовъ,—князь Волконскій состоялъ въ нянькахъ при собачкѣ Анны Ивановны, а Квасникъ князь Голицынъ, какъ уже сказано выше, исправлялъ должность насѣдки; Анна Ивановна женила его на Калмычкѣ Бужениновой, приказавъ построить для торжества ихъ бракосочетанія знаменитый ледяной домъ и выписать разныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ — камчадаловъ, которые ѣхали въ процессіи на своихъ собакахъ *).

Пріѣзжалъ въ это время въ Петербургъ нѣмецъ-французъ (Deutsch Franços) Тремеръ искать хлѣбнаго мѣстечка; написалъ онъ нѣсколько виршевыхъ посланій покровителю своему Миниху, самой Императрицѣ и шуту Педрилло, и получилъ за то разные подарки. Въ числѣ разныхъ сочиненій этого Тремера есть ругательное поздравлнніе съ новымъ годомъ шуту Педрилло, съ прекуріозной картинкой (№ 292). Впереди этого посланія прописанъ полный титулъ Педрилло: «претендентъ на самоѣдское королевство, оленій вицегубернаторъ, тотчасскій комендантъ Гохланда, экспектантъ зодіакальнаго козерога, русскій первый дуракъ,.... извѣстный скрипачъ... и славный трусъ ордена св. Бенедикта». Изъ виршъ видно, что Педрилло пробрался въ Петербургъ черезъ Вѣну, въ качествѣ скрипача, а потомъ нашелъ болѣе выгоднымъ поступить въ дураки. Въ этой должности Педрилло получилъ прекрасно меблированную квар-

*) Описаніе этого дома было издано тогда же на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ картинками. Шутили на этотъ же манеръ, хотя и попроще, и россійскіе бояре того времени. Напримѣръ, Астраханскій губернаторъ Артемій Петровичъ Волынскій мичмана князя Мещерскаго (который у Матюшкина дуракомъ служилъ) посадилъ на два часа на деревянную кобылу, рядомъ съ своимъ собственнымъ дуракомъ Кузьминымъ, при чемъ приказалъ привязать къ ногамъ его пудовыя гири, да по собакѣ за заднія ноги, а потомъ, насыпавъ льду съ солью, снялъ съ него штаны и посадилъ на ледъ голой задницей, продержавъ въ такомъ положеніи дурака два часа (Руская Старина. 1872, V. 951).

тиру, съ залой, на стѣнахъ которой были написаны портреты бывшихъ до него пятидесяти дураковъ, карету съ парой лошадей и столовое серебро. Въ виршахъ упоминается и о томъ, что Педрилло, еще будучи въ Италіи, женился на очень хорошенькой женщинѣ, которая, впрочемъ, скоро ушла отъ него съ испанскимъ капитаномъ, взявшимся исполнять при ней обязанности вице-мужа; бѣдному Педрилло было запрещено въ Петербургѣ куртизанить съ женщинами, и онъ, поневолѣ, долженъ былъ взять себѣ въ любовницы «бѣлую козу». На эту тему сдѣлана и приложенная къ поздравленію картинка (№ 293): на ней представлено, какъ жена Педрилло ѣдетъ въ саняхъ съ своимъ вице-мужемъ; въ саняхъ запряжена коза, на которой сидитъ верхомъ самъ Педрилло и играетъ на скрипкѣ. Вдали виденъ маякъ острова Гохланда; изъ окошка выглядываетъ Лакоста; онъ кричитъ Педриллѣ: «podi protsch (поди прочь) senza testa». Съ боку представлены двѣ палатки: въ одной изъ нихъ на постелѣ, подъ одѣяломъ, лежитъ жена Педрилло съ своимъ капитаномъ, а около нихъ положена капитанская шпага. Педрилло, украшенный огромнами рогами и со свѣчкой въ рукахъ, вылѣзаетъ изъ-подъ кровати; сильно хотѣлось бы ему побезпокоить счастливыхъ любовниковъ, но капитанская шпага останавливаетъ его предпріятія. Педриллина любовница, бѣлая коза, тутъ же свѣтитъ фонаремъ. Рядомъ, въ другой палаткѣ, стоитъ круглый столъ, за которымъ, на стульяхъ, сидятъ: справа Педрилло, играющій на скрипкѣ, а слѣва его коза съ блюдечкомъ въ ногѣ — она пьетъ кофе. За палаткой стоятъ на часахъ два оленя. Книга Тремера имѣла въ свое время множество изданій: въ моемъ собраніи ихъ имѣется шесть разныхъ (Jean Chretien Toucemont, des Deutsch Françοs Schrifften.... Leipzigk bey dem Auteur und ock bey Johann Christian Troemer).

291. Посвященіе изъ простыхъ въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники.

Посланіе написано съ большою желчью; изо всего видно, что Тремеръ самъ пріѣз-

жалъ ко двору съ тѣмъ, чтобы добыть мѣсто перваго дурака, но такъ какъ Педрилло крѣпко сидѣлъ на немъ, то Тремеру пришлось уѣхать назадъ, не достигнувъ цѣли.

Принцеса Анна Леопольдовна, вступивъ въ регентство, однимъ указомъ уничтожила всѣ дурацкія должности и распустила придворныхъ дураковъ по бѣлу свѣту; но и послѣ нея шутъ и дураки еще долгое время цѣплялись за дворъ: шутъ необходимъ для деспота; онъ настолько низокъ въ жизненной лѣстницѣ, что можетъ быть его другомъ, наравнѣ съ собакою. Такіе шуты были даже до конца прошедшаго столѣтія *); и не только цари, но и простые дворяне держали при себѣ цѣлыя стаи шутовъ, дураковъ и дуръ **).

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ оффиціальные придворные шуты носятъ имена Гоноса и Фарноса — краснаго носа; впрочемъ эти господа: Гоносъ, Фарносъ, и представляютъ уже переходъ отъ придворнаго шута (Hofnarr) къ шуту народному (Volksnarr) и заимствованы, вмѣстѣ

293. Педрилло везетъ въ саняхъ свою жену съ ея любовникомъ.

292. Шутъ Педрилло.

*) Даже у Екатерины II была дурка Матрена Данилова, которую всѣ боялись: самъ оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ посылалъ ей къ праздникамъ подарки, чтобы не наговорила на него (Разсказы Мельникова, 144).

**) Покойный М. Окуловъ разсказывалъ, что богатый Серпуховскій помѣщикъ Нащокинъ, въ числѣ разныхъ забавъ, устроилъ въ имѣніи своемъ театръ и крѣпостной балетъ, и завёлъ цѣлую коллекцію дураковъ и дуръ, которыхъ онъ возилъ за собою цѣлыми партіями, въ фурахъ. Однажды, во время охоты, Нащокинъ увидалъ около лѣса какого-то полуодѣтаго человѣка, размахивавшаго руками по воздуху, — «это должно быть дуракъ», закричалъ онъ своимъ псарямъ, «поймать его». На неизвѣстнаго сдѣлали облаву и поймали; на самомъ дѣлѣ оказался дуракъ кубическій,—выгнанный изъ семинаріи поповичъ, который говорилъ безъ умолку, пересыпая рѣчи свои греческими и латинскими цитатами и текстами изъ св. Писанія. Нащокинъ очень полюбилъ его и всюду таскалъ за собою; узналъ какъ-то объ этомъ дуракѣ императоръ Павелъ и приказалъ представить его къ себѣ,—и здѣсь дуракъ заслужилъ одобреніе. Если вѣрить тому, что разсказывалъ Окуловъ, дуракъ этотъ помѣщался въ кабинетѣ императора, въ каминѣ (конечно, нетопленномъ) и часто сопровождалъ его въ прогулкахъ по городу. Разъ какъ-то, во время парада, дуракъ, подкравшись сзади къ царской лошади, началъ выбирать у нея изъ-подъ копытъ щепки; лошадь взвилась на дыбы и Павелъ чуть было не свалился съ лошади: «сослать его въ Сибирь», закричалъ онъ въ припадкѣ гнѣва. «Зачѣмъ въ Сибирь»,—замѣтилъ ему дуракъ хладнокровно,—«мнѣ и здѣсь хорошо». Отвѣтъ этотъ разсмѣшилъ Павла и дуракъ остался при прежней милости. При вступленіи на престолъ Александра Павловича, дуракъ лишился своей должности; встрѣтивъ государя на улицѣ, онъ сказалъ ему какую-то шутовскую дерзость и былъ за это высланъ къ прежнему своему благодѣтелю Нащокину.

съ своими нарядами, прямо изъ Итальянской пантомимы: Гоносъ «верхомъ на палочномъ конькѣ, брада у него власами, аки лѣсъ, густая, а голова мозгомъ, что дупло пустая», а Фарносъ «верхомъ на виноходной свиньѣ»,—оба въ дурацкихъ полосатыхъ кафтанахъ и колпакахъ съ бубенчиками *).

По мнѣнію одного археолога, картинки Гоноса и Фарноса должны изображать шутовъ Лакосту и Педрилло; названіе послѣдняго Петрухой музыкантомъ и скрыпачемъ на картинкѣ (№ 292) до нѣкоторой степени подтверждаетъ это предположеніе **). Оба они наполнены «внутреннимъ порохомъ», который «легко стрѣляетъ, а отъ пуль его никто раненъ не бываетъ», и имѣютъ назади дурацкій «символъ — ворону, отъ комаровъ оборону», и т. д.

Фарносъ пользовался особенною любовью составителя народныхъ картинокъ: въ нихъ онъ—то пляшетъ трепака, то наигрываетъ на волынкѣ, или на скрыпкѣ, то подсматриваетъ за шаловливыми любовниками, то вмѣстѣ съ женой своей Пигасьей, такой же шутихой, какъ и онъ самъ, переговариваетъ съ цѣловальникомъ Ермакомъ. Этотъ же самый Фарносъ съ незапамятныхъ временъ поступилъ и на кукольную сцену, подъ уменьшительнымъ именемъ Петрушки. Кромѣ Петрушки-Фарноса, изъ иностранныхъ шутовъ перешли въ наши картинки дурацкія персоны: Карпа и Лари (№ 294, 295); рейтара на пѣтухѣ и рейтарши на курицѣ; еще два дурака, подъ названіемъ: «трое насъ съ тобою» (т. е. съ тѣмъ, кто смотритъ на картинку) — «блажныхъ, шальныхъ дураковъ» (№ 296); воръ на яблонѣ; дурацкія персоны, скопированныя изъ Каллотовскихъ «Balli di Sfessania e di Cucurucu», при чемъ итальянка Riciulina преобразилась въ русскую даму Арину, а Пульчинель въ «голку Степку», и наконецъ персона Тараса плѣшиваго, которому три молодыя жены предлагали рецептъ, «какъ выростить власы на плѣши», съ его остроумнымъ отвѣтомъ молодухамъ, который можно прочесть подъ одной картинкой (см. «Р. Н. К.», изд. 1881 г. I. 425).

294—295. Шуты Карпъ и Ларя.

Старинныя скоморошныя персоны дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема — пакольникъ, который на масляной вылѣзаетъ на балаганный балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и невпопадъ, но только всегда въ римѳу, глотаетъ зажженную паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошачьимъ ублюдкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и прозваннымъ замазкой: это итальянскій Gian Farina, т. е. Иванъ мука (Callot, Balli di Sfessania, № 17). Въ послѣднее время эти типы почти совсѣмъ выродились.

296. Два дурака втроемъ.

*) Шуты Гоносъ и Фарносъ одѣты въ шутовскіе придворные костюмы того времени.

**) Фарносовъ и Дурносовъ находятся и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ макароническихъ трагедіяхъ Баркова.

Рядомъ съ шутами, позаимствованными у образованной Европы, съ давняго времени появляются у насъ шуты и своего собственнаго изобрѣтенія; впереди всѣхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, стоятъ Ѳома и Ерема, древнѣйшіе типы новѣйшаго русскаго Митрофана, этого аракчеевскаго всезнайки *), который, безъ всякой подготовки, готовъ на всѣ мѣста и должности. Станетъ такой молодецъ рѣчи говорить, ну кажется куда дѣлецъ,— совсѣмъ Максимъ, и шапка съ нимъ; а какъ возьмется за дѣло,—ну и выйдетъ Ерема, да еще какой!

Бываетъ, да и часто бываетъ, впрочемъ, что такого молодца лихая тройка, съ авоськой въ корню, вывозитъ тоже на большую дорогу; но нашихъ Ѳому съ Еремой, «крестьянскую сволочь», она только въ воду вывезла. За что̀ они ни схватятся, всякое дѣло у нихъ изъ рукъ вываливается: собирались было они и зайцевъ травить, и рыбу ловить,— нѣтъ имъ удачи, и кончили они тѣмъ, что оба на дно пошли; «оба упрямы», заканчиваетъ повѣсть, «со дна нейдутъ, — по Еремѣ блины, по Ѳомѣ пироги, а начинку выклевали воробьи» **). Впрочемъ и нашимъ героямъ надоѣло повидимому на днѣ сидѣть, и вышли они на свѣтъ Божій въ новой картинкѣ, въ видѣ скомороховъ Ѳомушки музыканта и Еремы поплюханта.

Очень типично описаніе Ѳомы и Еремы по рукописной повѣсти XVII вѣка: у обоихъ у нихъ носы покляпы, бороды какъ бороны, а усы какъ кнуты; оба они брюхаты и пузаты и умомъ оба ровны; при этомъ Ерема былъ кривъ, а Ѳома шелудивъ; въ такомъ шутовскомъ видѣ они и представлены на картинкѣ (№ 297), съ надписью: «Ерема, сидѣлъ бы ты дома, строгалъ бы женѣ своей веретена, а жена бы нитки пряла, да въ плетюху клала». На картинкѣ (№ 299), изображающей

*) «У меня уменъ и ученъ не тотъ, кто учится, а кому прикажу быть ученымъ» (Русск. Стар. 1877, II. 242),—говаривала эта шутливая персона; въ наше время слова эти возбуждають нѣкоторое веселіе,— точно такъ, какъ и «пороховыя вирши» Фарноса въ его куцей курточкѣ и остромъ колпачкѣ съ бубенчиками; но каково было слушать рѣчи этого Фарноса его современникамъ?

**) Такіе пироги въ монастыряхъ зовутъ: «съ молитвой», а въ міру: «съ пустяками».

рядъ неудавшихся предпріятій нашихъ героевъ, кромѣ Ѳомы и Еремы, представленъ лихой пономарь Парамошка, который подчуетъ ихъ пинками и топками. Этотъ Парамошка—образчикъ блаженной памяти семинариста, неудачно скитавшагося по дебрямъ богословія и элоквенціи и вынесшаго, благодаря атлетической натурѣ своей, несчетныя истязанія за свою тупость къ наукѣ и прожорливыя наклонности. Въ молодости это смѣлый кулачный боецъ, который дерется со старымъ знакомымъ своимъ, Кадыкомъ Ермакомъ. Въ старости мы уже видимъ его съ ко-

297. Шутливыя персоны Ѳома и Ерема.

сичкой на затылкѣ и въ большихъ очкахъ на носу; въ этомъ уборѣ денно и нощно играетъ въ кабакѣ съ пьяницей Савоськой въ карты, въ носки и въ трынку (№ 298). Въ молодости своей Ерема является еще въ двухъ мѣстахъ: на одной, крайне нелѣпой, картинкѣ: «Мужикъ Пашка поѣлъ кашки, испилъ бражки» и началъ, ни съ того ни съ сего, пороть ножемъ козла, а братъ его Ермошка помогаетъ ему въ этомъ, но не совсѣмъ удачно (№ 300) *); на другой: Еремушка шутитъ непригодныя шутки съ бабушкой, которая пришла полѣчить ему брюшко горшками.

За Ѳомой и Еремой слѣдуютъ дурацкія

*) Цѣловальники поголовно прозывались Ермаками (т. е. Еремками, I. 334); подъ этимъ названіемъ они участвуютъ въ котовомъ погребеніи: «мыши ермаки, надѣвши валены колпаки» (I. 395). Еремкой, въ словарѣ всешутѣйшаго Петровскаго собора, звалось распутство (Русск. Старина, VIII, 848).

персоны, изобрѣтенныя во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и притомъ

298. Парамошка обыгрываетъ въ карты Савоську.

299. Шуты Савоська и Парамошка.

весьма неостроумной породы: Вавила да Данила (№ 301), Ѳока Андронычъ и Сысой Сазонычъ (№ 302), Софронка и Хавронья (№ 303), Прохоръ да Борисъ поссорились, подрались, за носы взялись (№ 304); Ералашъ съ молодицей, которой онъ «сулитъ два гроши, чтобъ перебила у него въ бородѣ всѣ воши» (№ 305), и наконецъ совсѣмъ безсвязная картинка — Захаръ, Пантюха и Филатъ, изъ которыхъ по-

слѣдній сидитъ въ крошнѣ, съ подписью: «Филатъ тому и радъ, хотя въ крошнѣ спать, не хочетъ работать, охот-

300. Мужикъ Пашка да братъ его Ермошка.

301. Шутливыя персоны Вавило и Данило.

никъ голубей гонять» (№ 306). Затѣмъ еще: Плясунья шутиха (№ 307) и Дуракъ и Дура нянчаютъ котенка (№ 308).

Въ Москвѣ шутовство было еще въ полномъ ходу до послѣдняго времени въ лицѣ смышленаго дурака Ивана Савельича, всенародно бѣгавшаго на гуляньѣ въ Подновинскомъ, съ декольте, въ шитомъ красномъ мундирѣ, въ женской юбкѣ и въ женской шляпѣ задомъ на-

передъ (№ 309) **), — и нѣсколькихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ шутовъ.

302. Шутливыя персоны: Ѳока Андронычъ и Сысой Сазонычъ.

303. Софронка и Хавронья.

Кромѣ шутовъ, при дворѣ и у зажиточныхъ дворянъ заведены были карлики и карлицы. По росписи 1710 г. ихъ числилось въ одномъ Санктпетербургѣ — 72 человѣка; въ томъ году Петръ устроилъ торжественное и смѣхотворное бракосочетаніе своего любимаго карлы Екима Волкова, которое и было выгравировано въ слѣдующемъ году на мѣдной доскѣ мастеромъ Оружейной Палаты Алексѣемъ Зубовымъ. Карловъ одѣвали въ франтовскіе шитые кафтаны, а карлицъ въ роброны съ фишбейнами и богатые уборы; во время обѣда они ходили по столу и разливали гостямъ вино, медъ и пиво. Веберъ разсказываетъ, что на одномъ ужинѣ у кн. Меншикова подали Петру большой пастетъ, изъ котораго, когда сняли верхнюю корку, выскочили на столъ двѣ карлицы.

304. Шутливыя персоны Прохоръ да Борисъ.

На нашихъ картинкахъ представлены разодѣтые карлы временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II (№ 310): они ве-

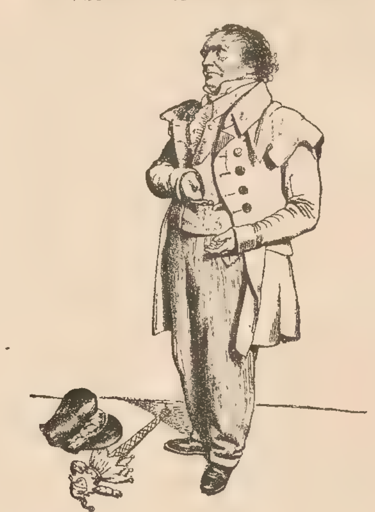
**) Московскій шутъ Иванъ Савельичъ—любимецъ старухи К. П. Толстой, которую онъ звалъ запросто «Пер..вной»,—и многихъ Московскихъ баръ и барынь 1820—40 годовъ; онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ втридорога; всякій покупалъ у него охотно, за его прибаутки и присказки. Онъ отличался особеннымъ искусствомъ по части легкаго пороха и исполнялъ при его посредствѣ марши и цѣлыя пьесы. «Сына», разсказывалъ онъ, «хотѣлъ я пустить по своей дорогѣ. выгодно, право; да нѣтъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустилъ». О другихъ подобныхъ персонахъ см. книгу: Наши чудодѣи, СПБ. 1875.

305. Ералашъ.

306. Филатъ тому и радъ, что можетъ спать въ кропшѣ.

307. Плясунья-шутиха.

308. Дуракъ и дура нянчатъ котенка.



309. Московскій шутъ Иванъ Савельичъ.

310. Карлъ и карлица.

дутъ между собой амурные разговоры. На одной изъ нихъ карла пристаетъ къ карлицѣ: «слушай, душа моя, уже я подлѣ твоихъ воротъ трусь, а на дворъ идти— хозяина твоего боюсь, а теперь станемъ мы съ тобою жартвовать и другъ друга цѣловать»; разряженная и облѣпленная мушками карлица отвѣчаетъ: «вижу, мой свѣтъ, что ты меня любишь и правду говоришь, а не шутишь»; внизу картинки сдѣлана на тарабарскій манеръ подпись: «чего ты розиня смотришь?»—подпись, очевидно относящаяся къ тому, кто слишкомъ внимательно станетъ разсматривать картинку.

XII.

Шутовскіе листы на иностранцевъ. Нѣмецъ, Нѣмка, Польскій панъ Трыкъ и Херсоня. Карикатуры на французовъ въ 1812 году. Изгнаніе изъ Москвы французскихъ торговокъ и артистовъ. Взятіе Москвы. Наполеонъ въ Кремлѣ. Московскіе пожары. Французская кухня. Грабежи. Бѣгство Наполеона изъ Москвы. Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ; Долбилы, Гвоздилы и Кузминичны. Вавила морозъ; холодъ и голодъ. Ростопчинскіе листки и афиши. Конечное истребленіе великой арміи. Наполеонъ въ Парижѣ. Русскіе морозы. Похожденіе о Носѣ и о сильномъ Морозѣ.

За дурацкими персонами слѣдуютъ шутовскіе листы на иностранцевъ, впрочемъ лишенные всякаго остроумія: Молодая нѣмка кормитъ старика нѣмца соской (№ 311); Нѣмецъ и батракъ; Нѣмка верхомъ на старикѣ — картинка съ политическимъ оттѣнкомъ; Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ (№ 211), и Обезьяны-шарманщики. Все это не болѣе, какъ безсвязная насмѣшка оскорбленныхъ школьниковъ надъ своимъ строгимъ гувернеромъ, какимъ является у насъ нѣмецъ за послѣднія двѣсти лѣтъ, — какой-либо серьезной, затаенной злобы въ нихъ и намека нѣтъ. Какъ клопъ въѣлся нѣмецъ въ русскую жизнь: куда ни оглянись, — вездѣ онъ, вверху и внизу, сидитъ и работаетъ; въ семью русскую, да не только боярскую, а и въ простую, вошелъ онъ, слился съ нею: въ иныхъ мѣстахъ больше иного русскаго русскимъ сдѣлался.... за чтó же станетъ его народъ корить? Нѣмца бить — значитъ себя по щекѣ ударить; ну, а потрунить надъ Иванъ Иванычемъ, нельзя не потрунить: «хитеръ, дескать, нѣмецъ, — обезьяну выдумалъ».

№ 311. Молодая нѣмка кормитъ старика нѣмца соской.

Жида въ Москвѣ въ прежнее время вовсе и слышно не было; нѣтъ поэтому на него и шутовскихъ картинокъ (ср. только № 312); а надъ полякомъ посмѣялся русскій человѣкъ только насчетъ его хвастовства: «Панъ Трыкъ — полна пазуха лыкъ, три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряетъ» (или, по другой присказкѣ: «щеголь, хвостъ веретеномъ, дома щи безъ крупъ, а въ людяхъ шапка въ рубль»), да надъ гулливостію прекрасныхъ полекъ, въ лицѣ дамской персоны Херсони, которая по ночамъ не усыпаетъ, къ услугѣ всѣмъ Трыкамъ: «идемъ въ поле (говоритъ она), та буде намъ вȏле» (№ 313).

Что же касается до англичанъ, то эта образованная и свободолюбивая нація пользовалась у насъ изстари отмѣннымъ уваженіемъ, хотя въ народѣ и ходили на нее карикатуры иностраннаго производства. Петръ благоволилъ къ англичанамъ; англичанъ уважалъ—даже никого не уважавшій генералъ-маіоръ Измайловъ, который безнаказанно заводилъ у себя гаремы, истязалъ крестьянъ и жегъ крестьянскія избы, но хорошо помнилъ, что нельзя съ такою же беззаконностію оскорбить самомалѣйшаго члена этой странной націи —

312. Жидъ Лейба, работы кіевскаго гравера Гошемскаго.

какого-нибудь директора завода и даже простого мастера.

Француза русскій народъ издавна любилъ за его почти русскую безпечность и незлобіе: «французикъ веселая голова, — живетъ спустя рукава; дымомъ грѣется,—шиломъ брѣется; сытъ крупицей,—пьянъ водицей». Сегодня клянется въ любви и дружбѣ, а завтра, смотришь, ни съ того, ни съ сего, во вчерашняго друга бомбу пуститъ. Впрочемъ, французъ пользовался въ народѣ до 1812 года не слишкомъ большою извѣстностью. Только въ этомъ году пошли на него карикатуры, которыя не смѣхъ, а скорѣе ужасъ возбуждаютъ.

Другое дѣло въ высшемъ кругу,—здѣсь французъ является полнымъ хозяиномъ съ половины XVIII вѣка. Въ «Мысляхъ не вслухъ на Красномъ крыльцѣ» Ефремовскаго старосвѣтскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева,—гр. Ростопчинъ говоритъ: «Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ!—выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову... Русскихъ они считаютъ за медвѣдей... всему у нихъ свое названіе: «холопъ—mon ami, Москва — ridicule; Россія—fi donc». Господи помилуй! только и видимъ, что молодежь одѣтую, обутую по-французски. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное — Парижъ. Старухи и молодыя сошли съ ума. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо

313. Панъ Трыкъ и Херсоня.

мясного ряду... Это лѣтъ ужъ тридцать у насъ завелось» (Соч. Ростопчина, изд. Смирд., стр. 10).

Въ письмѣ къ Богатыреву, другого Ростопчинскаго философа Правдина, Ростопчинъ языкомъ Правдина говоритъ, что въ Россіи только и видишь молодежь, во всѣхъ отношеніяхъ французскую (324). Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ, лучшій аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу мадамъ?—она и не

426.

Н...нъ у Русскихъ въ банѣ

380.

Иванъ Теребеневъ

УГОЩЕНІЕ НАПОЛЕОНУ ВЪ РОССІИ

Гостинцовъ Рускихъ захотњлось,

XXXVII-XL. ВЫѢЗДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ АРТИСТОВЪ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ 1812 ГОДУ, РАБОТЫ ВЕНЕЦІАНОВА, И ТРИ КАРИКАТУРЫ, РАБОТЫ И. ТЕРЕБЕНЕВА.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ СПБ

кись о дочеряхъ моихъ... А какія мадамы то!... я самъ знаю нѣкоторыхъ, которыя нѣсколько мѣсяцевъ были мадамами, а теперь сидятъ у модницъ, шьютъ тряпки (327).... Войдешь въ знатный домъ—только и слышишь по-русски: человѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ... Пойдешь и не къ знати даже—къ купцамъ, то же, да то же (Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго въ СПБ., или посланіе Силы Сидоровича Правдина къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, стр. 327).

1812 годъ также памятенъ для Россіи, какъ и годъ Мамаева нашествія, и всякое новое свѣдѣніе, всякій незначительный разсказъ очевидца о тогдашнемъ времени, несмотря на цѣлые 83 года, которые насъ отъ него отдѣляютъ, все еще читаются съ живымъ и кровнымъ интересомъ. Ни одно событіе не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галлереѣ нашей, начиная отъ истинно-художественныхъ карикатуръ талантливыхъ мастеровъ Теребенева и Иванова и кончая копѣечными Долбилами и Гвоздилами Ростопчинскаго измышленія; около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, лицевыя вѣдомости всего того, что̀ происходило въ это достопамятное время, день за день: геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволъ, Наполеоновы неудачи и бѣгство и конечное истребленіе его арміи.

При извѣстіи о нашествіи Наполеона,— разсказываетъ А. Пушкинъ, — Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина, — народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли, дамы струхнули. Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный перевѣсъ, и гостиныя наполнились патріотами: кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отка̀зался отъ лафита и принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни (Соч. А. Пушкина, 1869 г., IV, 138). Первыя картинки, слѣдуя хронологическому порядку, представляютъ въ лицахъ вредъ французскаго воспитанія: гувернеръ надуваетъ мальчику въ голову безстыдство, эгоизмъ и вольнодумство; усыпляетъ на розахъ госпожу, отравляетъ ея сердце и разрушаетъ обязанности супруги; въ магазинахъ у француженки происходятъ ухаживанія за мастерицами и назначаются любовныя свиданія. Далѣе идетъ высылка французовъ изъ Москвы, по распоряженію Ростопчина: учителя и артисты французскіе, — поваръ, кучеръ, виноторговецъ и музыкантъ, — «оставляютъ Москву»; бѣгутъ изъ Москвы толстыя модныя торговки — «ихъ нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали»; за дрогами, наполненными всякимъ бутафорскимъ хламомъ, идутъ въ ногу три драматическія актрисы въ бѣлыхъ платьяхъ и цвѣточныхъ гирляндахъ. Затѣмъ слѣдуютъ картинки изъ пребыванія Наполеона въ Москвѣ, такъ живо описаннаго въ статьяхъ А. Н. Попова (въ Русск. Архивѣ за 1876 годъ). Наполеонъ увидѣлъ Москву въ первый разъ съ Поклонной горы 2-го сентября; было около двухъ часовъ пополудни; тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ, войсками овладѣла радость: «Москва! Москва!» — закричали они и, прибавивъ шагу, двинулись впередъ; всѣ перенесенныя трудности были забыты въ эту минуту (C-te Ségur, Hist. de Nap., II. 33 — 35). Наполеонъ, подъѣхавъ къ Камеръ-Колежскому валу у Дорогомиловской заставы, подозвалъ къ себѣ своего генералъ-адъютанта гр. Дюронѐ, далъ ему такое порученіе: «Поѣзжайте въ городъ, генералъ, устройте порядокъ службы и составьте депутацію, которая должна поднести ключи», — и затѣмъ сталъ спокойно ходить взадъ и впередъ. Но ключей въ городѣ не оказалось *). Нѣсколько французовъ, оставшихся въ Москвѣ, были приведены къ Наполеону, и объяснили ему, что Москва

*) Въ Бабушкиныхъ разсказахъ (Русск. Вѣстн., т. 136, стр. 737) говорится о томъ, что Кремлевскіе ключи (?) были поднесены Наполеону какою-то Загряжскою, за что̀ ей было подарено Наполеономъ имѣніе Кузминки; но свѣдѣніе это нигдѣ болѣе не подтверждается.

оставлена жителями. «Какое невѣроятное событіе!» - вскричалъ Наполеонъ — «надо обдумать его; приведите мнѣ бояръ; здѣсь, вѣрно, не знаютъ, какъ сдаваться» (Поповъ, Р. А. 1876, II. 238). Извѣстіе, что Москва пуста, что въ ней нѣтъ ни арміи, ни жителей, привело въ уныніе войска и поразило самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. «Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ её, и это повторяется нѣсколько разъ. Въ этомъ положеніи проходитъ битый часъ; окружающіе его генералы стоятъ— не шелохнутся» (Поповъ, 248; Корбелецкій. Кратк. повѣсть, 27—28).

Нѣсколько успокоившись, Наполеонъ сѣлъ на лошадь; проѣхавъ Дорогомиловскую слободу, онъ снова слѣзъ и началъ ходить взадъ и впередъ пò берегу; а ключей все не несутъ, бояръ тоже налицо не оказалось,—«эфектъ торжественной минуты», до котораго Наполеонъ былъ такой охотникъ, былъ потерянъ безвозвратно. А между тѣмъ, съ другой стороны Москвы, по дорогамъ на Рязань и Владиміръ, выходили русскія войска, и за ними толпы Москвичей со своими пожитками. Мертвая тишина воцарилась съ выходомъ ихъ; только тамъ и здѣсь ходили буйныя толпы, разбивая кабаки, и тамъ-сямъ начинался грабежъ. Наполеонъ ночевалъ въ этотъ день въ трактирѣ, чтò въ Дорогомиловской слободѣ; въ этотъ же день къ вечеру занялся пожаръ на Солянкѣ, а на другой день, когда Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Кремль,— запылалъ городъ (по-петербургски Гостиный дворъ) и балчугъ. Четыре ночи затѣмъ не зажигали свѣчей по ночамъ— такъ было свѣтло отъ полымя. Горѣло все Замоскворѣчье, — видъ былъ великолѣпный, но только не для Наполеона, который былъ раздраженъ до нѣльзя; положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ, и побѣдитель, пробираясь переулками сквозь сплошныя массы горящихъ строеній, едва-едва выбрался къ Дорогомиловскому мосту, и поселился съ небольшою свитою своей въ Петровскомъ загородномъ дворцѣ (Поповъ, I. 330).

На этотъ случай Теребеневымъ издана была картинка, представляющая Наполеона, окруженнаго Московскимъ пожарищемъ, съ виршами внизу:

«Всѣ треснули теперь предположенны планы,
Всѣ угрожаютъ мнѣ, мной покоренны страны,
Все взяло ходъ иной, все стало измѣнять;
Тиранитъ все меня; пропалъ я,—чтò начать?»

Озлобленный Наполеонъ приказалъ наказать зажигателей; изловили нѣсколько десятковъ русскихъ мужиковъ и мѣщанъ, обвинили ихъ въ поджогахъ и «для примѣра» разстрѣляли, — тѣмъ правосудіе и кончилось, а Москва все-таки сгорѣла.

Вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву,— разрѣшенъ А. Поповымъ весьма просто и основательно: сожгли её сами Москвичи (Рус. Арх. 1876 г., Май). Первые пожары были произведены 2-го сентября, по приказанію Ростопчина, полицейскимъ чиновникомъ Вороненкой, — для прикрытія выходившихъ изъ Москвы войскъ и жителей; купцы и мастеровые, еще до пожара, прямо говорили Ростопчину, что лучше сжечь Москву, чѣмъ отдать ее въ руки непріятеля. Жители Московскіе и сами послѣ того хвалились, что сожгли дома свои,—не доставайся только французу. Жгли Москву арестанты, выпущенные изъ острога гр. Ростопчинымъ, жгли ее свои грабители, жгли и союзныя войска, которыхъ водили на грабежъ по очереди *). Занимался грабежомъ и самъ Наполеонъ: въ Успенскомъ соборѣ были устроены плавильные горны, а, вмѣсто

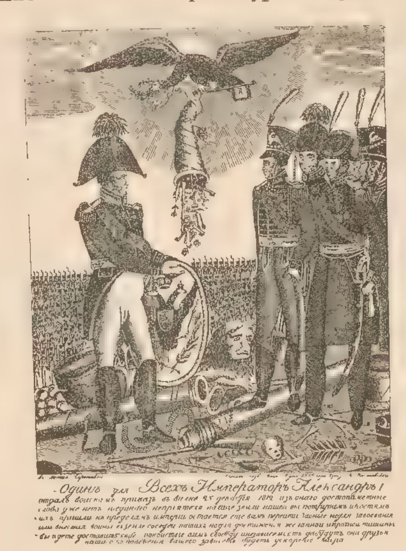
*) Въ Каретномъ ряду, напримѣръ, французскіе офицеры отобрали себѣ экипажи и замѣтили ихъ своими именами; тотчасъ же по уходѣ ихъ, хозяева зажгли свои лавки (Поповъ, 213).

паникадилъ, были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали серебро и золото, выплавленное изъ церковныхъ вещей; на иконостасѣ даже остались слѣды цифръ: «325 пудъ серебра и 18 пудъ золота» (Поповъ, Р. А. 1876, I. 442). На картинкѣ, представляющей это «истинное происшествіе», — «Наполеонъ сидитъ за столомъ и взвѣшиваетъ награбленныя вещи; передъ нимъ лежитъ бюллетень, въ которомъ онъ извѣщаетъ своихъ подданныхъ, что участь Россіи кончена. Улинò, побѣжденный и раненый, стоитъ на деревяшкѣ передъ великимъ героемъ и, держа въ рукахъ женскую парчевую юбку, спрашиваетъ: «куда ее дѣть?»—«Хороша для выжиги», отвѣчаетъ Наполеонъ. Мюратъ стоитъ у очага, и держитъ на огнѣ кастрюлю съ выжигою; Евгеній поддуваетъ мѣхомъ; Ней подкладываетъ уголья, а Даву, изъ разбросанныхъ на полу церковной утвари и другихъ вещей, выбираетъ лучшее для Наполеонова музеума».

Пожаръ Москвы возбудилъ противъ Наполеона непримиримую ненависть со стороны народа. «Уже слышенъ къ намъ гласъ Всеавгустѣйшаго Монарха, который взываетъ: «потушите кровію непріятельской пожаръ Московскій» (Русск. Стар. 1877, II. 278), — писалъ въ приказѣ дѣдушка Кутузовъ. «Огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость Наполеона и славу Россіи. Дотолѣ не положу оружія моего, доколѣ не сотру съ лица земли Русской врага, дерзнувшаго войти въ ея предѣлы. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина! На начинающаго Богъ!»—говорилъ знаменитый манифестъ благословеннаго Александра (ср. № 314).

О томъ, какъ отозвались на этотъ манифестъ Пожарскіе и Палицыны, можно читать въ исторіяхъ 1812 года,—въ наши картинки они не попали. Здѣсь дѣйствуютъ все лица, не положенныя въ приказѣ, — простота, да голь: бабушка Кузминична, да бабушка Спиридоновна, старостиха Василиса съ дочерью, да тетушка Терентьевна, русскіе мужики Долбила, да Гвоздила, Сила Богатыревъ, Павелъ Прохоровъ да Карнюшка Чихиринъ... и понялъ Наполеонъ, что взять тутъ, значитъ, нечего,—приходится убираться домой, несолоно хлебавши, и побѣжалъ онъ, родимый, безъ шапки и безъ оглядки: «прощай, братъ! кланяйся своимъ, да не забывай и нашихъ!»—кричитъ ему вслѣдъ русскій ратникъ съ вилами.

На другихъ картинкахъ Наполеонъ представленъ скачущимъ, то на санкахъ по шею въ боченкѣ, то въ лубочномъ ящикѣ, то въ одиночку на дровняхъ, то въ одноконной польской кибиткѣ. Особенно забавны карикатуры Теребенева.



314. Императоръ Александръ I съ гр. Платовымъ и прочими сподвижниками 1812 г.

На одной, «Французскій вояжеръ 1812-го года», Наполеонъ въ огромныхъ валенкахъ и, скорчившись отъ холода, ѣдетъ, въ салазкахъ, на свиньѣ въ одиночку; волосы у него стали дыбомъ, какъ у ежа; онъ говоритъ: «на Парижъ прохладно, на Москвѣ очень жарко»; свинья отвѣчаетъ ему: «уій, уій, уій, Мосіе». На другой изображенъ: «обратный путь, или дѣйствіе слабительнаго порошка»: крестьянинъ напяливаетъ на Наполеона его треугольную шляпу, а казакъ подстегиваетъ его нагайкой, и оба приговариваютъ: казакъ—«ступай, неси скорѣе по старой до-

рогѣ домой, и скажи всѣмъ своимъ, что насилу могъ донести собранную съ Русскихъ контрибуцію», крестьянинъ — «а чего въ штанахъ не унесешь, такъ инъ въ шляпу покладешь»; Наполеонъ поправляетъ штаны, въ которые онъ сильно наложилъ русской контрибуціи. Типичная фигура Наполеона передана на обѣихъ картинкахъ превосходно.

Очень хороши и забавны карикатуры Теребенева, представляющія угощенье Наполеона въ Россіи передъ его отъѣздомъ. На одной изъ нихъ Наполеонъ пляшетъ въ присядку, вдвоемъ съ маршаломъ, подъ музыку: «ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ»; крестьянинъ подстегиваетъ его кнутомъ *).

На другой—представлена баня: Наполеонъ кричитъ: «этакова мученья я съ роду не терпѣлъ,—меня скоблютъ и жарятъ, какъ въ аду»; ратникъ поддаетъ пару, солдатъ паритъ Наполеона вѣникомъ, а казакъ брѣетъ, схвативъ пальцами за носъ,—все съ приличными прибаутками.

На третьей— представлено угощеніе Наполеону: онъ провалился въ кадку съ Калужскимъ тѣстомъ; на головѣ его вѣнокъ изъ калачей, нанизанныхъ на веревочкѣ; солдатъ засовываетъ ему въ ротъ огромный Вяземскій пряникъ, а ратникъ наливаетъ въ стаканъ сбитень, вскипяченный на Московскомъ пожарищѣ; внизу вирши:

«Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось:
Вотъ сласти русскія! поѣшь, не подавись,
Вотъ съ перцемъ сбитень, попей не обожгись».

Вслѣдъ за Наполеономъ поскакали его маршалы, и плохо пришлось тѣмъ, кто не успѣлъ во-время выбраться: образовались летучіе отряды партизановъ Фигнера, Давыдова и Сеславина; появились отдѣльныя казацкія шайки, истреблявшія мелкіе непріятельскіе отряды; голодъ, плохая одежда и страшный Вавила морозъ ошеломляли самыхъ выносливыхъ, а кто оставался еще на ногахъ, — того угомоняли Еремы, Гвоздилы, Долбилы, да старостиха Василиса съ бабушкой Спиридоновной.

Еще въ октябрѣ 1812 г. Кутузовъ писалъ: Москва очищена, непріятель гибнетъ тысячами отъ недостатка продовольствія. Да и въ Москвѣ, на кухнѣ главной квартиры, столъ готовился не очень сытный, судя по слѣдующему меню, который дошелъ до насъ на картинкѣ: 1. Soupe aux Corbeaux, 2. Compotte d'Anguilles, 3. Petits patés aux Grenouilles, 4. Fricassé de Cheval aux pommes de terre. 5. Boef à la mode (comme il manque de Boef, on se servira du Cheval, 6. Un chat et une douzaine de Grenouilles roties, 7. Gigot de Cheval, 8. Dessert du fromage avec des Grenouilles fumées, 9. Des Gâteaux à la crême aux Souris». Стряпня на картинкѣ въ полномъ ходу: одинъ поваръ жаритъ на вертелѣ кошку,—вертелъ вертитъ гвардеецъ; другой поваръ жаритъ лягушку; третій мѣситъ тѣсто съ крысами, воронами и лягушками: вверху — приглашеніе всѣхъ добрыхъ гражданъ приносить на генеральную квар-

*) Въ 1812 году была сочинена пѣсня самимъ Ростопчинымъ, которая и вдохновила составителя этой картинки. Наполеону захотѣлось потанцовать: сперва онъ прошелъ Англезу, потомъ Экосезу и Польскій; скоро, однакоже, Польскій ему наскучилъ, музыкантовъ (Сарматовъ) перемучилъ:

Сѣмъ на Русь пойду,
Тамъ я Барыню пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся
Пляску заведу!...
Знавши вывертки французски
Заиграть велѣлъ по-Русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по-свойски—
Мы не знаемъ по-заморски—
Нутка козачка!
Чуть прослышалъ Корсиканецъ:
Провались треклятый танецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка.
Видно, хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
Нѣтъ, братъ, погоди!
Захотѣлъ плясать по-Русски,
Присядай-ко по-французски
Ты, Наполеонъ!
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать «пардонъ».
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало:
Пляска дорога!
Моргонулъ онъ Коленкуру:
Сѣмъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

(Вѣстникъ Европы, 1813 г., I. 147).

тиру кошекъ и лягушекъ; за 100 лягушекъ назначена награда — крестъ почетнаго легiона.

Картинки свидѣтельствуютъ о томъ, что французы за недостаткомъ провизiи ѣли кобылятину, которую называли «du caniac». Всѣхъ воронъ и галокъ въ Москвѣ перестрѣляли, жарили ихъ и варили въ супѣ; на этотъ случай Крыловъ написалъ извѣстную басню: «Вороны», которая была тогда же напечатана въ «Сынѣ Отечества» (1812 г., № VIII); ѣли французы и человѣчину, и нисколько не скрывали этого, говоря тѣмъ, которые ихъ въ томъ упрекали: «Mais, Monsieur,—ça vaut mieux que de la charogne (падаль)»,—очевидцы разсказывали, что они вырѣзали для этого лучшiя части изъ павшихъ товарищей.

Непрiятель занялъ Москву въ сентябрѣ; въ этомъ мѣсяцѣ начинаются уже хорошiе утренники, которые достигаютъ иногда до 4 и 5 градусовъ мороза. Непривычному французику, который, по народной присказкѣ «веселая голова, живетъ спустя рукава, шиломъ брѣется, дымомъ грѣется, сытъ крупицей, пьянъ водицей», да еще въ легкомъ костюмѣ его,—пришлось жутко. Форменная одежа обносилась, шинели истерлись, сапоги на ногахъ истлѣли, и стали они закутываться въ разное отребье, въ женскiя юбки, рогожки, поповскiя ризы; вмѣсто шапокъ,—на головахъ ихъ были наверчены мундиры, ноги обмотаны сукномъ, старыми шляпами и кожею,—картинокъ на этотъ предметъ сдѣлано было множество. Но, вотъ, подоспѣлъ въ октябрѣ и настоящiй русскiй Вавила морозъ, и пошелъ мести широкой метлой своей по союзнымъ головамъ.

«Морозъ ли истребилъ французскую армiю въ 1812 году?»—спрашиваетъ себя грозный партизанъ нашъ Денисъ Давыдовъ (Сочин. его, 4-е изд., М. 1820), и отвѣчаетъ, что ссылка Наполеона на морозъ несправедлива: морозы-де были не большiе, не свыше 12 и 17 градусовъ, и три четверти армiи было въ полномъ разстройствѣ еще до наступленiя морозовъ (стр. 16). На это замѣчу, что 12 и 17 градусовъ мороза скрутятъ не только дымогрѣйнаго француза, завернутаго въ поповскую рясу и безъ сапогъ, но и коренного русскаго солдата въ тепломъ полушубкѣ. Не только 17-ти градусовъ,—довольно четырехъ, пяти градусовъ съ вѣтромъ, чтобы окоченѣть въ открытомъ полѣ; конечно, при этомъ не малую роль игралъ и голодъ. Вчера было голодно, холодно, сегодня еще голоднѣе и холоднѣе, завтра морозъ, да вѣтеръ, да ѣсть нечего,—упадетъ духомъ и самый крѣпкiй человѣкъ, заснуть не долго. «Въ концѣ октября», — писалъ Кутузовъ, — «начались морозы и вьюги. Непрiятель сбитъ съ дороги и расыпался по полю, гдѣ довольно одной холодной ночи, и безъ преслѣдованiй, для его гибели» (Поповъ, Русск. Стар., 1877, II. 296). Французы замерзали тысячами. Каждый привалъ ихъ походилъ на поле сраженiя: цѣлыя массы замерзшихъ тѣлъ оставались у костровъ; французы даже выкладывали изъ нихъ палатки для защиты себя отъ холода. Падала ли лошадь,—ее тотчасъ же «разрывали» на мясо; падалъ отъ изнеможенiя солдатъ, — товарищи раздѣвали его, чтобъ прикрыться его отребьями отъ холода. Больныхъ, отсталыхъ и мародеровъ — не было числа; ихъ ждала та же участь — общее избiенiе.

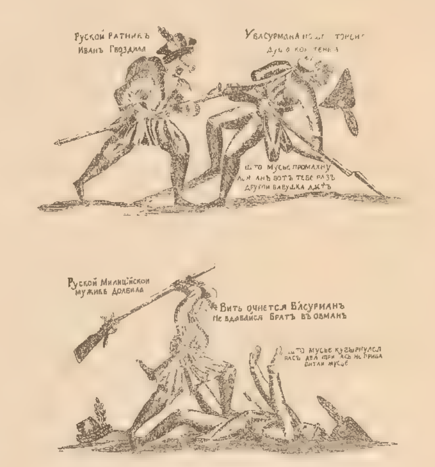
По слову дѣдушки Кутузова: «потушите пожаръ Московской въ крови непрiятельской», — составились партизанскiе отряды и мелкiя шайки истребителей. «Смерть врагамъ!» — писалъ Ермоловъ партизану Фигнеру. «Я не стану обременять плѣнными», — лаконически отвѣчалъ послѣднiй (Соч. Давыдова, I. 76). «Цѣль партизанской партiи», — говоритъ Денисъ Давыдовъ, — «убить, да уйти» (42); поэтому и дозволилъ онъ своимъ казакамъ «не брать плѣнныхъ, а катить головнею по дорогѣ». «Скиѳы мои не требовали подтвержденiя», — замѣчаетъ онъ, — «это было истребленiе безпорядочно отступавшей армiи, рѣзня». «Въ другой разъ»,— разсказываетъ онъ, — «приказалъ я сжечь сарай: исчадье Чингисхановъ сожгло сарай вмѣстѣ съ забившеюся въ него сотнею французовъ» (I. 81). Еще рѣшительнѣе распоряжался другой партизанъ Фигнеръ*).

*) Денисъ Давыдовъ говоритъ о немъ, какъ объ извергѣ, который ставилъ въ рядъ по 100 обезоруженныхъ плѣнныхъ и самъ, своей рукой, убивалъ ихъ изъ пи-

Кромѣ партизанскихъ отрядовъ, разъѣзжали по деревнямъ мелкія шайки казаковъ, которыя били мародеровъ, грабили чужихъ и своихъ. Эти Давыдовскіе скиѳы были особенно ненавистны союзникамъ, — одно появленіе ихъ наводило паническій страхъ на французовъ. Въ одной картинкѣ, которая очень раздражала французское самолюбіе, представлено «истинное происшествіе», какъ пятеро французскихъ мародеровъ перепугались на смерть отъ словъ старухи. Они спрашивали ее: кто кричитъ на дворѣ?—она отвѣтила имъ, что «коза», а имъ со страху послышалось «казакъ», — ну и давай Богъ ноги. Казацкій страхъ зародился, впрочемъ, въ Европѣ еще гораздо раньше, и неустрашимый Фридрихъ Великій не столько боялся численности русскихъ войскъ, сколько толпы казаковъ и татаръ, которые выжигаютъ цѣлыя области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ и опустошаютъ страну, наводняемую ими. 1815-й годъ, однако, доказалъ, что и эти «потомки Чингисъ-Хана», въ ежовыхъ рукавицахъ и при строгой дисциплинѣ, могутъ преобразиться въ благопорядочное европейское войско.

Крестьяне, защищая свое имущество, истребляли мародеровъ въ одиночку и цѣлыми отрядами. Денисъ Давыдовъ лично давалъ имъ наставленія: «принимайте мародеровъ, опаивайте ихъ, а потомъ совершите, что Богъ повелѣваетъ совершать съ врагами Христовой церкви» (I. 22). Большинство картинокъ 1812 года представляютъ подвиги такого истребленія, описанные со словъ журнала «Сынъ Отечества».

Рядъ этихъ картинокъ, распускавшихся Ростопчинымъ (сумасшедшимъ Ѳедькой, какъ его звала Екатерина), вмѣстѣ съ его хвастливыми афишками, начинается ратникомъ Гвоздилой и милицейскимъ Долбилой, въ разныхъ видахъ (№ 315 и 316), и Корнюшкой Чихиринымъ (№ 317). Этотъ послѣдній гаерскимъ языкомъ Петрушки приглашалъ французовъ въ Москву: «хоть на святки, хоть на масляницу», обѣщая, что ихъ русскія дѣвки «жгутами такъ припопонятъ, что спина вздуется горой; отъ капусты-де ихъ раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а въ крещенскіе морозы перемерзнутъ». Есть



315—316. Ратникъ Гвоздило и милицейскій Долбило.

еще картинка «казакъ удитъ французовъ» (№ 318).

Затѣмъ слѣдуютъ подвиги Владимірцевъ, Сычевцевъ съ ихъ прославившимся старостою-Геркулесомъ, нехитрые подвиги Кириловца, Бронницкаго крестьянина Силы Богатырева, ратника Храброва, Павла Прохорова (№ 319) и Бронницкаго крестьянина Силы, который «тѣмъ себя прославилъ», что француза мародера въ рѣку столкнулъ. Нисколько не уступаетъ этимъ героямъ и женскій полъ: «бабы бьютъ французскихъ мародеровъ ухватами и кочергами»; «русская героиня, дочь старостихи Василисы, колетъ вилами упавшаго француза»; такого же «безпардоннаго француза» — «Терентьевна доколачиваетъ башмакомъ»(№ 320); бабушка Кузминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами — горшкомъ въ голову. Далѣе слѣдуютъ: французскіе гвардейцы подъ конвоемъ бабушки Спиридоновны и очень забавная картинка — «французы, голодныя крысы, въ командѣ у старостихи Васи-

столета, одного за другимъ; неоднократно истреблялъ онъ 300 и 400 плѣнныхъ и своеручно убивалъ плѣнныхъ офицеровъ. «Бывъ самъ партизаномъ, прибавляетъ Давыдовъ, я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ, непозволяющихъ забирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно и не послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось (Русск. Стар. 1877, Декабрь, 696).

лисы»; старостиха сидитъ верхомъ на клячѣ, въ одной рукѣ у нея коса, другою же она грозитъ на трехъ мародеровъ, которыхъ привела къ ней, на веревочкѣ

317. Корнюшко Чихиринъ.

(въ отсутствіи старосты), другая пожилая баба. Передній изъ мародеровъ, полякъ въ конфедераткѣ, стоитъ на колѣнахъ,— фигура очень типичная; Василисина собака лаетъ на него изо всей мочи. Сзади Василисы ея свита: три дѣвки съ ухватами и парень съ косой,—онъ кажетъ французамъ лягушку. Внизу, справа, пѣтухъ клюетъ золотого Наполеонова орла. Надпись вверху картинки:

«Знать, вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали.
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ».

Надъ мародерами:—«Добрыхъ людей, да званыхъ гостей, съ честію у насъ встрѣчаютъ, а незваныхъ нахаловъ, грабителей бусурмановъ, съ безчестіемъ прогоняютъ и кулакомъ провожаютъ» (Баба провожаетъ пинкомъ крайняго изъ мародеровъ).

Съ такими героинями, воззваніе залить Московскій пожаръ непріятельскою кровью—было исполнено и скоро, и въ точности: въ одной Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ продолженіе только шести недѣль, перебито около 30,000 французовъ (Отеч. Зап. 1826, XXVI. 72, 50); гусаръ Самусь съ компаніей перебилъ въ Смоленской губерніи болѣе 3000 человѣкъ,— однихъ труповъ было сожжено тамъ до 70,000 (О. З. 1826, XXV. 71. 398; XXVI. 72. 86); въ губерніяхъ Московской, Витебской и Могилевской поднято 253,000 тѣлъ; въ городѣ Вильнѣ и его окрестностяхъ, всего на двѣ версты, насчитано ихъ 53,000 (Сынъ Отеч. 1813, XI. 298). Какъ просто и добродушно дѣлались отдѣльныя избіенія,—можно видѣть изъ разсказовъ объ этомъ очевидцевъ: приходятъ, напримѣръ, два оборванные и голодные француза въ деревню,— поѣсть просятъ. Староста повелъ ихъ—къ себѣ въ избу и накормилъ. Покуда они у него были, собрались мужички и стали галдѣть: «убить ихъ, они-де другихъ на нашу деревню наведутъ». Такъ и порѣшили: «сытыхъ французовъ прямо изъ избы да въ лѣсъ, да тамъ и покончили сердечныхъ». Какъ начали ихъ потомъ осматривать,— все тѣло у нихъ и ноги все платками разными обвязаны, а въ худенькихъ шинелькахъ, за каждой заплатой по червонцу зашито! Ну, и поживились отъ нихъ добрые мужики (Сѣв. Арх. 1817. VI. 215).

Не менѣе типиченъ разсказъ другого очевидца: «иду я»,—говоритъ онъ,—«раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю; хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что теперь Мальцева, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова,— по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: але. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы онъ меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ: але,

а нашъ ему: але, и манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ

318. Казакъ удитъ французовъ.

они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ побѣжалъ къ колодцу и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками, да и сбросилъ его въ колодезь. Ну, значитъ, и дѣлу конецъ». И такихъ примѣровъ можно изъ тогдашнихъ разсказовъ цѣлыя сотни понабрать.

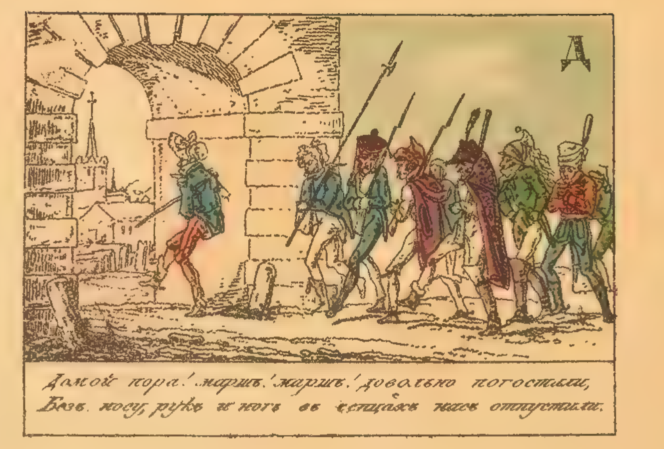
Забавны картинки двѣнадцатаго года, особенно Теребеневскія, да почему и не посмѣяться надъ французскимъ вояжеромъ, который, ни съ того ни сего, какъ древній рыцарь, во имя военной славы *), заломился въ нашу благодатную степь, и самъ—деспотъ до мозга костей—вздумалъ предлагать намъ свободу и цивилизаціонныя услуги? Почему и не потрунить надъ заслуженною неудачею великаго побѣдителя? Но смѣхъ этотъ у добраго человѣка кончается вмѣстѣ съ бѣгствомъ великаго побѣдителя отъ своей арміи, которую онъ оставилъ на вѣрную гибель. Жутко и страшно становится смотрѣть на этихъ полуодѣтыхъ и переморожениыхъ солдатъ, подъ командой разныхъ Василисъ, когда подумаешь, что имъ нѣтъ другого выхода, кромѣ смерти. Имъ даже нельзя повторить словъ Вологодскаго ратника: «сидѣлъ бы ты дома, такъ не доконалъ бы тебя Ерема!» Не сами шли они, — насильно велъ ихъ на бойню великій человѣкъ; ему честь и слава на вѣки вѣковъ! Ну, а нашимъ что же было дѣлать? Жгутъ, грабятъ, дѣтей душатъ, женщинъ насилуютъ, въ церквахъ лошадей ставятъ, иконы, утварь переплавляютъ *),— смотрѣть, что ли, на это, сложа руки? Пришлось съ честью принять незваныхъ гостей, стать за свое пепелище, за свою семью, за свое добро... въ такомъ дѣлѣ разбирать, кто кого убилъ, и были ли соблюдены при этомъ гуманныя правила Брюссельской конференціи,—не приходится; хоть и не золъ нашъ народъ, а начнешь его бить да жечь,— скажется; а какъ изъ себя выйдетъ,—каждый звѣремъ оборотится. Ну, и не прогнѣвайтесь на насъ, господа, что много вашихъ костей на нашей землѣ осталось: вѣдь, вы сами пришли, мы васъ въ гости не звали,—потому и провизіи припасти про васъ не успѣли. Вѣрьте намъ, если и еще разъ кто вздумаетъ пожаловать непрошенымъ гостемъ въ Москву,— то же хлѣбосольство найдетъ въ ней: все сожжемъ, до чиста выметемъ, а если Валила Морозъ съ краснымъ пѣтухомъ не помогутъ,—кровью своею незваныхъ гостей затопимъ.

Талантливый Теребеневъ продолжалъ издавать карикатуры и послѣ 1812 года. Изъ этихъ карикатуръ особенно забавны

*) Доморощенный нашъ Вольтеръ, Кургановъ остроумно замѣчаетъ, что подобная война—тотъ же разбой, и приводитъ анекдотъ, какъ одинъ пиратъ сказалъ Александру Македонскому: «я такой же разбойникъ, какъ и ты, только меньшаго размѣра,—у тебя цѣлый флотъ, а у меня одинъ корабль».

*) Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, про добраго союзника нашего англичанина: англійскій комиссаръ, состоявшій за это время при нашей главной квартирѣ, собиралъ точныя справки о томъ, гдѣ именно, въ районѣ дѣйствій, расположены наши фабрики, и давалъ о томъ знать французскимъ мародерамъ! А вѣдь другомъ нашимъ въ то время назывался, и нашими руками себѣ жаръ загребалъ.

Ворона какъ вкусна! нельзя ли ножку дать,
А мнѣ изъ котлика, хоть ложки полизать.



Домой пора! маршъ! маршъ! довольно погостили,
Безъ носу, рукъ и ногъ въ гостяхъ насъ отпустили.

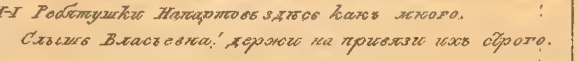
Ей! ей не отпущу, не заплачу я пеню;
Смотри, ступай скорѣй вить разомъ пришеленю.

Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку
Анъ нѣтъ, неудалось, пляшижъ подъ нашу дудку

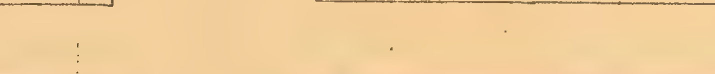
XLI–XLIV. ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ ИЗЪ АЗБУКИ 1812 ГОДА, РАБОТЫ И. ТЕРЕБЕНЕВА.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

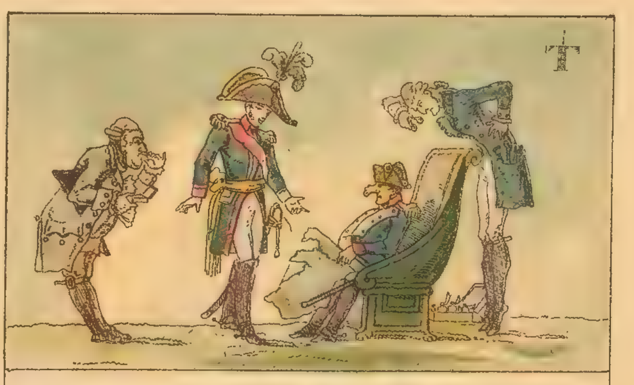
ПЕЧАТНЯ Р. ГОЛИКЕ СПБ



И-I Ребятушки Напартовъ здѣсь какъ много.
Слышь Власьевна!̓ держи на привязи ихъ строго.



Ликуй, о храбрый Галлъ!̓ встрѣчай насъ съ торжествомъ;
Спустивъ все съ рукъ, спешимъ на палочкахъ верьхомъ.



Теперь хотя я нагъ пришелъ домой и босъ,
Зато ужъ и принесъ огромный самый носъ.

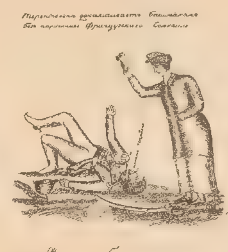
Что ѣхалъ!̓- знать пришло свиную милость чтить;
Лошадокъ нѣтъ!̓- пора свиньямъ меня возить.

XLV-XLVIII. ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ ИЗЪ АЗБУКИ 1812 ГОДА, ДЛЯ ДѢТЕЙ, РАБОТЫ ИВАНА ТЕРЕБЕНЕВА.

Дозв. ценз. Спб. 21 Февраля 1895 г.

и типичны: «Носъ (съ огромными бородавками), который Наполеонъ привезъ изъ Россіи домой»,—докторъ совѣтуетъ отрѣзать его, но Бертье рѣшаетъ: носъ оставить на своемъ мѣстѣ, а народу объявить, что онъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и

319. Павелъ Прохоровъ.



320. Терентьевна доколачиваетъ башмакомъ басурмана (раб. В. Лапина).

гололедицы. Далѣе: «Наполеонъ, въ намѣреніи своемъ уничтожить Пруссію, силится съѣсть громадный грибъ»; Наполеонъ спускаетъ пузыри, на которыхъ поставлены надписи: «порабощеніе Англіи, взятіе Петербурга, завоеваніе всѣхъ четырехъ частей свѣта»,—послѣдній пузырь виситъ еще у него на соломинкѣ; Наполеонъ спускаетъ змѣя, продаетъ награбленные антики, учитъ бѣгать сына позаячьи, убаюкиваетъ Францію, говоритъ рѣчь арміи, нарисованной на бумагѣ, и показываетъ на масляницѣ народу разные фокусы. На этой послѣдней картинкѣ Наполеонъ, одѣтый арлекиномъ, зазываетъ народъ въ свой балаганъ; на стѣнѣ балагана вывѣшены двѣ картины: на одной изъ нихъ представленъ Наполеонъ, показывающій фокусы «съ французскими государственными финансами», на другой изображена гимнастическая группа: Бертье держитъ на плечахъ Наполеона, который, въ свою очередь, держитъ на каждой рукѣ по два маршала, головами внизъ. Далѣе,—нѣсколько картинокъ, представляющихъ разрушеніе всемірной монархіи; гибель Наполеоновой славы, у которой казакъ охлесталъ нагайкой всѣ лавровые вѣнцы, а Вавила Морозъ трубу заткнулъ снѣгомъ; торжественные входы его въ храмъ славы, и торжественный въѣздъ его въ Парижъ (№ 321). Эта послѣдняя картинка очень замысловата: шествіе начинается съ русскаго мужика, верхомъ на клячѣ, которую ведетъ церемоніймейстеръ; у мужика на плечѣ, на палкѣ, и въ рукѣ—Московскіе калачи; за нимъ два околѣченные офицера несутъ, на подушкахъ, двухъ кошекъ. Далѣе слѣдуютъ, посреди двухъ трубачей, камеръ-фурьеръ, съ орломъ на палкѣ, на которой повѣшена: «La Culotte de Charles XII»; тамбуръ-мажоръ съ трубкой въ рукѣ; два гусара съ бунчуками; четыре околѣченные гренадера несутъ, на носилькахъ, замороженнаго товарища своего; у покойнаго, на брюхѣ—треуголка, а на палкѣ—билетъ, съ надписью: «Grenadier gélé parfaitement conservé». Далѣе кибитки парой; два музыканта — флейтщикъ и барабанщикъ; еще какой-то экипажъ парой. Все это шествіе проходитъ сквозь тріумфальныя ворота, надъ которыми побѣда трубитъ въ двѣ трубы; на воротахъ надпись: «Arc de Triomphe erigé à la gr.» Справа видна арка, увѣнчанная орломъ и побѣдой, съ надписью: «S. P. Q. G.» (Senat. popul. que Gal.). Вдали видна третья арка, а справа—большой трехъэтажный домъ, съ вывѣской: «Au Grand Conquérant». На улицѣ, по которой проходитъ процессія,—множество зѣвакъ; но устроенныя для зрителей мѣста, «bancs à louer («10 s., 5 s., 2 s., 1 s.»), почти пусты,—на нихъ размѣщено нѣсколько оркестровъ музыки. На домахъ развѣшены вывѣски: «Cosmetiques—Aux Artistes réunis—Ici on decrotte à 5 sous—Nouveautés Variétés. M. de M.—Peintre de Portraits (на самой крышкѣ)—Ici l'on fait des Vers (тоже)—Poète (тамъ же)—Mr. Gigot apprend à danser et à faire des sauts—Nouvelle Restor: Boudins. Pat. Cottelet. Bouillon à (надпись вывѣски приходится надъ трофеемъ «La culotte de Charles XII»). Pomade Poudre à la Ganboje. Boudins frais de tout genre.—Artiste Oculiste Peruquier Dentiste». Внизу прибитъ неизмѣнный: «bulletin».

Кромѣ всѣхъ этихъ большихъ картинокъ, въ 1815 году, была издана Азбука для дѣтей, въ 34-хъ картинкахъ, въ которыхъ Теребеневъ повторилъ, въ уменьшенномъ видѣ, прежнія карикатуры свои,—

эта азбука очень рѣдка, особенно въ полныхъ экземплярахъ *) (см. № 322).

Прощаясь съ двѣнадцатымъ годомъ, который послужилъ обновленіемъ для Россіи, хотя и не въ той степени какъ Севастопольскій погромъ, считаю умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ о вѣрномъ союзникѣ нашемъ на это время—Вавилкѣ Морозѣ, «съ его дѣтьми и внучатками», въ удѣлъ которымъ отдана судьбою бѣдная сторона Русская.

Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой Француской Арміи.

321.

По поводу русскихъ морозовъ, въ одномъ хронографѣ 1696 года (Поповъ, III. 509), записано: «имуть же нѣкія страны (въ Россіи) и мразы великіе и нестерпимые, обаче человѣкомъ тѣ страны здравѣйши, и болѣзней имѣютъ мало, яко мразомъ изводящу отъ нихъ телесную мокроту». О томъ же, какъ жестоки бываютъ эти морозы,—ходить недалеко: въ недавнемъ 1868-мъ году ртуть опускалась въ Петербургѣ до 38.4° Цельзія, въ Кронштадтѣ и Москвѣ до 41.2°, въ Кеми ниже 53.7°, а въ Богословскѣ 56.1°!! Еще ближе, въ 1876 году, холодъ доходилъ въ Петербургѣ до 37.8° Ц. (30.2° Реом.), 39° въ Москвѣ и 44° въ Вологдѣ! Въ Либавѣ въ это же время (8 декабря) былъ восточный вѣтеръ, обратившійся въ штормъ, при 20 градусахъ мороза!

Но это еще зимніе морозы,—большого вреда они не приносятъ. Бываютъ ранніе осенніе морозы и поздніе весенніе, которые убиваютъ деревья, овощь и хлѣбъ на корню. Бѣдствія, причиняемыя этими морозами, такъ велики, что даже заносились на вѣчную память въ лѣтописи, (Веселовскій, О климатѣ Россіи, 124). Много у насъ такихъ мѣстъ, и не на дальнемъ сѣверѣ, а въ Саратовской, напримѣръ, губерніи, гдѣ самый поздній весенній морозъ бываетъ 9-го іюня, а самый ранній осенній—24-го іюля. Даже въ средней полосѣ нашей заморозки и, такъ называемые, утренники случаются въ половинѣ августа; а съ сентября уже начинается безпрерывный рядъ разныхъ морозовъ, сперва сносныхъ, а потомъ,—поближе къ Спиридону Солоно-

322. Портретъ Наполеона, составленный изъ труповъ; награвированъ Теребеневымъ вмѣстѣ съ Азбукой 1812 года для дѣтей.

*) Въ продолженіе всего этого времени (1812—1815) издавались во множествѣ лубочные портреты императора Александра, Кутузова, Платова, Витгенштейна, Багратіона, Тормасова, Милорадовича, гр. Орлова-Денисова и другихъ героевъ. Въ 1839 году портреты эти были соединены въ одну коллекцію, въ числѣ 16-ти, съ прибавленіемъ къ нимъ нерусскихъ портретовъ: императора Франца, кн. Шварценберга и кн. Блюхера, и изданы въ металлографіи Сергѣевой. Особенною популярностію пользовались портреты Кутузова, Платова и партизана Дениса Давыдова.

вороту, когда солнце, по народному календарю, поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ,—подходятъ Никола съ гвоздемъ, трескучіе морозы Рождественскіе, Крещенскіе, Аѳанасьевскіе, Срѣтенскіе, Власьевскіе и т. д.—Однихъ весеннихъ морозовъ, меньшей важности, насчитывается до пятнадцати. А тамъ, по тому же народному календарю, съ Петра Аѳонскаго, т. е. съ 12 іюня, солнце опять начинаетъ поворачивать на зиму. При такомъ зубастомъ климатѣ поневолѣ сославилась и такая пословица, что «до Святаго Духа не снимай кожуха,—да и по святомъ Духѣ ходи въ кожухѣ».

И терпитъ-же отъ мороза русскій человѣкъ: не вѣрьте его хвастовству, что де «русскому морозъ здоровъ, а только онъ нѣмцу, да французу солонъ; на лету, дескать, птицу бьетъ, желѣзо рветъ, а нашему брату жару поддаетъ». Только отъ этого жара у нашего брата и носы, и щеки, и уши зимой почти сплошь отморожены. Задаетъ себя знать на долгое время этотъ русскій жаръ. На такое хвастовство и картинка (№ 323) составлена: хвалится табачный носъ красный, что о морозѣ-де «слухъ пропущенъ напрасный, и я-де отъ него никогда не хоронюся, и приди онъ,—еще съ нимъ побранюся». Морозъ на него прежде покосился: «смотри, братъ, ежели самъ себя не пожалѣешь,—небось, скоро побѣлѣешь». Однакоже—носъ и тутъ не струсилъ, «но скоро его морозъ укусилъ»; и пошелъ изъ носу табакъ, и бросился носъ въ кабакъ; но вышедъ оттуда, отважился онъ опять сказать: «я еще себя хочу показать». Морозъ очень осердился, что носъ предъ нимъ возгордился, сдѣлалъ такое награжденіе, носу его прибавленіе: великая вдругъ на носу сдѣлалась шишка, какъ большая пышка; притомъ обратился носъ въ алый цвѣтъ, какихъ у индейскихъ пѣтуховъ нѣтъ; пересталъ носъ съ морозомъ драться, сталъ въ тепло убираться; отъ того и сдѣлался носъ гнилъ,—а хозяину не милъ; отъ чего хозяинъ печаль получилъ, а носъ гусинымъ саломъ лечилъ.

323. Похожденіе о Носѣ и сильномъ Морозѣ.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра: мо-

розъ доставляетъ намъ возможность перевозить изъ далекихъ странъ и запасать на долгое время свѣжую и роскошную провизію, о которой объѣдалы западной Европы и во снѣ вздыхаютъ; а Вавила Морозъ сослужилъ отечеству своему въ двѣнадцатомъ году такую службу, которая и во вѣки въ народѣ не забудется.

324. Красное крыльцо въ Москвѣ, гдѣ раздавались Ростопчинскія афиши (грав. Ил. Стрижева).

XIII.

Народное богомолье. Паломничество въ Іерусалимъ. Греческіе монахи и приносимыя ими святыни. Древніе паломники. Пріемъ странниковъ въ Іерусалимѣ и обираніе ихъ тамошними монахами. Пупъ земли, адова щель и еще другая щель; схожденіе св. огня. Святыя мѣста около Іерусалима. Апокрифическіе разсказы. Русскія святыя мѣста. Троицкая Сергіева Лавра. Кіевскія святыни. Соловецкій монастырь. Виды монастырей и духовныя картинки, раздаваемыя въ монастыряхъ.

Въ обиходѣ русской жизни одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ странствованія по святымъ мѣстамъ. Въ древнія времена самымъ почтеннымъ и вмѣстѣ самымъ отважнымъ изъ такихъ странствованій считалось паломническое странствованіе въ Іерусалимъ*). Самыя раннія западныя извѣстія о такихъ странствованіяхъ встрѣчаются у писателей конца XI-го вѣка: въ то время путешествія эти были въ такомъ ходу, что св. Григорій Нисскій уже считалъ нужнымъ останавливать рвеніе паломниковъ и доказывать имъ, что спастись можно и безъ Іерусалима.

Хожденія въ Іерусалимъ русскихъ паломниковъ начинаются со времени принятія Россіей христіанской вѣры. Уже въ XII вѣкѣ русскіе давали обѣщанія на паломничество въ святую землю и Новгородскій епископъ Нифонтъ († 1156) прямо говоритъ, что «та рота губитъ землю русскую»; современникъ его, іеромонахъ Кирикъ, осуждая паломниковъ, какъ бродягъ, говоритъ о себѣ: въ «Іерусалимъ не велю идти, сдѣ велю доброму ему быти». Съ другой стороны охоту къ паломничеству подогрѣвали своими чудесными разсказами греческіе монахи, приходившіе въ Россію милостыни ради *) и приносившіе, въ замѣнъ получаемаго золота и серебра, разную іерусалимскую святыню: кусочки отъ гроба и креста Господня; камни отъ горы Голгофы, отъ гроба Богородицы; кусочки отъ ризы Спасителя, Виѳлеемскихъ младенцевъ и т. д. **). Первое описаніе Іерусалимскаго

*) Паломникъ или палемникъ, т. е. пальмоносецъ,—странникъ, принесшій изъ Іерусалима пальмовую вѣтвь (Palmarius, pelmatus.—Евгеній, Слов. духовн. писат., I. 111).

*) Такимъ образомъ въ 1371 году пріѣзжалъ изъ Іерусалима въ Москву „милостыни ради“ митрополитъ Германъ; въ 1376 г.—архимандритъ Нифонтъ, который столько набралъ этой милостыни, что купилъ на нее себѣ Іерусалимское патріаршество; въ 1464 г. за тѣмъ же и туда же отправились патріархъ Іоакимъ и братаничъ его Іосифъ „иже много собравъ милостыни иде, но не доиде своея земли“. Въ 1518 г. съ Аѳонской горы приходили старцы и митрополитъ изъ Цареграда „о нищетѣ поможение милостыни ради“ (Никонов. Лѣтопись: П. С. Л., VI. 212). Около 1582 года приходила въ Москву, просить милостыни, женская греческая персона, игуменія Макрина. У С. Пономарева перечислены разнородные и богатые дары золотомъ и серебромъ, посылавшіеся нашими царями греческому и іерусалимскому духовенству, а равно и ничего не стоящіе дары, присылавшіеся отъ сихъ послѣднихъ и заключавшіеся въ плохописанныхъ образахъ и разной святынѣ (Записки Академіи Наукъ, XXX). Особенно много являлось этихъ проходимцевъ къ благочестивымъ царямъ нашимъ въ XVII вѣкѣ.

**) Іерусалимскіе монахи умудрились даже обмануть Екатерину I: въ отсутствіе Петра они продали ей за 1000 руб. несгараемый платокъ изъ аміанта, выдавая его за великую святыню. Петръ объяснилъ Екатеринѣ обманъ и разсказалъ при этомъ, какъ много онъ видѣлъ подобной святыни въ католическихъ монастыряхъ, въ томъ числѣ въ Ахенѣ: разные гвозди и куски отъ креста Спасителя (Анекдоты Нартова, Москвитянинъ 1842 г., кн. IV. 337, § 103). Петровскіе посланцы съ особенною подробностію отмѣчали все, что̀ случалось имъ видѣть за границей по этой части. Въ Венеціи, напримѣръ, имъ были показаны слѣдующія святыни: кровь Христа, млеко и власы Богоро-

паломничества оставилъ намъ игуменъ Даніилъ, ходившій въ святую землю около 1115 года, когда Іерусалимомъ владѣли крестоносцы, подъ управленіемъ короля Балдуина, брата Готфрида Бульонскаго. Въ Іерусалимѣ Даніилъ засталъ Новгородцевъ и Кіевлянъ: Седеслава Иванковича, Городислава Михайловича, двухъ Кашкичей и другихъ многихъ русскихъ, которые пришли туда, для поклоненія, еще до него. За Даніиломъ слѣдуютъ паломники: Стефанъ Новгородецъ (1349 г.), кн. Ефросинія Полоцкая, іеродіаконъ Зосима (1420), московскій гость Василій (1466 г.), московскій купецъ Трифонъ Коробейниковъ (1582 г.) и рядъ паломниковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ*).

Паломничество въ Іерусалимъ, въ виду длиннаго странствованія и соединенныхъ съ нимъ опасностей со стороны турокъ,

совершалось не въ одиночку, а цѣлыми дружинами. Въ этомъ отношеніи, наши паломники или калики представляютъ полное сходство съ западными пилигримами *). Точно такъ, какъ и на Западѣ, калики наши крутятся въ круту каличью человѣкъ въ сорокъ, выбираютъ себѣ атамана и кладутъ заповѣдь, за своими руками, подчиняться ему во всемъ; «а кто дорогой украдетъ или солжетъ, али кто пустится на женскій блудъ, да не скажетъ про то атаману, —того казнить: закопать по плечи въ сыру землю» (Кирша Даниловъ, 226). Одежда ихъ тоже напоминаетъ одежду западныхъ пилигримовъ **): тѣ же клюки — по-

---

диццы; ножъ, которымъ апостолъ Петръ отрѣзалъ ухо Малху; часть животворящаго креста; часть стола, на которомъ мученъ Христосъ; камень, которымъ убитъ архидіаконъ Стефанъ; часть терноваго вѣнца; гвоздь желѣзный, которымъ былъ пригвожденъ ко кресту Христосъ, и нога св. Георгія. Въ Лоретто: сосуды, чашечка и блюдечко, изъ которыхъ сама Богородица и Спаситель питались; окно, гдѣ было Благовѣщеніе, и кошель или труба, гдѣ Богородица огнь клала и варила яствія. Въ Римѣ, въ соборѣ Петра и Павла: копіе, которымъ прободенъ былъ Спаситель на крестѣ; нерукотворный образъ на платѣ, поднесенномъ Спасителю св. Вероникою; въ другихъ церквахъ: части ризы Богородицы, Ея головной платокъ; лѣстница, по которой вели Спасителя отъ Каіафы къ Пилату на осужденіе (scala sancta) и на которой видна была Его кровь; образъ Христа, писанный евангелистомъ Лукою; ковчегъ съ мощами, въ числѣ коихъ находились и Виѳлеемскіе младенцы; одежда и ризы апостоловъ, части башмаковъ ихъ, части хлѣба и двѣнадцать чечевичныхъ зеренъ отъ тайной вечери; часть губки, которой напоенъ былъ Христосъ на крестѣ; доска, на которой сидѣлъ Господь, умывая ученикамъ своимъ ноги; кровь св. Януарія кипѣла при нихъ въ сосудцѣ, во время литургіи. Въ Кельнѣ: кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворялъ воду въ вино; жезлъ апостола Петра; деревянная колыбель Спасителя; столъ, на которомъ Христосъ сотворилъ тайную вечерю; жезлъ Аарона и жезлъ Моисея и пр. Въ числѣ святынь, находящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, упоминаются: власы, кровь, риза Спасителя, древо, губа, трость, копіе, вѣнецъ терновый и Виѳлеемскіе младенцы.

*) Извѣстія о русскихъ паломникахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ, начинаются (подложнымъ) письмомъ медика вел. князя Владиміра, Іоанна Смеры, ѣздившаго въ Іерусалимъ для наблюденія вѣры и нравовъ (Пономаревъ, XI). Подробная библіографія всего, что было издано о святой землѣ, напечатана нѣмцемъ Тоблеромъ (Bibliographia geographica Palestinae, 1867); В. И. Хитрово издалъ первый выпускъ библіографическихъ дополненій къ Тоблеру, въ которыхъ перечислилъ всѣ русскія книги, брошюры и журнальныя статьи по этому предмету (Зап. Акад. Наукъ, Спб. 1876, VI. 153); такой же библіографическій списокъ напечатанъ въ 1877 г. С. Пономаревымъ (Зап. Акад. Наукъ, XXX).

*) Самое имя каликъ произошло, очевидно, отъ слова калиги, caligae,—сандаліи (обувь въ родѣ подвязныхъ восточныхъ fraumen), въ которыя обувались западные странники, отправлявшіеся въ Іерусалимъ (И. Срезневскій, Калики, 201),—о нихъ упоминаетъ и Даніилъ паломникъ (Ѳ. Буслаевъ, Христоматія, 251). Нынѣшніе калѣки перехожіе—искалѣченные бѣдняки, нищіе, переходящіе отъ одного святого мѣста въ другое, ради милостыни. Въ народѣ калѣкой называютъ преимущественно хромого: въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, слово это употреблено въ древнихъ документахъ. Въ 1330 году, напримѣръ, Григорій калѣйка былъ избранъ въ Новгородскіе архіепископы; въ договорной грамотѣ кн. Михаила Тверскаго съ Новгородцами въ 1316 г. упоминается калѣка Юрій, начальникъ тальщиковъ; въ 1341 году Псковичи, подъ предводительствомъ калѣки Карпа Даниловича, побили нѣмцевъ; калѣка Іоаннъ былъ въ XIV вѣкѣ Константинопольскимъ патріархомъ (Псковская Лѣтопись 6849 г.; И. Срезневскій, Русскіе калики: Зап. Акад. Наукъ 1862, I, кн. II. 187). Но во всѣхъ этихъ документахъ говорится о калѣкахъ и калѣйкахъ, а не о каликахъ; названіе калики является въ первый разъ въ „Странникѣ" Даніила Паломника (въ 1114 г.), для обозначенія странниковъ-богомольцевъ; въ этомъ же смыслѣ калики упомянуты и у Стефана Новгородца (въ 1341 г.), а равно и въ нашихъ былинахъ, гдѣ каликами переряжаются наши богатыри: Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и Потыкъ Михайловъ,—какъ для того, чтобы не быть узнанными, такъ и потому, что каликѣ-страннику вездѣ открытъ доступъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Даніилова Странника, калика называется паломникомъ, т. е. человѣкомъ, принесшимъ изъ Іерусалима пальму; паломники встрѣчаются и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1283 годомъ (Полное Собр. Лѣтоп., I. 206), и въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, гдѣ они причислены къ митрополичьимъ людямъ, наравнѣ съ каликами, слѣпыми и хромыми (Лѣтопись ПереяславскаяUžд., изд. кн. Оболенскимъ, 34,—Востоковъ, Описаніе Румянцевск. Музея, 328). Уже въ вопросахъ Кирика говорится, что между паломниками къ святыхъ мѣстамъ были и промышлявшіе бродяжествомъ (Памят. Росс. Слов. XII в., 203.—Ѳ. Буслаевъ, Очерки, I. 505): это обстоятельство послужило, вѣроятно, къ раннему смѣшенію названій увѣчнаго калѣки-нищаго съ названіемъ калики-странника.

**) Слово пилигримъ (piligrim) встрѣчается у насъ неоднократно въ былинахъ и въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ (см. алфавитный указатель). У насъ оно сильно исковеркано: пилигримище, билогремлище, полугрюмъ и просто угрюмъ (И. Срезневскій. Калики, 216).

сохи *), плащи — гуни **), шляпы колоколомъ земли греческой ***) и сумочки.

Какъ и наши теперешніе странники, калики кормились дорогой святою милостынею; только выпрашивали они ее самымъ наглымъ образомъ: завидѣли, напримѣръ, калики Касьяновой круты князя Владиміра и

«Становилися они во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Кричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля....
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали».
(Кирша Даниловъ, 228).

Это уже прямые разбойники, на подобіе тѣхъ, о которыхъ говоритъ Стоглавъ, что они «по дальнимъ странамъ ходятъ (скоморохи), совокупляясь ватагами, по шестидесяти, семидесями и до ста человѣкъ, и по деревнямъ крестьянъ насиліемъ объѣдаютъ и опиваютъ, изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ».

По стихамъ, составленнымъ нашими калѣками-слѣпцами, на основаніи Голубиной книги и бесѣды трехъ святителей, Іерусалимъ городъ—больше всѣхъ городовъ и прежде всѣхъ городовъ сотворенъ; всѣмъ городамъ онъ отецъ, потому что въ немъ находится пупъ земли; точно также и церковь Іерусалимская всѣмъ церквамъ мати, Ѳаворъ гора—всѣмъ горамъ мати, а Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати, и идутъ туда калики:

«Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Въ Ердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися».
(Кирша Даниловъ, 226) ****).

Въ Іерусалимѣ принимали греческіе монахи нашихъ богомольцевъ съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, и затѣмъ обирали ихъ карманы до чиста. Такъ велось съ глубокой древности до половины нынѣшняго столѣтія, безъ всякихъ перемѣнъ. Вотъ какъ описываютъ пріемъ свой братья Вишняковы, посѣтившіе Іерусалимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: «Мы въѣхали въ Іерусалимъ 3-го февраля, въ 3 часа пополудни, великими воротами Давыдовыми, находящимися близь дома Давыдова, преобращеннаго за нѣсколько вѣковъ въ арсеналъ; внутри воротъ Давыдовыхъ стояло много караульныхъ Арабовъ, на стѣнахъ же висѣло ихъ разное воинское оружіе. Проѣхавъ двѣ улицы между каменными домами, приблизились къ патріаршему съ правой стороны монастырю, вороты коего были отворены; во внутренности монастырскихъ оныхъ воротъ сидѣли многіе изъ магометанъ Арабы, одѣтые въ народное зеленое платье; ихъ называютъ «есакчи», т. е. караульные, которые охраняютъ домъ патріаршій и содержатся на коштѣ и жалованьи патріарха Іерусалимскаго; сверхъ того онъ муфтію и муселиму, т. е. коменданту, даетъ за сохраненіе сумму не малую денегъ».

«Въ монастырѣ встрѣтилъ насъ мерхаджи—монахъ, разумѣющій многіе языки, опредѣленный для встрѣчи путешественниковъ; поздравлялъ съ благополучнымъ прибытіемъ и краснорѣчиво привѣтствовалъ на разныхъ языкахъ. Извозчики

*) Клюка—посохъ съ загнутымъ концомъ. На клюку старуха упирается; клюкой задѣнетъ кого и за руку, если позвать нужно. Калики, воткнувъ клюки въ землю, вѣшали на ихъ закрючины свои сумочки.

**) Гуня--мѣховой плащъ, бурка,—отъ среднелатинскаго Gunna, средне греческ. γουνα; въ Венгріи до сихъ поръ носятся гуни (И. Срезневскій, Калики, 200).

***) Такую шляпу или колпакъ носили наши князья и цари: вел. кн. Василій Ивановичъ изображенъ въ такомъ колпакѣ у Герберштейна и у Іовія.

****) Стихи на католическомъ Западѣ слагались, точно также, какъ и у насъ, слѣпцами и каликами-перехожими. „Въ 1065 году (разсказывается въ жизнеописаніи блаженнагоАльтмана), когда многіе ждали втораго пришествія и потому отправлялись въ Іерусалимъ ко гробу Господню, было много знатныхъ людей, которые оставляли жену, дѣтей и всѣ блага міра, чтобы идти во слѣдъ Христу. Таковъ былъ епископъ Бамбергскій Гюнтеръ; съ нимъ отправилось въ путь много духовныхъ и мірянъ; между ними былъ и Эццо Схоластикъ—человѣкъ, одаренный всякою мудростію и краснорѣчіемъ; онъ, во время пути, сочинилъ на народномъ языкѣ превосходную пѣснь о чудесахъ Христа“ (Hoffmann von Fallersleben, Geschichte des deutschen Kirchenbildes, I. 27). Георгъ († 1169) замѣчаетъ, что вся земля возноситъ хвалу Христу на народномъ языкѣ (per cantilenas linguac vulgaris), преимущественно у нѣмцевъ, языкъ которыхъ особенно способенъ къ пѣснямъ (ibid. 41). Слѣпцы на католическомъ Западѣ были носителями народныхъ стиховъ и героическихъ сказаній (Тихонравовъ, 33-е присужд. Демид. нагр., 197). „Не хочу“, говоритъ Hermann von Fritzlar (1393—49), „передавать чудеса святителя Николая: ими расписаны стѣны, и слѣпые поютъ о нихъ на улицахъ“ (Grimm, Deutsche Heldensagen, 173).

наши, Арабы, отвязали отъ сѣделъ наше дорожное имущество, а послушники монастырскіе, забравъ оносъ, понесли въ палату, продолговатую, устланную коврами и подушками, раскладенными около стѣнъ, въ коей размѣстились мы для своего пребыванія; послѣ сего поднесли намъ по чаркѣ водки и разныхъ, на закуску, сушеныхъ плодовъ, потомъ кофе. По наступленіи въ скорости вечера и зажженіи свѣчъ, позвалъ насъ тотъ же престарѣлый мерхаджи въ трапезу къ ужину. Здѣсь на столахъ мраморныхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, и безъ скатертей, поставлено уже было довольно пищи, состоявшей большею частію изъ сарачинскаго пшена съ коровьимъ масломъ, яицъ, сыровъ и плодовъ; мяса же и рыбы не было. На руки всѣмъ подали полотенца; посуда вся изъ красной мѣди, кругомъ вся полуженная. Водку и старыя крѣпкія вина подносили серебряными ковшичками безпрестанно. Во время ужина входили въ трапезу также и архіереи и привѣтствовали: ористе хаджи,—т. е. извольте, пожалуйте, богомольцы,— потчивали и угощали изобильно» *).

«По окончаніи ужина возвратались мы въ свое мѣсто и легли спать; сонъ нашъ не продолжался болѣе трехъ часовъ, потому что въ 1-мъ часу пополуночи начали бить въ доску; мерхаджи пришелъ, разбудилъ насъ и объявилъ, чтобы мы шли въ патріаршую церковь Царя Константина и матери его Елены, слушать утреню».... «По окончаніи утрени и прикладыванія потомъ поклонниковъ къ св. иконамъ, роздали греческіе монахи всѣмъ намъ по немалой свѣчѣ изъ бѣлаго воска и водили насъ по другимъ церквамъ патріаршаго дома; наконецъ, ввели въ пространную палату, въ которой разставлены многія скамьи съ подушками и покрытыя зеленымъ сукномъ. Здѣсь всѣхъ мущинъ, женщинъ и малолѣтнихъ посадили; послѣ чего пришедшіе, епископъ и архіереи, возсѣли на особенныхъ диванахъ по старшинству епархій, въ присутствіи коихъ угощали насъ водкою и кофеемъ съ сухарями; по угощеніи и отведеніи потомъ

*) Конечно, все дѣло дѣлалось въ виду тугонабитой мошны братьевъ Вишняковыхъ.

женщинъ и малолѣтнихъ въ назначенную для пребыванія нашего палату, началось омовеніе ногъ путешествующихъ: около шести человѣкъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ принесли кувшины мѣдные съ теплою водою, тазъ, мыло и полотенце. Мы разулись; и они омывали и отирали ноги поклонникамъ, которымъ предлежало цѣловать ихъ головы, покрытыя камилавками. Таковое духовныхъ лицъ смиреніе произвело въ насъ умилительныя чувствованія» *).

«По окончаніи сего церемоніальнаго обряда пошли деспоты или владыки въ особенный залъ, въ коемъ бываютъ ихъ засѣданія; послѣ сего позвали къ намъ и женщинъ, а потомъ призывали поклонниковъ по одному и по два къ засѣдавшимъ владыкамъ, гдѣ спрашивали объ ихъ именахъ и ихъ родителей, живыхъ и умершихъ, и записывали въ синодикъ. За каждое записанное имя должно было платить на искупленіе Божія гроба отъ магометанъ по 50 піастровъ, т. е. 30 рублей, или по крайней мѣрѣ по 30 піастровъ. Богатые, по соизволенію своему, записывали многія живыхъ и усопшихъ имена, и давали по 500, по 1000 и болѣе піастровъ. А поклонникъ, отзывавшійся неимѣющимъ денегъ, подвергался передъ симъ собраніемъ выговорамъ и упрекамъ, представляя, что патріаршій монастырь долженъ муфтію и прочимъ магометанамъ за него платить опредѣленную съ хаджей дань въ немаломъ количествѣ, поелику ни единая душа младенца не можетъ обойтиться безъ сего. Въ противномъ случаѣ, если епитропъ за кого-нибудь откажется платить,— такового тотчасъ выгоняютъ изъ Іерусалима; но патріархи Іерусалимскіе, по человѣколюбію, до сего поклонниковъ не допускаютъ; неимущихъ же, по обыкновенію, 30 піастровъ заплатить за квартиру и содержать себя пищею, помѣщаютъ особенно, или въ Іерусалимскихъ или въ окрестныхъ принадлежащихъ патріарху монастыряхъ, даютъ ему хлѣбъ, обыкновенно пшеничный, въ довольномъ числѣ, и манжу, родъ каши изъ пшеничныхъ крупъ, а иногда изъ сарачинскаго пшена, уваренную съ мас-

*) Этого обряда, съ учрежденіемъ русскаго пріюта, болѣе не практикуется.

ломъ коровьимъ или деревяннымъ и другою приправою, а въ воскресные дни сыръ и прочее, за что́ долженъ исправлять послушаніе».

«На другой день по прибытіи нашемъ, февраля 4-го числа, присланы были пополудни отъ муфтія въ патріархію чиновные Арабы, которые брали съ каждаго поклонника мужескаго и женскаго пола по 22 піастра, а съ малолѣтнихъ половиною меньше, и давали тескере, т. е. билеты съ чернильными печатями, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, для пропуска въ храмъ Гроба Божія; мы показали имъ свой фирманъ,—они, прочитавъ его, назадъ возвратили, и съ насъ ничего не требовали, но записали имена, для того, чтобъ взыскать съ монастыря деньги противъ прочихъ хаджей».

«На 5 число февраля, въ два часа по полуночи, Греческіе иноки начали бить въ деревянную доску, Армяне зазвучали мѣдными тарелками, а потомъ, какъ у сихъ, такъ и у Римлянъ, Коптовъ и Сиріянъ, началась утренняя служба, и у всѣхъ на своихъ престолахъ. Поутру рано, пришедшіе Арабы отперли и отворили великія ворота; тогда собралось къ литургіи множество народа разныхъ исповѣданій, по окончаніи коей позвали насъ въ патріархію, гдѣ послѣ трапезы намъ объявили, чтобы мы избрали для себя квартиры въ другихъ монастыряхъ, принадлежащихъ Греческому патріарху, въ самомъ Іерусалимѣ, коихъ считается 11 мужскихъ и 2 женскихъ. Игумену монастыря долженъ каждый человѣкъ заплатить, какъ выше сказано, 30 піастровъ (18 руб. ассигнов. по тогдашнему курсу), сколько бы, впрочемъ, онъ времени ни прожилъ. Между епитропомъ, муфтіемъ и муселимомъ постановлено, чтобы поклонникамъ не позволять жить нигдѣ, кромѣ однихъ монастырей, отдаваемыхъ отъ епитропа на откупъ тѣмъ изъ іеромонаховъ, кто больше обяжется вносить въ патріархію денегъ». «Послѣ сего разошлись поклонники для пріисканія для себя въ монастыряхъ жилища. Іерусалимскіе монастыри весьма пространны: по триста и болѣе человѣкъ съ женами и дѣтьми въ одномъ помѣщеніи».

Этимъ я закончу выписку изъ путешествія братьевъ Вешняковыхъ; всѣ остальныя мытарства съ поклонниками происходятъ и въ настоящее время точно такъ, какъ они происходили двѣсти и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Хожденіе по святынямъ производится обыкновенно отдѣльными кучками, подъ предводительствомъ греческихъ монаховъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, а также и разныхъ странниковъ и странницъ, долго жившихъ въ Іерусалимѣ. Главное любопытство вѣрующихъ при этомъ сосредоточивается на слѣдующихъ предметахъ, поименованныхъ и въ нашемъ описаніи Іерусалима: пупъ земли, адова щель, юдоль плачевная, изъ которой въ день страшнаго суда потечетъ рѣка огненная, другая щель у главы Адамовой, священный огонь и гробъ Господень.

Пупъ земли древніе указывали то въ Вавилонѣ, то въ Аѳинахъ и Дельѳахъ (Буслаевъ, Очерки, IV. 596); въ средніе вѣка перевели его въ Іерусалимъ, гдѣ его тамъ и видѣлъ въ XII вѣкѣ нашъ Даніилъ Паломникъ *). Этотъ пупъ естъ ни что иное, какъ каменный столбикъ аршина полтора вышиною; поклонники прикладываются къ нему съ большимъ благоговѣніемъ, особенно же беременныя бабы, которыя ждутъ отъ того облегченія въ родахъ. Про адову щель дворянинъ Полозовъ, бывшій въ Іерусалимѣ въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ, что величиною она «какъ можно человѣку бокомъ пролѣзть» **). Въ 1873 году, въ

*) Впрочемъ, пупъ этотъ признается и признавался въ XVII вѣкѣ настоящимъ земнымъ пупомъ только греками, какъ это значится въ обстоятельномъ описаніи Іерусалима, съ подробными планами и фасадами зданій,—изданномъ отцомъ Бернардиномъ въ 1622 г., съ гравюрами знаменитаго Калло. На одной изъ этихъ гравюръ обозначено въ храмѣ мѣсто (№ 32): «dove dicono i Greci esser il mezzo della terra».

**) Дворянинъ Вас. Вас. Полозовъ, въ челобитиной къ царю Ѳедору Алексѣевичу, описывая странствованіе свое въ Іерусалимъ, разсказываетъ, что, приложившись къ гробу Господню, ходилъ онъ «смотрѣти пупа земнаго. А пупъ земной отъ гроба Господня три сажени. Тутъ же и щель Адова; а величиною та щель, какъ человѣку можно бокомъ пролѣзть. А водилъ меня и указывалъ Армянинъ. А оттолѣ ходилъ смотрѣть темницу, гдѣ Господь Богъ сидѣлъ и гдѣ былъ привязанъ; и тутъ учиненъ камень, яко ступа, и гдѣ Господню ризу раздраша. А оттолѣ ходилъ на Галгоѳу. А Галгоѳа отъ гроба Господня семьдесятъ ступней. И видѣлъ, гдѣ кровь Господня уканула на главу Адамову, и тутъ щель на полпяди. А въ великую субботу сходитъ огонь

бытность мою въ Іерусалимѣ, щель эта была значительно позамазана; но монахи, по прежнему, прикладывали къ ней ухо вѣрующихъ и разсказывали имъ: «что изъ щели слышно де какъ грѣшныя души въ аду мучаются и взываютъ!» Другая щель, подлѣ главы Адамовой, та самая, въ которую ушла потопная вода внутрь земли—еще меньше.

Что касается до священнаго огня, который сходитъ въ великую субботу, то вопросъ о прекращеніи этой церемоніи, представляющей самый грубый обманъ и оканчивающейся постоянно кровавою дракой,—взбуждался неоднократно; не рѣшаются же отмѣнить ее собственно изъ боязни, чтобъ христіане-Арабы, особенно уважающіе эту церемонію, «не стали, послѣ такой отмѣны, отщепляться отъ греческой церкви».

Схожденіе св. огня происходило въ 1873 году точно такъ же, какъ описываетъ это дѣйствіе г. Благовѣщенскій въ превосходной и правдивой книгѣ своей: «Среди богомольцевъ». Храмъ былъ биткомъ набитъ народомъ: хоры, особо устроенные подмостки, всѣ карнизы, все это было облѣплено поклонниками,—однихъ русскихъ стеклось на это торжество до 1000 человѣкъ, всей же публики насчитывали до 10.000. «Въ храмѣ нѣтъ ни одного огонька, но у каждаго богомольца въ рукахъ наготовѣ пукъ изъ 33-хъ восковыхъ свѣчей или фитилей, въ память 33-хъ лѣтней жизни Спасителя. Народъ шумитъ и толкается; стража бьетъ кнутами направо и налѣво, и въ этой давкѣ вдругъ Арабы начинаютъ свои священныя пляски вокругъ часовни св. гроба, съ хоругвями и крестами. Неистово хлещетъ ихъ стража, бьютъ ихъ сбитые съ ногъ богомольцы, но подъ градомъ ударовъ, съ дикими воплями, ломятся Арабы по головамъ толпы, опрокидывая встрѣчныхъ, и ничто не въ состояніи остановить этихъ плясокъ, безъ которыхъ, по словамъ Арабовъ, св. огонь не сойдетъ на землю. Измученные, избитые, съ пѣною у рта, они тогда только умолкаютъ, когда патріаршій намѣстникъ двинется съ процессіею къ часовнѣ. А на дверяхъ часовни лежитъ 7 печатей; подлѣ нея сильная мусульманская стража. Трижды обходитъ намѣстникъ часовню, потомъ приближается къ дверямъ, сламываетъ печати и входить внутрь, одинъ съ своимъ послушникомъ, который несетъ за нимъ незажженную лампу и пукъ ваты. На минуту толпа стихаетъ; всѣ ждутъ. . . . И вотъ показывается огонь въ боковыхъ отверстіяхъ часовни, нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли, и съ крикомъ привѣтствуетъ народъ огонь. Всѣ рвутся впередъ, чтобы зажечь свои свѣчи изъ первыхъ рукъ; въ то же мгновеніе ударяютъ въ колокола и била чугунныя. Громъ раздается въ воздухѣ. Огонь быстро разливается по всему храму, на нитяхъ поднимается въ верхніе слои народа; зажигаютъ лампады, свѣчи и паникадила; въ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ массу пламени,—и тутъ-то начинается невиданная картина: Арабы, съ неистовыми криками, снова начинаютъ свои пляски, махая пуками пылающихъ свѣчей. Всѣ приходятъ въ религіозный экстазъ: цѣлуютъ огонь, глотаютъ огонь, жгутъ себя этимъ огнемъ, вѣря, что онъ не жжется, а предохраняетъ отъ болѣзней. Я видѣлъ молодую Арабку: она медленно водила огнемъ по обнаженной груди, и изъ глазъ ея, поднятыхъ къ небу, текли слезы. Видѣлъ, какъ многіе жгли себѣ шею, руки, водили огнемъ вокругъ головы, пока не начинали дымиться волосы.... Всѣ обнимались, цѣловались въ плечи,—и потомъ опять пляска, бѣшеная пляска съ факелами, съ криками, пѣснями, кривляньями».

«По народному повѣрью, св. огонь нельзя задувать или заливать, какъ обыкновенный, а надо тушить его объ свое тѣло. Этотъ обрядъ Арабы, и даже нѣкоторые

съ небеси къ гробу Господню всякими разными цвѣтами, за два часа до вечера. А которой камень наваленъ былъ на гробъ Господень, и у того камени сидятъ три патріарха: Греческой, Фряжской и Армянской». «А отъ того огня Греческой патріархъ засвѣтилъ свѣчу и по брадѣ своей повелъ, и огонь брады его не сжегъ. И то видя страшное чудо, Турской ихъ великой дьякъ сталъ христіанинъ».—Такую же продѣлку дѣлалъ патріархъ и передъ Рязанскимъ купцомъ Василіемъ Гагарою, ходившимъ въ Іерусалимъ въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича: Патріархъ три раза палилъ свою бороду, и «не одинъ волосъ не сгорѣлъ»; послѣ чего Гагара просилъ у патріарха прощенія, что прежде тому огню не вѣрилъ, думая, что составляютъ его Греки своимъ умышленіемъ (Русскій Архивъ 1865 г., примѣч. Шугурова, стр. 22).

поклонники, исполняютъ съ полномъ самоотверженіемъ. Они ударяютъ всей массой огня въ лобъ, въ щеку или въ грудь, и такимъ образомъ тушатъ его. Иные даже весь пукъ огня впихиваютъ въ ротъ и проглатываютъ огонь. Многіе выносятъ огонь съ собою по домамъ и зажигаютъ имъ свои лампады и очаги, а наши поклонницы стараются даже довезти его до Россіи» (Н. А. Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ, С.-Петербургъ 1872, стр. 288).

Получить на церемонію св. огня безопасное мѣсто, если не имѣешь протекціи,—стоитъ большихъ денегъ; да и каждый шагъ въ этой странѣ стоитъ денегъ, и большихъ денегъ. И, несмотря на это, зданія храма и всѣхъ святынь, благодаря постоянной усобицѣ между представителями христіанскихъ религій, находятся въ крайне безобразномъ, нечистомъ и вонючемъ видѣ; турки трунятъ, да пожалуй и справедливо, что, если съ богомольцами въ храмѣ не запирать вооруженную стражу, то къ утру отъ нихъ останутся одни зубы.

Что касается до посѣщеній гроба Господня и прочихъ святынь Іерусалимскихъ, то въ этомъ отношеніи особенною живописностію изъ нихъ отличается шествіе богомольцевъ на Іорданъ, въ громадномъ числѣ, превышающемъ иногда тысячу человѣкъ, и самое крещеніе ихъ въ полночь, краснорѣчиво описанное г. Благовѣщенскимъ. Затѣмъ богомольцы посѣщаютъ: Масличную гору, Виѳлеемъ и разные монастыри и ѣздятъ въ Марсабу, т. е. монастырь св. Саввы, выстроенный въ дикой мѣстности, далѣе въ Хевронъ, гдѣ находится библейскій Мамврійскій дубъ, и на Мертвое море, по берегу котораго они собираютъ камешки, исцѣляющіе отъ запоя *). Болѣе усердные богомольцы пробираются отсюда далѣе, черезъ Назаретъ, на Ѳаворъ, Монкармель и. Акру.

Въ Іерусалимѣ особеннымъ вниманіемъ странниковъ пользуется еще монастырь св. Георгія, въ которомъ находится чудотворный образъ этого святого *).

Лѣтъ двадцать тому назадъ для русскихъ богомольцевъ построенъ нашимъ правительствомъ обширный пріютъ, въ которомъ они получаютъ помѣщеніе безденежно, и такимъ образомъ избавляются отъ безсовѣстныхъ поборовъ греческаго духовенства; самое путешествіе въ Іерусалимъ на пароходѣ изъ Одессы до Яффы производится—и скоро (12 дней), и необыкновенно дешево (3 руб. съ богомольца 3-го класса). За то и собираются теперь русскіе богомольцы въ Іерусалимѣ цѣлыми тысячами **).

Что касается до свѣдѣній, которыя почерпаются нашими богомольцами въ святой землѣ, то, какъ замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ, въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватываетъ длинная цѣпь христіанскихъ преданій изъ апокрифическихъ евангелій, и преимущественно перваго евангелія Іакова Апостола. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ Странники Даніила и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ: іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коро-

---

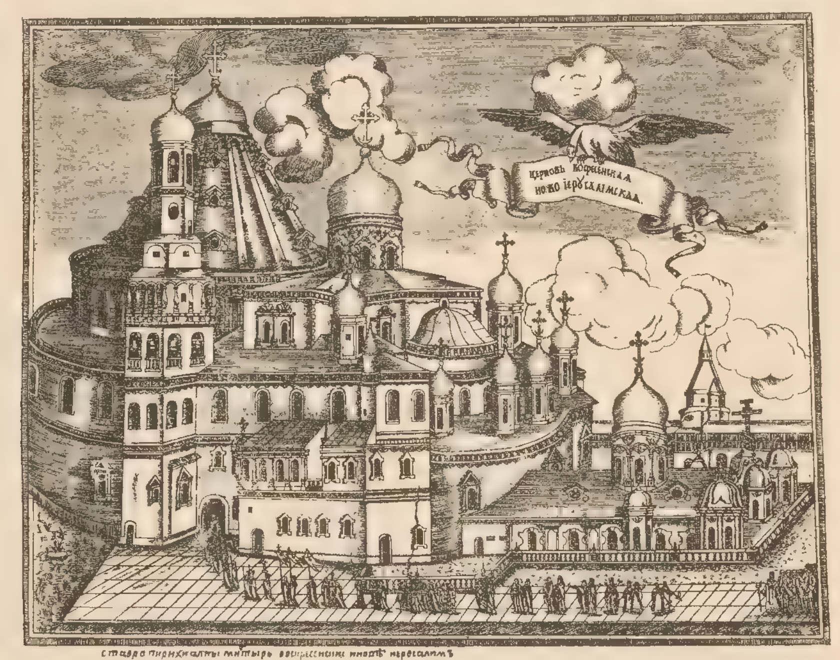
*) Это путешествіе удобнѣе всего соединяется съ путешествіемъ на Іорданъ; мы сдѣлали его въ такомъ видѣ: въ 1-й день пріѣхали къ полдню въ Виѳлеемъ, а къ ночи въ Марсабу; на другой день утромъ были на Мертвомъ морѣ; отсюда, выкупавшись въ горько-соленой водѣ, въ которой человѣкъ плаваетъ, какъ огурецъ въ разсолѣ, къ полудню прибыли на Іорданъ, гдѣ окунались въ святыя воды при ружейныхъ выстрѣлахъ, а къ ночи перебрались, усталые и измученные, въ Іерихонъ. Здѣсь мы смотрѣли на пляску голыхъ бедуиновъ, которые вертѣли и махали своими острыми саблями и ножами у насъ надъ головами и передъ носомъ, а затѣмъ спали на голой землѣ, истязуемые знаменитыми Іерихонскими блохами. На 3-й день мы ѣздили на могилу Моисея, гдѣ въ то время, въ мечети, происходило необыкновенное празднество, при живописномъ стеченіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народа и несмѣтнаго числа мусульманскихъ монаховъ, факировъ и дальняго духовенства. Къ ночи мы добрались до Іерусалима.

*) Чудеса здѣсь до-нельзя наивны и разсчитаны на африканскую простоту нашихъ богомольцевъ. Жертвуете вы, напримѣръ, образу св. великомуч. Георгія (въ монастырѣ его имени) монету; игуменъ беретъ ее въ горсть, читаетъ надъ нею молитву и затѣмъ прикладываетъ къ образу: если монета пристанетъ къ образу, т. е. достаточно нагрѣта игуменскимъ дыханіемъ, и прилипаетъ къ олифѣ, которою сильно намазанъ образъ,—то значитъ даръ вашъ угоденъ святому; въ противномъ случаѣ монета падаетъ внизъ, въ ящикъ (что̀ происходитъ обыкновенно съ мѣдными деньгами, которымъ, по ихъ тяжести, трудно держаться на олифѣ), и вамъ приходится вынимать новую монету. Это чудо я видѣлъ въ монастырѣ св. Георгія лично, въ 1873 году.

**) Ихъ обязываютъ брать къ путевому и обратный билетъ (всего въ оба конца за 6 руб.): это распоряженіе сдѣлано съ того времени, какъ въ Іерусалимѣ накопилось значительное количество Ѳеклушъ (народное названіе богомолокъ), которыхъ наше консульство не знало, на какія средства выпроводить изъ Іерусалима: теперь возвратный билетъ есть,—прокормится Ѳеклуша въ дорогѣ и милостыней. Такъ было въ 1881 году.

бейникова. Тѣ же апокрифы повторяются и въ стихахъ каликъ перехожихъ, хотя надо замѣтить, что нашими странниками, въ особенности же странницами, овладѣваетъ въ Іерусалимѣ очень скоро полное разочарованіе: они слышали чудесные разсказы о томъ, какъ гробъ Господень виситъ на воздухѣ, а между тѣмъ гроба никакого нѣтъ, а есть одна каменная плита; ожидали видѣть обѣтованную привольную землю, а видятъ одну голую, безплодную каменистую пустыню,—нигдѣ нѣтъ ни чудесъ, ни великолѣпія, ни братской любви, ни даже простого обиходнаго порядка. Это не мѣшаетъ имъ, однакоже, по возвращеніи въ отечество, повторять разные апокрифическіе разсказы о чудесахъ и выдавать все слышанное за самолично видѣнное, дѣлая при этомъ совершенно безсмысленныя прибавки, которыя искажаютъ первоначальнный смыслъ поэтическихъ апокрифовъ.

Выше говорено было о богатыхъ дарахъ и милостыняхъ, которые посылались въ Іерусалимъ нашими царями; Іерусалимская святыня и духовенство издавна пользовались особеннымъ ихъ вниманіемъ,—и если на Западѣ въ XII вѣкѣ вѣрующіе собирались въ крестовые походы для освобожденія Іерусалима, то и у насъ на Руси, почти черезъ пятьсотъ лѣтъ, у Лжедимитрія зарождалась мысль объ освобожденіи Іерусалима (Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс., XI. 139, 126, пр. 113, 377); царь Димитрій, прозванный первымъ самозванцемъ, а за нимъ и Петръ Первый проектировали вывезти оттуда плиту отъ гроба Господня, а Никонъ патріархъ устроилъ въ 46 верстахъ отъ Москвы, въ Воскресенскомъ монастырѣ, подобіе Іерусалимскаго храма, настолько вѣрное, что, послѣ паденія Іерусалимскаго купола и послѣдней перестройки его, воскресенская Ново-Іерусалимская церковь Никона болѣе напоминаетъ древній Іерусалимъ, чѣмъ обновленный оригиналъ его (см. № 325).



325. Воскресенскій монастырь или Новый Іерусалимъ, построенный Никономъ.

Путешествіе въ Іерусалимъ, совершае-

мое въ настоящее время по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, скоро и удобно, въ прежнее же время сопряжено было съ большими опасностями: не всякій рѣшался перенесть ихъ, да и не у всякаго хватало средствъ на долгую и цѣнную дорогу и на утоленіе турецкой жадности греческихъ монаховъ. А странствовать народу необходимо, и при этомъ странствовать съ цѣлью; поэтому съ давняго времени, кромѣ паломничества въ Іерусалимъ, ввелось въ обычай совершать болѣе легкія странствованія—въ свои святыя мѣста: въ Кіевъ-къ пещерскимъ чудотворцамъ, подъ Москву—въ Троицкую

326. Троице-Сергіевская лавра подъ Москвою.

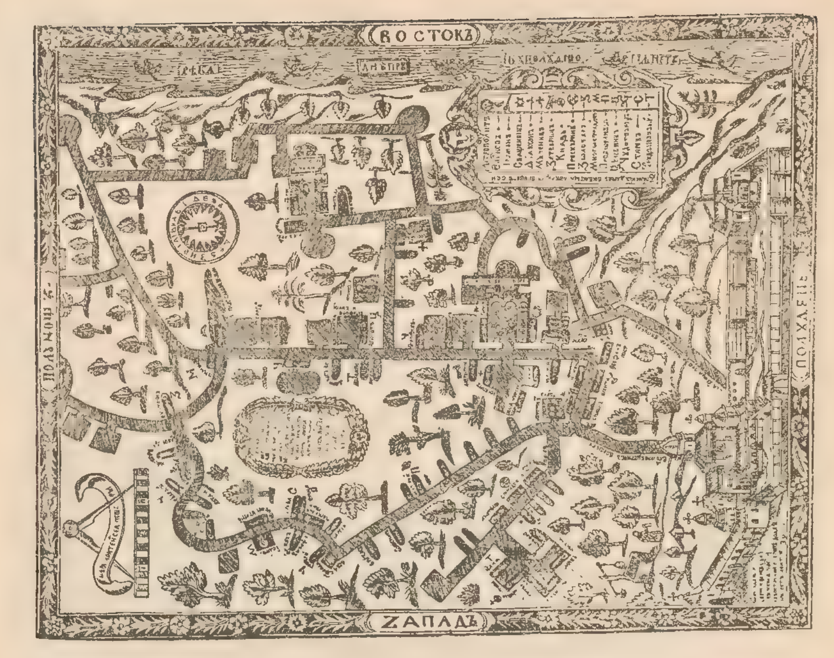
Сергіеву Лавру, и въ знаменитые Соловки—на Бѣлое море.

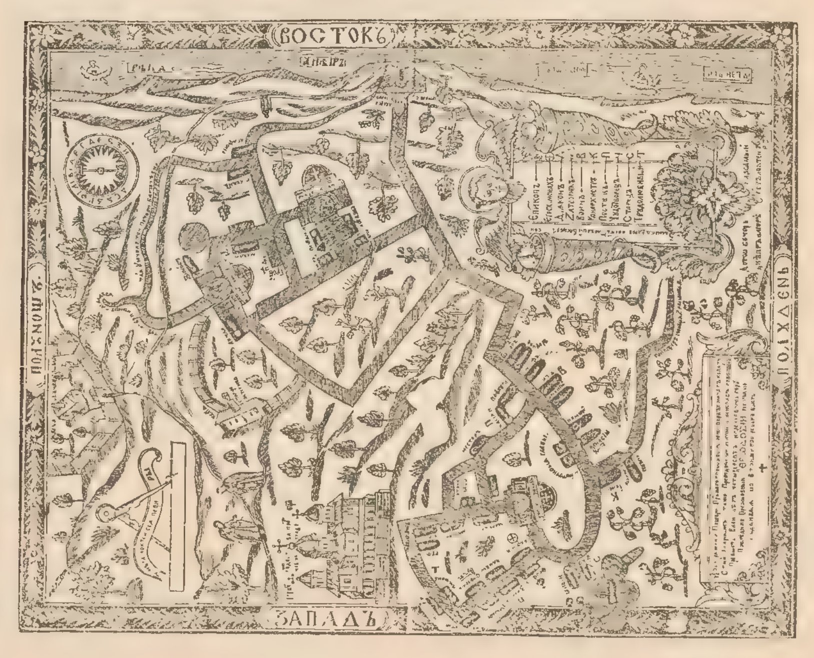
Первое мѣсто, по числу богомольцевъ, занимаетъ Троицко-Сергіевская Лавра, устроенная преподобнымъ Сергіемъ (№ 326). Туда ходилъ на благословеніе кн. Дмитрій Ивановичъ Донской передъ битвой съ Мамаемъ, какъ это значится и на нашей картинкѣ; въ XVII вѣкѣ наши цари считали за долгъ дѣлать походъ къ Троицѣ почти ежегодно; даже наши царицы XVIII вѣка, и тѣ дѣлали неоднократно такіе походы, не рѣшаясь отступать отъ коренняго обычая своихъ предковъ; вслѣдъ за ними двигались къ Троицѣ и громадныя массы богомольцевъ, приходившія поклониться преподобному Сергію, а также и многочисленнымъ Московскимъ святынямъ.

Странствованіе къ Кіевскимъ святынямъ производилось тоже съ глубокой древности: народъ особенно уважаетъ Кіевскія пещерныя церкви, съ ихъ длинными коридорами, уставленными съ обѣихъ сторонъ страшно изуродованными нищими и слѣпыми калѣками, выпѣвающими лазаря,—а также и Кіевскія пещеры, съ ихъ схимниками и отшельниками и лабиринтомъ темныхъ и тѣсныхъ переходовъ, загроможденныхъ гробницами и наводящихъ на простаго человѣка чувство религіознаго страха*) (см. № 327—328).

Что касается до Соловецкихъ богомольцевъ, то они составляютъ совершенно отдѣльный типъ отъ прочихъ богомольцевъ: это, по большей части, поморы, прибрежные жители Бѣлаго моря, изъ

*) Не разъ отвлекало правительство массы поклонниковъ въ Ростовъ, Воронежъ и Задонскъ; но новыя мѣста не могли замѣнить древней исторической святыни и измѣнить наторенные народными воспоминаніями паломническіе пути.





326—327. Кіевскія пещеры; гравирована монахомъ Ильей въ 1661 году.

Олонецкой и Архангельской губерній. Каждый годъ, въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцахъ, совершаютъ они свое странствованіе черезъ дремучіе лѣса, озера и порожистыя рѣчки, отъ Повѣнца на Сумы и Кемь, или же, другимъ путемъ, на Онегу. Изъ Онеги и Сумъ они переправляются въ Соловки по морю на поморскихъ судахъ; многіе дѣлаютъ этотъ переѣздъ и изъ

329. Заголовокъ изъ «Богородичнаго канона», раб. Аѳанасія К. 1677 г.

Кеми, на простыхъ гребныхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками. Этотъ, не всегда безопасный путь, напоминающій до нѣкоторой степени древнее Іерусалимское паломничество, представляетъ еще до сихъ поръ много прелести для русскаго богомольца, хотя въ послѣднее время, съ устройствомъ прямаго пароходства изъ Архангельска въ Соловки, ватаги Сумскихъ и Онежскихъ богомольцевъ годъ отъ году уменьшаются и большинство богомольцевъ направляется въ Соловки прямо изъ Архангельска. Петербургскія святыни: Валаамскій монастырь и Коневецъ, въ послѣднее время, стали тоже отвлекать не малое число богомольцевъ.

Въ народныхъ картинкахъ всѣ эти хожденія на святыя мѣста русскія оставили слѣды свои въ многочисленныхъ

320. Заголовокъ, раб. Кіевскаго монаха Иринея, XVIII в.

331. Преподобные Зосима и Савватій съ видомъ Соловецкаго монастыря.

видахъ монастырей *) и мелкихъ картинокъ съ духовными сюжетами **), которыя продавались богомольцамъ вмѣстѣ съ образками, деревяннымъ масломъ изъ надгробныхъ лампадъ и другими святынями, служившими воспоминаніемъ о долгомъ странствованіи.

Виды монастырей служили въ то же время и рекламами для сбора на монастырское строеніе и посылались въ подарокъ отъ архимандрита или строителя тароватому купечеству, съ такими напримѣръ надписями: «не благоугодно ли что либо пожертвовать на украшеніе обители»,—или: «Господи! Источи изъ очей моихъ неизсякаемый источникъ слезъ о моемъ окаянствѣ!... да искуплю добромъ грѣхи моя! 5 рублефъ—грацкая голова и первоп... (заперто) перва гилди куп. Немирофъ» (находится въ моемъ собраніи) *).

332. Сербскіе святые и сербская Успенская Студничеcкая лавра, гравюра русской работы XVIII вѣка.

*) Изъ числа такихъ видовъ любопытны виды: Болгарской Терновской обители, Сербской Успенской Студеничеcкой лавры (№ 332), общежительнаго монастыря Пива, въ Герцеговинѣ, и Почаевской Лавры.

**) Къ числу такихъ картинокъ принадлежать цѣлыя тетрадки съ Кіево-Печерскими преподобными (См. 329—330).

*) Многіе виды монастырей, дѣланные съ этою же цѣлію, помѣщены на изображеніяхъ разныхъ святыхъ, напримѣръ: видъ Александро-Невскаго монастыря—на изображеніи св. Александра Невскаго, Соловецкой обители—на иконѣ св. Зосима и Савватія (№ 331). Такія же изображенія монастырей помѣщены на иконахъ Ѳеодосія Тотемскаго, Нила Столбенскаго, Сергія Радонежскаго, св. Германа и Филиппа, Аѳанасія Аѳонскаго и т. д.

XIV.

Картинки, изданныя по распоряженію правительства. Убійство Жуковыхъ въ 1754 году. Всенародное покаяніе Жуковыхъ.— Указъ о пыткѣ въ 1767 году и опасенія тогдашнихъ кнутофиловъ. Указъ о томъ же 1801 года. Кнутъ, плети и шпицрутены. Двѣнадцать тысячъ безъ медика. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній. — Наши темницы и тюрьмы. Пугачевская клѣтка. Говардъ. Клоповники и Аскольдова Могила. Тюремное томленіе. Непрактичность тюрьмы въ лѣстницѣ русскихъ наказаній.— **Оспа.** Димсдаль, прививающій оспу Екатеринѣ II и Павлу Петровичу. Празднество по этому случаю и чрезмѣрныя награды Димсдалю. Инокуляторъ Димсдаль устраиваетъ на русскія деньги торговую контору. Коровья оспа. Указы по этой части нашего правительства и народныя картинки, выпущенныя по его распоряженію.

Правительство наше рѣдко пользовалось народной картинкой для объясненія народу своихъ дѣйствій и намѣреній или для подготовленія его къ какимъ либо преобразованіямъ; объяснить такое странное обстоятельство можно развѣ тѣмъ крайнимъ презрѣніемъ, которое питало къ народу и къ обществу высшее чиновничество: «чего ихъ спрашивать, — прикажутъ, такъ и сдѣлаютъ, а не то и заставятъ сдѣлать, а то станешь заранѣе спрашивать, такъ, пожалуй, заберутъ себѣ въ голову, что безъ нихъ и дѣло не обойдется». «Вы чего себѣ притащились?» — кричалъ министръ полиции Балашевъ на дворянскую депутацію, которая, въ годину народнаго бѣдствія, пріѣхала въ Петербургъ, «положить къ стопамъ Государя свои животы» и все прочее, по случаю нашествія Наполеона, — «кто это вамъ позволилъ, господа?»

Картинокъ, изданныхъ правительствомъ въ назиданіе народа, насчитывается всего одиннадцать. Первая изъ нихъ—«раскольникъ и цирульникъ», неудачно составленная въ посмѣяніе раскольниковъ, нехотѣвшихъ брить бороды, и «просьба монаховъ Калязинскаго монастыря», изданная для осмѣянія монашества, по приказанію Екатерины II, съ тѣмъ, чтобы подготовить народъ къ задуманному ею отобранію церковныхъ имуществъ, — отнесены къ разряду сатирическихъ листковъ и описаны въ XII главѣ; здѣсь остается упомянуть о девяти остальныхъ картинкахъ. Изъ числа ихъ, одна представляетъ обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ и составлена по приказанію Екатерины II, а восемь другихъ, представляющихъ ужасы наносной оспы, были назначены для распространенія въ крестьянской средѣ въ царствованіе императора Александра Павловича.

Убійство Жуковыхъ, старухи матери и 14-ти лѣтней ея дочери, совершено въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1754 г. у большого Вознесенья, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Мещериновой. Главными дѣйствующими лицами въ этомъ преступленіи оказались: каптенармусъ Преображенскаго полка Алексѣй Жуковъ, жена его Варвара и мать этой послѣдней, поручица Наталья Полтева. По ихъ подговору, дворовыя дѣвки старухи Жуковой, Катерина и Авдотья, впустили въ спальную своей барыни дворника, калмыка Александра, и крѣпостного лакея Полтевой, Михайлу Григорьева, которые и заду-

шили Жукову и дочь ея, при чемъ дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Затѣмъ преступники, набравъ себѣ разныхъ вещей, вынули изъ подъ кровати сундучекъ съ деньгами, главную цѣль убійства, и принесли его молодымъ Жуковымъ. Въ сундучкѣ оказалось 563 руб. 20 коп.

Обѣ дѣвки были разысканы вскорѣ послѣ совершенія убійства, и на первомъ же допросѣ во всемъ сознались; съ пытокъ

333. Всенародное покаяніе убійцъ Жуковыхъ.

повинились и прочіе виновные,—всѣ они были приговорены къ смертной казни, за исключеніемъ тѣхъ, которые померли вслѣдъ за пыткой. Докладъ по дѣлу былъ представленъ 25 октября 1754 года на утвержденіе Императрицы,—но дѣло оставалось безъ движенія до 1766 года, и только въ томъ году вышелъ многорѣчивый манифестъ Екатерины II, осуждавшій Жуковыхъ на двадцатилѣтнее заточеніе: Алексѣя въ Соловецкій монастырь, а жену его Варвару — въ Долматскій, съ преданіемъ ихъ прежде того всенародному покаянію.

Это то всенародное покаяніе и изображено на нашей картинкѣ (№ 333). Преступники, мужъ и жена, одѣтые въ посконныя свиты, сопровождаемые стражею и народомъ, проходятъ мимо Ивана Великаго,—они несутъ зажженныя восковыя свѣчи; босыя ноги ихъ закованы въ кандалы, лицо Жуковой закрыто спущенными внизъ волосами; при каждомъ изъ нихъ по священнику. Въ текстѣ картинки пропечатано высочайшее повелѣніе, какимъ порядкомъ водить Жуковыхъ на всенародное покаяніе, по четыремъ церквамъ, и въ какіе (4) дни. Въ каждой изъ назначенныхъ церквей Жуковыхъ приводили на паперть, потомъ читался манифестъ; преступники становились на колѣна, читали особо на этотъ случай сочиненную молитву, и обязаны были обращаться ко всѣмъ со словами покаянія (тоже по формѣ). Сочинена была также особая ектенія для дьякона и особая проповѣдь, которую говорилъ протопопъ Николы Гостунскаго Постниковъ (сочинялъ ее митрополитъ Платонъ). По всему видно, что Екатерина съ особенною любовію занималась всѣми подробностями этого дѣла, тѣмъ болѣе, что оно доставило ей возможность высказать новые взгляды свои на преступленіе и наказаніе. Въ то время для нея была составлена слѣдующая справка подъ названіемъ:

«Обрядъ како обвиненный пытается».

«Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ; огороженъ палисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь, и для записки пыточныхъ речей подъячей; і въ силу указу 1742-го года велено, записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, не выходя іззастенка.

«Взастенке-жь для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третей сверху, поперегъ. І когда назначено бутетъ для пытки время, то катъ или палачъ явиться долженъ взастенокъ с своими инструмен-

тами, а оные есть: хомутъ шестяной, хкоторому пришита веревка долгая; кнутья і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

«По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи, въ чемъ подлежащаго к пыткѣ

334. Картинка изъ кодекса Маріи Терезіи: палачъ, заворотивъ руки подсудимаго назадъ, и вложивъ ихъ въ хомутъ, приготовляется, посредствомъ колеса, поднимать пытаемаго вверхъ.

спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пыткѣ, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ (№ 334), чрезъ приставленныхъ для того людей встягиваетъ, дабы пытанной на земле не стоялъ,—у котораго руки и выворотитъ со всемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і растянувши симъ образомъ бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станетъ.

«Естьли-жъ ісподелжащихъ к пыткѣ такой случитца, которой изобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е Тиски здѣланныя из желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами (№ 337—339), в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножные два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е Наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ *) і вертятъ такъ, что оный

335—336. У пытаннаго на вискѣ руки выворотило совсѣмъ назадъ и онъ на нихъ виситъ; палачъ связываетъ ему ремнемъ ноги, просовываетъ между ними бревно и, ставъ на оное, «для большей боли», бьетъ пытаемаго кнутомъ.

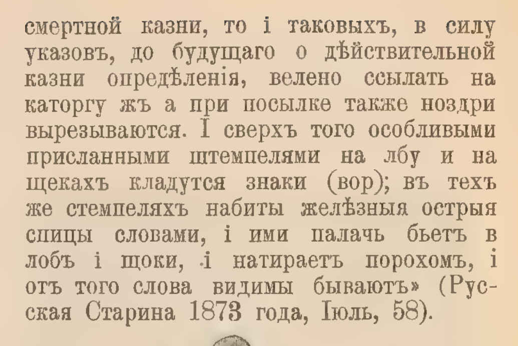
ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, отъ чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е При пыткѣ, во время

*) Кляпъ кромѣ того вкладывали въ ротъ подсудимому, чтобы не позволить ему говорить съ народомъ, когда везли его на казнь; отсюда угрозная поговорка: «кляпъ тебѣ въ ротъ»,— которая только въ новѣйшее время получила какое то, не принадлежащее ей, срамное значеніе. Особенно характеристичны еще пыточныя пословицы: «въ три погибели согнуть», и «въ утку свернуть».—человѣку привязывали голову къ ногамъ, просовывали шестъ и вертѣли (надъ огнемъ), подтянувъ голову къ самымъ пяткамъ (Снегиревъ, Русск. въ послов. III. 181); при чемъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ сгибался «въ три погибели». Другая пословица: «выпытаемъ всю подноготную», напоминаетъ о забиваніи подъ ногти деревянныхъ спицъ (Карамз., И. Гос. Рос. VII. 204).

таково-жъ запирательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно и на оное палачь становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе істязанія чувствовалъ (№ 335 — 336). Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытаннаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу таким же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

«Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной во второй іли на третьей пытке рѣчи перемѣнитъ, то еще трижды пытается. И если переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли вчемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь отвязавъ привязанныя ноги отъ столба, висячего на дыбѣ растянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго (№ 331).

Когда пытки окончатся, і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезываются. І сверхъ того особливыми присланными штемпелями на лбу и на щекахъ кладутся знаки (вор); въ техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і отъ того слова видимы бываютъ» (Русская Старина 1873 года, Іюль, 58).



337—389. Тиски, въ которыя завинчиваются пальцы пытаемаго «до тѣхъ поръ, пока не можно больше жать перстовъ и винтъ не будетъ дѣйствовать». Рисунокъ изъ кодекса М. Терезіи.

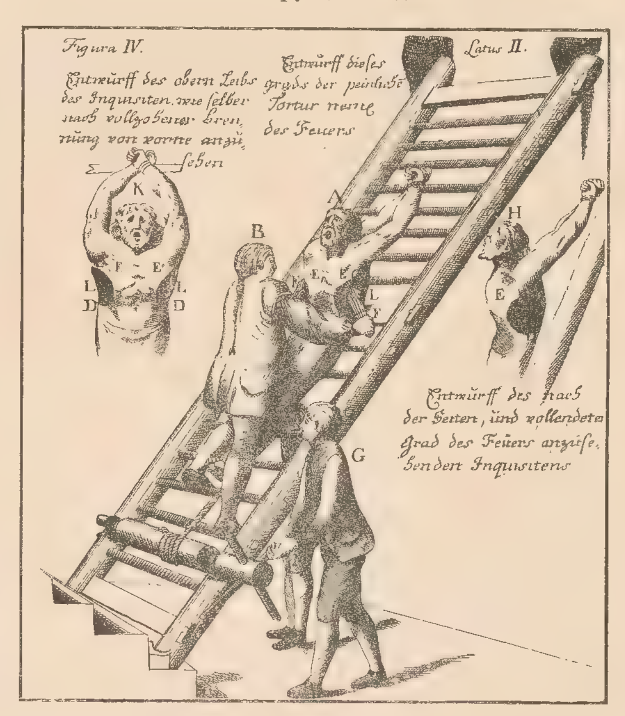
Такой же порядокъ выпытыванія собственнаго сознанія существовалъ во всей средней Европѣ во время слѣдственнаго процесса; только тамъ онъ былъ установленъ съ большею важностію и съ большимъ стараніемъ оградить обвиняемаго отъ произвола судьи. Въ Австрійскомъ кодексѣ императрицы Маріи Терезіи съ нѣмецкою пунктуальностію и мельчайшими подробностями преподаны правила, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ пытать заподозрѣннаго; множество рисунковъ изображаютъ обряды самый пытки. Представленъ, напримѣръ, человѣкъ поднятый «посредствомъ особаго механизма на дыбу», съ вывернутыми руками, съ подвѣшенными къ ногамъ чугунными гирями; предста-

вленъ и испанскій сапогъ, утыканный тупыми желѣзными шипами внутри, который надѣвался на ногу заподозрѣннаго и завинчивался ключемъ. На особой картинкѣ изображено, какъ забинтовываютъ руки тонкой бичевкой, стягивая логти вмѣстѣ; какъ защемляютъ пальцы тисками (изъ нихъ нѣкоторые приведены здѣсь подъ №№ 337—339), и, наконецъ, какъ жгутъ заподозрѣннаго огнемъ: для этого палачъ растягивалъ его на лѣстницѣ, бралъ пучекъ свѣчъ, зажигалъ ихъ и жегъ ему бока повыше пояса (у насъ должность свѣчъ исправляли простые вѣники).

Но, кромѣ указанныхъ въ уставѣ пытокъ, судьи не задумались дѣлать къ нимъ и свои собственныя прибавки и дополненія.

До какихъ предѣловъ разыгрывалась при этомъ дьявольская изобрѣтательность западныхъ судей, видно изъ счета, поданнаго палачемъ по дѣлу объ одной колдуньѣ. Во время допроса, пишетъ онъ, 14 разъ подымалъ на дыбу; 2 раза надѣвалъ шпанскій сапогъ; 4 раза поролъ шпицрутенами; 4 раза каталъ на шпигованой кроваткѣ; 2 раза жегъ сѣрой, смолой и спиртомъ,—всего 26 вопросовъ, по 20 крейцеровъ за вопросъ, слѣдуетъ 8 флор. 40 крейц. Да во время казни билъ шпицрутенами, рвалъ мясо калеными щипцами, вспрыскивалъ растопленной смолой, и сѣрой (Schmerzen Tropfen); вымазалъ всю смолой и спиртомъ и сжегъ. За все уплачено ему съ помощниками 20 флориновъ. И все это продѣлано было надъ колдуньей, обвинявшейся въ несуществующемъ преступленіи! Сколько холодной злобы надобно предположить въ судьяхъ, прописывавшихъ такіе рецепты, а судьи эти были подъ часъ люди ученые,—какъ, напримѣръ, Саксонскій королевскій совѣтникъ Карпцовъ въ Лейцинѣ, «знаменитый правовѣдъ», который въ продолженіе 13 лѣтъ, въ маленькой своей провинціи, подписалъ 20.000 смертныхъ приговоровъ, и все по большей части за колдовство.

Замѣчательно, сколько злобнаго юмора въ самыхъ названіяхъ пыточныхъ инструментовъ, встрѣчающихся не въ народной рѣчи, а въ оффиціальнхъ актахъ: Нюренбергская дѣвица, шпигованный заяцъ, польскій козелъ, шпанскіе сапожки, дѣтская колыбелька, шпигованная кроватка, и т. д. Такая же злая насмѣшка проглядываетъ и въ самой пыточной инструкціи: отдавая обвиняемаго



340. Рисунокъ изъ Терезіаны: палачъ подпаливаетъ подсудимому бока цѣлыми пучками сальныхъ свѣчъ.

въ безотчетное распоряженіе судьи, который могъ запытать его,—если бы ему это вздумалось, - на смерть, вмѣстѣ съ тѣмъ инструкція эта іезуитски рекомендуетъ, чтобы пытку произвесть надъ паціентомъ рано утромъ, на тощій желудокъ, чтобы не повредить его здоровью. У насъ такое звѣрское шутовство рѣдко встрѣчает-

ся; рѣдко случаются и такіе смотрители, которые, какъ у Достоевскаго, въ Мертвомъ домѣ, сироту-арестанта –розгами засѣкали.

Но еще изобрѣтательнѣе въ дѣлѣ пытки были духовныя особы и впереди всѣхъ Члены великой Инквизиціи, которые жгли и рѣзали пародъ цѣлыми тысячами, и все это продѣлывали съ нахальнымъ смиреніемъ, во имя Милосерднаго Бога и въ огражденіе чистоты своей іезуитской вѣры.

Большинство иностранныхъ пытокъ повторены и у насъ, хотя и въ болѣе упрощенной формѣ.

При Петрѣ, въ дѣлѣ царевича Алексѣя, упоминается какой-то медвѣдевъ ящикъ со инструментами, которые привозились въ застѣнокъ для пытокъ. Преданіе говоритъ, что въ немъ была желѣзная лапа, которою царапали человѣка по брюху, да мѣховая шапка съ желѣзными спицами, въ видѣ медвѣжьей головы. Коллекція пыточныхъ инструментовъ въ то время находилась въ приказѣ, что у церкви Петра и Павла, отчего и взялась пословица «живетъ правда у Петра и Павла».

Для личнаго врага своего, Глѣбова, Петръ придумалъ подушку съ гвоздями, на которой тотъ трое сутокъ мучился, а затѣмъ былъ посаженъ на колъ*). Вообще же говоря, хотя наши пытки были проще противъ чужеземныхъ, но за то и жесточе: запытать человѣка на допросѣ ничего не значило; по дѣлу Жуковыхъ большая часть подсудимыхъ перемерли на другой день послѣ пытки. Отъ судей при этомъ не требовалось даже простого канцелярскаго объясненія.

Офиціально пытки уничтожены манифествомъ императора Петра III, закрывшаго Тайную уголовныхъ дѣлъ канцелярію; на дѣлѣ же онѣ оставались по прежнему: и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ убійствахъ, пытали всѣхъ, даже малолѣтнихъ *).

*) Глѣбовъ получилъ 34 удара кнутомъ, былъ пытанъ горячими угольями и раскаленнымъ желѣзомъ; на колѣ Глѣбовъ оставался живымъ цѣлыя сутки, послѣ чего отрубили ему голову. Черезъ три года Петръ опять вспомнилъ о Глѣбовѣ и приказалъ Синоду предать его «анаѳемствованію», въ недѣлю православія.

**) Въ 1739 году шесть разъ пытали и жгли огнемъ малолѣтнюю дѣвочку, подозрѣвавшуюся въ поджогѣ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не сгорѣло. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что пытать ее, за малолѣтствомъ, не слѣдовало; но затѣмъ рѣшеніе свое все таки основалъ на сознаніи дѣвочки, данномъ съ пытки.

Въ 1767 году, подписанъ секретный указъ губернаторамъ впредь подсудимыхъ по дѣламъ не пытать. Тогдашніе кнутофилы, разсказываетъ Сиверсъ, сенаторы и министры, были очень недовольны этимъ распоряженіемъ и громко жаловались: «что-де теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели, не будетъ безопасности отъ злодѣевъ!»

Несмотря на этотъ указъ, пытки и такъ называемые допросы съ пристрастіемъ были все таки въ ходу въ нашей уголовной практикѣ и при самой Екатеринѣ, и при Павлѣ I, и при Александрѣ Благословенномъ, несмотря на его краснорѣчивый указъ 27 сентября 1801 года, которымъ повелѣвалось: «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» *). Пытки продолжались и послѣ Александра, въ крѣпостномъ мірѣ—помѣщиками, которые безнаказанно пытали людей своихъ и дѣвокъ, надѣвая имъ на шеи желѣзныя рогатки отъ 2-хъ до 15 фунтовъ и болѣе; заключали ихъ въ кандалы, приковывая тяжелыми желѣзными цѣпями къ стѣнѣ и колодамъ, и засѣкали ихъ плетьми и розгами **).

*) До такихъ трескучихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина; всѣмъ извѣстны слова ея: «лучше есть 10 винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить». Замѣчательно, что въ первый разъ эта уголовная прибаутка была сказана Петромъ I (въ воинскомъ уставѣ 1716 года: Полн. Собран. Закон., № 3006; см. Заруднаго, Беккарій, С.-Петербургъ—1879, стр. 174. № 921), который никогда не задумывался запытать десять невинныхъ, если у него было малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что въ числѣ ихъ могъ находиться одинъ виновный. Въ наше гуманное время эти милостивыя слова, отъ частаго употребленія ихъ, значительно поистерлись, и не мѣшаютъ новѣйшимъ уголовнымъ судьямъ смотрѣть на преступника, даже на самаго обиходнаго, съ страннымъ ожесточеніемъ, забывая при этомъ, какъ легко, при необычайной щепетильности нашего уложенія, попасть въ разрядъ подсудимыхъ.

**) Кормленіе соленымъ сельдемъ «не въ видѣ пытки» составляло самый обыкновенный пріемъ нашихъ полицейскихъ слѣдователей, а въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ частныхъ приставовъ даже судился за то, что, выворотивъ руки одному заподозрѣнному въ грабежѣ, связалъ ихъ бичевкою и вѣшалъ на перекосякъ (та же виска), отчего этотъ послѣдній потерялъ руки. Такое долгое гражданство пытки въ дѣлѣ уголовнаго обвиненія составляло неминуемую принадлежность слѣдственнаго процесса, при которомъ «лучшимъ доказательствомъ въ мірѣ» считалось собственное сознаніе, и слѣдователю нечего было разыскивать уликъ и доказательствъ, а приходилось вести слѣдствія, сидя на мѣстѣ, въ застѣнкѣ,—пытать,

Кромѣ пытокъ, которымъ подвергались обвиняемые при слѣдствіи,—у насъ, долгое время, существовали еще жестокія тѣлесныя наказанія въ видѣ кнута и шпицрутеновъ, которыя представляли не только добавочную пытку уже при исполненіи судебнаго приговора, но во многихъ случаяхъ имѣли значеніе такъ называемой квалифицированной смертной казни *). Еще кнутъ мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети (   ), которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены, и наконецъ, со спины спущены на болѣе мягкія части. Для публичнаго наказанія плетьми и кнутомъ были врыты на площадяхъ тяжелыя колоды (козла), около аршина вышины, клиномъ кверху: наказываемаго ставили на колѣни и привязывали за руки къ ввинченному внизу колоды (на другой сторонѣ ея) кольцу. Такія колоды существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка: одна изъ нихъ представлена на рисункѣ въ «Казняхъ» Гейслера (Chatiment, Leipzig 17). Это называлось пороть на козлѣ. Въ прежнее время козла зачастую замѣняли живымъ человѣкомъ, какъ это изображено на картинкѣ № 341; любопытно, что эту картинку аббатъ Шаппъ скопировалъ у себя въ «Путешествіи въ Сибирь» и окрестилъ ее въ «Казнь Лопухиной», которая, впрочемъ, тоже была наказана на такомъ же живомъ козлѣ.

Впослѣдствіи, когда дѣло Уголовнаго производства стало принимать болѣе формальный видъ (упорядочиваться), козелъ былъ замѣненъ подвижною кобылою,—широкой доской, къ которой притягивали преступника за ноги, за руки и за шею ремнями, а затѣмъ палачъ полосовалъ его кнутомъ или билъ плетью.

подымать на дыбу, бить кнутомъ, жечь огнемъ и опять бить, до тѣхъ поръ, пока заподозрѣнный сознается въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ.

*) Это точно такъ, какъ въ Китаѣ: въ Кантонѣ, напримѣръ, судья-мандаринъ съ двумя шариками съ торжественной улыбкой объявилъ мнѣ, что у нихъ давно уже никого не приговаривали къ смертной казни; да и къ чему было приговаривать къ ней, когда половину обвиняемыхъ запытывали на смерть во время суда, а другую сажали на три года въ такую тюрьму, въ которой въ теченіе двухъ лѣтъ непремѣнно слѣдовало потерять сперва здоровье, а потомъ и жизнь.

Отсюда произошла и народная пословица: «ты, братъ, видно, кобылу пиналъ». Такое выраженіе было употреблено Пушкинымъ въ его «Борисѣ Годуновѣ», и было вычеркнуто Николаемъ Павловичемъ, такъ какъ онъ принялъ ее въ другомъ смыслѣ.

При наказаніи розгами и плетьми въ видѣ исправительной мѣры,—наказываемаго, растянувъ на землѣ, привязывали за руки къ длинной жерди; одинъ сѣкуторъ держалъ его за ноги, а двое другихъ пороли въ двѣ плети. Въ частныхъ домахъ, для болѣе удобнаго производства такой порки, были ввинчены въ полу же — мѣдныя кольца, къ которымъ и привязывали паціента за руки и за ноги, сперва для пристрастія, а потомъ и для порки взаправду.

340. .....Козла зачастую замѣнялъ живой человѣкъ.

А шпицрутены, — это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, въ самомъ дѣлѣ «стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», — шпицрутены не только оставались и послѣ человѣчнаго указа 1801 года, но еще прославились за это благословенное время изобрѣтеніемъ новой Аракчеевской манеры битья, такъ и названной по имени знаменитаго государственнаго дѣятеля того времени. Съ этой манерой «проводка сквозь строй, въ гарнизонѣ», свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору: въ Москвѣ, напримѣръ, въ пятидесятыхъ годахъ «гарнизонные» гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію); ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третьи сутки. А что сказать о шпицрутенахъ «сквозь тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика»?—надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстроивается ты-

сяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ — шпицрутенъ; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги.... «Братцы, пощадите!»... прорывается сквозь глухую трескотню барабана: но вѣдь щадить—значитъ самому тутъ же быть пороту, ... и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями,—и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои.... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны *)

Съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія»,—сознавайся, не сознавайся, а если виноватъ передъ обществомъ, обвиненъ всетаки будешь,—а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы, 1863 года точно также, какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню: «что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели, не будетъ безопасности отъ злодѣевъ»,— и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится *); «всуе смятошася и воотще прорѣкоша!»—Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постелѣ, спать даже стали больше и крѣпче прежняго**);

---

*) Послѣдствія наказанія шпицрутенами и другихъ тѣлесныхъ наказаній превосходно описаны Достоевскимъ въ его Мертвомъ домѣ. Удары кнута, независимо отъ страшнаго сотрясенія сердца и всѣхъ внутренностей, пересѣкали надреберныя мышцы и вели къ медленной чахоткѣ. Наказаніе плетьми взбивало кожу и мясо на спинѣ и дѣйствовало въ родѣ обжога: старая кожа сходила почти на чисто. Для слабыхъ натуръ и это наказаніе грозило тоже чахоткою. Наказаніе розгами, при безчеловѣчныхъ исполнителяхъ и продолжительномъ сѣченіи, представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе жестокое наказаніе, нежели самое наказаніе плетьми: съ нѣкоторою настойчивостію и умѣньемъ не трудно засѣчь и до смерти. Въ доброе старое время «сѣкуціи» производились въ Частныхъ домахъ по утрамъ: части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею, за то, что не накормилъ во время барынину собачку, — всыпятъ сотню, и расфранченной барыниной камердинершѣ, за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки,—и той всыпятъ сотню,—барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значитъ и виноватъ, ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ, часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома,—да не одна, а цѣлые десятки.

*) Одинъ маститый Московскій архипастырь сталъ грудью за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, подкрѣпляя мнѣніе свое текстами изъ священнаго писанія на манеръ авторовъ Пчелы: «ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти» (Притч. XXIII. 14); доказывалъ, что Моисей установилъ виновному наказаніе: «числомъ четыредесятъ ранъ», и даже привелъ невѣрную справку о томъ, что англійское правительство не рѣшилось отмѣнить тѣлесное наказаніе въ военномъ званіи: «ибо безъ сего трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ воинскихъ чинахъ» (Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ, стр. 37).

**) Такіе консерваторы, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды,—извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра. «Всякому свой вѣкъ не нравенъ», говоритъ о нихъ св. Димитрій Ростовскій, повторяя впрочемъ слова Авзонія,— «мимошедшія лѣта ублажаемъ» (Сочинен. его, Москва 1805, I. 4).

дисциплина тоже не пострадала *). Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ, и самое названіе пытки, «стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», на этотъ разъ, должно было, на самомъ дѣлѣ, навсегда изгладиться изъ русскаго обихода.

И не забудетъ народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя. Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ небитое стало.

Но все это относится только до тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, а въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ по прежнему. Впрочемъ не далеко то время, когда, съ уничтоженіемъ личной подати съ татарской круговой порукой, перестанутъ дѣйствовать и административныя розги; а то куріозно смотрѣть, какъ на судѣ какой нибудь «аблакатъ» изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему «кліенту» мѣсяцъ-другой ареста, А за стѣнами же суда распорядительный становой тому же кліенту, за податную недоимку, ни по чемъ сотни три соленыхъ розогъ всыпитъ, — только не самъ, а «по приговору общества или волостныхъ судей», которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ. Такія сѣкуціи солеными розгами производились даже очень недавно.

Помѣщенная на стр. 65—66 подъ № 87 картинка, скопирована изъ путешествія Олеарія; она представляетъ Красную площадь, передъ Спасскими воротами.

Тамъ производятся разныя казни: на первомъ планѣ, слѣва, палачъ бьетъ виноватаго кнутомъ «на живомъ козлѣ»; справа два пристава бьютъ батогами должника; позади ихъ представлено наказаніе плетьми; всрединѣ палачъ поднимаетъ преступника на дыбу, а полѣвѣе происходитъ правежъ.

Смертная казнь въ Москвѣ производилась на болотѣ, въ другихъ мѣстахъ на площадяхъ, всегда публично. По уложенію царя Алексѣя Михайловича фальшивымъ монетчикамъ заливали горло оловомъ; убійцъ и разбойниковъ вѣшали, колесовали и четвертовали, рубили имъ головы; колдуновъ жгли,—всѣ эти казни существовали и на Западѣ.

Кромѣ того, въ спеціальныхъ случаяхъ замуровывали людей въ стѣну, закапывали живьемъ въ землю, заливали водой на морозѣ и иногда сдирали съ живыхъ кожу.

При Петрѣ, по воинскому уставу, преступникамъ полагалось: растрѣляніе, мечъ, висѣлица, четвертованіе, колесованіе и огонь. Довольно часто сажали и на колъ,—обычай чисто татарскій.

При повѣшеніи, преступнику рукъ не связывали. Датскій посланникъ Юнь разсказываетъ, что въ 1710 году былъ пожаръ въ С.-Петербургѣ, на которомъ поймали воровъ съ наличнымъ: 8 солдатъ и одного крестьянина. Всѣ они были приговорены къ повѣшенію. Привезли ихъ на мѣсто казни безъ священника «и ни одного духовнаго лица при нихъ не было». Перваго повѣсили крестьянина. Передъ тѣмъ какъ лѣзть на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, онъ обернулся въ сторону церкви и трижды перекрестился, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ; потомъ три раза перекрестился, когда влѣзалъ на лѣстницу, и когда его съ нея сбрасывали. Замѣчательно, что, уже будучи сброшенъ и вися въ воздухѣ, онъ еще разъ осѣнилъ себя крестомъ (ибо здѣсь преступникамъ при повѣшеніи рукъ не связывали). Затѣмъ онъ поднялъ было руку для новаго крестнаго знаменія, но она, наконецъ безсильно упала.— Четвертовать значило отрубить преступнику руки и ноги, а потомъ и голову; иногда въ видѣ облегченія казни отрубали голову впередъ. Для колесованія преступника растягивали на покатѣ; подкладывали ему подъ руки и подъ ноги полѣнья; били по нимъ

*) Напротивъ того, въ послѣднюю восточную войну, по словамъ даже исконныхъ враговъ нашихъ, никогда еще ни одна изъ европейскихъ армій не вела себя лучше русской,— при занятіи ею Болгаріи она выказала такія качества, которыя не всегда встрѣчаются даже въ англійскомъ и французскомъ лагеряхъ. «О народѣ слѣдуетъ судить не по его генераламъ, а по солдатамъ,— и мы снова повторяемъ это (говоритъ англійскій корреспондентъ), что русскій солдатъ заслужилъ величайшихъ похвалъ за свои гражданскія добродѣтели» (Northern Echo 1879, 17 ноября).

колесомъ и ломали кости. Въ нѣкоторыхъ приговорахъ, вмѣсто колесовать, писалось: переломать руки и ноги. Колесо для такой ломки есть въ уголовномъ музеѣ С.-Петербургскаго университета (изъ Остзейск. губерній). Въ Нюренбергѣ хранится готовая машина для производства такой казни; вѣроятно такую же машину показывали Джону Говарду.

Для отягченія смертной казни, по словамъ Котошихина, инымъ преступникамъ, разжегши желѣзныя клещи накрасно, ломали ребра (Гл. VI. 34).

Но возратимся къ Жуковымъ; припомнимъ, что дѣло ихъ началось въ сентябрѣ 1754 года, а приговоръ объявили имъ въ 1766 году, т. е. чрезъ 12 лѣтъ. Все это время они содержались въ темницѣ.

Въ одной народной картинкѣ первой половины XVIII вѣка сохранилось изображеніе одной изъ такихъ темницъ. Представлена рубленая изба. Въ ней сидятъ два колодника: у одного изъ нихъ руки въ колодкахъ, ноги прикованы цѣпью къ стулу; у другаго въ колодкѣ ноги, а на рукахъ наручники. На дворѣ темницы еще колодникъ, прикованный цѣпью за ноги къ стулу; два милостивца подаютъ милостыню,—первый узнику, сидящему на дворѣ «на руки», а второй тремъ другимъ, черезъ окно темницы. Къ такимъ точно стульямъ, или деревяннымъ колодамъ, пуда по полтора вѣсомъ, прикованы были и Жуковы, мужъ и жена, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; ключи отъ цѣпей находились въ рукахъ караульнаго. Конечно, при деньгахъ, цѣпи часто снимались съ нихъ; жена Жукова даже разъ, перерядившись въ платье караульнаго солдата, ходила на свиданіе къ мужу, но была поймана.

Для предупрежденія отъ побѣговъ, противъ сидѣльцевъ принимались и другія мѣры: важныхъ преступниковъ, какъ напримѣръ Пугачева, приковывали цѣпью прямо къ стѣнѣ (см. № 342) *). Впослѣдствіи, въ видѣ предупредительной мѣры, колодникамъ (мужчинамъ) брили полъ головы, точно такъ, какъ рекрутамъ брили лбы. Въ европейскихъ тюрьмахъ предупредительныя мѣры отъ побѣга колодниковъ отличались несравненно большею жестокостію. Здѣсь прилагается для примѣра гравюра Гизи Мыстуонскаго, извѣстная подъ названіемъ «плѣнники Юлія Кесаря»: на ней наглядно представлены всѣ мѣры, употреблявшіяся

341. Пугачевъ въ желѣзной клѣткѣ.

по этой части въ Италіи въ XVI вѣкѣ (№ 343). Мнѣ пришлось видѣть довольно полную коллекцію этихъ инструментовъ въ Парижѣ у одного частнаго собирателя.

Удобствомъ наши темницы не отличались: было въ нихъ и тѣсно, и душно, точно такъ же, какъ тѣсно и душно въ курной избѣ бѣдняка крестьянина; но при каждой темницѣ былъ непремѣнно дворъ, окруженный частоколомъ,—на этомъ

---

*) Для него-же сочинена была лисичка — толстый желѣзный прутъ, къ концамъ котораго прикрѣплялись ножныя и ручныя кандалы. Для того же Пугачева сдѣлана была особая желѣзная клѣтка, въ которой его показывали народу, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ (гдѣ помѣщался послѣ 2-й департаментъ Московскаго уѣзднаго суда).

Темницы (отъ слова темно) устраивались встарину подземныя и просто въ ямахъ, по восточному. Такая темница правдиво изображена на одной изъ картинъ Верещагина. Указомъ Грознаго (1560 г.) такое подземное устройство ихъ было запрещено, по крайней мѣрѣ на словахъ.

дворѣ заключенные проводили большую часть дня. Знаменитый Говардъ, осмотрѣвшій тюрьмы чуть не всего свѣта, отзывался о московской тюрьмѣ очень сочувственно: лица у арестантовъ, по его словамъ, были полныя и здоровыя, и не было и въ поминѣ признаковъ такъ называемой тюремной лихорадки, которая распространена въ западныхъ тюрьмахъ,—эта ужасная болѣзнь часто опустошала цѣлыя тюрьмы. Но бывали случаи, что и Говарду не показывали, чего не слѣдовало: не видалъ онъ, напримѣръ, такихъ тюремъ, которыя существовали еще въ пятидесятыхъ годахъ, какъ, напримѣръ клоповники при городскомъ частномъ домѣ и знаменитыя могилы—семь совершенно темныхъ подваловъ, настоящихъ темницъ, подъ зданіемъ Басманнаго частнаго дома, куда Басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, несознававшихся въ своихъ преступленіяхъ *).

*) Что за Калужской заставой; у него приложенъ и рисунокъ фасада этой тюрьмы, съ каменными кубышечными колонками у входа, стиля временъ Алексѣя Михайловича. Одинъ изъ такихъ подсудимыхъ, почетный гражданинъ Соповъ, по выходѣ изъ одной изъ Басманныхъ могилъ (называвшейся у арестантовъ Асколь довой) на свѣтъ Божій, совершенно ослѣпъ.

342. Темница, такъ называемая—«Плѣнники Юлія Кесаря».

Вопросъ объ улучшеніи нашихъ темницъ, тюремъ (Thurm), былъ поднятъ впервые Екатериной II, которая по этому предмету написала въ 1787 году энциклопедически-либеральный проэктъ и построила нѣсколько каменныхъ тюремныхъ замковъ. Но главное зло—полный произволъ при заключеніи въ тюрьму и необычайная медленность въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ—осталось и при ней, и послѣ нея, безъ исправленія.

Изъ одного указа императрицы Анны Іоанновны видно, что въ 1737 г. было освобождено «по многомъ держаніи» болѣе 420 колодниковъ, которые забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и безцѣльныхъ корыстей». Тоже дѣлалось и въ послѣдующее время. Во второй четверти нынѣшняго вѣка, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 человѣкъ и болѣе въ солдаты и на другія наказанія,—безъ суда, сокращеннымъ порядкомъ *).

*) При этомъ произошла однажды прекуріозная штука: въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской

Не вправѣ-ли былъ народъ, при такомъ положенiи дѣла, считать колодниковъ (часто подслѣдственныхъ и безвинныхъ) нечастными, и щедро нести голоднымъ и холоднымъ братьямъ своимъ посильныя подаянiя (ср. 344). Поймали Ѳому на воровствѣ,—стало быть Ѳома и виноватъ, ну и суди его и накажи; да за что-же сидитъ онъ, сложа руки, по пустому, годъ, другой, десятокъ лѣтъ пожалуй,—самъ не работаетъ, да еще мiрской хлѣбъ проѣдаетъ. Да и самъ Ѳома просится: отошлите лучше де на поселенiе, и тамъ

343. Темница на лубочной картинкѣ.

земля есть, и тамъ кормиться можно, только не держите по пусту безъ дѣла. Подаянiя милостивцевъ ведутся и въ настоящее время,—только они идутъ на улучшенiе арестантской пищи; въ прежнее же время лишь такимъ подаянiемъ и жили арестованные. Все равно, какъ въ Китаѣ въ наше время,—у насъ встарину колодниковъ каждый день посылали на связкахъ, за карауломъ, собирать подаянiя по улицамъ и площадямъ; при чемъ пытанные, для возбужденiя состра-

Елизаветъ Воробей, и ее закрестила всерѣшающая рука въ арестантскiя роты. При исполненiи ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, „только за неспособностiю ея къ арестантскимъ ротамъ“, въ рабочемъ домѣ.

данiя, ходили въ рубашкахъ, испачканныхъ кровью, и показывали народу свои раны.

Съ новымъ судопроизводствомъ, дѣла пошли скорѣе и сроки тюремнаго сидѣнiя стали короче. Кажется, всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкiе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣрiе и гдѣ его всѣ боятся,—ну возьмете-ли вы къ себѣ въ услуженiе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселенiе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы, дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту,—онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Проворовался мальчикъ,—отдайте его на выучку къ строгому фабриканту или заводчику, а не забавляйтесь исправленiемъ его въ колонiяхъ, въ которыхъ онъ обучится одной праздности и на всю жизнь потеряетъ способность къ труду. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа—военная служба; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ. Помѣщенiе провинившагося собрата, на особыхъ конечно условiяхъ, въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго,—спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскiй камень: вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такiя исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни. А сколько пушечнаго мяса, столь дорогаго въ наше время, прибавится въ армiи; сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матерiала, пропадающаго даромъ, пойдетъ въ дѣло. «За битаго двухъ небитыхъ даютъ», говоритъ пословица. «У насъ штрафные—лучшiй народъ во флотѣ», слыхалъ я отъ дѣльнаго и очень хорошаго русскаго моряка

капитана. Дайте-же провинившемуся собрату настоящую возможность исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ сами вы увѣрены въ этомъ, никто еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, 27 и 30 процентовъ въ годъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа умираетъ. Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ; но много еще остается сдѣлать, чтобы народъ не вправѣ былъ смотрѣть на заключеннаго, какъ на несчастнаго.

Этимъ закончимъ мы нашу замѣтку о пыткахъ, кнутѣ и колодникахъ, – она заняла у насъ болѣе 12-ти страницъ; но всѣ эти предметы такъ тѣсно и кровно связаны съ жизнью простого народа въ XVII — XIX столѣтіяхъ и составляютъ такую обиходную иллюстрацію этой жизни, что, право, нельзя было не остановиться на нихъ безъ особеннаго вниманія.

Перейдемъ къ оспѣ. Прививаніе предохранительной оспы, для избавленія дѣтей отъ оспы наносной, — болѣзни опасной и смертельной, наводившей появленіемъ своимъ ужасъ на европейское народонаселеніе,—извѣстно въ глубокой древности. Въ Россіи оно практиковалось тоже давно, — по крайней мѣрѣ путешественики Гмелинъ, Санхецъ и Бахерахтъ упоминаютъ о прививкѣ оспы въ Воронежской, Казанской и другихъ губерніяхъ.

Первые опыты правительственнаго оспопрививанія были дѣлаемы въ царствованіе Елизаветы Петровны; затѣмъ Екатерина II, списавшись предварительно по этому предмету съ Вольтеромъ и Кандаминомъ, выписала въ 1768 году въ Петербургъ извѣстнаго англійскаго инокулятора Димсдаля, которому и было поручено привить человѣчью оспу самой Императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу. Димсдаль подробно описываетъ всю эту исторію въ своихъ: «Tracts on inoculation» (Lond. 1781). За поѣздку и за работу свою онъ получилъ наслѣдственный титулъ русскаго барона, званіе лейбъ-медика, пожизненную пенсію въ 500 фунтовъ, 10000 ф. единовременнаго награжденія, 2000 ф. на дорогу и множество дорогихъ подарковъ *); мальчикъ, съ котораго была позаимствована оспенная матерія для высочайшей прививки, получилъ дворянскую грамоту и фамилію Оспеннаго (документы его хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ).

По поводу этой эксцентричной инокуляціи Сенатъ преподнесъ Екатеринѣ высокоторжественное поздравленіе, въ которомъ объявлялось всенародно, что «не прошло еще семи лѣтъ, какъ Всевышній промыселъ, благословляя Россію, благоволилъ скипетръ ея правленія вручить великой Екатеринѣ, а уже отечество наше на такой степени блаженства возведено, какого и во многіе годы ожидать намъ едва было возможно,... что она, не смотря на зрѣлось своихъ лѣтъ, предпріяла, изъ любви къ отечеству, и для примѣра своимъ подданнымъ, не токмо собственную особу опыту новоизобрѣтеннаго прививанія оспы мужественно вдать, но симъ своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и вселюбезнѣйшаго своего сына». Въ заключеніе всего Сенатъ просилъ установить, чтобы выздоровленіе отъ оспы Ея Величества ежегодно праздновалось повсемѣстно 21-го ноября. На это послѣдовалъ тотъ часъ же согласительнный отвѣтъ, въ которомъ, въ томъ же стилѣ, объяснялось: «что сдѣлано было то дѣло для примѣра, чтобы спасти отъ смерти многочисленныхъ подданныхъ, ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы»... и т. д. **).

*) Тогда же былъ выгравированъ и большой портретъ Димсдаля съ его новымъ титуломъ (см. Словарь русск. портретовъ. СПБ. 1872, стр. 34. № 1).

**) У И. Е. Забѣлина можно найти подробное описаніе праздниковъ и торжествъ, дававшихся по этому случаю во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Впрочемъ Екатерининское время, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же высокоуважаемый авторъ, отличалось особеннымъ камеръ-фурьернымъ стремленіемъ всякое событіе, даже совсѣмъ заурядное, въ родѣ царскихъ каждогодныхъ дней, украшать чрезвычайно роскошными празднествами и пирами (Опыты изученія. М. 1873, стр. 192).

Новоиспеченный оспенный баронъ Димсдаль, на обратномъ пути своемъ, былъ въ Потсдамѣ у короля Фридриха, который принялъ его радушно, но оспы себѣ не привилъ и другими подарками англійскаго инокулятора не снабдилъ. Въ 1781 г. Димсдаль былъ вызываемъ въ Россію вторично, для привитія оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и, послѣ этихъ двухъ удачныхъ поѣздокъ, устроилъ себѣ въ Корнхиллѣ банкирскую контору. Съ 1768 года начали учреждаться оспопрививательныя заведенія, сперва въ Петербургѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ Россіи; но въ 1797 году англичанинъ Дженнеръ, послѣдователь Джозефа Адамса (1785), открылъ предохранительное прививаніе посредствомъ коровьей оспы или вакцинаціи *), которое быстро распространилось по всей Европѣ. Въ Россіи первые опыты привитія коровьей оспы были произведены въ 1801 году, въ Московскомъ воспитательномъ домѣ, профессоромъ Мухинымъ, надъ мальчикомъ Антономъ Петровымъ, который вслѣдствіе этого событія переименованъ въ Антона Вакцинова.

Съ 1802 года начинается рядъ указовъ о повсемѣстномъ прививаніи коровьей оспы; въ апрѣлѣ 1802 года отправился путешествовать съ этою цѣлью по Россіи нѣмецкій докторъ Буттацъ; въ октябрѣ 1802 года разосланъ указъ по духовному вѣдомству, о томъ, чтобы священники объясняли прихожанамъ своимъ пользу оспопрививанія; а въ 1810 г. напечатана болтливая записка о томъ же предметѣ министра полиціи; устроены оспенные комитеты, заведены нескончаемыя вѣдомости съ отмѣтками, гдѣ и кому привита оспа и какимъ лекаремъ, и съ разными подробными, такъ называемыми статистическими, въ сущности же ни къ чему не ведущими, свѣдѣніями.

Народъ отнесся къ новому изобрѣтенію не совсѣмъ довѣрчиво; привитіе оспы считали грѣхомъ и наложеніемъ печати антихриста; у народа составилось даже повѣрье, что кто умретъ отъ оспы, —тотъ будетъ на томъ свѣтѣ ходить въ золотыхъ ризахъ (Буслаевъ, Очерки, I. 217) *).

*) За это онъ получилъ при жизни награду въ 30,000 фунтовъ, по смерти же ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Наши народныя картинки относятся ко времени послѣднихъ правительственныхъ мѣропріятій по поводу коровьей оспы и, вѣроятно, сдѣланы по заказу господина министра полиціи. На одной изъ нихъ парень балагуритъ съ красивой дѣвкой, а дѣвка дразнитъ его, посылая къ своей подругѣ Улитѣ, у которой «отъ наносной оспы и носъ къ губамъ приросъ и глаза коробомъ свело»; парень, конечно, отнѣкивается и читаетъ нравоученіе про Улиту:

«Когда бы ея отецъ и мать умнѣе
были.
Да воспу ей привить коровью допустили,
Такъ и она бъ была
Какъ ты бѣла, румяна и мила».

На другой картинкѣ представлены: съ одной стороны — здоровая семья оспенныхъ, съ другой—«рябой отецъ и мать и бабушка грызунья, рябая какъ она старинныхъ бредней врунья»; несутъ они на кладбище истыканнаго оспою ребенка. Вирши тоже заканчиваются наставленіемъ:

«Возмитеся за умъ, не бойтеся
коровъ:
Кто воспу ихъ привьетъ, тотъ
живъ, цѣлъ и здоровъ **).

*) Въ Воронежской губерніи, напримѣръ, крестьяне огульно отказались подчиниться этой мѣрѣ; въ остальной Россіи въ 1807 и 1808 годахъ привита оспа всего одному изъ пятнадцати вновь родившихся младенцевъ. Слава Богу, что еще министръ полиціи въ оспенномъ рвеніи своемъ ограничился вѣдомостями и комитетами и не предложилъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ въ родѣ тѣхъ, которыя привели черезъ полсотни лѣтъ къ картофельнымъ возмущеніямъ.

**) Въ моемъ собраніи есть картинка такого же содержанія, изданная, въ видѣ наставленія о прививаніи оспы, отъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома: на ней также наглядно представленъ вредъ оспы, какъ и на 1-й картинкѣ; затѣмъ представлены и „спасительныя дѣйствія прививной оспы: красота, здоровье, долголѣтіе, жизнь", олицетворенныя въ видѣ дѣтскаго хоровода и парня съ дѣвкой, откалывающихъ трепака. Во французской карикатурѣ насмѣшки сыпались наоборотъ на тѣхъ, кто прививалъ себѣ оспу: на одной изъ картинокъ, вышедшихъ въ 1800 году, представлена пожилая толстая гражданка декольте; уступая желанію избавиться безобразія рябинъ, она рѣшилась привить себѣ оспу; справа чопорный докторъ извлекаетъ оспенную матерію изъ руки мальчика. Если бы на картинкѣ не стоялъ 1800 годъ, то ее смѣло можно бы счесть за карикатуру на Димсдалевскую прививку 1768 года (Jaime, Musée de caricature, I. 85. i).

Далѣе слѣдуютъ: назидательные разговоры между рябою дѣвкой Акулиной и

345. Разговоръ Акулины съ Степанидою.

пригожей дѣвкой Степанидой, рябою Θеклой и пригожей Гурьевной (№ 345—346); такой же разговоръ двухъ отцовъ съ ребятишками; картинка, представляющая чистыхъ мальчишекъ, бѣгущихъ опрометью отъ двухъ рябыхъ товарищей (№ 347), отъ которыхъ, какъ сказано въ текстѣ картинки:

«Всѣ дѣвки убѣгаютъ,
Въ хороводы не пускаютъ».

346. Разговоръ рябой Θеклы съ пригожей Гурьевной.

Умильное заигрываніе рябого Филатки съ пригожими дѣвками, которыя обхаиваютъ его оспенными виршами, и, наконецъ, хвастливый парень, который ругается передъ рябымъ дѣтиной (№ 348):

«Куда хорошъ дѣтина
Горбатъ и кривоносъ и косъ!
Отъ ногъ до головы весь пѣгой!
Недаромъ дѣвки всѣ зовутъ прочь бѣгай.
А я, благодаря разумнымъ лѣкарямъ,
Да батькѣ съ матерью, сговорнымъ старикамъ,
Какъ видишь, чистъ лицомъ, кровь съ молокомъ, здоровъ;
Мнѣ воспа привита безвредная съ коровъ».

347. Чистые мальчишки, бѣгущіе отъ своихъ рябыхъ товарищей.

348. Хвастливый парень ругается передъ рябымъ дѣтиной.

Заканчивая XIV главу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое «заключеніе»,— считаю необходимымъ еще разъ обратить вниманіе читателей на оговорку, сдѣланную мною въ I-й книгѣ прежняго изданія 1881 г.

(на VII стр.) относительно компилятивнаго характера, какъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ IV-й книгѣ, такъ и самаго заключенія. Я старался занести въ нихъ все то̀, что̀ случалось мнѣ найти по этой части въ просмотрѣнныхъ мною книгахъ и рукописяхъ, а также и то̀, что̀ было извѣстно мнѣ изъ устныхъ преданій многихъ Московскихъ старожилъ,—держаться строгой системы при такой работѣ было почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше; поэтому и самыя примѣчанія въ нѣкоторыхъ статьяхъ вышли очень краткія, въ другихъ, напротивъ того, особенно подробныя. Прошу гг. читателей обратить особенное вниманіе на эти послѣднія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ замѣчанія эти представляютъ кровный интересъ для народнаго обихода и не введены цѣликомъ въ заключеніе единственно съ тою цѣлію, чтобъ не увеличить его объема и избѣжать длинныхъ повтореній.

Представляю перечень такихъ примѣчаній въ 1-мъ изд. «Русск Народ. Карт.» 1881 г.: Сводъ свѣдѣній о трехъ русскихъ богатыряхъ — Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, по сказкамъ, былинамъ, сагамъ и лѣтописямъ (IV. I — 113), — и небольшое изслѣдованіе о происхожденіи и составѣ русскихъ былинъ и сдѣланныхъ въ нихъ позаимствованіяхъ изъ книжной литературы. Замѣтки о Шемякиномъ судѣ. Пространное изслѣдованіе о картинкѣ Мыши Кота погребаютъ. Космографія. Статья о календаряхъ. Приданыя росписи. О розгѣ. Пьянство. Кулачные бои въ Москвѣ. О русскомъ крѣпкословіи и легкомъ порохѣ. О сложеніи перстовъ. Объясненія апокрифическихъ картинокъ изъ Палеи и Страстей Христовыхъ. Перечень Богородичныхъ иконъ. Печать Царя Соломона. Дѣло объ убійствѣ Жуковыхъ съ подробными замѣтками о пыткѣ и разнаго рода казняхъ. Систематическій перечень гравированныхъ антиминсовъ.

Этой главой п заканчиваемъ мы замѣтки о народномъ обиходѣ по оригинальнымъ народнымъ картинамъ.